

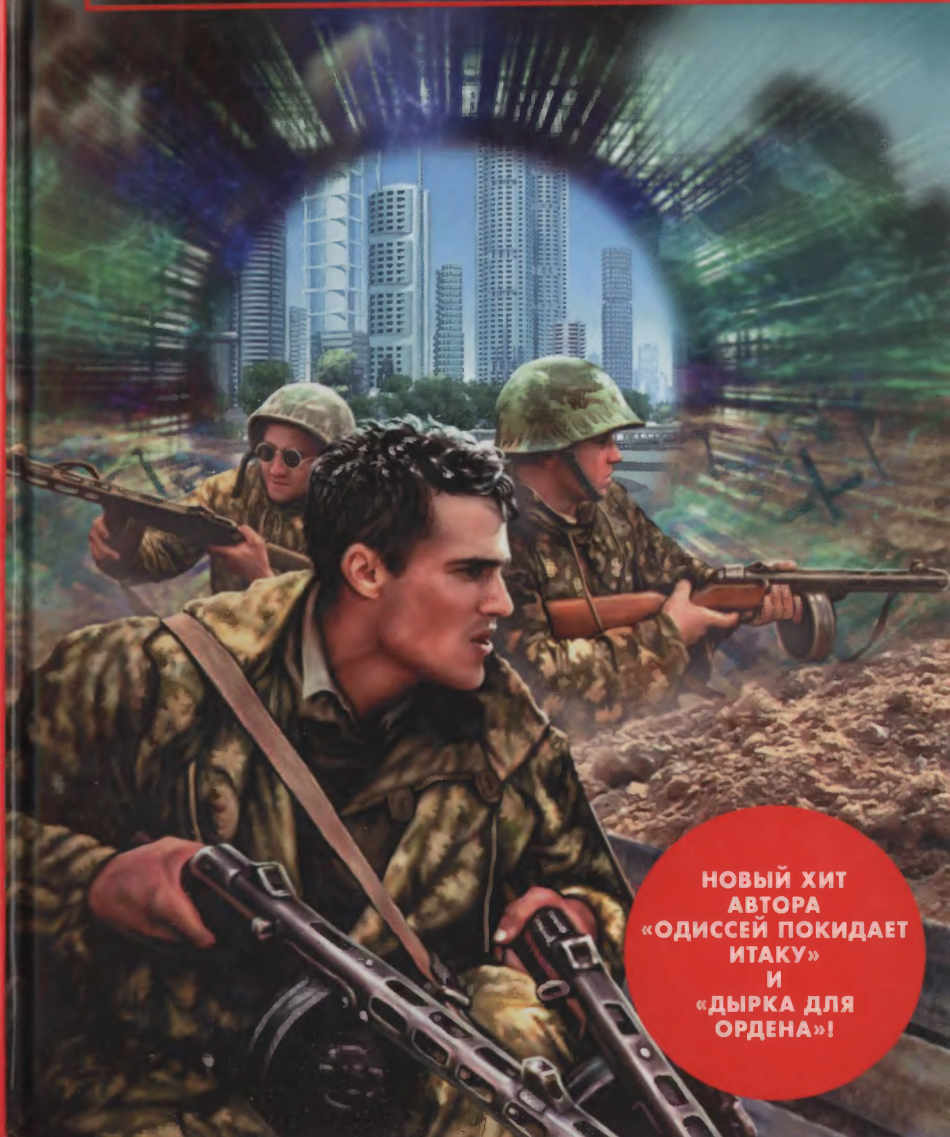
ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ДАЛЬШЕ ФРОНТА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ДАЛЬШЕ ФРОНТА

НОВЫЙ ХИТ
АВТОРА
«ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ
ИТАКУ»
И
«ДЫРКА ДЛЯ
ОРДЕНА»!

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА
БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА
БРЕМЯ ЖИВЫХ
ДАЛЬШЕ ФРОНТА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ДАЛЬШЕ
ФРОНТА

МОСКВА
«ЭКСМО»
2005

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Звягинцев В. Д.
3 45 Дальше фронта: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 512 с. — (Русская фантастика).

ISBN 5-699-13057-8

Дороги товарищей по оружию Сергея Тарханова и Вадима Ляхова по возвращении с «того света» расходятся все больше и больше. Первый, как настоящий боевой офицер, остается убежденным сторонником монархии и служит не за страх, а за совесть. Второй, все больше чувствуя нереальность происходящего, волей-неволей оказывается в оппозиции к окружающему миру. Отыскать ответы на проклятые вопросы «что делать» и «кто виноват» Ляхову придется, такой уж он человек. Пока ясно одно: пешкой в чужой игре он не будет никогда, кто бы ни сидел за доской — Великий князь, Господь Бог или его загадочные порученцы, называющие себя «Андреевское братство».

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-13057-8

© Звягинцев В. Д., 2005
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2005

Дальше фронта не пошлют,
Меньше взвода не дадут.

Неизвестный лейтенант

ГЛАВА ПЕРВАЯ

После серии мощных взрывов, прогремевших в парадном кабинете варшавского генерал-губернатора, где в данный момент заседал Комитет национального спасения, в гигантском здании дворца Бельведер началась настоящая паника. В точном смысле, определенном словарем иностранных слов. «Психологическое состояние, вызванное угрожающим воздействием внешних условий. Неудержимое неконтролируемое стремление избежать опасной ситуации».

Иначе и быть не могло. Если бы здание занимала нормальная воинская часть, пусть не слишком многочисленная, но слаженная, имеющая четко поставленную боевую задачу, подобное и даже более угрожающее *воздействие внешних условий* вызвало бы реакцию, предусмотренную уставами и общим опытом службы. В случае гибели командира его обязанности принимает на себя следующий по званию и должности. После чего, оценив обстановку и имеющиеся потери, продолжает выполнение боевой задачи, доложив о случившемся в вышестоящий штаб.

Но почти тысяча вооруженных людей, скопившихся в Бельведере, слоняющихся по коридорам и залам, веселящихся, митингующих, едящих и пьющих, а также понемножку грабящих враз ставшее ничейным имущество, армией не была. Не была она также коллективом единомышленников, и даже толпой, объединенной пусть низким, но общим для всех порывом. Обвешанные пистолетами, винтовками и автоматами повстанцы, в массе

своей молодые, даже юные, собрались здесь скорее инстинктивно, по той самой логике мятежа и бунта, что заставляет уличный сброд сбиваться в стаи и мчаться туда, где предполагается центральный очаг беспорядков.

Лишь очень немногие вообще понимали, что они здесь делают. В какой-то мере правильную караульную службу несли от силы полсотни волонтеров. Вокруг зала заседаний и бывших губернаторских апартаментов толклись личные охранники «вождей» восстания. Какие-то самозванные комитеты и комиссии уже приступили к дележу свалившейся им в руки власти, а их единомышленники коротали время, ожидая, до чего договорятся лидеры, чтобы, помитинговав, решить, устраивают их расклад или нет. Все же остальные просто принимали участие в стихийном карнавальном действе, столь упоительном по сравнению с еще вчерашней скучно-монотонной жизнью.

А что еще нужно молодым, «национально-ориентированным» левакам, как не повеселиться от души, пострелять в воздух или по витринам и уличным фонарям, изрисовать штофную обивку кабинетов и дубовые панели коридоров бело-красными флагами, пламенными призывами: «Слушайте музыку революции!», «Москалей за Вислу, жидов в Вислу!», «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» и тому подобными граффити.

Слитные взрывы восьми мощных гранат, сопровождаемые тучей чугунных и керамических осколков, превратили роскошный зал в подобие ада крошечного. Из двух десятков членов объединенного Комитета вкупе с несколькими иностранными представителями и наблюдателями большинство умерло сразу, а немногие уцелевшие, раненные и контуженные, перемазанные своей и чужой кровью, уже никак не могли повлиять на развитие событий.

Вдобавок наложившиеся друг на друга взрывные

волны по известному закону кумуляции многократно усилили разрушительный эффект, вышибли наружу, в циклопическую приемную, шестиметровые дубовые двери, водопадом обрушили оконные витражи тяжелого зеркального стекла, жертвой чего стало еще множество секретарей, охранников, телефонистов, просто празднующихся боевиков.

По коридорам и окрестным помещениям прокатился гул, гром, треск, звон и грохот, сопровождаемый воплями ужаса, бессвязными криками и мольбами о помощи раненых, контуженных, донельзя перепуганных людей. Ничто так не деморализует играющих в войну дилетантов, как первая встреча с настоящей кровью и смертью.

Чаще всего срабатывает простейший инстинкт — бежать! В одиночку или толпой. Неважно куда. Лишь бы не оставаться здесь, где так страшно. Вверх, вниз, вправо и влево по лестницам и бесконечным коридорам. Подалее от очага взрыва, во двор, на улицы. А навстречу мчались те, пусть и немногие, кого чувство долга или простое любопытство влекло к месту происшествия. От чего общий беспорядок только возрастал. Разумеется, как бы сама собой вспыхнула не контролируемая и никем не направляемая стрельба из всех видов ручного оружия.

Кто-то из командиров, сохранивших самообладание, заорал, что дворец обстреливают гранатометы из парка напротив, и через несколько минут чуть не сотня автоматных и пулеметных стволов секли струями пуль ни в чем не повинные ветви каштанов и можжевельные кусты.

Иные стреляли просто так, для самоуспокоения, вдоль коридоров и просто в потолок. Третьи же, отдыхавшие в отведенных им помещениях, проснувшиеся от взрывов и близкой стрельбы, оценили обстановку как начало штурма дворца русскими войсками, начали занимать оборону в местах расположения, баррикадиро-

вать коридоры и окна, более-менее прицельно палить во все, что движется в пределах досягаемости.

Именно на такое развитие событий поручик Уваров и рассчитывал, только действительность даже превзошла самые его смелые ожидания.

Внутри канализационного коллектора, главным люком выходящего в хозяйственный двор Бельведера, ждали команды два взвода «печенегов» последнего призыва. Почти пятьдесят парней в офицерских чинах, еще не имеющих опыта именно этой специфической разведывательно-диверсионной службы, но прошедших самый строгий отбор сначала по боевым качествам в своих частях и подразделениях, а потом психологический — в службе доктора Бубнова. И вооружены они были подходяще — дисковые автоматы «ППД» и специальные тяжелые дробовики ближнего боя «КС-29», ножи и двойной комплект оборонительных и наступательных гранат.

Команда у них была — ожидать приказа, но, если таковой не поступит до восьми часов утра, покинуть свое убежище и атаковать Бельведер, уничтожая всех, кто встретится на пути и окажет сопротивление. После чего закрепиться и ждать подхода участвующих в «Большой рекогносцировке» штурмовых групп. В случае неудачи уходить обратно в подземелья городской канализации, где работать по первоначальному плану. То есть взять под контроль всю сеть каналов центра города, не допустить их использования повстанцами и до последней возможности наносить удары из-под земли в спину неприятелю.

Задача, вполне достойная офицеров Гвардии, знающих, ради чего стоит сражаться и умирать.

Оставленный Уваровым за командира поручик Рошин машинально взглянул на часы, когда внутри дворца загрохотало. Семь десять. До условного времени еще пятьдесят минут, но это уже несущественно. Или командир начал бой по своей инициативе, или попал в ло-

вушку. В любом случае пришло время действовать. На всякий случай он включил рацию, настроенную на волну Уварова. Без особой надежды, однако через несколько минут поручик ответил почти спокойным голосом:

— У нас в порядке. Потерь нет. Выступайте. Атакуй через галерею напротив люка. Здесь сейчас классный бардак, не давай им опомниться. Одним взводом занять главный вестибюль первого этажа, блокировать входы-выходы, вторым прорваться в центральный коридор второго, очистить и закрепить. Мы сейчас на третьем, в правом крыле. Туда не суйтесь. Свой КП с рацией разверни в помещении, ближайшем к вентиляционной будке. Из нее, имея в виду, есть проходы во внутрискатные трубы... Возможность скрытого маневра. Мы будем продвигаться к вам навстречу. Не подстрелите. Связь по возможности.

Он, подпоручик Константинов и прапорщик Ресовский, офицер запаса, но опытный московский диггер, выбрались из вентиляции в дальнем и совершенно безлюдном углу дворца. Осмотрелись, на всякий случай поднялись до средней площадки широкой винтовой чугунной лестницы. Судя по схеме, ведущей на чердак и комнаты четвертого, служебно-хозяйственного этажа. Здесь не было обширных залов и широких, как проспекты, галерей, только анфилады комнат, сравнительно небольших, с низкими потолками, и путаница бесчисленных переходов, коридоров, коридорчиков и тупиков. Очень похоже на антресоли¹ питерского Зимнего дворца.

Константинов по собственной инициативе углубился в этот лабиринт. Интересного обнаружил довольно много, но тактического значения территория не имела. Хотя мятежников там не оказалось, использовать этаж

¹ Антресоли — в XVIII—XIX вв. — верхний, иногда заменяющий чердак, полужетаж здания, дворца.

для глубокого обхода в тыл противника не представлялось возможным. Слишком запутанная планировка, и вполне можно выйти совсем не туда. Дольше разбираться, нежели рвануть напрямик, по третьему.

Наскоро оценили обстановку и собственные ресурсы. Запас автоматных патронов у них с Константиновым оставался в неприкосновенности, и у Ресовского имелись четыре полные пистолетные обоймы. Гранат тоже четыре.

Звуки стрельбы, многократно отражающиеся от потолков, стен и лестниц, отчего определить их точную локализацию было затруднительно, почти утихли, только где-то очень далеко, в противоположном крыле дворца, или уже на улице, короткими очередями бил ручной пулемет, ему аккомпанировали несколько автоматов. Похоже, защитники начали приходить в себя и выяснять, что же творится на самом деле.

— А ну-ка, Дмитрий, давай к окошку во двор. Смотри, как наши пойдут, свистни, тогда и мы двинем. Задача ближайшая — запастись оружием посерьезнее, задача последующая — соединиться с «главными силами». А ты, Тимофей, будешь нашим стратегическим резервом. Забирай гранаты и лезь обратно в трубу...

— Зачем, командир, я с вами лучше.

— Что лучше, что хуже — это мне знать положено. Твое дело — исполнять. Ползи по трубам со всей возможной скоростью в том же направлении, поглядывай, что снаружи творится. Увидишь скопление боевиков в подходящем помещении — бросай гранату, но так, чтобы тебя не обнаружили. Доберешься до вестибюля — затаись и жди. Мало ли, как оно сложится. Может, ты нашей последней надеждой окажешься...

Уваров считал, что шансов у них достаточно. Прдержаться час, ну, может, два, а там войсковые группы начнут наносить удары по всем выявленным точкам скопления и дислокации противника, и мятежникам станет

не до Бельведера. За ними, в свой черед, в дело включатся и регулярные формирования армии.

Насколько он успел понять обстановку в городе, гвардейская дивизия с бронетехникой, да еще поддержанная изнутри, наведет порядок в городе за трое, много — четверо суток.

Для него, боевого офицера, отслужившего, не вылезая из стычек по ту и эту стороны туркестанской границы, по меркам возраста, порядочно — четыре года, собственное положение сложным или каким-то особенно опасным не казалось. И не такое видели.

Вдесятером сутки отстреливаться от сотни басмачей из занесенного песками мазара¹ при температуре сорок пять по Цельсию в тени — не в пример хуже, чем слегка повоевать внутри роскошного дворца с отличными климатическими условиями и полной свободой маневра.

Да и сам по себе неприятель, насколько он успел с ним познакомиться, отнюдь не внушал того уважения, как воинственные до потери чувства самосохранения уйгуры, таджики и урянхайцы.

Напарник у него тоже был надежный, подпоручик Константинов. Человек-мутант, как он назвал его про себя при первом знакомстве. Появляются время от времени на свете такие люди непонятным божьим попущением. Вроде бы совершенно нормальный парень с обычной человеческой (точнее, офицерской) биографией: кадетский корпус, не самое престижное провинциальное училище, служба после производства там, куда не пошлют ни одного офицера, имеющего за спиной лапу даже с минимальным количеством волос.

И почти сразу же — слава, пусть временами и скандальная. Редкостный случай, когда живой человек становится персонажем армейских анекдотов, причем уважительных.

¹ Мазар — культовое сооружение, глинобитное или каменное, над могилой мусульманского святого.

«Кто ездил на танке по азимуту через Урумчи? Подпоручик Константинов».

«Надпись на стене мечети в Бендер-шахе: «Русский солдат, что скажешь своей матери, когда вернешься домой?» «Здравствуй, мама!», подпись — подпоручик Константинов».

И так далее.

При этом биология. Многие специалисты считали, что у подпоручика мышцы не человека, а животного из породы кошачьих. Вчетверо большая удельная мощность на квадратный сантиметр сечения и как минимум вдвое более быстрая скорость прохождения нервного сигнала. По крайней мере, некоторые штуки, которые проделывал Константинов, находились явно за пределами нормы, как ее понимал Уваров, сам не последний спортсмен и боец.

Наверное, этим самым подпоручик внушал начальству опасение, а то и страх. Исключительный случай, но даже чин поручика, который в срок дается автоматически (сложности начинаются позже, как у самого Уварова), ему по необъясненным причинам задержали на полтора года. Зато с восторгом вытолкнули по первому же циркуляру о наборе в «Печенеги».

Там он сразу пришелся ко двору, и знающие люди сулили ему карьеру если не выдающуюся, то весьма приличную.

Раздался условленный, тихий, но пронзительный, на грани ультразвука, свист Константинова из глубокой оконной ниши, означавший, что взводы Рощина выбрались из люка, должным образом перегруппировались и пошли на штурм дворца.

По счастью, предрассветные сумерки еще не стали достаточно прозрачными, да и эту часть хозяйственного двора никто из боевиков не контролировал.

Стремительные серые тени рассыпались вдоль высокого цоколя. Техника бесшумного выдавливания стекла и вскрытия рам давно отработана, вторые номера

парных расчетов перебросили ранцы и контейнеры с боеприпасами первым, проникшим в здание, и вот уже сверху не видно никого. И стрельбы с места вторжения не слышно, значит, самый опасный этап операции проведен успешно.

Дай им бог удачи.

Ресовский тоже исчез в проеме вентиляционного хода.

— Значит, Митя, и наша очередь! — Уваров привычно огляделся, все ли вокруг в порядке, оттянул рычаг взвода. Единственный, пожалуй, минус дегтяревского автомата, что стреляет он только с открытого затвора и предохранитель не слишком надежный. Ударись незначай прикладом, и вполне возможна несанкционированная очередь. Зато для ближнего боя ничего лучшего, чем этот древний автомат с диском на семьдесят два патрона, до сих пор не придумано.

— Командир, слушай меня, — приподнял ладонь над плечом подпоручик. — Пошуметь мы еще успеем. Давай я впереди, ты — шагов на двадцать сзади. У меня — вот, — он подкинул на ладони ручной работы узбекский метательный нож. — И вот, — откуда-то из-под куртки извлек явно неуставного вида пистолет с коротким и толстым ребристым глушителем. — Идем тихо, сколько можем. Как только увидим людей с нужным нам оружием — мочим втихаря, снабжаемся, начинаем думать, что дальше делать. Ты как хочешь, а я без пулеметов в хороший бой лезть несогласный.

Уварову возразить было нечего. Правда, его собственный план был несколько иной, но составлялся он до того, как Константинов проявил инициативу. Вот только откуда у него лишний пистолет? Казенного оружия всем хватало, бери — не хочу, а тут младший офицер таскает при себе «пушку» очень несерийного образца. Уваров, к примеру, такой модели и в справочниках не видел даже.

— Это у тебя что? Откуда? — даже в столь нестан-

дартной обстановке Уваров не хотел оставлять вопрос непроясненным.

— Был в патруле, на улице подобрал, — ухмыльнулся Константинов. — Проверил, работает нормально, а марки не знаю, тут что-то иероглифами наштамповано... А патроны «9 Пар» вполне подходят...

Ладно, не время и не место разбираться, не его это забота. Живыми вернемся, можно будет Леухину новинку показать.

— Ну, тогда вперед, Митя!

Этаж до первой ведущей вниз широкой лестницы они прошли свободно, за пару минут, считая время, потребное на беглый осмотр выходящих в коридор помещений. Не встретилось им по пути никого, и ничего для себя подходящего они не обнаружили.

В принципе, так Уваров и предполагал, сейчас все наличные силы мятежников должны были сосредоточиться внизу, готовясь к обороне, или к вылазке, зависимо от того, как их руководство оценивает обстановку.

На самом же деле прошло слишком мало времени, чтобы гарнизон дворца успел толком самоорганизоваться и выработать хоть какую-то тактику. По-прежнему не было единого командования и системы связи. Это для Уварова время тянулось удивительно медленно, а фактически взрыв прогремел лишь двадцать минут назад.

Но вот наконец внизу снова началось. Дружно замолотили родные автоматы, оглушительно, несмотря на расстояние, забухали дробовики «КС». Проникшие во дворец «печенег» столкнулись с дозорами и группами празднующихся повстанцев, используя элемент внезапности, открыли шквальный огонь на уничтожение. Добрую половину первого этажа очистили сразу, рванулись по парадным лестницам вверх. Почти немедленно возникла ситуация классического «слоеного пирога», как бывает, когда штурмовые тройки и пятерки прони-

кают в здания с большим, но разбросанным по многим, не связанным друг с другом позициям, гарнизоном.

Такой бой способен затянуться на неопределенное время с непредсказуемым результатом, особенно если ни атакующие, ни обороняющиеся не имеют достоверной информации и поддержки извне. Тут уж как повезет — у кого раньше кончатся люди и боеприпасы, тот и проиграл. Ну, само собой, моральный дух и четкость руководства тоже имеют значение.

С боем прорвавшись к командному пункту Рощина, Уваров с Константиновым, переводя дух и торопливо затягиваясь папиросным дымом, выслушали доклад поручика. Судя по всему, основная часть задачи выполнена. Потери мятежников никто не считал, но выходило, что счет должен идти на сотни, исходя хотя бы из расхода боеприпасов, которых оставалось очень мало. Собственные потери — трое убитых и одиннадцать раненых. По счастью, в основном легко.

— Будем отходить, — принял решение Уваров. — Дворец целиком нам не взять и не удержать. Да и на кой он, собственно говоря, нужен? Приказ был — пошуметь как следует. Сделали. Захватить или уничтожить хотя бы часть высшего руководства — по полной программе. Дождаться подхода других штурмовых групп и передать им объект — вот тут извините. Не видно нигде этих групп, и рация не достает... Даже звуков нормального боя из города не слышно. Зато имеется указание — если силы противника окажутся превосходящими — отступить, нанеся на карту рубежи и огневые средства врага. Сделано. Так что мы «пред комбатом и господом богом чисты». Согласны со мной, господа офицеры? — для порядка осведомился он у Рощина и Константинова, чтобы в случае чего иметь возможность сослаться на решение «военного совета».

— А чего же, все правильно изложено, — согласно кивнули оба офицера.

— Тогда передать по отделениям — изобразив под-

готовку к очередной атаке, начинать отход перекатами, сюда. У кого нет возможности — самостоятельно прорываться к коллектору. Вот только где наш Ресовский? Так глубоко завинтился по своим трубам, что дорогу потерял? И связи с ним нет...

Словно в лучших традициях беллетристики позапрошлого века, в ответ на почти риторический вопрос Уварова из-под потолка донесся скрип отгибаемой решетки, посыпался мусор и раздался голос диггера:

— Здесь Ресовский. Гранаты раскидал, две обоймы расстрелял в направлении массового скопления противника, чем оказал посильную помощь нескольким попавшим в окружение бойцам, и вернулся в распоряжение согласно приказу.

Он свесил из зияющей на четырехметровой высоте дыры перемазанное пылью и паутиной до полной неузнаваемости лицо.

— Так прыгай вниз, и пойдем...

— Прыгнуть недолго, только обратно потом забираться трудно будет. Лучше пусть вас ребята подсадят, а я руку подам...

— Зачем еще? — не понял Уваров.

— У нас ведь проблемы со связью, кажется? Тут акустика хорошая, весь ваш разговор как по телефону слышал, пока подползал. Так вот, я по пути одну пустую комнату обнаружил, а там телефонов штук десять, если не больше. Губернаторский пункт связи, наверное. Так, может, сбегает, попробуем хоть в какой-нибудь наш штаб дозвониться?

— Идея! Ты тут с одним отделением прикрывай позицию до последнего, — приказал он Рошину, — бойцов по мере подхода — вниз. Отправишь последнего, отходи сам. Нас не жди. Успеем — успеем, нет — будем добираться самостоятельно. В коллекторе оставишь дозор, остальным оттянуться по той трубе, откуда пришли, метров на сто. Ждете нас час. Потом — отходить на глав-

ную базу. Все тоннели, кроме эвакуационного, заминировать. Вопросы есть? Тогда давай...

— А я? — Константинов выглядел обиженным, что его не берут с собой на очередное интересное дело.

— Ты с Роциным. Возглавишь последний заслон. Чтобы все ушли, и ни одна сволочь не поняла — куда. Растяжек тут повешай, и все такое. Не мне тебя учить...

— Это уж точно.

К стене подвинули тяжелую кадку с громадным фикусом, на нее запрыгнул Роцин, который был на голову выше Константинова, а с его плеч Уваров дотянулся до края люка. Рывком втянул тело в проем.

— Ну, веди нас, Вергилий!

До комнаты связи ползти было не слишком далеко, но по времени это заняло больше, чем Уваров рассчитывал. А Ресовский вовремя не сообразил, что навыки перемещения по лазам и трубам у них с поручиком несравнимые. Да еще время от времени Валерий отвлекался, наблюдая через вентиляционные решетки отдельные фрагменты жизни развороченного муравейника.

То есть получалось так, что точку возврата они прошли раньше, чем достигли искомой цели, и в установленный ими самими срок вернуться к своему отряду уже не успевают.

Зато комната с телефонами, по счастью, была по-прежнему пуста. Да и кому сейчас она могла потребоваться? Большинство мятежников просто не подозревало о ее существовании, а если бы кто и знал, так достаточно других забот, когда неведомый враг атакует из-за каждого угла, гремят выстрелы и взрывы, и совершенно непонятно, чем все закончится.

Решетку выломали. Ресовский, повозившись, закрепил веревку, и они по очереди скользнули вниз. Тимофей первым делом заклинил изнутри входную дверь и занял позицию возле смотрящего на площадь перед дворцом окна.

Утренний туман плыл среди деревьев, делая раннее

октябрьское утро еще более серым и мрачным. В нескольких точках горизонта из-за крыш домов поднимались столбы более темного, чем туман, дыма. Видимость была плохая, однако позволяла убедиться, что ничего угрожающего или представляющего интерес для разведчика в пределах площади и прилегающих улиц не происходит.

Обыватели уже привыкли при малейшей опасности извне, выражающейся в стрельбе и перемещениях вооруженных лиц любой принадлежности, запирать прочнее двери и ставни, скрываясь в комнатах, выходящих во внутренние дворы и тихие переулки. Каких-либо перемещений отрядов мятежников в сторону дворца тоже не наблюдалось, зато Уваров заметил, что из Бельведера, небольшими группами и в одиночку, отток происходит.

Самые здравомыслящие, пожалуй. Которым хватило ума сообразить, что рано или поздно дворец непременно станет зоной полномасштабных боев, даже если нынешнее вторжение штурмовой группы русских удастся успешно отразить.

Многие, как заметил поручик, разбегаются не налегке. Оружие не в счет, но объемистые рюкзаки, ранцы и узлы в руках и за плечами уходящих свидетельствовали о том, что в жилых и служебных помещениях дворца нашлось достаточно пригодных в хозяйстве и на продажу предметов. Да и то, ценности и антиквариат накапливались в Бельведере две полных сотни лет.

Но гораздо печальнее было то, что не наблюдалось никаких признаков активности регулярных войск и предназначенных к рекогносцировке штурмовых отрядов. Стрельба звучала из многих точек города, но нигде не достигала достаточного для оптимизма накала.

«Что-то не сложилось? — подумал поручик, — или наши с первых минут уперлись в хорошо подготовленную оборону? Странно, в общем». Но сейчас было не до

большой стратегии, следовало думать о себе и судьбе вверенного подразделения.

Он просмотрел ряды установленных на длинном полированном столе разноцветных телефонов и факсов. В бюрократических тонкостях Уваров разбирался слабо и не совсем понимал, зачем их так много. Вполне хватило бы двух-трех, подсоединенных к автоматическому или даже ручному коммутатору. Но, очевидно, какая-то цель и обоснование этому были. Зря ведь обычно ничего не делается.

И как прикажете со всем этим разбираться, если никакого справочника поблизости не видно? Снимать трубки наугад? Или идти от логики? К примеру, изображенные на дисках золоченые орлы, скорее всего, обозначают связь с правительственными организациями, может быть, даже в самой столице. Ну так и проверим.

Он наугад снял трубку самого на вид дорогого и солидного аппарата цвета слоновой кости. В трубке загудело. После четвертого вызова, протяжного и мелодичного, когда Уваров уже начал терять надежду на успех своего предприятия, в телефоне щелкнуло, и он услышал несколько встревоженный мужской голос:

— Рубин слушает. Кто у аппарата? Откуда вы звоните?

Ни малейшего акцента Уваров не уловил, и возникла надежда, что план его начинает удаваться. Терять ему было нечего, и врать не имело смысла. Враги, если они засели на телефонной станции, и так узнают, с какого аппарата идет сигнал, а военных тайн он все равно выдавать не собирался.

Поручик назвал себя и, не вдаваясь в подробности, сообщил, что его отряд проник в Бельведер, ведет бой, связи со своими войсками не имеет и использует последнюю представившуюся возможность.

— А вы-то кто и где располагаетесь?

Собеседник немного помедлил и ответил, что на проходе приемная управления делами правительства Рос-

сии. Петроград. Мариинский дворец. Старший референт Огарков.

— Слушай, старшой, времени у меня совсем мало, воевать надо. Можешь меня переключить на любой военный коммутатор, а то здесь аппаратов чертова уйма, телефонной книги нет, перебирать все подряд — жизни не хватит.

Собеседник на той стороне коротко хмыкнул, похоже, оценил неумышленную остроту поручика.

— Чем же тебе помочь? Давай попробуем. На аппаратах номера написаны?

— Написаны, а что толку? О! — вдруг сообразил Уваров, — у тебя же там, наверное, все справочники есть! Ну-ка, ищи, какие выходят на штаб Варшавского округа, или Киевского, или Белорусского. А лучше бы — сразу Московского, или штаб Гвардии...

— Зачем тебе Гвардия, ты что, гвардеец? — поинтересовался невидимый собеседник, возя, наверное, одновременно пальцем по страницам справочника, а, скорее всего, щелкая клавишами электронной записной книжки.

— Ну! — машинально ответил поручик, слишком поздно сообразив, что не стоило бы афишировать участие гвардейских частей в событиях. Но — вылетело, так вылетело. И референт, очевидно, парень, в политике разбирающийся, должен все понять правильно.

— Вот, нашел. Есть там у тебя аппарат с номером «343»?

— Сейчас. Ага, вот он такой...

— Так это и есть связь с округами и центральными управлениями Военного министерства. Гвардии в списке нету, тут уж извини. Записывай коды. Удачи тебе, поручик. Что-то не получится, снова на меня выходи, я здесь буду, и кое с кем свяжусь пока, доложу о твоём звонке. У меня тоже служба. Когда выберешься, дозвопись до меня по такому вот номеру, интересно, чем твои дела закончатся. А я, может, тебе и еще пригожусь...

Что ж, хорошие люди везде встречаются, Уварову на них и раньше везло.

Удивительные все же люди — мятежники. Городские узлы и линии телефонной связи под контроль взяли, а губернаторскую АТС — нет. Вернее, под контролем она все-таки была, раз продолжала работать, и сидели сейчас где-нибудь поблизости техники, обеспечивающие функционирование аппаратуры, только вначале руководители повстанческого штаба намеревались использовать (и наверняка использовали) узел в своих целях, а последние два часа задумываться о том, чтобы как-то контролировать работу АТС, просто было некому.

Впрочем, это тоже большой вопрос. Вполне может найтись инициативный и ответственный человек, который заинтересуется, а кто это вдруг начал названивать по российским линиям. И примет соответствующие меры — то ли отключит станцию, то ли направит сюда людей для проверки. Последнее, впрочем, очень маловероятно, а вот первое — вполне.

Поэтому следовало спешить.

Уваров сравнительно быстро вышел на Минск, в категорической форме, тоном большого начальника потребовал у оперативного дежурного соединить его со штабом спецопераций в Белостоке, а уже через него, располагая нужными позывными, добрался и до группы Стрельникова. Круг получился большой, но система армейских коммутаторов работала четко и слышимость была весьма сносная. Хотя, конечно, забавно — разговариваешь через пятьсот с лишним километров телефонных проводов с людьми, находящимися почти в пределах прямой видимости.

Здесь он и узнал, что войсковая операция была отменена буквально в последний момент, сообщить о чем ему, Уварову, не удалось по причине непрохождения радиосигнала. Оно и понятно, в тот момент группа продвигалась на приличной глубине, а батальонные радиостан-

ции пока что не способны работать сквозь бетон и камень.

О причине изменения планов дежурный капитан ничего не мог пояснить, просто продублировал сильно опоздавший приказ и от себя посоветовал сматываться побыстрее, указав квадраты, где, по данным разведки, берег Вислы повстанцами не контролировался.

И на том спасибо.

В зловонные канализационные каналы Уварову возвращаться страх как не хотелось, тем более что, по его расчетам, воздуха в баллонах изолирующих противогазов оставалось едва на полчаса. И если даже ребята и будут их ждать, вместе со спецкостюмами, внутри коллектора, большую часть пути придется дышать исключительно смесью аммиака с сероводородом. А вдобавок район, куда выводили сточные трубы, не значился в перечне безопасных. Если отряд в сорок штыков еще имел шанс прорваться с боем, то еще двоим, да еще по горячим следам товарищей, это вряд ли удастся. Как раз попадешь в самую заваруху.

Зато был другой вариант, при здравом размышлении и некотором везении — куда более простой и безопасный. Опыт же работы под польского повстанца у него имелся, знание языка — тоже, и попытка пробиться к своим поверху казалась вполне реализуемой.

Вдобавок она позволила бы принести самые свежие разведанные об обстановке, раз уж не случилось обшей «Большой рекогносцировки».

Посоветовавшись с Ресовским, поручик принял решение. По старой армейской привычке — не оставлять врагу исправной боевой техники, они аккуратно вывели узел из строя. Не крушили все вокруг, а в самых неприметных и неудобных для работы местах перерубили телефонные и питающие кабели, срезали и привели в полный беспорядок жгуты разноцветных проводов внутри коммутационных коробок. Теперь тут даже специали-

стам по обслуживанию именно этого узла работы хватит надолго, а простому связисту без схем и соответствующего оборудования вообще не разобраться.

По одной из многочисленных боковых лестниц спустились на первый этаж в удаленном от недавнего поля боя крыле дворца. Легкость и относительная безопасность передвижения, безлюдье комнат и коридоров, по которым они шли, наводили на мысль, что при более тщательной подготовке к операции, правильном распределении сил и продуманной тактике, теми же силами, что были в его распоряжении, поручик свободно мог бы захватить и сколь угодно долго удерживать большую часть дворца практически без потерь.

Достаточно было еще до рассвета, потихому, в случае необходимости работая только ножами, просочиться сквозь пустынные коридоры и боковые лестницы до его обитаемой части. После чего, прикрыв свои опорные точки баррикадами из мебели, сейфов и прочих подручных средств, наносить внезапные точечные удары по скоплениям противника. Обходными путями, в том числе и через вентиляционные ходы, все время сжимая мешок.

Хорошо могло получиться, имей Уваров конкретный приказ и хотя бы сутки времени на подготовку. И тут же поручик себя одернул. Нечего тешиться беспочвенными мечтаниями. В таких делах спланировать наперед ничего нельзя по определению. Никто не может предвидеть, в какую сторону побегут и какие позиции станут занимать муравьи в разворошенном муравейнике. А не взорвал бы он совершенно случайно вражеский штаб, неизвестно, как развернулись бы события.

В том, что им с Ресовским до поры удастся беспрепятственно тут маневрировать, нет ничего странного. Дворец столь обширен, что относительно небольшой

постоянный гарнизон, вместе с только начавшими перебираться сюда органами «новой власти», просто не успел занять и освоить все его этажи с многими сотнями помещений. А сейчас тем более — до сих пор ни разбежавшимся, ни убитым и ни раненым мятежникам, за исключением самых отчаянных мародеров, нет никакого резона углубляться в лабиринт, где в любой момент можно схлопотать шальную или прицельную пулю.

Стрельба в центре здания давным-давно стихла, что означало — штурмовым группам удалось благополучно покинуть Бельведер. Через одно из выходящих во внутренний двор окон поручик рассмотрел, что крышка люка коллектора аккуратно задвинута.

Что ж, все правильно. Условленное время вышло, и ребята точно выполнили приказ. Конечно, если бы Уварову все же пришлось отходить прежним путем, тем более с боем, заминка перед закрытым люком могла бы дорого им с Ресовским обойтись. Зато теперь неприятель далеко не сразу сообразит, каким путем воспользовались российские штурмовики.

Способ обеспечения собственной амбаркации¹ подвернулся случайно, но очень вовремя.

Угловую ротонду одного из поперечных крыльев дворца, со следами пуль и гранатных осколков на стенах и мебели, не так давно занимал пост мятежников. Позиция здесь была хорошая, позволявшая держать под контролем как подходы к ограде дворцового сада со стороны площади, так и мостики через каскад прудов, уютный внутренний дворик с мраморными статуями и несколько ведущих к нему аллей.

В случае попытки штурма извне это направление преодолеть атакующим было бы непросто. Но позицию взяли с тыла. Причем, судя по всему, походя. Одна из групп «печенегов», продвигаясь своим маршрутом, вы-

¹ Амбаркация — возвращение морского десанта на свои корабли после выполнения задачи. Или неудачи высадки.

скачила на эту заставу, сориентировалась быстрее неприятеля, навскидку посекала мятежников точным автоматным огнем, забросала гранатами и пошла себе дальше.

На поле боя, вымощенном дорогим узорчатым паркетом, по которому полагается ходить, надев поверх обуви войлочные чуни, а сейчас закопченным и грязным, с выбитыми и расколотыми плашками, усыпанным гильзами, битым стеклом, забрызганным кровью, валялись в разных позах восемь человек, одетых разнообразно, но достаточно практично для городской партизанской войны.

Знаками отличия служили уже знакомые Уварову бело-красные нарукавные повязки, а в качестве новинки — крупные, заводским способом изготовленные кокарды с красными буквами «NSZ»¹ поперек груди белого орла.

У низких подоконников — два опрокинутых пулемета «МГ-34» на треногах, несколько круглых ребристых коробок с лентами, иное оружие и снаряжение. Не удалось парням пострелять по русским, те оказались проворнее.

Один из пулеметов на вид был в полном порядке, и Уваров решил усилить им свою огневую мощь, а также снять с убитых для дальнейшего использования кокарды и повязки. Здесь обнаружилось, что один из боевиков еще дышит, хотя и без сознания. Ран у него было две: пулевая — в правую сторону спины, пониже лопатки, и осколочное в бедро. Совсем хорошо. Не для него, а для мгновенно возникшего плана.

Раненого перевязали, ввели протившошк, не из абстрактного гуманизма, а чтобы пожил подольше.

Из обоих пулеметов и кожаных курток мятежников соорудили носилки, продев стволы пулеметов в рукава,

¹ «Народовы силы збройны» — народные вооруженные силы.

уложили на них боевика и смело, теперь уже ничего не опасаясь, понесли прямо к центральному входу.

Роль себе Уваров избрал прежнюю, добровольца из Канады, магистра-историка, что позволяло не беспокоиться об акценте. Ресовский же, не знавший польского, но практически свободно владевший английским, усвоенным во время многочисленных экспедиций в разные экзотические уголки Индии и обеих Америк, должен был изображать его приятеля, безыдейного искателя приключений.

Неся импровизированные носилки на плечах, с трофейными автоматами поперек груди, они беспрепятственно проникли на подконтрольную мятежникам территорию. У многих из попадавшихся на пути боевиков тоже виднелись свежие повязки. Одни выглядели возбужденными, другие, наоборот, подавленными и погруженными в себя, но и те, и другие абсолютно не интересовались ни личностями, ни лингвистическими способностями наших героев.

Напрасно Валерий расспрашивал, имеется ли в здании хоть какой-нибудь пункт серьезной медицинской помощи. Чаще всего спрашиваемые пожимали плечами и тут же начинали задавать не имеющие отношения к делу вопросы — из какого отряда, откуда идут, что видели и с кем сражались. На что получали обтекаемые и не несущие значащей информации ответы типа: идем с позиции, видели «дьябла и его дупку»¹, сражались с русскими, судя по сплошному мату, а там кто его знает. Навалили москалей без счета, а остальные разбежались. Обычно этого оказывалось достаточно, чтобы не приставали. И никто ни разу не взялся уточнить, к какому все же подразделению они относятся и кто у них командир.

Кадрового офицера Уварова все это радовало. С противником такого уровня организации воевать можно, только бы начальство не мешало.

¹ Черта и его задницу (польск.).

Лишь единожды, уже на последней трети пути, попался им сильно бдительный и вдумчивый пан. Вызывалось это, скорее всего, его возрастом, лет за сорок, и, возможно, некоторой приближенностью к властным структурам, бывшим или нынешним. То ли идейной, то ли чисто топографической, в том смысле, что находился он всего в нескольких десятках метров от главного узла обороны здания, никуда не спешил, удобно устроившись на диване в окружении нескольких бойцов помладше, избыточно вооруженных.

Очевидно было, что непосредственно в боевых действиях они еще не участвовали, пересидев самые опасные и беспорядочные минуты в укромном месте. А теперь, к примеру, этот пан наваривает себе некоторый политический капитал, пользуясь выгодами нынешнего положения. Враг отброшен, прежнего руководства больше не существует, вот и шанс перехватить моментально оказавшуюся бесхозной власть. Хотя бы в масштабах Бельведера и ближайших окрестностей. Кто взял, тот и прав.

По известному принципу Уваров обратился к нему первый, беря инициативу на себя.

Они с Ресовским опустили носилки на пол, синхронным движением утерли пот со лба. Раненый-то у них был настоящий и весил порядочно.

— Так что, паны, так есть здесь хоть какая-то врачебная служба? Товарищу плохо, пуля внутри застряла, умрет без операции, — осведомился поручик, будто невзначай сдвигая локтем автомат в удобное для стрельбы положение. — Или у вас только стрелять умеют, а чтобы лечить — так уже и нет?

— У вас, у нас, что это ты разделяешь? Сам-то откуда, что здесь делаешь?

— За свободу воюю. И привык, что все с умом должно делаться. Мы бьемся, командиры должны заботиться. Не видишь, человек умирает, а ты болтовню развел.

★
Есть врачи — говори, нет — в городскую больницу повезем. Хоть машина-то здесь найдется?

— Что-то, парень, не больно чисто ты по-нашему говоришь. И сильно крутым себя считаешь, так, нет? Какого отряда? Кто старший?

Прежний опыт показывал, что с ясновельможным панством лучше всего удаются разговоры с позиции силы и шляхетской неподлежности¹. Пан тот, кто в шляпе, как гласит старая поговорка, в данном же случае — еще и с автоматом.

— А ты кто такой, чтоб меня спрашивать? Может, лучше я тебя спрошу? Почему это мы все в крови и грязи, патроны кончаются, и стволы повыгорали, а вы чистенькие, копоты пороховой ни на руках, ни на щеках нету, а нам вопросы задаете?

Подбавив в голос злой истеричности, он двинул головой в сторону Ресовского, и тот, криво улыбаясь, уже повернул ствол в нужном направлении.

— А ну, быстро, вот ты и ты, — поручик тоже положил палец на спуск «дегтярева», ткнул дырчатым пламегасителем в парней покрепче и, на вид, поопаснее других (таких первыми и нейтрализовывать), — подняли носилки, и бегом, на улицу! До первой же машины. И мы Яцека в госпиталь повезем. А ты, папаша, другой раз не зли попусту людей. Мы, кто с ночи здесь воюет, нервными стали! Невзначай и стрельнем, под горячую руку. Все равно никто разбираться не будет. Все понял?

И столько было в голосе Уварова сдерживаемой бесшабашной злости (а ведь и было с чего нервничать, надо только уметь вовремя сменить вектор тревоги и злобы), что поляк стушевался.

— Ну, ладно, только вы спокойнее, спокойнее, ребята. Своим бы ссориться не надо. Извините, если не совсем так сказал. Однако ведь и обстановка здесь, сами понимаете... А медслужбы здесь никакой нет, никто

¹ Независимости, непокорности (польск.).

ведь к такому не готовился. Вот и устраиваются кто как может. Друг другу помощь оказывают, «Скорую» вызывают, до больниц своим ходом добираются. Ну и вы да-вайте, тут до госпиталя всего ничего.

План эвакуации, придуманный Уваровым, действительно оказался идеальным. И из дворца вышли без дополнительных проблем, фургончик подходящий реквизи-ровали, и через весь город проехали, собрав попутно ценную информацию. Патрули мятежников останавли-вали их всего два раза, и, заглянув в салон, тут же отпус-кали, попутно подсказывая, где ближайшее от этого мес-та лечебное учреждение и как туда удобнее проехать. Самое забавное — никто не поинтересовался, где имен-но был ранен их товарищ. Впрочем, спорадические пер-рестрелки вспыхивали то и дело в самых разных рай-онах города, и приходилось старательно объезжать эти очаги, фиксируя их расположение на клочках бумаги.

Последний рывок через условную линию разделе-ния «мятежной» и «правительственной» территорий, и, бросив руль и закуривая, Уваров с удовлетворением со-общил Ресовскому, что они в очередной раз натянули костлявой нос. И могут рассчитывать на очередные ор-дена и звездочки на погоны.

— Мне ваши звездочки — сугубо без разницы. В мои годы приличнее быть прапорщиком запаса, чем пожи-лым подпоручиком. А твои — обмоем с удовольствием.

— Мы и без этого обмоем. Немедленно после пред-ставления по начальству.

Стрельникова удалось разыскать довольно быстро. Получив сообщение от оперативного дежурного, пол-ковник сам немедленно явился на КП «печенегов» и от-дал приказ по всем подразделениям и службам — при выходе группы из вражеского тыла доставить к нему Уварова немедленно. О том, что может случиться и ина-че, он старался не думать.

Оптимизм полковника не обманул, Уваров появился даже раньше своего отряда, причем доставил «языка» (пусть и полумертвого) и ценную информацию. В принципе, так и должно быть всегда, кадровый «печенег» просто обязан возвращаться с выполненным заданием, и обязательно живым.

Часа полтора поручик подробно докладывал о проделанной работе, по памяти и наброскам в полевой книжке наносил на карту текущую обстановку.

А тут вдобавок поступило сообщение, что отряд, возглавляемый поручиком Рощиным, вышел в расположение почти в полном составе. Теперь снимался последний сомнительный вопрос, а отчего это вдруг Уваров вернулся из рейда, оставив в тылу врага свое подразделение.

Вслух его, конечно, Стрельников не задавал, просто принял к сведению версию поручика (подтвержденную Ресовским), но, если бы группа не вернулась или возвратилась с тяжелыми потерями, вопрос непременно возник бы, не у него, так у вышестоящего начальства, потому как потеря двух офицерских взводов — это вам не шуточки.

За polegший в атаке стрелковый батальон не спросили бы, а уж тут — извольте бриться! Тем более что командир вот он — цел и невредим. Лучшего козла отпущения не сыскать. И никому не будет дела, что там случилось на самом деле, соответствовала поставленная задача возможностям группы или нет и почему не состоялась назначенная рекогносцировка.

В итоге Стрельников поблагодарил Уварова за службу, заверил, что без достойной награды он и его люди не останутся, и отпустил, чтобы тот побыстрее встретился со своим отрядом и прилично, но в меру отметил возвращение и общий успех дела. Достал из сейфа бутылку армянского коньяка и щедро отмерил поручику сто грамм, сам ограничившись пятьюдесятью.

На заданный после этого в лоб вопрос (после совме-

стного распития субординация как бы на время отодвигалась за кадр) — а по какой такой причине все же была отменена рекогносцировка, успех которой был бы очевиден всем, хотя бы исходя из того, что видел и что сумел сделать сам Уваров с не таким уж мощным отрядом, последовал ответ на грани искренности.

— Мы с тобой люди военные — так? — С этим утверждением Уваров спорить не собирался.

— Они там, — полковник значительно поднял палец, — политики. Насчет того, что это такое, хорошо описано у Салтыкова-Щедрина. Я недавно по твоей подсказке перечитал — понравилось.

Политики в последний момент решили, что рекогносцировка пока не нужна. Нам осталось подчиниться. От себя скажу так — но не для передачи — наверху, похоже, просто не решили, что делать в случае успеха, если бы он обозначился. Ты газет не читаешь, и правильно делаешь, а мне приходится.

Ты ж имей в виду, мы — люди княжеские, находимся здесь как бы и незаконно. И сам Олег Константинович государственной властью не располагает. Формально все решает Питер. А там — змеиное гнездо. Кто-то, на мой взгляд, боится, что мы можем выиграть кампанию слишком быстро и они не успеют порешать свои собственные шкурные дела. А другие, напротив, опасаются, что молниеносного успеха не случится... Вот, наверное, пока побеждают первые... Ты меня понял?

Понимать тут особенно было нечего, примерно в таком ключе они с инженером Леухиным рассуждали ровно неделю назад, разве что противно стало до невозможности.

— Трое моих офицеров погибли — и за что? Думали — за общее дело, а получается?

— Не твое дело — рассуждать. Война другой и не бывает. Только это не всегда заметно. Живой вернулся — и радуйся. До следующего раза. Все понял? Тогда свободен. Иди к своим ребятам. До утра беспокоить не буду...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Любому военачальнику, политику, а тем более лицу, де-юре или де-факто объединяющему в себе обе эти функции, жизненно необходимо владение достоверной и полной информацией о происходящем в стране и за ее пределами. Желательно — в режиме реального времени. К сожалению, одних и, к счастью, других, обычно это невозможно.

Информация имеет объективное свойство запаздывать. Хуже того — искажаться, вольно или невольно, на этапах обработки и продвижения по инстанциям. И уже на предпоследнем этапе она оказывается в полной власти людей, имеющих право и возможность решать, какие именно материалы необходимы и достаточны первому лицу. То есть, по большому счету, лидер далеко не всегда может быть уверен, что принимает судьбоносное решение с истинным знанием дела.

Вот это и мучило сейчас премьер-министра Российской державы и одновременно, в случае введения военного положения, Верховного главнокомандующего. Следует ли уже объявлять о принятии на себя исполнения означенной должности и создании Ставки Главковерха или подождать еще немного?

Россия с очевидностью втягивалась в войну (или ее туда втягивали некие силы, природа которых Каверзнев до сих пор так и не была ясна). А будущий народный вождь никак не мог понять, какие именно действия следует предпринять немедленно, чтобы этой войны в последний момент избежать. Или же, согласившись с неизбежным, выиграть кампанию молниеносно и с минимальными жертвами.

Да и что прикажете делать, если, по сообщениям Разведуправления Генштаба, варшавский гарнизон, застигнутый действиями повстанцев врасплох, единой боевой силы более не представляет. Несколько достаточно круп-

ных, компактно расположенных подразделений и частей способны хотя бы удерживать собственные военные городки. Держится в громадных каменных корпусах на окраине города Константиновское артиллерийское училище с двумя тысячами юнкеров и офицеров. Но слишком много военнослужащих всех рангов, от рядовых до полковников, погибло в первый день восстания, в индивидуальном порядке и группами пробилось на восток только с легким стрелковым оружием, а то и без него, просто пропало без вести.

Еще около трех дивизий отдельными полками и батальонами разбросаны по всей территории Привислянского края и использованы для подавления мятежа быть не могут по простой, как апельсин, причине — они намертво привязаны к местам расквартирования, представляющим собой по преимуществу склады и базы хранения военной техники.

Выведи войска в поле (куда, против кого?), и нет гарантии, что десятки тысяч единиц танков, бронетранспортеров, артиллерийских орудий и автомобилей, миллионы патронов и снарядов не будут захвачены инсургентами, ждущими именно этого опрометчивого шага русских.

Каверзнев был признанно талантливым политиком, ярким оратором, почти трибуном. Много лет в меру успешно руководил правительством и государством и в военных вопросах понимал достаточно, на своем, естественно, уровне. Непосредственно командовать дивизиями и корпусами от него не требовалось, те времена прошли, а вот ставить генералам грамотные и достижимые стратегические задачи — непременно.

В данный же момент Владимир Дмитриевич осознал, что вот этого как раз он сделать не может. Если, конечно, не ограничиться тем, чтобы вызвать начальника Генштаба генерала Хлебникова, ткнуть пальцем в карту и приказать: «Окружить, уничтожить, разоружить и доложить! А как вы это будете делать — меня не касается».

Были уже такие правители, руководили подобным образом, но конец их (и возглавляемых ими стран) обычно оказывался печальным.

Телефонные консультации с главами Германии, Франции и Великобритании успокоения не принесли.

Никто из них, разумеется, о поддержке мятежников не заявил, но тональность разговоров была примерно одинаковой (заранее сговорились, сволочи!) — «При- скорбные события в Варшаве и Привислянском крае, безусловно, являются внутренним делом Российской державы, и члены Союза будут всячески приветствовать скорейшее восстановление законности и порядка. Вместе с тем никак нельзя оправдывать чрезмерное применение силы, полностью игнорируя такие-то и такие-то пункты международных соглашений о праве наций на самоопределение вплоть до отделения, разумеется, с соблюдением всех предусмотренных процедур. С этой целью Тихо-Атлантическое сообщество готово оказать помощь и содействие при проведении консультаций и переговоров между всеми участниками конфликта (это ж надо — «конфликта»! Посмотреть, о каком «конфликте» пошла бы речь, начнись у них полномасштабные восстания сторонников отделения Шотландии, Эльзаса с Лотарингией или Бургундии!).

Кроме того, Устав Союза не предусматривает участие его членов в разрешении политических кризисов на территории суверенных государств до тех пор, пока указанные кризисы не представляют прямой угрозы самому существованию Союза и реализации установленных его Уставом задач».

Из всего этого с очевидностью следовало, что утихомиривать бунтовщиков авторитетом и силой международного сообщества никто не собирается, а вот применить санкции против России и при первой же возможности признать независимость Польши обещано со всей допустимой в дипломатии осторожностью и прямоотой.

Положив трубку, Каверзнев остался сидеть перед

телефоном «горячей линии», непроизвольно дергая щекой и почти смакуя охватившие его горечь, раздражение и унижительное чувство человека, вынужденного утереться в ответ на изысканное публичное оскорбление.

Зря он, конечно, предварительно не обсудил эти переговоры с Великим князем. А может быть, как раз правильно сделал.

Впрочем, определенные плюсы есть даже и в этой ситуации. Крайне облегчается принятие *окончательного решения*. Мосты, считай, сожжены. Продолжать руководить Россией при таком раскладе — значит выкопать себе политическую (а то и реальную) могилу практически при любом исходе. Что сдать партию полякам и «союзникам», что железной рукой привести край к покорности — в любом случае это значит *влипнуть* в мировую историю либо «предателем», либо «палачом». Нет ни малейших оснований продолжать цепляться за власть.

С другой стороны... Сколько уже времени сверлит мозг и душу последний разговор с Великим князем. Когда тот сделал совершенно неожиданное, в нормальных обстоятельствах даже невозможное предложение. Ему, законно избранному главе Великой державы!

Взять и вот просто так сложить с себя полномочия! Минуя все предусмотренные законом процедуры. А всю полноту власти передать Местоблюстителю, который немедленно объявит себя не кем иным, как «Олегом первым, Божьей поспешествующей милостью Императором и Самодержцем Всероссийским, Московским, Киевским, Владимирским, Новгородским; Царем Казанским, Царем Астраханским, Царем Польским, Царем Сибирским, Царем Херсонеса Таврического, Царем Грузинским и иных земель Наследным Государем и Обладателем, и прочая, и прочая, и прочая...».

Абсурд на первый взгляд в наши-то дни, в начале

третьего тысячелетия. Но это на первый, а на второй и следующие?

Конституция ведь такого поворота событий отнюдь не исключает, а в некотором смысле даже и предусматривает. Что настанет вдруг какой-то «России смутный год», и потребуются для ее спасения восстановить монархию, на время или навсегда, и одновременно появится человек, правом, обычаем и собственной волей достойный возродить и унаследовать этот титул. И он его возьмет и на себя возложит. Как бы там ни сопротивлялись некоторые свободомыслящие граждане, с таким поворотом событий не согласные.

Казалось бы, кому, как не ему, премьеру и лидеру одной из крупнейших партий, прославившей себя в былые времена беспощадной борьбой против самодержавия, возглавить сопротивление поползновениям узурпатора во имя демократии и пострадавших в вековой борьбе прав и свобод?

А чем сопротивляться? Силой? Вооруженной или идейной? Ну пусть кто-нибудь предложит, где взять эту силу и эту идею! Ему же, премьер-министру одной из сильнейших мировых держав, нечего противопоставить силе, только что о себе заявившей. Парадоксально, но факт.

Тем более что «польский инцидент» — это только начало. Дашь хоть немного слабину, могут вспыхнуть Закавказье и Туркестан, возопят о независимости всяческие в прошлом суверенные, целиком или частично, ханства, бекства, эмираты и шамхальства¹. Воспрянут сепаратисты Карса, Ардагана, Ванского пашалыка. В сотнях мест затрещат китайская, корейская, персидская границы. У всех есть исторические обиды и территориальные претензии.

При таком раскладе Каверзнев на белом коне себя не видел!

¹ Наименования входивших в состав Российской империи феодальных образований, принявших протекторат «Белого царя».

На прошлой встрече, когда в полный рост встал вопрос о передаче власти (вроде бы совсем недавно), выждав необходимую паузу, показавшую, что ход мыслей собеседника ему понятен, князь улыбнулся самой располагающей из своих улыбок и сообщил, что, если прийти к доброму между ними согласию, он, Владимир Каверзнев, избавлен будет от мучительных сомнений и непосильной ноши. И выиграет неизмеримо больше того, что имеет сейчас.

«Нет-нет, только не воображайте, что я собираюсь вас каким-то образом подкупить! Я исключительно в возвышенном смысле. Как политик и Гражданин, вы, несомненно, более всего озабочены процветанием Отечества и в то же время — реализацией собственной партийной программы, направленной к той же цели. Читал, знаю.

Так вот, приняв мое предложение, вы разом достигаете и того, и другого. А поскольку мы с вами одновременно люди служивые, то вопросы карьерного роста не волновать нас не могут. Петр Великий, как известно, ввел чины и награды именно для того, чтобы дать каждому подданному возможность не только преданно служить Государю и Отечеству, но и получать за службу явное и всем очевидное ознаменование степени ее успешности. Вот и вы станете при Монархе, кем сами захотите.

Великим визирем, или лордом-протектором, председателем Боярской Думы, Всероссийского Собора, несменяемым Канцлером! Не суть важно. Придумайте себе любую должность и ее наименование, и я словом своим, честью своей поручусь, что так оно и будет. Никакого умаления своих интересов и прав вы не понесете, а возможности самореализации возрастут несравненно!

И наследственные уделы вы получите, и потомки ваши будут носить достойные титулы, и до века сидеть на почетном месте по правую руку от Императоров Всероссийских...

Князь, слегка архаизируя свою речь, одновременно старался, чтобы слова его звучали значительно и серьезно и чтобы собеседнику ясна была легкая ирония. Но не в личный адрес собеседника, а по поводу ситуации, как таковой.

— Есть же разница — избранный волею охлоса¹ премьер, который сегодня на коне, а завтра, коль на выборах не задалось, снова в присяжные поверенные подавайся? Или же — пожизненный Канцлер с мундиром и потомственный ближний боярин Государя?

Каверзневу хватило здравого смысла, чтобы удержаться от того, что требовали его личная порядочность и политическая роль. Много ли толку биться лбом в стену, делая при этом значительное лицо? Мы конечно, гордые, а все равно бедные.

— Хорошо, Ваше Императорское Высочество, — спокойно ответил он. — А каким образом наше «сердечное соглашение» может быть юридически оформлено? Чтобы завтра, или через десять лет не случилось так, как уже многократно случалось в истории?

Ответ у Олега Константиновича был готов.

— Единственно — Поместным и Земским Соборами. Соберутся они с согласия Думы и при моих гарантиях. Там все и утвердим. В том числе и Жалованную Грамоту.

Я в ней изложу все, о чем мы с вами договорились касательно статуса вас и ваших потомков на весь период правления Династии. Естественно, минуя некоторые штрихи и детали, но всему остальному будут приданы гарантии конституционного уровня. Мы же с вами цивилизованные люди, люди чести. Двадцать первый век на дворе. Утвердим, подпишем, Государственный Совет своим рескриптом гарантирует, Конституционный Суд предусмотрит санкции за нарушение условий, Патриарх и иные первосвященники благословят, о чем еще речь?

¹ Охлос — толпа, городская чернь, быдло (*гревнегреч.*).

Да, действительно, сомневаться Каверзневу было не в чем. Таким образом оформленное соглашение желаемые гарантии обеспечивало. Правда, оставались и еще кое-какие тонкости.

— А как, простите за любопытство, Ваше Высочество, вы думаете обеспечить такую вот передачу власти? Как это будет выглядеть со стороны и что должен, на ваш взгляд, сделать лично я в ближайшее время?

— Не надо вам ничего делать, Владимир Дмитриевич. Делайте исключительно то, что делали всю вашу предыдущую службу на этом посту. Лучше, если бы вы немедленно забыли вообще о нашем разговоре. Ну, встретились, ну, посидели, водки выпили. И разошлись.

Оставайтесь самим собой. Даже можете на сегодняшнем Госсовете проявить особую агрессивность в моем отношении, в рамках своей партийной программы. Я, в свою очередь, тоже в долгу не останусь. Изложу кое-что из того, что вам уже сказал, в специальной редакции, для общего употребления пригодной. Поспори́м, поругаемся, да и разойдемся. Заодно расклад ваших и моих сторонников в Госсовете узнаем. Спешить-то нам особенно некуда, это историческое время не терпит, а обычное — пока еще вполне.

Пресса пусть по поводу текущего момента и наших разногласий пошумит. Запросы парламентские пойдут. Запад как-то отреагирует на экстремистскую позицию лишенного реальной власти и тешащегося безответной болтовней регента. Да и стихнет все помаленьку.

Там, глядишь, кризис какой-нибудь правительственный сам собой назреет. Кабинет в отставку подаст, а то вдруг повод и Думу распустить появится. Вот тогда...

А пока время есть, вы, конечно, набросайте полный список вопросов, которые нам следует решить. И людей, лично вам полезных, припомните, их ведь тоже устроить и обласкать нужно будет. Всегда, знаете, неприятно, когда между партнерами в серьезном деле вдруг всплывают непростые проблемы...

Каверзнев на самом деле вообразил тогда, что времени у них предостаточно, что соглашение действительно не требует немедленных действий, а в процессе их с князем дальнейшего неформального общения могут сами собой открыться какие-то новые «окна возможностей».

Главное же — он надеялся, что их с князем «антанте кордиаль»¹ обеспечит на обозримый период общеполитическую стабильность в стране и обществе. На фоне неблагоприятных тенденций, обозначившихся во *внешнем мире*, это было крайне важно независимо от личных интересов премьера.

А оно вот как обернулось. Знал ли сам Олег Константинович о подобном развитии событий? Или просто в очередной раз проявил свое необыкновенное политическое чутье? Инстинкт прирожденного правителя, воина и расчетливого игрока в покер?

Вопрос интересный, но сейчас — неактуальный. Сейчас нужно звонить, или, лучше — просить о немедленной приватной встрече, на которой обсудить текущую обстановку и договориться о сиюминутных практических действиях.

Великий князь, как показалось Каверзневу, ждал его звонка. По крайней мере, трубку взял почти немедленно, и нисколько не удивился предложению обсудить текущий момент.

— Совершенно с вами согласен. И совету вылетать немедленно. Никого, кроме ближайшего окружения, не ставя в известность. Совершенно, между прочим, случайно, сейчас в Петрограде находится офицер моей свиты с личным самолетом. Если вы готовы морально, я прикажу ему задержаться. Думаю, трех часов вам будет достаточно.

Такая спешка для главы государства как минимум несолидна, но ведь, с другой стороны, и события творят-

¹ Сердечное согласие (*франц.*).

ся неординарные. Какой ответственный и решительный политический деятель в подобных случаях проявил бы преступную нерешительность и глупую фанаберию¹, больше заботясь о пунктах протокола, нежели о пользе дела?

— Я согласен, передайте, пусть прогревают моторы.

— Вот и твой Рубикон, Владимир Дмитриевич, — вслух произнес Каверзнев, одновременно резко встряхивая серебряный колокольчик, стоявший у письменного прибора. Камердинер появился почти одновременно с последним затихающим звуком.

— ...Таким вот, значит, образом обстоят дела, — подвел итог Олег Константинович, заканчивая излагать обстановку по карте Польши и подробному плану города Варшавы. — Пехота внутренних округов на данный момент к походу за Сан и Вислу совершенно не готова. Гвардейским дивизиям на переброску и боевое развертывание, при всем моем желании, требуется еще не менее недели. Да и потом придется действовать крайне осмотрительно, если мы не хотим положить лучшие кадры в беспорядочных уличных стычках.

Бессмысленная гибель Гвардии в мазурской мясорубке пятнадцатого года привела Россию к катастрофе восемнадцатого. Всякое дело приносит успех, любил говорить Петр, будучи надлежащим образом соображено. Чем мы сейчас и занимаемся. И будьте уверены, как только мне доложат, что рекогносцировка завершена и войска полностью готовы, промедления не будет. Это о военной составляющей нашего вопроса. Что же касается политической... Я, помнится, не так давно вам говорил, что Запад нас предаст непременно, а вы возражали, что представить себе не можете, как именно, а главное — зачем это может быть сделано. Тогда тема разви-

¹ Фанаберия — спесь, надменность, неуместная гордость (устар.).

тия не получила, не было у меня настроения и времени на праздное теоретизирование.

— А сейчас оно появилось? — не сдержал сарказма премьер.

— Вот именно. Временем мы с вами располагаем, поскольку настоящее дело делают другие, мы же, приняв руководящее решение и отдав все необходимые распоряжения, обречены ждать, какие результаты из сего впоследствии. А заодно можем и порассуждать о причинах и следствиях...

— О королях и капусте¹, — вставил Каверзнев. Он не то хотел сострить, не то проявить эрудицию, а вернее всего — просто удержаться на равных в беседе с человеком, перед которым капитулировал в основном и главном.

Князь и поддержал предложенную тональность, и одной фразой сумел указать на истинный расклад сил.

— Об этом тоже можно. К примеру, я распоряжусь, чтобы к ужину приготовили цветную капусту и голубцы. Заодно обсудим сравнительные достоинства этих продуктов...

Но шутки шутками, а ситуация все же требовала серьезного обсуждения.

— Ваш идеализм меня временами в подлинном смысле удивляет, — доверительным тоном сообщил Олег Константинович, — хотя на самом деле все должно быть наоборот. Идеализмом следует страдать мне, а вам — продемонстрировать холодный прагматизм и понимание сути процессов, в которых приходится жить и принимать решения.

А может быть, так и должно быть. У меня есть время размышлять, сравнивать прошлое и настоящее, будучи свободным от необходимости немедленно реагировать на происходящее, тем более конкретно отвечать за последствия своих поступков перед избирателями и наци-

¹ Намек на одноименный роман О. Генри.

ей. Вы спрашиваете (хотя сейчас Каверзнев как раз ни о чем не спрашивал) — зачем Западу затевать столь глупые и никчемные игры? Да потому, что его руководителям, таким же *профессиональным политикам*, как вы, просто ничего иного не остается.

На самом же деле политика — это не то, чем по необходимости принято заниматься, получив мандат народного доверия на очередные четыре года. Это — инструмент достижения высших, по отношению к партийным программам, целей, а также оптимальный способ ответить на вызовы времени и истории.

Вот, казалось бы, достигнуто идеальное устройство мира. Полтора миллиарда человек пользуются благополучием и всеми возможными преимуществами мира и цивилизации. Россия — равный член сообщества, вносящий свой вклад в общее дело и, казалось бы, никому не мешающий и ни на что особенное не претендующий. Так думаем мы с вами и огромное большинство обывателей Европы и Америки.

Но поставьте себя на место ваших недавних собеседников, руководителей сильнейших европейских держав. Они что, по-вашему, в глубине души согласны признать, будто их единственной ролью и задачей является должность этаких наемных муниципальных чиновников? Следить за сбором налогов, исполнением бюджета и время от времени выходить на выборы, чтобы убедить избирателей в своей способности делать то же самое следующие четыре или семь лет лучше своих оппонентов? Разумеется, нет. Они хотят участвовать в решении судеб мира, еще лучше — их предписывать и направлять. А кто им такое позволит в условиях семидесятилетней стабильности и унылой закоснелости международных договоров и парламентских процедур?

Тут мы им — единственный свет в окошке. Поскольку продолжаем считаться державой в достаточной степени варварской, хотя и союзной. Вспомните историю. Что, Россия в середине XIX века чем-нибудь угрожала

Европе? Помогла избавиться от Наполеона, честно исполняла свои обязанности по Священному Союзу, держала в согласованных рамках Турцию, отнюдь не принимала на карте мира чего-то такого, чего другие не делали. Даже не лезла в африканские и американские дела, ограничиваясь приведением к покорности хищников Средней Азии.

Однако же...

Какова была, по-вашему, причина Крымской войны? Яростной истерики всего «Европейского концерта» по поводу подавления Венгерского и Польского восстаний (при том, что сделано это было по униженной просьбе Франца Иосифа Австрийского)? Берлинского конгресса, лишившего Россию плодов победы в Турецкой войне 1877—1878 годов? Явной и тайной поддержки Японии в спровоцированной, да вдобавок направленной против всей белой цивилизации, войне?

Причина одна-единственная — любой ценой, пусть в ущерб собственным долгосрочным политическим и экономическим интересам, не допустить естественного развития России, которое в определенный момент просто не оставило бы всем прочим «соконтинентникам», если можно так выразиться, шансов на реализацию хоть какой-нибудь «политики».

У меня, к слову сказать, на столе под стеклом всегда лежит табличка с цитатой из Пальмерстона: «Как тяжело жить на свете, когда с Россией никто не воюет!»

Совершенно то же самое пальмерстоны и всякие пуанкаре делали бы и в отношении САСШ, если бы имели к тому технические возможности. Но их просто нет по чисто географической причине, и наши европейские соседи сразу после войны Севера против Юга (в которой, кстати, Россия Александра Второго со всей определенностью не допустила вмешательства Англии на стороне Юга) дружно сделали вид, что все происходящее по ту сторону Атлантики их просто не касается.

— Но сегодня же не то время... — попытался возра-

зять Каверзнев. Что удивительно — все приведенные князем факты он великолепно знал, только выстраивались и трактовались они им совершенно иным образом. Словно бы то, что было — предания давно забытых феодально-буржуазных противоречий эпохи последнего передела мира, борьба передовых европейских демократий против тупого и грубого самодержавного режима, может быть, даже добросовестные заблуждения лучших умов эпохи. Как, например, искренняя поддержка Марксом и Энгельсом англо-франко-турецкой агрессии против дикой России, вся вина которой была лишь в том, что она осмелилась защищать права христиан в Турции и начала осваивать собственное дальневосточное побережье. Но с тех-то пор прошла целая эпоха, и о какой генетической вражде может идти речь? Дружью демократии — по одну сторону, враги — по другую, а уж между своими — какие же счета?

— Те самые, любезнейший Владимир Дмитриевич, те самые. Времена всегда одни и те же, только декорации иногда меняются в соответствии с изысками режиссера. Вот решим мы, с Божьей помощью, все текущие и насущные вопросы, глядишь, и появится у нас свободное время. Чтобы удалиться под сень струй, предоставив текущие дела преданным и ответственным администраторам, и перечитать многие страницы истории, без гнева и пристрастия. Тогда, возможно, обретем истинное понимание вещей незамутненной повседневностью взглядом.

— Наподобие древнего Китая мечтаете порядки установить? — в очередной раз съязвил Каверзнев.

— Чем же плохо? Прогресс, как я уже имел случай заявить, вещь сама по себе вреднейшая. Заставляющая людей бессмысленно суетиться, столь же бессмысленно расточать невозполнимые ресурсы, и ничего не прибавляющая к смыслу жизни. Чем, скажите, даже нам с вами, владыкам, без ложной скромности, шестой части света, сейчас живется лучше, чем, ну не в восемнадца-

том, конечно, веке, а в первой трети двадцатого? Многократно пытался найти преимущества, но не вижу. Ни в едином пункте...

— Да вот хотя бы тем, что за сорок минут я на встречу к вам прилетел, а мог бы полсуток в вагоне трястись. И информацию о событиях в любой точке мира получаю через пять минут, а не через день или неделю.

— И много ли вам с того радости? В поезде ведь ехать — одно удовольствие. Откушали бы ужин за приятной беседой, в окно посмотрели, поспали в салон-вагоне на мягком диване и хрустящих простынях, да и добрались куда потребно.

Вот поезд — это действительно прогресс, по сравнению с телегой или каретой. Самолет — явление избыточное.

Да и в нашей, управленческой сфере? Сейчас получили по телефону или факсу сообщение, немедленно и отреагировать надо. А там прочитал шедшее две недели, а то и два месяца, письмо, пару суток подумал, посоветовался с кем надо, написал, поправил, перебелил, отправил, зная, что месяц туда — месяц сюда, почти никакой разницы. Снабженные общими инструкциями исполнители на местах приучены принимать оптимальные решения, исходя из обстановки. Правителю достаточно было умения подбирать людей и ставить общую задачу, исходя из государственных интересов. Проблема повседневного непосредственного руководства перед ним не стояла.

Нет, поверьте мне, Владимир Дмитриевич, те времена перед нашими многие преимущества имеют...

Беседа, хоть и светская, Каверзневу начинала надоедать. Скорее всего потому, что роли собеседников были неравны. Ну как представить настроения и ход мыслей короля Генриха IV, явившегося на покаяние и капитуляцию к папе Григорию VII в Каноссу. Весело было первому выслушивать самые благодушные излияния второго?

— Давайте подводить итоги, Ваше Императорское

Высочество, — несколько раздраженно сказал премьер, — перед тем, как перейдем к капусте.

— Давайте, — охотно согласился князь. — Чтобы, по словам персонажа одной бульварной книжечки, не размазывать манную кашу по чистому столу, правильно будет, я думаю, в проект мысленного варианта меморандума, который наверняка сейчас составляете и вы, и я, записать нечто вроде нижеследующего: «Обсудив при личной встрече события, имеющие место быть в одной из территорий Государства Российского, оценив происходящую от них угрозу самому государственному устройству, приняв во внимание позицию союзников по Тихо-Атлантическому союзу, взвесив юридические и нравственные основания и последствия принимаемых решений, высокие договаривающиеся стороны предположили...

Князь помолчал пару секунд, ожидая, не добавит ли к его словам премьер что-нибудь существенное, не дождался и продолжил:

— ...предположили, что в сложившихся обстоятельствах премьер-министр и Верховный главнокомандующий Российской армией и флотом В.Д. Каверзнев, основываясь на таких-то и таких-то пунктах Конституции и соответствующих подзаконных актов, считает необходимым вверить непосредственное руководство армией и флотом ныне занимающему должность Местоблюстителя Российского престола гражданину Романову О.К. С передачей означенному гражданину всех вытекающих из данного назначения обязанностей, прав и дисциплинарных функций. Что подтверждается постановлением Правительства № такой-то от такого-то числа октября месяца сего, 2005 года. Прочие обязанности главы государства, а также и иные, вытекающие из условий Чрезвычайного положения, оставляю за собой. Дата, подпись. Имеете что-нибудь возразить?

Возразить особенно было нечего. Кроме того, что

текст нуждается в профессиональной редакции. Так это и так подразумевалось.

— А как насчет остальных наших договоренностей? — будто между прочим, осведомился Каверзнев.

— А с остальным не вижу смысла спешить. Ну, давайте пока посадим особо доверенных людей, поручим им детально прописать сценарий полной передачи власти, разработать процедуру, подготовить проекты оформляющих все это указов, постановлений и рескриптов. На все про все отведем месяц. За это время, надеюсь, со смутой будет покончено, и на волне народного ликования все пролетит, как шайба по льду.

Тем более сейчас ваше положение остается куда более выигрышным. Всю грязную работу сделаю я и мои люди, а вы будете отговариваться от мирового сообщества тем, что в условиях фактической военной диктатуры (по образцу древнеримской, вплоть до восстановления законности и порядка) не имеете возможности вмешиваться в решение оперативных вопросов. Соответственно — ничего не решаете и ни за что не отвечаете.

Я же, в случае чего, за свои действия сам и отвечу. В основном — перед Богом и историей. Я — особа августейшая, мне на мнение всех этих адвокатишек, что местных, что иностранных — плюнуть и растереть...

Князь хотел сказать что-то еще в этом же духе, но его прервал мелодичный гудок внутриворцовой связи.

— Слушаю. Что ты говоришь? Вернулись? Ну, поздравляю. Умеешь, когда захочешь! — Князь, не скрывая удовольствия от полученного известия, благосклонно хохотнул. — Тогда, значит, все меняется...

Покосился на насторожившего слух Каверзнева.

«А что нам скрывать, — подумал Олег Константинович, только что хотевший было перейти для завершения разговора с Чекменевым в соседний кабинет. — Мы же с ним теперь союзники и соучастники».

— Пока не выслушаем подробнейший доклад, широкую рекогносцировку — отменить. Мало ли, как повер-

нется. Да, это все. Ограничьтесь чисто поисковыми операциями. А с полковниками я встречу лично. Да сегодня же. По обычной схеме. Я перезвоню.

Положил трубку, повернулся к премьеру:

— Ничего особенного. Вернулась из глубокого тыла группа разведчиков. Вот пока не разберемся с доставленными сведениями, оценим, обсудим, я решил поддержать оперативную паузу. В Варшаве боевые действия приостановить. На сутки, двое. Заодно и сил поднакопим, в намерениях неприятеля поглубже разберемся. Выясним, до какой последней черты готовы дойти наши союзнички... Что же касается ужина, к моему глубочайшему сожалению, придется перенести на более позднее время. Скажем, на ноль часов ноль-ноль минут.

Эта даже символично получается. Начнем с нуля!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В случае с поручиком Уваровым проявилась древняя, как мир (вернее, как война), дилемма. Как следует поступить с офицером, с блеском выполнившим поставленную задачу, но в ходе ее выполнения невольно нарушившим тайные планы командования и тем самым нанесшим значительный ущерб стратегического масштаба?

Сам-то Стрельников поначалу, выслушав рапорт поручика, признал его действия не только правильными, но и весьма успешными. На самом деле приказ не только выполнен, но и перевыполнен. Каналы исследованы в заданных пределах, в нужных местах заминированы, причем таким образом, что в случае необходимости заряды могут быть обезврежены дистанционно в любой требуемый момент, открывая проходы для наших бойцов. Прорыв в Бельведер повел к уничтожению высшего руководства мятежников, посеял панику и нанес противнику серьезный материальный, а главное — моральный урон, доказав ему, что для российских войск нет

недостигаемых мест и позиций. Вдобавок доставлены ценные разведывательные данные.

Все это тянуло на Георгия 4-й степени Уварову, «Владимиры», «Станиславы» и «Анны» остальным участникам рейда. С учетом представления поручика к Владимиру 4-й степени с мечами за предыдущие подвиги он завтра же мог рассчитывать на штабс-капитанский чин. Служба же получала обстрелянного, инициативного командира, достойного принять как минимум отряд.

Именно с таким настроением Стрельников доложил по телефону о последних событиях своему непосредственному, а также и единственному начальнику, генералу Чекменеву. При этом он еще и позволил себе повторить слова Уварова о том, что отмена рекогносцировки была крупной ошибкой. Подбрось в Бельведер по каналам пару батальонов, и ключ к городу был бы у нас в руках.

Велико же было удивление простодушного полковника, когда находящийся в тысяче километров от места событий генерал обматерил его прямым текстом. Не успел Стрельников вникнуть, чем вызвана такая реакция, как генерал ему разъяснил. Информирован-то он был о случившемся по своим, собственным многочисленным каналам практически мгновенно и в гораздо большем объеме, чем занятый практической работой полковник. Узнал, оценил последствия и *сорвался с нарезки*.

Связь была стопроцентно защищенной, и Чекменев не стал темнить и дипломатничать. Тем более что по должности Стрельников должен был знать суть происшедшего.

— На хрена мне такие инициативы? Какого ... ты послал их в Бельведер? Там сидели мои люди, ты это способен понять? Через них я контролировал все движение. Они делали то, что нужно прежде всего нам, а потом уже им! А теперь? Свято место пусто не бывает, и кто его теперь займет? Из-за твоего мудака-поручика мне, может, месяц, а то два придется новую сеть созда-

вать! Поувольнять бы вас всех без мундира и пенсии! Я вам... устрою! Сегодня же вылетаю в Варшаву, будем разбираться по полной! Ох же я и ошибся, что тебя туда поставил! Лучше б вообще без командира, чем с таким...

Полковник Стрельников был служакой старым, в своем деле компетентным и знал себе цену. Нынешнее возвышение его хотя и порадовало, как любого военного человека, вплотную подошедшего к генеральскому чину, но собственное достоинство он имел и поступаться им даже ради «беспросветной жизни»¹ не собирался. Тем более что объем обязанностей по должности его начал тяготить почти сразу. Не его это занятие, оперативник он, а не военный чиновник.

Выгонят — и пусть! Полковничьи погоны не отнимут, а это и была его единственная светлая мечта — уйти в отставку полковником, здоровым и с кое-какими средствами на дальнейшую спокойную жизнь на собственном хуторе где-нибудь на Юге.

Все это, слава богу, при нем уже сейчас. Так что стесняться и позволять говорить с ним в таком тоне он не собирался.

Вот и высказался. В том смысле, что ни о чем подобном не слышал, хотя ему первому должно было об этом быть сообщено. Сориентировать нужно было, раз уж послали в Варшаву. Если и не снабдить подробной информацией, паролями и явками (что, в принципе, было бы наиболее правильно), то хотя бы предупредить о пределах, переходить которые не следует. Он же поступал в полном соответствии с законами войны — наносить удар в самую уязвимую и чувствительную точку неприятеля. Потому себя считает совершенно правым, своих офицеров — тем более. В отставку готов подать незамедлительно, но терпеть выволочки, как сопливый кадет, не намерен. И в любом случае представление о на-

¹ Жаргонное обозначение генеральства, т. к. генеральские погоны, в отличие от офицерских, не имеют просветов.

гражденин офицеров подавать будет, даже и на Высочайшее имя. С объяснением подоплеки дела или нет — это уж как господин генерал пожелает!

Демарш со стороны обычно сдержанного, флегматичного и погруженного в дела службы Стрельникова оказался для Чекуменева неожиданным настолько, что он мгновенно сбавил тон. Просить извинения, конечно, не стал, закруглил тему так, что, мол, конечно, лучше бы предупредить, да вот обстановка не позволила, и вообще он не предполагал, что высокая агентурная игра, вельт-политик¹, может внезапно пересечься с проблемами взводного масштаба.

На том и разошлись. В смысле — оставили эту тему и перешли к делам, вытекающим из сложившейся обстановки.

Повесив трубку, Чекуменев тяжело задумался. О своем срыве он жалел. Не потому, что обидел ни в чем не повинного полковника (ни в чем не повинных, как известно, не бывает, даже жертва уличного бандита виновата в том, что позволила себя ограбить или убить), а в том, что *потерял лицо*, не смог сохранить нужного хладнокровия, продемонстрировал подчиненному, что его можно вывести из себя неприятной новостью.

А заодно и приоткрыл свои карты, показав, сколь сильно он был лично заинтересован в нормальном функционировании штаба повстанцев. Ну, теперь придется плавно выкруливать из колеи, в которую попал. Офицеров наградить, и Стрельникова тоже, и более к этому не возвращаться. Загрузить их работой так, чтобы они естественным образом забыли о данном эпизоде. И начинать выстраивать ситуацию с нуля, ориентируясь на заветы великого Черчилля: «Пессимист видит трудности при каждой возможности, оптимист в каждой трудно-

¹ Вельтполитик — мировая политика (нем.).

сти видит возможности», «Судьбу побеждает тот, кто сам на нее нападает», «Если вы хотите достичь цели, не старайтесь быть деликатным или умным. Пользуйтесь грубыми приемами. Бейте по цели сразу. Вернитесь и ударьте снова. Затем ударьте еще раз — сильнейшим ударом плеча...».

Тому это помогало на всем протяжении долгой, девятидесятилетней жизни. Значит, некий главный нерв сущего потомок герцогов Мальборо уловил. Не грех воспользоваться передовым опытом.

В том, что ситуацию в Варшаве удастся вновь взять под контроль, Чекменев не сомневался, вопрос лишь в том, сколько времени и сил это займет в новых обстоятельствах. Эх, знать бы заранее, что все кончится именно так, ни за что бы не согласился отложить войсковую операцию.

А ведь Фарид буквально за полусуток до своей бессмысленной гибели (будто предчувствовал), так его уговаривал не начинать боев в городе. Подробно доложил расклад сил внутри *движения*, все свои расчеты и хитрые, макиавеллевские многоходовки. Сулил гораздо больший выигрыш от использования противоречий между членами повстанческого комитета и их зарубежными покровителями, чем от силовой акции, обязательно бы сопровождавшейся многочисленными жертвами. И убедил же!

Самое главное, теоретически Фарид был прав. И, возможно, остается прав даже сейчас. Без него, конечно, все будет не в пример сложнее. Теперь следует немного выждать — в какую сторону начнут развиваться события после гибели турка, Станислава, некоторых других лиц, находившихся на связи.

Творческая мысль генерала заработала автоматически. В этом и была его сильная сторона, кроме тщательных, кропотливых расчетов и проработок, он умел отдаваться интуиции, и она его обычно не подводила. В голове как бы сам собой стал складываться новый план, преду-

сматривающий, между прочим, и использование молодого и хваткого поручика, нет, теперь уже штабс-капитана Уварова.

А тут ведь, буквально завтра, по расчетам Маштакова, может возвратиться из... из-за... одним словом, оттуда, Тарханов со своей компанией. Если выйдут — великолепный довод в пользу приостановки действий в Варшаве. Так, мол, и так, знал, что возвращаются, и до личной встречи с группой решил зря не класть солдатские головы...

Неприятности были полностью выброшены из головы, начиналась новая работа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Радость от возвращения из затянувшегося на девять месяцев странствия по параллельно-загробному миру была значительно смазана неожиданным, но неприятным следствием неведомого физического закона, воспрещавшего, как оказалось, перемещение материальных предметов и ценностей «оттуда сюда». Из «мира живых» в «боковое время» — сколько угодно, а вот наоборот — отнюдь. И герои нашего повествования, за исключением не то чтобы проницательной, но приверженной к собственному стилю одежды Майи, вовремя переодевшейся в бережно сохраненный *посюсторонний* костюм, предстали перед высоким начальством, едва успев задрапироваться казенными портьерами.

Очевидно, таким образом природа (или нечто иное, призванное поддерживать мировое равновесие) устраняла самые вопиющие парадоксы, в данном случае — не допуская удвоения предметов в *нормальном* мире. Действительно, каким образом можно было бы объяснить, как один и тот же предмет может находиться одновременно в совершенно различных точках пространства? И тем более к каким нарушениям закона причинности и

иных основ мироздания такое удвоение сущностей могло бы привести?

Само собой, что исчезновение одежды, оружия и множества прочих мелочей, приобретенных за время странствия, не только смутило наших героев, но и разом похоронило надежды использовать параллельный мир в качестве неисчерпаемого источника материальных ресурсов. Печальное, по большому счету, открытие. Требуемое размышлений и соответствующих научных изысканий. Поскольку непонятым оставался не менее фундаментальный вопрос — «а почему же в ту сторону любые порождения живой и неживой природы проникают беспрепятственно?».

Ни Ляхов, ни кто-либо из его друзей, разумеется, в самый момент возвращения не имели ни времени, ни возможности задумываться над подобными вопросами, но вообще-то тема интересная. Можно, к примеру, предположить, что никакой странности на самом деле и нет. А все происходит в полном соответствии с элементарным здравым смыслом. Никого же не удивляет, что любые технические (о магических мы здесь не говорим) ухищрения не в состоянии превратить котлетный фарш обратно в корову и даже в обычный кусок говядины. Хотя прямой процесс доступен любой домохозяйке. Так и здесь. Переход материальных объектов из бытия в небытие (в «мир мертвых», в «боковое время»), то есть возрастание энтропии, если угодно — процесс естественный и необратимый. Что с воза упало, то пропало.

Однако и здесь кроется логическая неувязка, очередной парадокс. Сумела же Майя пронести свои вещи «на ту сторону» и благополучно возвратить обратно? Может быть, лишь оттого, что они-то не имели в нашем мире собственных двойников?

Одним словом, как любила повторять Скарлетт О'Хара, героиня знаменитого романа: «Я подумаю об этом завтра».

Потому что уже сегодня Великий князь, немедленно

извещенный Чекменевым о возвращении группы Тарханова — Ляхова, повелел доставить их к нему для представления и личного доклада. И на все про все, включая полный комплекс необходимых гигиенических процедур, переобмундирование согласно дворцовому протоколу и этикету, а также подготовку хотя бы тезисов доклада, было отведено всего лишь пять часов.

Для мужчин тут проблем не было, военному человеку на все вышеуказанное хватило бы и часа, а вот женщины были поставлены в тупик. Слышанное ли дело, явиться ко двору сразу после многомесячного путешествия по диким и безлюдным местам, где нет ни парикмахерских, ни массажных салонов, ни маникюрно-педикюрных кабинетов! Ничего нет для поддержания в должной боеготовности женской красоты. Вернее, все это там есть, и даже в изобилии, только пребывает в запустении, а главное — отсутствует подготовленный, знающий свое дело персонал.

На приведение себя в порядок после такого похода нужны как минимум сутки!

На робко высказанное Майей (Татьяна предпочла вообще промолчать) возражение Чекменев ответил, что все необходимое им будет предоставлено, о переносе же срока аудиенции не может быть и речи. По крайней мере, он с такой инициативой выступать не намерен.

Да еще Ляхов, по несносной привычке ляпать время от времени нечто, может быть и остроумное, но неуместное с точки зрения хорошего тона (как говорил Мао Цзэдун: «Сказанное правильно, но не вовремя — неверно»), надерзил генералу Чекменеву, заявив, что нимало не удивлен разгорающейся в России новой гражданской войной. В том смысле, что ни к чему иному деятельность Игоря Викторовича и не могла привести. Вроде бы и в шутку было сказано, а прозвучало не совсем красиво.

Извиняло в некоторой мере Ляхова лишь то, что он, за девять месяцев, проведенных не только вдали от Родины и службы, а вообще неизвестно где, буквальным об-

разом *десоциализировался*, то есть утратил присущее каждому военному человеку почти инстинктивное чувство субординации. Кроме того, он как-то подзабыл, что сейчас имеет дело не с прежним, почти равным по чину подполковником административной службы, а с всесильным начальником всех великокняжеских спецслужб.

Конечно, благополучно вернувшись, получив вдобавок незабываемые впечатления, обиды на Чекменева он не держал, но и совсем уже забывать о том, каким образом все было организовано, не собирался.

А тот в силу уже своего, начальственного инстинкта был обязан дать зарвавшемуся офицеру должный укорот. Чтобы не подрывать самые основы воинской службы. Каким образом эта процедура будет исполнена — не суть важно. В зависимости от вкусов, наклонностей и степени фантазии означенного начальства. Игорь Викторович сделал положенное в максимально деликатной форме. Хотя мог бы просто поставить по стойке «смирно» и обматерить.

Впрочем, не совсем понятно, чем бы закончилось дело в этом случае.

— Ни в малой степени не сомневаясь в вашей сообщительности, Вадим Петрович, хотел бы заметить, что как раз *наши* труды имели своей целью означенные прискорбные события предотвратить. Не вышло, вернее, вышло не совсем так, как предполагалось — вы уж не обессудьте. Надеюсь, вы в пределах собственных полномочий окажетесь более успешны. Я со своей стороны сделаю все для этого необходимое. Пока же — не смею более задерживать. Приводите себя в порядок и готовьтесь... — и радушным жестом указал на дверь.

Ляхову ничего не оставалось, как с максимально возможным в его положении и наряде достоинством проследовать к выходу. За ним — Тарханов и девушки, только Розенцвейг, легкомысленно сделав ручкой, остался в кабинете.

Уже на крыльце, едва выйдя за пределы досягаемо-

сти начальственного слуха, Тарханов выматерился, нисколько не стесняясь присутствием женщин.

— Тебя, господин полковник, за язык кто дергает? Отвязался на вольных хлебах? Так побыстрее входи в меридиан, как вы, штурмана, выражаетесь. Чекуменев-то, он только до поры тихий и вежливый. А отвесить может так, что мало не покажется. Тем более в условиях военного времени...

— Да ладно, что я такого уж сказал? Не дурак, поймет все правильно. Я в рамках своего стиля, он — своего. Это тебе он прямой начальник, а я, как бы это выразиться, сочувствующий...

— И про это забудь. Игры, по всему судя, закончились. Война, сам слышал. Запрягут, взнуздают, куда ты, на хрен, денешься! А при тебе останутся приятные воспоминания о былой свободе и право строить рожи портрету начальника при запертой двери и задернутых шторах.

Слова Тарханова Вадиму не слишком понравились. Зато он понял — с Сергеем все в порядке, никаких сбоев в психике у друга нет и не было. Просто он куда быстрее самого Вадима вернулся к реальности жизни, которая есть здесь и сейчас.

Это там, в сказке (а и действительно, где они побывали, как не внутри вариации на тему русских народных сказок?), Тарханов, до конца не веря в реальность, а главное — осмысленность происходящего, как-то потерялся. Бывает, со всеми бывает.

Ляхов, к примеру, читал про очень сильного и славного многими достоинствами человека, который, случайно попав в тюрьму, превратился в совершенно раздавленного и жалкого человечка. Но немедленно, впрочем, восстановился, выйдя на свободу. И даже преуспел против прежнего, успешно применяя в жизни полученный опыт. Так, пожалуй, и тут.

И по той же аналогии ему, Вадиму Ляхову, уже нико-

гда, возможно, не почувствовать себя настолько *на коне*, как там.

Очень стал понятен исполненный тоски и отчаяния вздох одного из его любимых литературных героев, поручика Карабанова: «Ах, как хорошо было в Баязете!» Это при том, что возвратившись, после трехмесячного сидения, без воды и пищи, в осажденной турками крепости, под постоянным огнем и риском ежеминутной смерти, к роскоши и реалиям великосветской жизни и гвардейской службы, человек сообразил, где он был более на месте и в согласии с собственной душой.

Ну, так, значит, так. Каждому, как известно, свое.

Отведенного до аудиенции у Великого князя времени едва хватило, чтобы в предоставленном Чекменевым коттедже Ляхов с Майей привели себя в приличествующее поводу состояние. Как и обещал генерал, там оказалось все, о чем мечталось во время долгого путешествия, особенно начиная с Днепра, когда они добирались до Москвы на последнем, что называется, издыхании.

Не столько в физическом, как в нравственном смысле. Физических сил как раз хватало, все ж таки жили они на свежем воздухе, работали много, но не до изнеможения, питались хоть и однообразно, но вполне достаточно для поддержания сил. Одним словом, почти нормальное путешествие по нормам XIX века, когда люди верхом и пешком пересекали неисследованные континенты, сражаясь с дикарями, хищниками и всякого рода антисоциальными элементами.

Возвращались (если возвращались), как и наши герои, закаленные духом и телом. Только одна разница — те путешественники по мере приближения к дому, и вообще к цивилизованным краям, испытывали радость и душевный подъем, а Ляхов со товарищи — наоборот. Чем ближе цель — тем сильнее нарастала тревога, кто-то ощущал нездоровое возбуждение, кто-то метался ме-

жду надеждой и депрессией. И все это переживалось по преимуществу наедине с собой, на людях каждый пытался *сохранять лицо* и не усугублять обстановку нытьем и никчемными разговорами о том, чего нельзя ни угадать, ни изменить. И даже Татьяна, по поводу которой Вадим испытывал наибольшие опасения (несмотря на то, что все подозрения в ее адрес были вроде бы давным-давно сняты), вела себя вполне достойно.

Но вот все разрешилось наилучшим, казалось бы, образом. С точки зрения сегодняшнего утра. Ближайшие дни можно ни о чем серьезном не думать, наслаждаться благами вновь обретенной цивилизации. На чем Ляхов и старался сосредоточиться.

Отведенный им коттедж был значительно лучше того, в котором жил в этом военном поселении Тарханов. Очевидно, предназначался он для размещения гостей высокого ранга. Кроме трех обширных спален (обставленных военными интендантами с некоторой даже избыточной, и оттого на грани безвкусицы, роскошью), там имелся громадный холл с газовым камином, большая столовая и примыкающий к ней бар с классического вида стойкой и достаточным запасом напитков, бильярдная, а также обещанная сауна и даже бассейн с гидромассажем.

Первым делом Майя позвонила отцу, сообщила, что ее командировка благополучно закончилась, и она немедленно, как только освободится, приедет повидаться.

«Нет, не сегодня, сегодня предстоит прием на самом верху, ну, ты понимаешь, и времени совершенно нет. Даже к себе забежать некогда, поэтому, папа, позови к телефону Марию Карловну, мне нужно кое-что ей поручить, а тебя я люблю и целую».

Мария Карловна, дама слегка за сорок, вела хозяйство прокурора уже больше десяти лет и при этом отнюдь не состояла с ним в интимных отношениях, что поначалу, признаться (когда девушки начинают живо интере-

соваться подобными вопросами), Майю сильно удивляло. Потом разобралась.

Домоправительница, педантичная и крайне щепетильная в финансовых делах, полунемка-полуфинка, просто совершенно не интересовалась мужчинами, принадлежа к клубу феминисток самого крайнего толка. Что очень помогало ей с блеском исполнять свои служебные обязанности, не отвлекаясь на всякие глупости.

Одновременно она спокойно и с пониманием относилась к совершенно противоположным пристрастиям Майи, и отношения у них были самые доверительные. Поздоровавшись и обменявшись необходимыми после долгой разлуки словами, Майя принялась диктовать, какие именно предметы туалета нужно отобрать в ее гардеробе (исходя из того, что предстоит прием на самом высоком уровне) и не позднее чем через два часа переправить с шофером по такому-то адресу.

Говорила она коротко, четко, без обычных женских отступлений на посторонние темы: сказывалось детство, проведенное при отце-прокуроре, и пребывание остальные годы в мужской, преимущественно офицерской среде.

— Ну, вот и все, — сообщила Майя, опуская трубку на рычаг. — Мои проблемы на ближайшее время решены, маникюршу и парикмахершу адъютант Чекменева обещал прислать к пятнадцати. Думаю, за час они управятся, — она с сомнением посмотрела на свои коротко стриженные, давно не видевшие лака ногти, и кисти с огрубевшей, обветренной кожей. — Те еще ручки, как раз для нежной и хрупкой девушки...

— Зато мышцы — что надо! А пресс! Ни капли жира! — Вадим чересчур фамильярно похлопал ее по действительно подтянутому и крепкому животу. — Любой светской даме можешь предложить в армреслинг сразиться, под заклад имения.

— Разве что. А теперь — приступим к водным процедурам.

Последнюю неделю им и помыться толком негде было, так уж сложились маршрут и обстановка. И уединиться тоже.

С давно забытой непринужденностью девушка раздевалась в пахнущем нагретым деревом и восточными курительными палочками предбаннике уже раскалившейся до предельной температуры сауны. Несколько раз крунулась перед зеркалом, целиком занимавшим одну из стен.

— Да... Загарчик чисто офицерский...

На самом деле ровный летний загар давно сошел с ее стройного тела, и лишь руки до локтей, лицо и шея выглядели так, будто она только что возвратилась с одесских или ялтинских пляжей.

— Правильно я велела привезти мне английский костюм, в открытом платье это выглядело бы достаточно смешно...

— Если только тональным кремом по пояс не выкраситься, — Вадим сделал попытку поймать подругу за талию. Давненько ему не приходилось видеть ее полностью обнаженной, в ситуации, когда нечего опасаться посторонних глаз и ушей. Тесные каютки катера, в которых и одному только-только повернуться, и нулевая звукоизоляция переборок как-то мало располагали к радостям любви. Разве так, наскоро, уловив подходящий момент. Летом еще можно было уединиться в прибрежном лесочке, да и то, не раздеваясь, но с середины августа начиная с низовьев Днепра пошли обложные дожди, так что и этот вариант пришлось исключить.

— Не спеши, не спеши, капитан, — ловко вывернулась Майя. — Давай хоть ополоснемся сначала.

Но едва она вытерлась банной простыней и потянулась к одному из висевших на вешалке пушистых халатов, Вадим не стал больше медлить. Подниматься на второй этаж, ждать, пока она раскроет обширную королевскую постель — увольте.

Вполне достаточно белого коврового покрытия пола и того же халата.

Майя принадлежала к тому типу женщин, у которых секс стимулирует и повышает жизненную активность и все прочие функции. Ляхов слышал, что некоторые известные театральные актрисы непосредственно перед выходом на сцену обязательно нуждаются в подобной встряске, и уже неважно — с кем именно.

Вот Майя, наверное, решила таким же образом подготовиться к встрече с Великим князем.

Оставшегося времени едва хватило на то, чтобы две мастерицы и три подмастерья из знаменитого московского салона красоты, работая одновременно, с быстротой и сноровкой горноспасателей, успели привести очень озабоченную своей внешностью красавицу в удовлетворивший ее вид.

Самому Ляхову ничего подобного не требовалось.

Ну, постригли его в соответствии с требованиями устава, побрили и подравнивали усы, мундир даже подгонять не пришлось, фигуру он имел вполне соответствующую стандартным армейским росторазмерам. По ручной работы шуваловским сапогам сам прошелся щеткой с гуталином, чтобы убрать признаки неношенности, несколько раз отжал голенища сверху до самых щиколоток — с той же целью, и — готов полковник!

Аналогично и Тарханов.

Ожидая, пока закончат сборы их дамы, они успели выпить коньячку по единой, чтобы соответствовать, покурили, наскоро выработали единую линию поведения.

— Как там разговор пойдет, не угадаешь, — рассуждал Тарханов. — Но ежели придется, давай так — я докладываю общую канву событий, только факты. А ты уже подробности, версии, соображения по поводу случившегося, оценку возможных перспектив... Годится?

— Почему же нет? Если спросят — изложу. В том же примерно духе, что уже успел сообщить Игорю. Потусторонний мир вполне можно использовать для перебро-

ски войск и техники на фронт, во фланги и тыл противника, при условии, разумеется, что впредь аппаратура переходов будет работать четко и без всяких неожиданностей. А мы, в свою очередь, готовы исполнить свой долг любым образом, как будет угодно повелеть Его Императорскому Высочеству.

— Так-то оно так, только ты уж удерживайся от ерничества. Уровень другой.

— Ага. Поучи батьку... Я, между прочим, уже удостоивался Высочайшей аудиенции, и, как видишь, нормально обошлось. А сейчас я так, разминаюсь. Чтобы язык не присох...

— У тебя присохнет! Ну, похоже, пора. Вон наше превосходительство поспешает...

Действительно, по дорожке со стороны штаба быстро шел Чекменев, тоже облаченный в мундир «для малого приема», а на площадку неподалеку выехали два солидных лимузина, похоже, из княжеского гаража: своих подобных машин в штабе спецопераций не имелось.

— Готовы?

— Безусловно, ваше превосходительство, — вскочил со скамейки Ляхов, бросил руки вдоль кантов брюк, поскольку был без фуражки, с великолепным гвардейским шиком щелкнул каблуками и звякнул шпорами. Знай, мол, наших. Ежели служба, так служба.

Чекменев поморщился.

— Зря ты так, Вадим Петрович. Я же с тобой ссориться не собираюсь. Зная твой характер. Но и ты соблюдай... Мало мы с тобой водки выпили в неслужебной обстановке? А при посторонних чего в бутылку лезть? Садись давай, обсудим кое-что.

Ничего не оставалось, как признать правоту старшего товарища. Как и недавние слова Тарханова на ту же тему.

— Ну, извини, Игорь Викторович. Это я правда, подболтался там за последнее время. Свобода, как писал

классик, разлагает. Абсолютная свобода разлагает абсолютно.

— Вообще-то классик насчет власти писал, но и с твоим вариантом не поспоришь. Я вас хочу в курс дела ввести, чтобы дураками себя на приеме у князя не чувствовали. Там у него, кроме вас, грешных, будет еще человек десять из бывшего клуба «Пересвет»...

— Как это бывшего? Распустили, что ли? — опять не сдержался Ляхов.

— Не распустили, а в рамках текущей мобилизации перевели на иной правовой уровень — создали на его базе Отдельное военно-аналитическое управление Собственной Его Императорского Высочества Ставки. Во главе с генерал-лейтенантом Агеевым. Там в штатах и для тебя, Вадим Петрович, местечко найдется. А тебе, Сергей Васильевич, придется на прежнее место возвращаться. Я, с присущей мне благоразумностью, назначил Стрельникова всего лишь «исполняющим обязанности» начальника управления, так что теперь снимать с должности не придется. Вернем *по принадлежности* или сделаем твоим замом, если захочет. Он-то и не тянул по полной, честно сказать. Но сейчас суть не в этом.

Князь пригласил на прием наиболее доверенных людей, большинство из которых вам известно. Цель встречи — в приватной обстановке обсудить ход и возможные варианты польской кампании, с учетом грядущей передачи всей полноты власти в стране Олегу Константиновичу...

На эти слова Тарханов только кивнул головой, а Ляхов слегка присвистнул. В принципе, такая возможность обсуждалась, но лишь в виде далекой перспективы, а тут — пожалуйста. Быстро времечко бежит, особенно если его в шею подталкивать.

— Ваше присутствие, в принципе, предполагалось, потому что мы с Маштаковым были почти уверены, что именно сегодня вы выйдете, однако князю я до того, как это случилось, не докладывал. Решил сюрприз сделать.

Отсюда — установка. Примите и запомните. Ситуацией мы владеем в полной мере, поскольку и мои расчеты здесь, и ваши — с той стороны совпали до секунды. Следовательно, на использование временных пробоев мы можем рассчитывать стратегически...

— А на самом деле — это так? — подал голос Тарханов.

— А из чего вы исходили, прибыв на точку именно в сей день и час? — ответил вопросом на вопрос Чекмев.

— Да в основном на бога все делалось, — не стал кривить душой Тарханов. — Других оснований не было. Либо так, либо никак.

— Вот и мы здесь предположили, что иного решения вам просто не придумать. И не ошиблись, к нашему общему счастью. Детали проработаете с Максимом Бубновым, он теперь тоже большой человек, и весь этот проект курирует.

Ляхов в очередной раз удивился, но виду подавать не стал. Все течет в соответствии со своей внутренней логикой.

— Но я по-прежнему не об этом. Доложите князю, что видели. Из твоих слов, Вадим, я сделал вывод, что успели вы многое. Включая каких-то местных жителей. Впрочем, каких именно, я догадываюсь. Поскольку по долгу службы на той стороне побывал. Впечатления, скажу я вам... Однако, раз вы выжили и вернулись, и с ними иметь дело можно, так? Будете князю рассказывать — я с интересом послушаю.

Потом, как я догадываюсь, на ту же тему может состояться разговор уже конкретный и по делу. С расчетами и картами. Хочу, чтобы вы знали, князь — человек увлекающийся, он, как только услышал, что вы вернулись, и успешно, тут же приказал все операции в Польше приостановить, чтобы в случае чего вашим опытом воспользоваться...

Ляхов опять присвистнул. Действительно, быстрень-

ко Олег Константинович решения принимает! А, может быть, так и нужно в его положении?

— Зато генерал Агеев и его команда, — продолжал Чекменев, не обратив внимания на реакцию Вадима, — те совсем наоборот. Потому старайтесь соблюсти баланс. Докладывайте только правду, но, естественно, не всю. Изобразите так, будто вы оказались там отнюдь не вследствие теоретической ошибки, а в соответствии с четко разработанным планом, и все ваши действия имели конкретную цель. Какую — объяснять не надо, я сам скажу все, что потребуется.

Если у присутствующих возникнут вопросы, отвечать только с моего согласия. Я сам буду этот процесс регулировать. К князю, разумеется, сие не относится. Ему отвечать полно и точно. Чем вас князь решит наградить — не знаю, но думаю, что не обидит. Девушки ваши как — сумеют соответствовать обстановке? Дополнительный инструктаж не требуется?

— Другие дамы там будут? — поинтересовался Ляхов.

— Скорее всего, нет. Ваши спутницы приглашены ведь не в женском качестве, а как полноценные участницы беспримерного рейда... Очевидно, соответственно будут и отмечены.

— Тогда инструктаж не требуется.

— Тогда я спокоен, — провел пальцами по усам Чекменев. — Но поторопите их, времени в обрез.

Пока ехали в Берендеевку, Ляхов, основываясь на личном опыте общения с князем и полученных в Академии основ дипломатического и придворного протокола, объяснил друзьям некоторые тонкости предстоящей процедуры. Обрисовал некоторые черты характеров людей, с которыми предстоит встретиться, и в полном противоречии с собственным недавним поведением, посоветовал в любом случае сначала незаметно глубоко

★ вдохнуть, посчитать про себя хотя бы до пяти и лишь после этого отвечать.

Резиденция встретила их шумом вековых сосен, гвардейским караулом у ворот, морозящим дождем.

Сам Великий князь стоял в окружении свиты офицеров и генералов у балюстрады просторной веранды.

Громадное, по меркам деревянной архитектуры, трехэтажное здание, сложенное из кондовых¹ бревен, да еще в окружении такого же, но живого, дремучего, словно с картин Васнецова и Шишкина, леса, сразу производило незабываемое впечатление. Особенно на гостей, попавших сюда впервые.

Мало что резиденция была красива сама по себе, резными столбами, поддерживавшими свесы крытой осиновым лемехом² крыши, украшенными деревянным кружевом XVI — XVII веков окнами, дверями, фронтонами. Было в ней что-то еще, неуловимое, но сразу наводящее на мысль о преемственности державной власти и ее неизбывной русскости.

Правда, подумал Ляхов, еще куда убедительнее было бы, если б князь (по примеру Александра Третьего) вел в своей вотчине носить исключительно одежду в стиле времен Алексея Михайловича (Тишайшего). Пусть не реплику, пусть *по мотивам*, но все же... Впрочем, возможно, все это еще впереди.

Увидев идущих от ворот гостей под предводительством Чекменева, князь сделал максимум того, что предполагалось дворцовым этикетом.

Шаг навстречу, легкое движение руки в направлении козырька фуражки в ответ на приветствие вытянувшихся во фронт офицеров, и галантный поцелуй, почти касание к ручкам Майи и Татьяны.

¹ Конда — крепкая, боровая (не болотная) сосна, здоровая, мелкослойная, смолистая, с красноватой древесиной.

² Лемех — тонкая деревянная пластина, использующаяся вместо шифера, черепицы для крыш (*старорусск.*).

Для дочери столичного прокурора это было если и не привычно, но хотя бы в рамках знакомой парадигмы¹, Татьяна же, девушка из глубокой южной провинции, где сильны традиции почтения к верховной власти, прикосновение великокняжеских губ к запястью восприняла как нечто невероятное, чуть ли не ярчайшее событие своей жизни.

Так вот и появляются очередные пылкие обожательницы сюзерена, которых более уже нельзя переубедить никакими рациональными доводами.

Князь наметанным глазом и присущей ему интуицией мгновенно уловил эмоциональную реакцию не пошедшему красивой дамы.

— Рад познакомиться. Олег Константинович, о чем вы, безусловно, знаете, а вы?

— Татьяна Юрьевна... Тарханова, — ответила она и невольно густо покраснела, хотя этого почти и не видно было в начинающихся сумерках и через плотный загар.

Назвав себя так, она сделала сильный ход. Если сейчас это пройдет, Сергеем отступить некуда. И в то же время, поскольку по всем официальным документам он числился полковником Неверовым, ничего предосудительного она вроде и не сделала. Просто застолбила за собой именно такое имя.

— Казачка? — проявил информированность в этнографических вопросах князь.

— Да, Ваше Высочество. Кубанская...

Эта женщина вдруг пробудила в душе князя известного рода интерес. Ее статная, стройная и в то же время чем-то неуловимо отличающаяся от привычного канона фигура, рисунок губ, большие серо-зеленые глаза, одновременно наивные и опытные, внезапно очаровали его. Отчего бы не сделать красавицу очередной фавориткой? Интересно, согласится она или нет?

Обычно светские дамы, в том числе и замужние, од-

¹ Парадигма — исходная концептуальная схема чего-либо.

номоментную или более-менее продолжительную связь с Олегом Константиновичем за грех не считали. Как и их мужья, если им вдруг становилось об этом известно.

А как будет с этой выросшей вдали от столиц и вряд ли знакомой с нравами и обычаями высшего света? Любопытно, и, пожалуй, придется это проверить.

Идея настолько заняла князя, что на минуту он даже забыл о своих непосредственных обязанностях. Но, похоже, внимание на это обратила только сама Татьяна.

После обмена рукопожатиями с князем навстречу Ляхову и Сергею пошли *пересветовцы*. Хлопали по плечам, приобнимали, стискивали руку, поздравляли с возвращением и успехом. Кто что имел в виду в каждом конкретном случае, Вадим предпочел не уточнять. Поскольку никто из присутствующих, кроме князя, Чекменева и Бубнова, понятия не имел, куда исчезал Ляхов, какое задание выполнял и чем оно завершилось.

Большинство сходилось во мнении, что работали Ляхов с Тархановым где-то на польском направлении. И раз их торжественно принимают в Берендеевке, значит, миссия была успешной. А если для встречи собран весь цвет клуба — в чем-то и поучительной. Так что авансом поздравить товарищей — ошибкой не будет.

И красавицам-дамам представлялись, каждый находил несколько галантных слов, лихорадочно при этом соображая, какова их роль в сегодняшнем приеме, если все остальные прибыли сюда без жен? Тем более те из офицеров, кто знал, чьей дочерью является Майя Бельская, в прошлом светская львица.

Самую бурную радость при встрече выказал Максим Бубнов. Он тут же вознамерился увлечь Вадима в уединенный уголок, чтобы немедленно ввести его в курс дела относительно собственных успехов по использованию верископа. Ляхов от него еле отбился, уговорившись встретиться немедленно после приема. Рассуждать на конкретные темы он сейчас был не расположен

гораздо больше его интересовала общеполитическая канва происходящего в стране и мире.

Это же только представить — уже больше полугода он не держал в руках свежих газет (хотя здесь прошло всего полтора месяца)! Этот парадокс тоже с трудом воспринимался сознанием.

По приглашению флигель-адъютанта гости вначале направились в буфетную, где по традиции подкрепились холодными закусками и несколькими рюмочками водки с личных княжеских винокурен.

В ходе реализации программы «возвращения к истокам» князь возродил традицию «пить по алфавиту», то есть начинать, скажем, с анисовой, затем барбарисовая (или «Бурбон»), «Выборовая» (или виноградная, она же чача) и так далее, вплоть до ячменной, яблочной (сиречь — «Кальвадос») и ягодной (в ассортименте). Вся эта продукция изготавливалась в ограниченных количествах исключительно для дворцового стола и отличалась высочайшим качеством.

И уже потом офицеры, не охмелевшие, но приятно взбодрившиеся, проследовали в зал для совещаний, где был приготовлен электронный видеопланшет во всю стену, с цветным рельефным изображением Европы и Малой Азии.

С первых же слов Тарханова, объявившего, что по приказу командования возглавляемая им группа произвела глубокий поиск в зону параллельного или же *бокового расширенного* времени, по залу прошло короткое шевеление. Опытные, хорошо дисциплинированные офицеры, разумеется, не позволили себе ни удивленных возгласов, ни каких-либо иных проявлений эмоций, но каждый как-то отреагировал на подсознательном уровне. Кто-то чуть подался вперед, громче, чем обычно, вздохнул, нервно листнул блокнот, кто-то обернулся, обвел глазами соседей: не ослышался ли, правильно ли понял смысл произнесенных незнакомым полковником слов.

Лишь безмятежные выражения лиц Ляхова и Чекменева, восседавших во главе стола, по обе стороны от князя, подтверждали, что это не мистификация, не глупая шутка. Значит, остается принять странно прозвучавшие слова как очередную данность и слушать дальше.

Офицеры «Пересвета» принадлежали к интеллектуальной элите Гвардии, были людьми начитанными не только в специальных военных трудах. И внутренне были подготовлены к тому, что в этой жизни может случиться всякое, в том числе научные открытия, вчера еще казавшиеся абсолютной фантастикой.

А Тарханов, взяв указку, прежним ровным голосом, как на подведении итогов командно-штабных учений, изображал на планшете пройденный маршрут, сообщал о военно-техническом состоянии изученных по пути объектов. Не обошел и фактор «покойников», опять же дав оценку этому феномену исключительно с позиций тактика, совершенно не вдаваясь в область биологии и психологии.

— Таким образом, — завершил он свое сообщение, — исследованные нами территории вполне соответствуют здешним в их топографическом описании, пригодны для расквартирования и передвижения любых войсковых соединений и объединений, причем снабжение может полностью осуществляться за счет местных ресурсов.

Что наиболее ценно и важно — все перемещения можно осуществлять на территориях, в реальности занятых противником. Хотя требуются еще дополнительные полевые испытания...

Сразу же оказалось много желающих задать Тарханову уточняющие вопросы, однако Чекменев предложил сначала выслушать доклад хорошо всем знакомого полковника Ляхова, отвечавшего в экспедиции за ее научную составляющую.

И Вадим дал себе волю. Соскучившись по слушателям, тем более столь благодарным, жадно ловящим каж-

дое его слово, делающим пометки в блокнотах, он мог бы растянуть выступление на несколько часов, благо живописных подробностей у него в запасе хватало. Однако благоразумно постарался уложиться в академические сорок пять минут.

Основное внимание он сосредоточил на популярном изложении физического смысла «бокового времени», а также на многочисленных парадоксах, с которыми пришлось столкнуться во время рейда. С одной стороны, потому, что именно они составляли для Ляхова главный смысл путешествия, без них оно ничем особенно не отличалось от любого другого, а с другой — он как бы приглашал слушателей к своеобразному «мозговому штурму».

Очень перспективной, в частности, представлялась возможность через «боковое время» проникать в миры с совершенно иным политическим устройством и технической культурой. Даже если невозможно доставить из того мира в этот хоть один натурный образец, никто ведь не помешает направить туда любое количество опытных инженеров, которые смогут разобрать таинственные приборы и устройства по винтику, произвести необходимые измерения и анализы, сделать чертежи, фотографии и так далее.

Внедрение плодов чужой технической мысли в здешнюю жизнь сулит России грандиозный технологический отрыв от союзников-соперников. И это будет куда важнее, чем чисто военные успехи, которые, впрочем, тоже несомненно последуют.

— Разумеется, господа, нет нужды предупреждать, что все, услышанное вами здесь, является абсолютно секретным, и не может обсуждаться даже среди своих за пределами специально отведенных для этого помещений, — предупредил Чекменев после того, как Ляхов закончил сообщение. — Сделанные в личных блокнотах записи прошу уничтожить в моем присутствии.

Князь все время доклада просидел молча, хотя вряд ли ему так уж все сразу было ясно. Скорее, он просто не

хотел обозначить перед собственными аналитиками направления своего интереса. Вполне в его стиле: сначала оценит, обмозгует ситуацию, а уже потом будет ставить вопросы и задачи, причем каждому участнику проекта — отдельно.

Сейчас Олег Константинович обдумывал услышанное с одной точки зрения — каким образом все это может повлиять на его отношения с Каверзневым? Потому что остальное — вторично. Возьмет он полноту власти, тогда и можно будет реализовывать проекты. И те, на которые намекнул полковник Ляхов, и другие, которые сейчас и в голову не приходят, но обязательно появятся по мере углубления в проблему. А вот дело с Каверзневым — это принципиально и неотложно.

Даже о реакции мирового сообщества на события в Польше можно пока не думать. Все равно, любым способом, но все образуется, иначе в политике просто не бывает. Раз воевать друг с другом всерьез великие державы не собираются, значит, соглашение непременно будет достигнуто. Неважно даже, на каких условиях. Князь настолько ясно видел преимущества своего нынешнего положения, что в случае необходимости был готов на самые значительные уступки (без потери лица, разумеется). В любом случае в конце концов он все отыграет стократно.

А Чекменев в это время разрешил наконец присутствующим задавать вопросы. Ему и самому было многое интересно. Он специально не стал требовать от Ляхова с Тархановым предварительного личного доклада, ему казалось более правильным, чтобы рассказ прозвучал именно так, в присутствии референтной¹ для офицеров группы. И слова будут точнее подбирать, и постараются оттенить наиболее яркие моменты. Да и вопросы, заданные десятком опытных и сведущих в самых различных

¹ Референтная группа — круг людей, с чьим мнением считаются, отношением которых дорожат. В научном и этическом плане.

сферах наук слушателей могут затронуть такие моменты, до которых он бы с ходу не додумался. А подробный отчет в письменной форме представляют все четверо, никуда не денутся, и писать будут поодиночке.

Первым поднял руку барон фон Ферзен:

— Скажите, пожалуйста, а какая необходимость была привлекать к эксперименту этих очаровательных дам? Чем хуже был бы любой из здесь присутствующих или просто два-три боевых офицера с соответствующими навыками?

Ляхов слегка растерялся. К подобному он был не готов совершенно. Но каков барон! Действительно, ведь грамотному аналитику состав группы не мог не показаться странным. Зато Чекменев оказался на месте.

— Я отвечу. Видите ли, Федор Федорович, в силу определенных факторов, которые сейчас просто не время раскрывать, нам было необходимо выяснить, является ли способность перемещаться через временной барьер, так сказать, эксклюзивной, присущей лишь господам Тарханову и Ляхову, которые раньше уже участвовали в подобном эксперименте, или же это общедоступно. Поэтому участники эксперимента отбирались по целому ряду параметров, говорить о которых сейчас неуместно. Добавлю, что «на ту сторону» ходили и еще несколько человек, называть имена которых тоже нет сейчас необходимости. Вы удовлетворены?

— Так точно, господин генерал! — Барон сел, но взгляд, брошенный им скорее всего непроизвольно, в сторону Бубнова, показал Чекменеву, что утечка информации все же произошла. Ладно, будем разбираться и с этим.

Другие вопросы были куда более практическими: влияют ли переходы из одного времени в другое на психику; сравнимо ли качество тамошнего оружия и нашего; действительно ли «покойники» договороспособны и на них «в случае чего» можно рассчитывать, как на союзников; можно ли наладить их продовольственное

снабжение путем переправки на ту сторону живого скота или, на крайний случай, преступников, осужденных на смертную казнь?

Раз уж договорились действовать методом «мозгового штурма», даже и такой, в принципе, антигуманный вопрос не встретил этического осуждения, а лишь чисто практическое возражение, что «если даже и так, то преступников данной категории вряд ли хватит, разве только для удовлетворения потребностей самой верхушки того общества, которое предполагается создать и считать своим союзником». На что последовал столь же резонный контрвопрос: а что, в принципе, может произойти с «покойниками», получившими доступ к питанию живым «человеческим материалом»? Мысль, кстати, достаточно интересная и плодотворная. Ведь Тарханов с Ляховым ни разу не видели «покойника», которому удалось бы добраться до живого человека. Если только предположить, что кто-то из соратников чеченского сержанта попался им в лапы. Неужели они могли вернуться в наш мир, превратившись, скажем, в аналог легендарных вампиров и вурдалаков? А почему бы, кстати, и нет?

В общем, дискуссия начала забираться в такие дебри, что князь ее прекратил волевым решением:

— Достаточно, господа. Я думаю, мы должны поблагодарить наших товарищей за совершенный ими подвиг и столь заинтересовавшие нас всех сообщения и перейти в обеденный зал, где вы сможете продолжить обсуждение в приватной обстановке. Дальнейшую же разработку темы мы продолжим завтра. В соответствии с научными интересами и должностными обязанностями каждого из присутствующих.

А сейчас позвольте огласить Высочайший Рескрипт.

Князь вдруг подобрался, лицо его приобрело подобающую должности величественность.

— Данной мне властью Местоблюстителя Российского Императорского Престола и Великого князя полковники Тарханов и Ляхов награждаются орденами Святого Георгия третьей степени, со всеми вытекающими

отсюда правами и преимуществами. Кроме того, полковник Тарханов возводится в потомственное дворянство Российской империи.

(Ляхов по отцу и так уже был потомственным дворянином, как и Майя. Следует отметить, что ранее вполне номинальная принадлежность к дворянству в перспективе восстановления самодержавия и принципа сословной демократии в полном объеме сулила немалые блага и льготы.)

А князь продолжал оглашать свой Рескрипт, словно держал перед глазами написанный витиеватым, но каллиграфически разборчивым писарским почерком текст. На самом же деле Олег Константинович импровизировал, только после доклада и личного знакомства с героем определив степень заслуг каждого и меру воздаяния.

— Оба названных полковника причисляются к Свите Нашего Императорского Высочества в качестве флигель-адъютантов. В потомственное дворянское достоинство возводится также Тарханова (в девичестве Любченко) Татьяна Юрьевна, со всеми своими прямыми восходящими и нисходящими родственниками. (То есть дворянами вдруг становились и ее родители, братья и сестры, если таковые имелись, а также и дети, законные и внебрачные.) Тарханова Татьяна Юрьевна и Бельская Майя Васильевна награждаются орденами Святого Георгия четвертой степени с возведением их в титул Кавалерственных дам, а также причислением к Свите.

Олег Константинович словно бы мысленно захопнул сафьяновую папку с Рескриптом и перешел на обычный тон:

— На этом пока все, господа. Прочие причастные к делу лица будут награждены в общепринятом порядке. Проходите в зал и ни в чем себе не отказывайте.

Это тоже был стиль Великого князя. В какой-то момент его величие исчезало так же непринужденно, как в нужное время опять возникало, и он превращался в совершенно ординарного участника общего застолья. Те, кто служил в одном с ним полку (хотя бы сроки службы

разделялись десятилетиями), могли традиционно обращаться на «ты», прочие — по имени-отчеству.

На длинный общий стол была выставлена старинная серебряная посуда (поскольку Ставка считалась «на походе»), места гостей обозначены табличками, вместо алфавитных водок подавались исключительно тонкие вина из крымских погребов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Позади главного берендеевского терема среди основного леса пряталось длинное двухэтажное здание, растянувшееся почти на полсотни метров, своим внешним видом напоминающее блокгаузы североамериканских и канадских поселенцев. Рубленое из ровных восьмиметровых бревен, с высокой, двускатной, рассчитанной на обильные снегопады крышей. На цоколе грубо отесанного дикого камня, окруженное на уровне второго этажа сплошной крытой галереей, или, как это называлось раньше, гульбищем. Лестница в шесть широких ступеней вела к дверям, более приличествующим амбразу или лабазу, будто бы изготовленным совместными трудами деревенского кузнеца и плотника из потемневших от времени брусьев, схваченных полосами бурого железа и подвешенных на грубо кованых петлях.

Вошедший в дом сразу попадал в громадный холл, а по-русски — переднюю, или же сени, метров сто площадью и высотой до самой крыши, без всякого потолка, только переплеты стропил над головой. И четыре поддерживающих столба посредине.

Прямо перед входом, у противоположной стены — камин в рост человека, до самого верха сложенный из мореных валунов — остатков древних ледников. Время уже было осеннее, прохладное, и в нем неторопливо горели несколько березовых корневищ. Приподнятый подиум перед камином вымощен плоским белым плитняком, по краям — дубовые, струтанные скобелем лавки.

На них приятно посидеть у огня, погреть руки с уличного холода, покурить, не спеша побеседовать на нейтральные темы с приятелем или случайным знакомцем.

Короткий коридор слева вел в комнаты обслуживающего персонала, длинный правый — в зал охотничьих принадлежностей и трофеев, а за ним постепенно повышающимся пандусом в трактир «Не торопись, дорогой!».

Название придумано не случайно. Дело в том, что трактир располагался перед комнатами и апартаментами второго этажа, и миновать его было никак нельзя. Вот представьте, вы вернулись летом с пешей прогулки или сбора грибов, зимой — с прогулки лыжной, подледной рыбалки или охоты. Пару глухарей завалили, а то и кабанчика, мечтаете о рюмке водки, а главное — неудержимо хочется рассказать кому-то о своих успехах и подвигах. Поделиться эмоциями, так сказать, особенно если день провели в одиночестве.

И тут вдруг попадаете в прекрасное место. На дубовых лавках, отполированных штанами многих и многих предшественников, за тяжелыми столами сидят прекрасные люди, вернувшиеся раньше или вообще никуда не ходившее, готовые принять вас в свою компанию.

Радушный целовальник¹ в красной рубахе и плисовых штанах, заправленных в сапоги на мягкой, бесшумной подошве, нальет вам бочкового пива в литровые кружки, или чего покрепче (все — за счет князя, он на своих гостях зарабатывать не собирается). На темных стенах развешаны олени и лосиные рога, кабаньи, волчьи, медвежьи головы и шкуры, чучела гигантских щук и иных промысловых рыб из окрестных водоемов, а также избранные портреты четырех поколений почетных гостей, гулявших здесь раньше и так же радовавшихся жизни, а теперь ушедших туда, где нет ни горя, ни воз-

¹ Целовальник — российский вариант бармена, приказчик винной лавки, целовавший крест, обещая торговать честно и напитки не разбавлять.

дыханий. В «Страну удачной охоты», как выражаются некоторые. Так что же, и вам спешить туда же? Потому так трактир и назван.

После официального ужина Олег Константинович отбыл в Москву для занятия неотложными государственными делами, все же прочие просто обязаны были заночевать здесь и уже более не думать о службе, чинах, должностях и вообще обо всем прочем, оставшемся за заборами Берендеевки.

Как гласил вывешенный на видном месте Указ императрицы Екатерины Великой, относящийся к проведению Ассамблей: «Чины оставлять за дверями, наипаче¹ как шляпы и шпаги». «Есть вкусно и сладко, пить же с умеренностью, дабы каждый мог найти свои ноги, выходя из дверей». И так далее.

Хороший, ненавязчивый и очень эффективный способ формирования и консолидации новой национальной элиты. Все, что угодно, можно в предложенной обстановке решить, *разрулить* любую конфликтную ситуацию (как в последнее время в определенных кругах принято выражаться). Самое же интересное, что здесь, в условиях полной *экстерриториальности*, разрешались не только азартные игры, карточные и иные, но и дуэли. В полном соответствии с кодексами XVIII века, модернизированными применительно к течению времени. Вообще-то дуэлей здесь не случалось давным-давно, еще со времен позапрошлого Местоблюстителя, но, по слухам, несколько случаев все-таки было, и даже — с фатальным исходом. В любом случае, сам факт, что они возможны и при соответствующем оформлении неподсудны, очень способствовал укреплению нравов.

Сейчас, разумеется, такие мысли никому в голову не приходили, и поводов не было, и люди собрались несколько иные. А вот миновать трактир было трудно. Да и незачем.

¹ На и п а ч е — даже более, чем (церковнославянск.).

Офицеры, бывавшие здесь раньше, успели занять самые удобные места, поснимали портупейные ремни, расстегнули верхние пуговицы кителей и отдыхать начали в полном соответствии с обычаями. Не думая, какой рукой какую вилку брать, каким образом реагировать на произносимые тосты. Стать на короткое время самим собой, как душа просит — хорошо.

Компании по интересам возникали мгновенно — чтобы обсудить животрепещущий вопрос или свежую сплетню, и так же быстро распадались, потому что из-за соседнего столика уже звучали не менее интересные слова. Кто-то кого-то влек под локоток в укромный угол, чтобы сообщить нечто совсем уже конфиденциальное, или *перетереть* тему, до которой не доходили руки в суматошной повседневной жизни. Да просто выпить очередную рюмку под наскоро придуманную или, наоборот, с прошлой встречи нежно лелеемую байку.

У Вадима где-то по краю сознания мелькнуло, что хорошо все-таки жить в стране, в которой восемьдесят с лишним лет не происходит никаких катаклизмов, вроде войн и революций, будто в какой-нибудь Англии или Новой Зеландии. Еще столько же продержаться — и можно будет смело говорить, что Россия стала наконец скучным и благоустроенным европейским государством.

Ляхову и Тарханову с девушками было уже, пожалуй, что и тяжеломерно продолжать гулянку. Последние бессонные сутки да нервное напряжение перед и во время *перехода*, потом встреча с Чекменевым и князем, доклады, обрушившиеся на них милости и все остальное-прочее. Сейчас бы, по-хорошему, удалиться в ответенные помещения и поспать минуток шестьсот, а не получается.

С почти каждым приятелем и соратником надо хоть на минутку присесть, чарку если и не выпить, так хоть поднять, к губам поднести. Сказать что-то в ответ на добрые слова. А подсядешь, туда же и из-за других столов

подтягивались желающие поздравить с наградами неформально, быть лично представленным дамам.

Примерно через полчаса Майя сказала Ляхову, что лично она больше не может соответствовать здешнему стилю. Пусть он ее проводит до комнаты, а сам — как знает. То же самое и Татьяна. Пришлось отвлечься и проводить дам. А когда уходили из трактира, Максим Бубнов, вроде бы незаметно для окружающих, прихватил на секунду Вадима за руку и шепнул номер комнаты, где будет его ждать.

— А ты как, Серега? — спросил Ляхов Тарханова у дверей его с Татьяной апартаментов.

— Знаешь, я тоже сегодня — пас. Тут все же твоя компания. Сам как-нибудь давай. Я лучше посплю. Меня ж завтра в любом случае службой напрягут. Что я — Чекуленева не знаю?

Товарищу оставалось только посочувствовать. И одновременно — позавидовать, если по другому счету. Судьба у него пусть трудная, но понятная. К ней он всю жизнь готовился и пожинает теперь плоды в самом подходящем возрасте. Чины, ордена, должность, благосклонность начальства. Он-то, по своему характеру, не будет рефлексировать и выводить командиров из себя неуместными умствованиями.

Ляхову — хуже. Именно потому, что он по-прежнему воображает о себе больше, чем судьба может ему предложить. Чины и ордена — это хорошо, кто же будет спорить, а вот к чему все это применить? В свой вот-вот долженствующий исполниться «тридцатник». Был бы он сейчас, как совсем недавно, военврачом третьего ранга без затей и претензий, так бы и служил себе, лечил бойцов и командиров, мечтая перебраться в столичную клинику, а то и на кафедру в Военно-медицинскую академию, и нормально бы себя ощущал, случись такое «воплощение мечты».

А тут ведь совсем иное. Нельзя себя чувствовать и вести, как раньше, раз уж так размахнулась судьба, набросав ему шансов, как собаке блох. Не поймут-с! Не-

важно, кто именно, да хоть та же судьба и не поймет. Раз уж так карта поперла, с девятерной на тотус¹, смешно пасовать.

Вот и сейчас он направлялся на встречу с Максимом, смутно предчувствуя, что голова завтра с утра потрескивать будет, адреналиновая тоска замучает и все такое прочее. Однако ведь не нами сказано: «Тот не гусар, кто при виде бутылочки доброго вина думает о завтрашнем похмеле!»

Да просто интересно ему было, что ж тут такого случилось за полтора их, девять наших месяцев. Откуда, например, взялись у Бубнова на плечах строевые подполковничьи погоны? По стопам, так сказать, пошел коллега или это у него способ маскировки, чтобы не наводила на ненужные размышления в соответствующих кругах его медицинская сущность?

Интриги раскручиваются здесь со скоростью американского торнадо — выпадешь на краткий срок из этого коловращения, и неизвестно, сумеешь ли обратно встроиться. Остался ли прежним друг Максим, или у него теперь тоже собственные приоритеты и новые замашки? Да и еще кое с кем требуется поговорить неотложно.

Хорошо, догадался он сказать Майе, чтобы ее домоправительница, кроме костюма, передала упаковочку бензедрина. Сейчас таблетка, запитая глотком сельтерской воды, поможет ему часа три-четыре сохранять трезвость, бодрость и великолепную остроту и ясность мысли. На фоне состояния возможных собеседников это создает явные и прогнозируемые преимущества.

В коридоре, когда он шел к Бубнову, его неожиданно перехватил Федор Федорович, тоже успевший превратиться в полковника. Князь своим людям чинов не жалел. Да и чего их жалеть? Казне расходы небольшие, а людям приятно. Был барон таким же веселым, румяным

¹ Тотус — преферансный термин, означающий десять взяток на десяти картах, которые не разыгрываются, а предъявляются для проверки.

и доброжелательно-общительным, как и при их первой конфиденциальной встрече¹, однако и на него прошедшее время и текущая обстановка оказали кое-какое действие, заметное внимательному взгляду.

— Что, Вадим Петрович, заглянем ко мне, обменяемся парой слов?

— Да меня-то, вообще, и в другом месте тоже ждут, — с некоторым сомнением ответил Ляхов, одновременно прикидывая, что к Бубнову можно особенно не торопиться. В том смысле, что никуда не денется, им так и так вместе работать, а вот от барона можно перехватить кое-какую, могущую оказаться полезной информацию.

— Ждут — подождут. Если не женщина, конечно. Однако, как я заметил, от одной женщины ты уже освободился, а другой, для тебя подходящей, я тут вроде и не приметил. Так что пошли...

Пришлось согласиться. Комната у Федора Федоровича была такая же, как у всех, кровать, стол, два стула, настольная лампа и санузел. Мини-бар, разумеется, самовар на приставном столике, а закуска уже по способности. Барон озаботился.

Ничего особенного, принесенное из трактира блюдо с крошечными пирожками, начиненными дичью, картошкой, потрошками, яйцами с рисом и капустой, да малосольных огурцов «по-великокняжески». То есть приготовленных строго по рецептуре и вкусу Олега Константиновича.

Барон, как настоящий остзеец², предложил можжевелевую водку. Ляхову было все равно, можно и ее. Выпили, вдумчиво закусили, хотя есть уже и не хотелось.

— А теперь скажи мне, Вадим Петрович, как старому товарищу и однокашнику, что в вашем докладе — чистая правда, а что — сконструировано на потребу начальства? Свое ты уже получил, так что стесняться не

¹ См. роман «Дырка для ордена».

² Остзеец — немец по крови, потомок выходцев из прибалтийских провинций Германии и России.

чего. А я теперь, как-никак, начальник оперотдела в нашем новом управлении, мне, сам понимаешь, информация нужна только стопроцентно достоверная.

— Начоперод? Поздравляю, — чтобы выиграть время, Вадим не нашел ничего лучшего. — А Академия как же? Побоку?

— Видно будет. Сначала нужно войну выиграть, со всеми проблемами разобраться, а уже потом думать, нужна ли она нам вообще, Академия? И нужны ли мы ей.

Мысль, в принципе, здравая, Вадим и сам не один раз задумывался о будущем. Год назад — да, Академия казалась ему шансом на прорыв в совершенно новые сферы жизни. А теперь?

— И вообще. Тут у нас такое затевается, уже догадался, наверное. И нам, «химическим полковникам», нужно друг за друга держаться...

В ответ на недоуменный взгляд Ляхова барон рассмелся:

— Не слышал, что ли? Это еще с Гражданской войны термин. Там за боевые заслуги только чинами награждали, а, сам понимаешь, в условиях Ледяного похода даже патроны проблемой были, не говоря о прочей амуниции. Вот и рисовали просветы и звездочки химическим карандашом на солдатских погонах или любой подходящей тряпочке. Бывало, если командиры и свидетели погибали, доказать право на такой чин трудненько было. Мы — почти в том же положении. Нет?

Вадим не мог не согласиться.

— Вот и давай, излагай, как оно на самом деле все было...

— Самое смешное, Федор Федорович, что абсолютно все — чистая правда. Единственное, о чем я сейчас говорить не буду, так это конкретный механизм перехода. Тайна не моего уровня. Все прочее — так и было. И израильские военные лагеря и оружие, техника, покойники, капитан Шлиман, переход морем на катере — все! Хочешь — верь, хочешь — нет, но если тебе требуется для работы — можешь на моих данных любую стра-

тегию строить. Как на коробке с армейскими пайками пишут: «Ешь, не сомневайся!»

— М-да, чудны дела твои, Господи. Я признаться, кое-какой информацией располагал насчет того, как доктор Бубнов с мертвяками встретился, а потом они с Чекменевым летали вас искать. Хотя и секретили все это по полной программе, да разве скроешь, если полсотни людей в курсе...

— Что-то мне кажется, Федор Федорович, что нам еще и с тобой там побывать доведется. Интуиция, видишь ли...

— Я что, я не против, люблю всякие ужастики.

После чего барон посвятил его в суть дела, для которого пригласил. С некоторым удивлением Ляхов узнал, что Ферзен, как и некоторые другие коллеги, имена которых Федор Федорович пока называть не стал, находится с недавних пор как бы в своеобразной оппозиции к группе старших товарищей, тесно примыкающих к генералу Агееву, и тем самым даже и к Чекменеву.

Отсюда и всплыла забытая побасенка про «химических полковников». Господа офицеры не уверены, что при определенном развитии событий не будут отстранены от нынешнего уровня принятия решений и влияния на обстановку. И возмечтали несколько подстраховаться.

— «Младотурки», одним словом, — козырнул и Ляхов знанием истории начала прошлого века. Так себя называла группа офицеров султанской армии и прочих буржуазных либералов, боровшихся против деспотии султана Абдул-Гамида № 2 и установивших в конце концов конституционную монархию под своим контролем, «не разрешившую тем не менее коренных клерикально-феодалных противоречий в обществе», как написано в учебнике истории.

— Для смеха и так сказать можно, только цели у нас другие. Если совсем просто — не допустить, чтобы в случае чего нас *загвинули*, или даже *оставили при своих*... Иначе зачем бы и затеваться...

— Не рано ли, братцы? — Ляхов вспомнил один из

первых разговоров с бароном в первый месяц своего пребывания в Академии. Тогда он тоже сделал интуитивный вывод, что планы вроде бы безобидного военно-исторического общества идут гораздо дальше заявленных целей, а теперь выходило, что уже и роль младших соратников великокняжеского окружения, мечтающего о восстановлении монархии, их не устраивает.

— Не мне судить, конечно, но вроде бы так не делается. Еще и ближайшей цели не достигли, а вы куда дальше замахиваетесь... Может, сначала с тем, что грядет, разобраться?

— Поздно будет, — с абсолютной уверенностью ответил барон. — Исторический опыт с непреложностью показывает. Ежели вовремя не озаботиться созданием сплоченной организации единомышленников, спаянных общим интересом, заранее готовых к возможным поворотам сюжета, об нас просто ноги вытрут. То есть ничего такого я сказать не хочу, просто ограничатся в нашем отношении мелкими подачками. Как вот с вами только что.

— А разве мало? — в свою очередь удивился Вадим. — В тридцать лет — куда уж больше? Мне так до самой отставки хватит.

— Тебе, может, и хватит...

— Ну так и чего же? Чего напрасно нервы себе и другим жечь, по пустякам подставляться? На войне вон убьют — и чего тогда? Выживи сначала, а потом новые авантюры замышляй...

Говорил Вадим совершенно искренне. Он тоже знал историю, только извлекал сейчас из нее немножко другие уроки. Да оно и понятно — немецкая карьерная философия и славянская — две большие разницы, пусть даже в одной армии они служат и одному делу. Ну, как Обломов и Штольц, если хотите, в осовремененном варианте.

Барон действительно ощущал себя совершенно иначе, чем Ляхов. Несмотря на достойно пройденные тесты и проверки верископом, которые вполне подтвердили

его интеллектуальный и нравственный уровень, готовность и способность служить и выполнять обязанности, к которым он начальственными раскладами предназначен, Ферзен оказался не столь лояльной личностью, как предполагалось. Здесь и проявился незначительный на первый взгляд дефект разработанной Бубновым и усовершенствованной Ляховым программы.

Дело в том, что она рассматривала человека и его возможности в статике, в предлагаемых обстоятельствах, в той ситуации и в том психофизическом состоянии, в которых он находится к моменту испытания. Оттого и не был учтен столь значимый на самом деле фактор. Просто слушатель Академии и «соратник» клуба «Пересвет» барон Ферзен и нынешний полковник, начальник оперативного отдела аналитического управления, оказались по отношению друг к другу разными людьми.

Первый совершенно искренне готов был учиться, служить, а будучи допущенным к некоторым тайнам и интригам, счастлив сознавать свою причастность к «Проекту» и большего не желал. Если на наглядных примерах — юноша, страстно влюбленный в некую особу, не отвечающую ему взаимностью, хоть под присягой, хоть под пыткой будет утверждать, что вершиной его мечты является единственный нежный взгляд означенной особы, а уж за право прикоснуться губами к ее губам или погладить по коленочке он спокойно продаст душу дьяволу. Причем это будет чистейшей правдой. В данный конкретный момент.

И этот же самый юноша, тем или иным способом ухитрившийся с предметом своих вожделений переспать, уже на первое утро может почувствовать безразличие, если не неприязнь. И это тоже будет правдой и объективной реальностью. Такого вот пустячка Бубнов с Ляховым и не учили.

Вадиму это стало понятно практически сразу. Не зря ведь бензедрин обостряет мысли и чувства. И даже забрезжила идея, каким образом следует подкорректиро-

вать программу. Нет, в ее базовой части ничего трогать не надо, а вот ввести поправочные коэффициенты и предусмотреть некий веер альтернатив поведения объекта придется.

Нет, нужно деликатно объяснить (внушить) барону всю опрометчивость и, прямо скажем, опасность такого направления мыслей. После чего перевести беседу в русло текущей военно-политической обстановки. В Польше и на Родине.

Вадим, конечно, не мог предположить, что все комнаты гостевого дома просматриваются и прослушиваются самой современной на тот момент аппаратурой. Слишком это представлялось невероятным по всем меркам дворянской и офицерской чести. Чтобы Великий князь подглядывал за своими гостями в замочную скважину — такое и в самый скверный анекдот не вставишь.

И князь действительно на подобное был органически не способен. Зато генерал Чекменев — вполне. Служба у него была такая, и высшие интересы государства и престола, с его точки зрения, никак не коррелировались с примитивно понимаемыми, *не осязаемыми чувствами* звуками «честь», «порядочность» и т.п.

Кстати, а далеко ли ушел от генерала сам Ляхов, вторгаясь своей аппаратурой в тайны человеческой души? Некоторое оправдание у него (если бы вдруг пришлось перед кем-то отчитываться) все-таки было. Мол, медицина с ее методиками испокон веков этим занимается — и душой, и организмом, отнюдь не всегда ставя пациента в известность, как, чем и для чего. Но это уже софистика.

Генерал Чекменев на своем наблюдательном посту покуривал папиросу, прихлебывал остывающий зеленый чай, чему-то смутно улыбался, слушая моментами переходящий в спор диалог младших коллег.

Нет, позиция барона его не удивляла и не возмущала. Чего-то человек в жизни достиг, желает достигнутое сберечь и приумножить. Соломки, на случай чего, подстелить. Дело совершенно житейское. Лишь бы эту со-

ломку он не начал с чужой крыши дергать. Вот тут уже начинаются государственные интересы, вот за этим придется проследить.

Гораздо больше удивляло многоопытного генерала, насколько «правильно» ведет себя Вадим. Неужели на самом деле довелось столкнуться с «идеальным человеком»? Нет, с самой первой встречи в Хайфе Игорь Викторович сделал ставку на необыкновенного доктора, повел его по жизни, преследуя собственные цели, и пока не имел оснований о своем выборе пожалеть.

Но все-таки, как-то слишком... (он даже не смог с легу подобрать подходящее слово. Может быть, нарочито?) получается.

Слишком уж избыточно одарен Ляхов самыми различными способностями и качествами. Тут тебе и снайперская стрельба, и глубокие познания в психологии, и спокойная, без надрыва, отвага, и умение себя адекватно вести в самых невероятных ситуациях, верность слову, иногда даже переходящая границы разумного, талант морехода и лидерские качества.

Вдобавок поразительные успехи у женщин, таких разных и своенравных, как Елена и Майя. Нет, господа, как хотите, а здесь что-то не то и не так.

Несколько не от мира сего этот парень!

Чекменеву показалось, что он находится удивительно близко к истине, только никак не может ее ухватить.

Святой, что ли? Так вроде нет, и водку пьет «в порции», и плотских утех весьма не чурается. Разумно честолюбив. Смирением и не пахнет, даже, напротив, самолюбив, своенравен.

Может, не о чем тут и гадать, просто такой уродился, и родители воспитали соответственно натуре. Как писал Гоголь, по другому, впрочем, поводу: «Русский человек в его наилучших проявлениях». Оно бы и хорошо так думать, а неправильно. Тут как раз случай, противоположный принципу Оккама. Самое простое объяснение отнюдь не самое верное.

Разговор между Ляховым и Ферзенем потерял для

генерала профессиональный интерес. Неважно, до чего они конкретно договорятся, принцип и направление ясны, а дальнейшее развитие событий все равно пойдет так, как надо. И не барону с его приятелями что-то существенно в них изменить. Каждый человек принесет пользу, будучи употреблен на своем месте.

Дальнейший беглый просмотр помещений гостевого дома ничего интересного для генерала не принес. Офицеры продолжали раскованно выпивать и общаться, Тарханов, отвернувшись к стенке, спал, похрапывая. Татьяна лежала, глядя в потолок широко открытыми глазами, и предавалась, может быть, мечтам, порожденным ее новым общественным положением или проникшим в самую глубину души взглядом князя.

Майя безмятежно спала.

Бубнов нервно курил на балконе, в тщетном ожидании Ляхова. Вот разговор между ними тоже стоит послушать, если Вадим все-таки сумеет вовремя избавиться от общества барона.

«Черт знает, что за жизнь, — раздраженно подумал Чекменев. — Нет, чтобы отдыхать и веселиться, как все люди, изволь вечно бдеть, вечно стоять в бессменном карауле».

Тут он слегка лицемерил, поддавшись минутной слабости. Сама по себе такая жизнь ему единственно и нравилась, другое дело, что все реже Игорю Викторовичу удавалось смирять служебный азарт, оставлять хоть несколько часов в сутки для нормального человеческого отдыха. Мания величия своего рода — считать, что сами основы нынешнего естества держатся исключительно на твоём характере и работоспособности, а стоит чуть расслабиться и отпустить вожжи, так все и пойдет вразнос.

Прикинув, что раньше, чем через пятнадцать-двадцать минут, Ляхов до комнаты Бубнова не доберется, генерал все же решил спуститься в трактир, отметить перед «узким кругом ограниченных людей», ну и действительно пропустить рюмочку-другую, демонстрируя

свою простоту, доступность и верность принципам офицерского братства.

Вот тут и подтвердился тезис, что начальнику тайной полиции расслабляться все-таки нельзя. Он еще только примеривался к третьему стаканчику сильно разбавленного тоником джина, как увидел бодро спускающегося по пандусу барона, вполне, судя по его виду, довольного жизнью и даже что-то насвистывающего.

Ловко выйдя из ни к чему не обязывающего разговора с соседями по столу, вернувшись и снова включив мониторы, Игорь Викторович понял, что дал маху. Подвели его аналитические способности. Комната Бубнова была пуста. И комната Ляхова, куда немедленно заглянул Чекменев, тоже. Последней надеждой оставалась постель Майи, но и в ней обитателей не прибавилось.

Вот, значит, как. Вряд ли, конечно, наши доктора такие конспираторы, что специально вышли из наблюдаемой зоны. Решили просто прогуляться перед сном, покурить на свежем воздухе. Может быть, еще и в общий зал вернуться, только вот о чем они успеют переговорить наедине при первой, после долгой разлуки, встрече, навсегда останется для Чекменева тайной.

Тайной возможно, и даже почти наверняка, не представляющей чрезвычайного интереса для государственной безопасности, но тем не менее...

Люди в таких случаях обычно говорят интересные вещи. Особенно такие люди, причастные сразу к двум тайнам, одна из которых хотя бы понятная, вторая же находится за пределами рациональности и здравого смысла. Что, если сговорятся они о чем-то, понятном только им двоим, и сумеют использовать «это» в собственных интересах, причем таким образом, что все остальные вообще ничего не поймут или спохватятся слишком поздно.

«Да нет, это уже полная ерунда, — одернул сам себя Чекменев. — Ничего такое просто невозможно, ведь вся материально-техническая база управления процессами — что одним, что другим — находится под строгим и полным контролем, как и профессор Маштаков, генера-

тор идей и руководитель проекта. Уж он-то на самостоятельные игры не способен по определению, поскольку до сих пор находится хотя и в привилегированном, но все-таки заключении».

Одним словом, причиной тревог генерала было элементарное неудовлетворенное любопытство, смешанное с ревностью. Прямо-таки подростковое чувство. Вот, мол, приятели что-то такое знают интересное, шушукуются друг с другом, а при моем появлении замолкают.

Невыносимо!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

А Ляхов с Бубновым на самом деле просто решили прогуляться. Пить не хотелось, сидеть в накуренной комнате — тоже, погода же за окнами стояла вполне подходящая. В меру свежо, но не холодно, безветренно, только легкий туман повис между кустами и деревьями, отчего лунный диск на темном небе выглядит мутным, расплывчатым пятном. Максим рассказывал Ляхову о собственном общении с покойниками: как оно случилось и что из этого вышло.

— Да что это мы все «покойники» да «мертвецы»? Словно бабки на завалинке. А мы все же люди ученые, соответствующую терминологию должны использовать. Вот хотя бы — *некробионты*, и звучит красиво, и суть явления выражает, — предложил Вадим.

На том и согласились.

— И ничего мы так и не установили, — продолжал Бубнов, — хотя патологоанатомы доставшиеся нам объекты до клеточного уровня разобрали. Не установлена даже причина стремительного распада тканей *вторично убитых* некробионтов. Отсутствует в природе такой механизм, да и только...

— В природе он как раз присутствует, раз мы его можем наблюдать и даже пытаться изучать, — снова уточнил Ляхов. — Я над этим делом подольше вашего раз-

мышлял и непосредственно с самим артефактом вел продолжительные беседы. Хотя и не имел возможности проводить инструментальные исследования. Да это и ни к чему, как ваш пример показал. Это то же самое, что с помощью газоанализатора пытаться химический состав души выяснить. А я по старинке, исключительно эмпирически, как древние мудрецы.

Тут ведь какая штука получается. Скорее всего, это самое *ураганное гниение* происходит из-за каких-то, не известных нам свойств времени. Вот этого самого, *расширенного*. В его пределах некробионт подчиняется другим физическим законам — что очевидно, раз он в состоянии двигаться, питаться, проявлять все признаки психической деятельности и мышления.

Следовательно, в собственной системе координат он живет. Приложив же к нему механическую силу посредством пули, саперной лопатки или дубины, мы хоть и непонятным образом, но разрушаем некоторую *тонкую структуру*, обеспечивающую эту самую *псевдожизнь*. Структуру второго, если так можно выразиться, уровня, потому что разрушение первого уже вызвало его физическую смерть в «нашем» мире... И он мгновенно биохимически переходит в состояние, соответствующее временному интервалу от первой до второй *смерти*...

— Отсюда можно предположить, — подхватил его мысль Бубнов, — что вполне может существовать и третий, и последующие уровни, куда некробионт переходит уже после разрушения остатков белковой структуры? И где-то еще глубже, по боковой оси, продолжает существовать в виде скелета, а потом и некой энергетической конструкции...

— Отчего бы и нет? — легко согласился Ляхов. — Тем более что подобные предположения неоднократно выдвигались всевозможными эзотериками, и в принципе понятие «нирваны» лежит в этой же плоскости.

— Только вот мы в своем нынешнем облике удостовериться в этом не можем. Как, к примеру, невозможно наглядно представить мир четырех и более измерений.

— Четырех — еще можно. У некоторых фантастов получается вполне убедительно. А про пятое уже и не пытаются. Тоже полная аналогия с нашим случаем — мир некробионтов мы еще можем наблюдать и как-то пытаться с ним взаимодействовать, а дальше... — Вадим сокрушенно развел руками.

Но Максим полет своего воображения остановить не мог.

— А мне кажется, все не так безнадежно. Раз ты наладил какой-никакой контакт с этим капитаном Шлиманом, который вдобавок человек ученый, так можно, наверное, заглянуть в следующие измерения через его посредничество.

Ляхов не сдержал саркастической усмешки, которую Максим, впрочем, в темноте не заметил.

— Постараюсь предоставить тебе такую возможность. Это ж ты с моих слов вообразил, что он в целом такой же человек, как мы... Ну, мало что мертвый. Я и сам поначалу так думал, когда контакт налаживал. А тут принципиально другое. Его психика каким-то тоненьким-тоненьким краешком с нашей взаимодействует, да и то за счет того, что Шлиман — ученый, и вдобавок просто очень хорошо представляет, помнит, как себя следует вести в роли живого.

Именно в роли, это, совсем как в театре, талантливый артист может крайне убедительно представлять Сократа, Нерона, кого-нибудь там еще, а ты смотришь, веришь, «над вымыслом слезами обливаешься». А спектакль заканчивается — и все. Дураком будет тот, кто, поймав его после спектакля, захочет выяснить, что там дальше происходило, после точки, которой заканчивается диалог «Пир» или «Тимей»...

— Печально, если так, — расстроился Максим. — Но я все-таки надеюсь, что мне удастся еще раз попасть на ту сторону и попытаться...

— Ты *надеешься*, что, а я, наоборот, *боюсь*, что сделать это непременно придется, и в самом ближайшем будущем...

— Действительно боишься? — удивился Бубнов. Моментами он проявлял удивительную нечувствительность к стилистическим фигурам речи.

— Нет, не боюсь, конечно, в общепринятом смысле этого слова, просто хочу сказать, что, независимо от нашего желания нас просто заставят этим заниматься. Вот и надо к такому заданию начинать готовиться прямо сейчас, продумать, какое нам оборудование потребуется, какие штаты... Верископ, например, можно ли будет там использовать? А если да, то как...

Кстати, должен тебе сказать, когда мы продвигались вдоль западного берега Черного моря и высаживались в подходящих местах для дозаправки и отдыха, нам попадались зоны, как бы это поточнее назвать, ну, «вырождающегося» времени. Словно бы оно «вбок» тоже начинает течь так же, как и «вперед». Явственные следы «старения». Много высохших и упавших деревьев, дома выглядят так, будто их не ремонтировали десятки и сотни лет, техника — груды ржавого железа. Руины, живописные и не очень. Приходит в голову, что где-то еще дальше должны быть места уже полного разрушения, до фундамента, а там и кирпичи рассыплются в прах, и дерево сгниет...

— Теоретически — вполне допустимо, только я не понимаю физического смысла. Это значит, какой-то еще новый вектор образуется...

— При чем тут теория, если я все своими глазами видел?

Будучи натурами увлекающимися, испытывающими взаимную симпатию, долго (хотя и разные для каждого отрезки времени) лишенные возможности общения, они легко, почти произвольно перескакивали с темы на тему, стремясь поговорить обо всем и сразу.

Мелькнувшее слово «верископ» сразу потянуло за собой изложение Максимом последних событий вокруг прибора, принятия его в массовую эксплуатацию и полученных от Чекменева заданий. Кстати, всплыла и ис-

тория с отцом Майи, похищением Бубнова и перевербовкой прокурора¹.

— Он ведь все свои планы строил, исходя из договоренностей лично с тобой, а ты вдруг исчез. Вот старик и засуетился. Ну вроде бы все сложилось нормально, не знаю, на чем они по факту с нашим генералом и Великим князем сошлись, но все рекомендации я по материалам обследования представил. Он, кстати, сам потребовал его по полной программе проверить. Признан соответствующим.

Поговорили и об этом тоже. Как о дальнейшей предполагаемой судьбе прокурора, так и об общих перспективах государственной политики. Не называя имен, Вадим намекнул доктору о настроениях, зреющих в кругах, к которым теперь принадлежал и Бубнов. Здесь они сошлись во мнении, что им самим в эти игры соваться, по меньшей мере, преждевременно. Терять есть что, а прочность собственного положения можно обеспечить и иными способами. Как говорил один восточный мудрец: «Человеку, обладающему знанием, приличествует важность».

— Без наших мозгов и без наших идей власть имущим при любом раскладе не обойтись. Вот на этом и будем стоять... Теперь бы еще с Маштаковым позиции согласовать. Есть у меня соображения. Как он там, кстати?

— Вполне процветает, — с двусмысленной улыбкой ответил Максим. — Золотая клетка — это то, о чем он всю жизнь мечтал. Не надо заботиться об организации собственной жизни, не надо принимать никаких решений. Поят, кормят на убой, девочки по первому требованию. А ему остается творчество в чистом виде. Иной раз и позавидуешь!

— И чего он еще за это время натворил?

— Таится. Ведет бесконечные расчеты, по кнопкам арифмометра с утра до вечера стучит. Причем на ма-

¹ См. роман «Бремя живых».

шинную обработку передает только отдельные куски и в полном беспорядке. Я, по крайней мере, не в состоянии сообразить, как это все стыкуется и что должно обозначать в целом. Но ясно, что все-таки хронофизика...

— Не могу поверить, что ради этого Чекменев его кормит, поит и девочками снабжает. Не тот человек, фундаментальные исследования ему глубоко до... мне кажется.

— Не скажи. Если он уловил свой интерес, так и теорему Ферма заставит к завтраму доказать. А тут, мне кажется, наш «проф» ему что-то совсем невероятное наобещал. Чуть ли не *настоящую* машину времени. По крайней мере, несколько уравнений, похожих на попытку обосновать преобразование хроноквантов в элементарные частицы, мне в его опусах попадались... Хотя, на мой взгляд, это уже полный бред.

Вадим скептически хмыкнул. Бред или не бред, но до сих пор все идеи Маштакова успешно воплощались в металл. И в крайне неожиданные эффекты. Так что он бы лично от категоричности в этом вопросе воздержался.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Даже без консультаций с Чекменевым и другими идеологами и исполнителями операции «Фокус» Олег Константинович прекрасно понимал, что без массовой кампании дезинформации не только противника, внутреннего и внешнего, но и своих верных сторонников и почитателей не обойтись.

Под внутренним врагом князь в данном случае понимал как польских инсургентов, так и любую партию и общественную группу, выражающую им поддержку и сочувствие: всякого рода полонофилов, пацифистов, сторонников прав наций на самоопределение, членов *непримиримой оппозиции* кабинету Каверзнева, беспартийных леваков любого толка, часть интеллигенции, ал-

приорно считающую любую власть порождением дьявола, а любые принимаемые ею меры — насилием над личностью.

Вся эта пестрая компания, издавна вызывавшая у князя сугубую неприязнь, вторую неделю делала все, чтобы преобразовать пусть не совсем христианское, но вполне политкорректное чувство в требующую выхода ненависть.

Нет, на самом деле, как можно в стране, поставленной перед опаснейшим с тридцатых годов прошлого века историческим вызовом, нуждающейся в железном сплочении всех, могущих держать оружие, — неважно, огнестрельное или психологическое, — вести разнужданную (иначе не скажешь) пропаганду немедленной отставки правительства, прекращения боевых действий по всей территории Привислянского края, переговоров с повстанцами «без всяких предварительных условий»? Что, конечно, по сути подразумевало предоставление автономии Польше, а в перспективе — Финляндии и вообще всем *национально ориентированным* племенам и народностям.

Этак, чего доброго, завтра вспомнят о своей бывшей независимости от Москвы Великий Новгород, Псков, Тверь! Они, в рамках этой логики, чем же хуже?

Естественно, в правовом и демократическом государстве выражение даже самых крайних взглядов и убеждений юридически ненаказуемо, но жанр контрпропагандистской борьбы подразумевает и другие, не менее действенные средства.

С врагом внешним обстояло несколько сложнее. Правительства стран — членов Тихо-Атлантического союза в таком качестве не рассматривались, и решено было пока отнести к «вероятному противнику» государства и группировки, в той или иной мере примыкающие к структурам «Черного интернационала». Соответствующие списки имелись и в службе Чекменева, и в российском министерстве госбезопасности.

Князь считал, что по отношению к ним применимы

любые меры, в том числе и военно-диверсионного характера. Однако до поры предпочитал ограничиваться методиками *непрямых действий*.

Специальный план был разработан для воздействия на подавляющую часть населения России, настроенную патриотически, лояльную к петроградской власти и «Московскому княжеству».

Особый шик заключался в том, что по отношению ко всем трем категориям предполагалось использовать одни и те же средства, но с противоположными целями. Как, например, в агротехнике применяются вещества, смертельные для вредителей и питательные для полезных злаков.

Это, конечно, высший пилотаж психологической войны, но соратники князя к ней были давно готовы.

Здесь тоже пригодился верископ Бубнова (по документам — «изделие ВБ»), не один аппарат, конечно, а целый *верископический полк резерва Главного командования*, как, по аналогии с артиллерийскими, могла быть названа часть, оснащенная полусотней мобильных установок.

Прошедшие спецобследование и признанные годными руководители информационных агентств и наиболее авторитетные корреспонденты газет, радио и дальновидения начали получать материалы, оформленные в виде *утечек информации* из военных кругов, где в самом неприглядном свете рисовали моральное и техническое состояние войск и растерянность, царящую в кругах гражданской администрации и командования Западного округа.

Причем сведения эти в принципе были достаточно правдивы, только отбирались умело, превращая отдельные, вполне естественные в условиях сумятицы и хаоса факты во всеобъемлющую тенденцию.

Сообщалось о фактах перехода на сторону восставших сотен и тысяч солдат, причем не только польского происхождения, и даже некоторых русских офицеров, о нехватке в войсках оружия и снаряжения, бедствен-

ном положении блокированных повстанцами гарнизонов и неспособности военных властей взять ситуацию под мало-мальский контроль. Отдельные успешные акции инсургентов всячески раздувались и из них делались далеко идущие выводы.

Попытки официальных и официозных¹ изданий внушить общественному мнению, что все обстоит не настолько плохо, выглядели примитивно и неубедительно.

Сolidные, авторитетные обозреватели и аналитики один за другим выступали с пространными комментариями и редакционными статьями, совершали экскурсы в историю, начиная с XVIII века, как российскую, так и иных европейских держав, в разное время сталкивавшихся с проблемами сепаратизма.

Почему-то все у них выходило, что геополитическое положение России в данном конфликте практически безнадежно, что национальные революции при созревании подходящих условий (а они как раз сейчас вот и созрели!) просто обречены на успех. А партизанские войны, если в них включается «большинство народа», правительственным войскам выигрывать не удавалось никогда. Несмотря на массу содержащихся в этих материалах натяжек и явных глупостей, необходимое влияние на слабые умы они оказывали.

Обрадовавшись столь мощной поддержке, откуда и не ждали, ударили в барабаны и затрубили в победные горны все штатные оппозиционеры и оппозиционеры ситуативные.

Вал пораженческих публикаций нарастал. В правительство и Государственную думу посыпались индивидуальные и групповые запросы. Выступления членов кабинета и самого Каверзнева выглядели беспомощно и только подливали масла в огонь.

Заявление премьера о необходимости взвешенного подхода к освещению событий и ограничения кампании

¹ О ф и ц и о з — независимое издание, но по преимуществу отражающее точку зрения правительства.

★ критики некоторыми правовыми и этическими рамками тут же было расценено как подготовка к введению цензуры.

Очень странным образом все происходящее напоминало положение в России на рубеже 1917 и 1918 годов. Тогда ведь тоже в едином порыве слились левые и правые, октябристы, кадеты, эсеры и эсдеки, одержимые единой целью: свалить кабинет министров, учредить «ответственное» правительство, в идеале — добиться отречения Императора.

И также для этой цели использовалось все — сказки о предательстве царицы, «распутинщина», отдельные, отнюдь не катастрофические перебои со снабжением армии вооружением и продовольствием, реальные просчеты военного командования, ничем, впрочем, не худшие, чем у иных держав Антанты и Тройственного союза.

На этом фоне были не слишком заметны публикации в московской прессе, определенным образом контрастирующие со становящимися как бы и господствующими настроениями в «просвещенной части общества». События там комментировались с гораздо большей взвешенностью и здравым смыслом и пути выхода из идейно-политического кризиса предлагались вполне разумные.

«При этом следует отметить, — писал в докладной записке один из аналитиков, — что размещаемые в указанных средствах массовой информации материалы пользуются большим успехом в среде предпринимателей, технической интеллигенции, вообще той части населения, что живет собственным производительным трудом и полагает сохранение твердого государственного порядка необходимым условием собственного благополучия. Проведенные исследования показывают также, что большая часть граждан, проживающих в центральных, западных и южных губерниях, готова поддерживать самые решительные меры правительства и расценивает введение военной диктатуры как вполне оправданное требованиями момента. Вопрос о возможно-

сти и желательности передачи всей полноты власти в руки Местоблюстителя по известным причинам не задавался. Однако подобная мысль и без этого имеет достаточно широкое хождение в массах, обсуждается в частных беседах, в том числе и в местах значительно скопления людей, как то: у газетных витрин, в трактирах и пивных, на стадионах и в иных увеселительных заведениях».

Такая именно реакция и планировалась, чему значительно способствовали регулярно публикуемые сюжеты, вроде бы никак напрямую не связанные с текущим моментом. Например, посвященные блестящему экономическому положению *Московского княжества* (что было правдой), постоянно растущему народному благосостоянию (для чего предпринимались специальные усилия), а также выдающимся военным и административным способностям Олега Константиновича, благо приближалось десятилетие его пребывания на посту Местоблюстителя.

Постепенно до наиболее проницательных деятелей оппозиции начало доходить, что происходит, но — слишком поздно. И развернуть собственную пропагандистскую кампанию на сто восемьдесят градусов уже не было ни времени, ни реальных возможностей.

Что, начать вдруг писать и говорить, будто они тоже поддерживают целостность Державы и нерушимость послеверсальских границ? Что отнюдь не против деятельности на своем посту кабинета Каверзнева, поскольку «коней на переправе не меняют», и готовы отдать карт-бланш в наведении порядка именно ему, чтобы не допустить перехвата власти «узурпатором»? При этом каким-то образом пытаться демонизировать самого Великого князя, приписывая ему все мыслимые на свете пороки?

С такой стратегией куда больше потеряешь, чем обретишь. А действительно ненавидимому либеральными кругами потомку «тех самых Романовых» дашь в руки неубиваемые козыри.

«Поздно, господа, поздно!» — Вполне довольный результатами трудов на то поставленных специалистов, Олег Константинович продолжал перебирать и просматривать папки с газетными вырезками, сообщениями информационных агентств, аналитическими записками, радиоперехватами, адресованными лично ему письмами зарубежных благожелателей.

«Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря. Мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был в прочем образ наших мыслей». (А. Пушкин, 1831 г.)

«Теперь ставится под сомнение не только будущее, но и прошлое России. Ведь поражение от поляков обесмысливает саму русскую историю, превращает изгнание шляхты из Кремля в глупую импровизацию, русскую кровь, обильно пролитую в Варшаве и во всех прочих градах и весях в течение последних трех веков — в высохшее и испарившееся ничто, многовековое сопротивление агрессивному латинству — в гремучее упрямство и т.д. Такое Отечество — без прошлого и без будущего — сразу делается фикцией, дымом». («Современник», 1864 г.)

«Должно признать, что и у поляков есть своя «правда», равновеликая русской. Но две непримиримые правды не могут сосуществовать вместе, на одной территории бесконечно долго: рано или поздно им, обреченным на извечное несогласие, становится тесно, и одна из соперниц навязывает другой свою волю. История человечества знает немало подобных трагических коллизий. «Наследственная распря» двух народов — русско-

го и польского — как раз и имеет все признаки того рокового противоречия, разрешением которого может быть только гибель проигравшего». («Русский архив», 1865 г.)

«Если один из двух народов и двух престолов должен погибнуть, могу ли я колебаться хоть мгновение? Мое положение тяжкое, моя ответственность ужасна, но моя совесть ни в чем не упрекает меня в отношении поляков, и я не могу утверждать, что она ни в чем не будет упрекать меня, я исполню в отношении их все свои обязанности до последней возможности; я не напрасно принес присягу, я не отрешился от нее; пусть же вина за ужасные последствия этого события, если их нельзя будет избежать, всецело падет на тех, которые повинны в нем!». (Николай I. Из личного дневника, 1848 г.)

«Большинство политобозревателей сходится во мнении, что переживаемый сейчас политический кризис может быть сравним только с событиями весны — лета 1918 года. Как и тогда центральная власть демонстрирует удивительную беспомощность перед лицом надвигающихся сразу с нескольких направлений исторических вызовов, а наша «переговоя общественность» проявляет не менее удивительную потерю чувства самосохранения. Вместо того, чтобы сплотиться вокруг Правительства и Государственной думы, единственно способных сейчас защитить российскую демократию от правых и левых экстремистов, а также от воинствующего сепаратизма, дружно толкающих страну и народ в пучину новой Смуты и Гражданской войны, политические партии стремятся заработать капитал на безудержной критике правительства, словно не понимая, что единственно регулярная общенациональная армия и законные силы правопорядка ограждают нас от

катастрофы и бунта, не могущего быть иным, как бессмысленным и беспощадным». («Новое русское слово. Орган партии конституционных демократов. Петроград, 2005 г.».)

«Безусловно, это правительство должно уйти. Но уйти не трусливо, путем закулисных торгов и откровенной капитуляции перед наиболее агрессивными представителями маргинальных партий, ориентирующихся на Москву. Уйти с достоинством, максимально законным образом передав власть той единственной партии, которая способна, не ущемляя принципов народовластия, сформировать правительство народного доверия, с привлечением в него всех здоровых сил общества, которым дороги идеалы свободы, равенства и братства. В борьбе обретем мы право свое!». («Руль», Орган партии социалистов-революционеров (левых интернационалистов. 2005 г.)

«Из материалов независимой службы информационной безопасности нашей партии с непреложностью следует, что в ближайшие дни можно ожидать в Петрограде, Киеве, Романове-на-Мурмане, Костроме, Ярославле, Ростове-на-Дону и ряде других ключевых городов Европейской России массовые выступления и демонстрации в поддержку правительства и лично премьера Каверзнева, сопровождаемые требованиями ни в коем случае не уступать давлению из Москвы и попыткам кремлевского узурпатора вновь навязать Отечеству ненавистное и отринутое историей самодержавие». («Дело», орган партии анархистов-максималистов.)

«Анализ, проведенный экспертами Европейской ассоциации реальной политики, показал, что в настоящее время российская армия и службы государственной безо-

пасности не в состоянии желательным для себя образом, оставаясь в рамках законности и действующих международных соглашений, решить польскую проблему. Имеющихся в распоряжении центрального правительства сил недостаточно, чтобы быстро и без неприятных потерь разоружить несколько независимых, но тесно взаимодействующих друг с другом военно-политических структур повстанцев и восстановить контроль над мятежной территорией. Тем более что польскому сопротивлению оказывает техническую и финансовую помощь ряд государств, не входящих в ТАОС, и неправительственные организации европейских стран. Следует ожидать, что в ближайшее время начнутся консультации между российским правительством и наиболее респектабельным крылом борцов за независимость, результатом которых может стать интернационализация конфликта и создание какой-то формы конфедеративных отношений России и ее западных провинций. Таким образом будет подведена черта под тлеющим более двух веков конфликтом. («Свободная мысль», Москва.)

«В случае политического поражения России, потери ею своих стратегических позиций на Западе и Юге она может выбрать кажущийся ей адекватным ответ на вызов «европейского сообщества», как она его воспринимает. Таким ответом скорее всего окажется выход из ТАОС или существенное ограничение участия в общих программах. Желая таким образом «наказать Европу», Россия на самом деле развяжет руки самым разрушительным тенденциям современности. Разрыв или серьезное ослабление «Периметра безопасности» автоматически резко усилит криминальные организации и террористические группы как нашего, так и остального мира. Они получат возможность действовать где им захочется — от Гамбурга до Тавриза и Кейптауна.

В противоположность этому мандат международно-

ного сообщества резко сократится. Он будет ограничен несколькими стратегическими точками, которые мы еще сможем контролировать — вроде Касабланки, Рабата или Стамбула. И что же остается? Обвальная крах мирового порядка. Повсеместная анархия. Как последняя надежда — отступление в укрепленные города. Все это — опыт «темных столетий», который миру, оставшемуся без стабилизатора, скоро придется испытать вновь. Проблема, однако, состоит в том, что новые **темные столетия** окажутся намного более опасными, чем те, что уже были пережиты человечеством в IX — XI веках. Мир населен почти в 20 раз плотнее, и поэтому конфликты между различными «племенами» неизбежно окажутся более частыми. Технологии преобразовали производство, и теперь человеческие сообщества зависят не только от наличия пресной воды и хорошего урожая, но и от снабжения углеводородным топливом, запасы которого, как известно, конечны.

Худшие последствия новых темных столетий проявятся на окраинах слабеющих великих держав. Богатейшие порты глобальной экономики — от Нью-Йорка до Роттердама и Сиднея — станут объектами нападения грабителей и пиратов. Одновременно локальные войны могут опустошить целые регионы, доселе входящие в орбиту притяжения свободного мира.

Нас ждет вселенская катастрофа и хаос — исключительно потому, что некоторые политики, громко декларирующие свою приверженность «демократическим ценностям», готовы принести их, вместе с собственными головами, в жертву амбициям горстки никому по большому счету не интересных и не нужных сепаратистов с задворков Европы. Всего сто лет назад лидеры по-настоящему великих держав знали, как следует поступать с теми, кто несет угрозу...». (Нейл Фергюссон, профессор, сопредседатель Гуверовского института войны, революции и мира. Из докладной записки Главе Совета безопасности ТАОС 5 октября 2005 года.)

Прочитав этот документ целиком, князь пришел в

хорошее настроение. Встречаются и там умные люди, с которыми можно работать, пусть пока их и не столь много, как хотелось бы.

Следует инициировать публикацию в зарубежной прессе серии материалов, развивающих поднятую господином Фергюссоном тему. Особенно насчет грядущих «темных веков», последним гарантом от наступления которых является великая и неделимая Россия.

Так ведь, по гамбургскому счету, и есть. Если удастся довести эту истину до размякших от либерального пацифизма и политкорректности мозгов еврочиновников и левых интеллектуалов, глядишь, и испугаются они за свое сытое и безмятежное (на чужой крови) существование. Мы-то и без их помощи обойдемся, не привыкать, лишь бы не мешали, под ногами не путались.

И вот еще интересное сообщение оппозиционной к берлинскому кабинету мюнхенской «Байрише фолькшпер беобахтер»¹. Явно здесь чекменевские ребята постарались.

«По информации из крутов, близких к БНД, отмечены неофициальные контакты между спецслужбами московского наместничества и личной референтурой рейхсканцлера Германии доктора Вирта. Как утверждает, рейхсканцлер в частном порядке был предупрежден о том, что, если вследствие ныне обозначенной германским правительством позиции «невмешательства», которая на деле означает поощрение и поддержку сепаратистов, России не удастся сохранить «статус-кво», возможно следующее развитие событий:

— Россия, согласившись на предоставление Польше какой-либо формы независимости, в категорической форме потребует от нового польского правительства заключения сепаратного договора о взаимопомощи (фактически — о протекторате) и защите интересов непольского населения освобождаемых территорий. Од-

¹ Баварский народный наблюдатель (нем.).

новременно Россия пообещает содействие и поддержку в объединении «русской» Польши и Малопольской республики, признает законными (по прецеденту) претензии Польши к Чехословакии и Германии по поводу «западных и юго-западных земель». Из тех же источников сообщается, что в России уже ведется работа по формированию «теневого правительства» новосозданного государства из максимально пророссийских политиков, с одновременной нейтрализацией, вплоть до физического уничтожения, «непримиримых националистов». Косвенным подтверждением этого является загадочный взрыв в Бельведерском дворце, жертвами которого стало пока неустановленное, но значительное количество членов так называемого Комитета национального спасения. Такое развитие событий, если приведенные факты действительно имеют место, чревато для Германии потрясениями, гораздо более болезненными, чем те, что ныне переживает Россия».

Гениально придумано. С одной стороны, намек на нынешнюю слабость российских властей и царящие там пораженческие настроения, с другой — неприкрытая угроза немцам. Для них-то «спорные территории» — чуть не четверть всех нынешних коренных германских земель, и, если что начнется, никому мало не покажется.

И еще один крючок на ту же тему и из тех же «источников» — неподтвержденная, но весьма правдоподобно выглядящая информация о том, что отмечены контакты между некими близкими к Великому князю частными лицами и находящимися на полуподпольном положении национал-социалистами и отставными офицерами из «мифической» организации «Стальной шлем»¹.

Речь на этих переговорах якобы шла о совместных антиправительственных выступлениях в случае недовольства, с их точки зрения, решения польского вопроса. Предполагается, что, опираясь на сочувствую-

¹ «Стальной шлем» — тайная организация германских военных шовинистов, отставных офицеров.

щие воинские части рейхсвера и великокняжеской гвардии, крайние националисты обеих стран готовят одновременный военный переворот, после чего может быть создана своего рода российско-германская уния по типу бывшей Австро-Венгрии.

О чем-то подобном князь и сам в свое время подумывал всерьез. Совсем, кстати, неглупая мысль, которая очень многим может показаться привлекательной, а главное — реализуемой. И, естественно, — кошмар для Франции (прежде всего Франции), да и прочих участников *европейского концерта*¹.

Олег Константинович был согласен с Чекменевым — в ближайшее время следует ждать зондирующих звонков, писем, а то и предложений о личных встречах ну, может быть, и не от первых лиц мирового сообщества, но и не от последних тоже.

Потому он и тянул время, несколько заморозив реализацию детально согласованного с Каверзневым плана. Хотя все было готово, и собрать Правительство и Государственную думу можно хоть завтра.

Но предпочтительнее, само собой, сначала дождаться реальных результатов, всходов уже посеянных семян смуты в станах и врагов, и союзников, дезорганизовать и деморализовать их настолько, чтобы потом любой бескровный выход из ситуации показался им благом и крупным выигрышем.

А что же происходит на Западном фронте на самом деле?

Ничего особенно страшного. Россия и не такое видела и переживала. Конечно, очень неприятно читать в сводках, что ровно половина Привислянского края, западнее линии Данциг — Люблин, фактически не контролируется законной властью, губернские и уездные правительственные учреждения разгромлены. Держат-

¹ Европейский концерт — принятое в первой половине XIX века наименование государств — членов так называемого Священного Союза.

ся лишь батальонные и полковые военные городки за пределами крупных городов и, разумеется, пограничные заставы на германской и чешской границах. Уж это так просто не возьмешь!

Число вооруженных инсургентов колеблется от двухсот до трехсот тысяч, и отмечается процесс их консолидации, формирования почти регулярных полков и даже бригад. Причем разведка сообщает, что мятежники не испытывают недостатка в командном составе. Кроме волонтеров из Малопольши и населенных поляками германских земель, на сторону мятежников перешло несколько сот российских офицеров польского происхождения и еще большее число начальствующего состава иных военизированных структур.

Ну с этими-то в свое время разговор будет короткий — если не расстрел на месте, то военно-полевой суд, и все равно стенка. А может быть, лучше — виселица!

И будет это совершенно правильно, поскольку измене присяге не извиняется никакими соображениями, как бы возвышенно они ни были оформлены для собственного самооправдания.

Кроме того, как военный человек, Олег Константинович считал процесс формирования «Народовых сил збройных» для собственных планов более полезным, чем вредным. Чем более крупными, структурно организованными будут вражеские войска, тем проще и легче их будет в нужный момент уничтожить. Вместе с лагерями базирования, складами, транспортными средствами, прочей инфраструктурой, а также многочисленными пособниками и сочувствующими, которые гораздо виднее, когда оказывают содействие легализованным структурам, а не рассеянным по лесам бандам в десять-двадцать человек.

На занятой мятежниками территории вовсю идут этнополитические чистки. Русские, украинцы, белорусы, да и поляки, «запятнавшие» себя сотрудничеством с русскими властями, или просто чересчур обрусевшие, изгоняются, откуда только можно, в том числе и из за-

нимаемых домов и квартир, если на них находятся претенденты из числа «национально мыслящих». В зависимости от преобладающих в каждом конкретном воеводстве и уезде настроений, с той или иной степенью жесткости осуществляется депортация или интернирование «нежелательных элементов».

В то же время, что особо отмечалось в информационных сообщениях, словно по команде прекратились кровавые бесчинства первых дней восстания. Или почти прекратились.

Больше не случалось массовых погромов, поджогов православных церквей, число убийств на улицах и в домах государственных служащих почти вернулось к «статистической норме», а если они и происходили, то в виде «эксцессов исполнителей», а не как планомерные мероприятия руководителей и идеологов восстания.

Более того, определенным образом проводится политика сохранения «единой государственной инфраструктуры». Продолжается бесперебойная работа транзитного железнодорожного транспорта, почти безопасен проезд по автомагистралям, так или иначе, но функционируют отделения банков, в том числе и общероссийских.

То есть очевидно, что новые власти, еще не сформировав управляющих структур общенационального масштаба, действуя подобно пресловутой «криптократии», одновременно пытаются обозначить себя в качестве вполне цивилизованной и вменяемой силы.

«Но это им никак не поможет, — с некоторой долей злорадства думал князь, — когда все же начнется полномасштабная операция по восстановлению законности и порядка. Абсолютно все, что уже произошло и происходит сейчас, укладывается в статьи Уголовного кодекса, трактующие понятия государственной измены, насильственного захвата власти, вооруженного мятежа, политического и экономического бандитизма.

Что за беда, если многие из этих статей не применялись по полвека и больше, чуть ли не со времен заверше-

ния Гражданской войны и Реконструктивного периода. Главное — их никто не удосужился отменить, а сроки по ним порядочные, от десяти лет до бессрочной каторги, кроме того, непосредственно в зоне действия военного, особого и осадного положений предусмотрена такая удобная мера, как расстрел на месте дезертиров, провокаторов, паникеров, поджигателей и мародеров».

Расхаживая вокруг планшета с рельефной электронной картой предполагаемого ТВД¹, князь намечал на ней районы, где целесообразно нанести сокрушительные удары из «бокового времени». Интересно будет посмотреть, насколько его стратегическое видение совпадет с разработками штабистов.

Две гвардейские дивизии закончили сосредоточение в предписанных районах от Бреста до Ужгорода, отряд Легких сил Балтийского флота готов войти в устье Вислы и совместно с бригадой морской пехоты продвигнуться до самой Варшавы. Морская авиация и часть ВВС Московского округа завершают разведку целей для нанесения ракетно-бомбовых ударов и высадки воздушных десантов.

На проведение военной фазы операции Олег Константинович отводил ровно пять дней. После чего предполагал собственными, *московскими* частями плотно прикрыть границу с Германией и Чехословакией, а с востока ввести в Польшу армейские и полицейские подразделения Российского правительства для окончательного умиротворения мятежной провинции.

Впрочем, к тому времени это разделение на *российских* и *московских* потеряет всякий смысл.

Пожалуй, лучше всего провести процедуру наделения его диктаторскими полномочиями в ночь со второго на третий день операции, когда все *скрытые* войска выйдут на исходные позиции, а действующие открыто ВВС и флот достигнут первых значимых успехов.

¹ ТВД — театр военных действий.

В этом случае массированный выброс фронтовых сводок и комментариев к ним по всем информационным каналам отодвинет в глубокую тень короткие и невнятные сообщения о внеочередной сессии Государственной думы, а факт провозглашения гражданина Романова О.К. (кстати — законного и несменяемого заместителя председателя Государственного Совета) легко впишется в концепцию «стратегической необходимости».

Тут комментаторы должны будут напустить еще больше тумана, публикации оппозиционного характера свести к минимуму «техническими причинами», но во все их ни в коем случае не пресекать. Свобода слова есть ценность безусловная и неотчуждаемая.

А заявление о фактической и юридической передаче всей полноты власти Великому князю должно совпасть с победоносным завершением кампании, взрывом народного ликования, триумфом Верховного правителя и Военного диктатора и внедриться в сознание подданных и «мировой общественности» всего лишь как некое ритуальное действие. Знак признания заслуг в сохранении целостности Державы и карт-бланш на силовое пресечение еще более опасных вызовов и потрясений, которые непременно грядут в самом ближайшем будущем.

Очень довольный тем, что наконец сумел свести воедино все концы столь долго мучившей его проблемы, князь прошел в угол кабинета, где у окна, выходящего в Александровский сад, стояла старинная, красного дерева с перламутровыми вставками, конторка. Он любил писать стоя и исключительно от руки. Механические и электронные посредники между мозгом и листом бумаги мешали течению его высоких дум.

Лощеная, с сиреневым оттенком линованная веле-невая бумага, черные, как китайская тушь, чернила, золотое стилографическое перо — вот инструменты, достойные запечатлевать эманацию великокняжеского разума.

Все свои научные и политологические труды Олег

Константинович написал собственноручно, причем окружающих неизменно поражала его способность писать прямо набело, без черновиков и почти без правки.

И сейчас легшие на бумагу, безукоризненные по каллиграфии строчки как бы подвели итог его интеллектуальным терзаниям. До сегодняшнего дня у него не все сходилось. Отдельные эпизоды плана выглядели вполне здоровыми и логичными, но томило, как начинающаяся зубная боль, ощущение собственного интеллектуального и творческого бессилия.

Ну, словно бы бьешься, пытаешься собрать пистолет из кучи деталей от разных, пусть и похожих систем. Все вроде бы такое, как надо, а там выступ в паз не входит, там отверстия для винтов не стыкуются, курок по бойку не попадает. Злишься, потеешь, материшься сквозь зубы. И вдруг — раз, два, три — щелкнуло, звякнуло, лязгнуло, сошлось! И вместо груды никчемных железок в руке аккуратная, красивая, а главное — готовая к делу машинка.

В данном случае на свет родился удивительный документ, заслуживающий право сохраниться в анналах, подобно трудам Марка Аврелия или запискам Цезаря о Галльской войне. Изложенная на трех страницах предыстория вопроса, логически неуязвимое обоснование безальтернативности собственного решения и языком боевого приказа сформулированная последовательность действий каждого из своих доверенных лиц.

Ни убавить, ни прибавить!

Олег Константинович решил, что больше он себе голову ломать не будет. Передаст свой меморандум Чекменеву, и пусть верный паладин реализует. Истолковывает и доводит до исполнителей.

А Государю других забот достанет. Вот сейчас к патриарху нужно ехать, обсудить очередную насущную идею. Что, мол, Ваше Святейшество, неплохо бы на возвращаемых в лоно православия землях учредить нечто вроде нашего военно-монашеского ордена. Ну, как ливонский был, католический, или там меченосцев. Очень

полезно будет, благо, по его сведениям, чересчур много офицеров, отставных, а то и кадровых, в монастыри повадились уходить. Душу, блин, спасать, как, например, давеча надумал капитан второго ранга Кедров, занимавший немалый пост у «печенегов».

Ну вот и пускай, по патриаршему благословению, в рясе и с автоматом Богу послужат. А для первого обзаведения можно передать церкви замок Мальборк в дельте Вислы, бывшее гнездо крестоносцев. С землями окрестными и соответствующими субсидиями. Красивые там места, и крепость выглядит внушительно. А под это дело, когда все сладится, заодно и ритуал коронации, помазания на престол с первосвященником можно будет обсудить.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Ну, вот и вернулись», — подумал Ляхов, когда вновь распахнулись ворота в пустой параллельный мир, неотличимо схожий с окружающим. Тот же знобящий ветерок, то же низкое серое небо, под которым вторым эшелонном плыли лохматые, налитанные холодной октябрьской водой тучи. Только за спиной — мрачные кирпичные громады казарменных корпусов, а не коттеджи поселка, к которым всего несколько дней назад они вышли, в страстной надежде вернуться в мир людей. И без всякой уверенности, что им это удастся. Каждый в глубине души, не говоря этого вслух, волей-неволей прикидывал, что будет делать, как устраивать дальнейшую жизнь, если с возвращением ничего не выйдет.

А вот о том, чтобы по доброй воле вернуться сюда снова, тогда не думалось совсем. Где-то, конечно, таилась мысль, что (при благоприятном развитии событий) сходить сюда еще придется. Но мысль — из того же разряда, что у фронтовика, получившего отпуск и стоящего на вокзале с вещевым мешком на плече.

Далеко за спиной погромыхивает передовая, но к те-

★

бе это отношения уже не имеет. Сейчас все надежды и планы связаны с приближающимся к перрону поездом. Но пролетели дни, туго, как патроны в магазин, забытые самыми разнообразными, казалось бы, взаимоисключающими делами, и — вот он, тот самый фронт, с которого вот только что уезжал.

Честно сказать, Вадим надеялся, что вторая экспедиция состоится несколько позже и придется идти в Израиль для встречи со Шлиманом с научно-этнографическими, если так можно выразиться целями. Ну и дипломатическими тоже.

И видел себя Ляхов в качестве чрезвычайного и полномочного посла людей к некробионтам, поскольку Микаэль определенно заверил, что примет в этом качестве именно и только его. Несомненно, это было бы интересно, только отправляться следовало с многочисленной, хорошо подготовленной в теоретическом и научном плане экспедицией, насчитывающей, может быть, сотни человек. Как в достославном девятнадцатом веке это было принято у исследователей и завоевателей Экваториальной, к примеру, Африки.

В ближайшее же время Вадим собирался заняться работой по верископу и примыкающим темам. Да еще предполагал, что Чекменев, а то и сам князь поручат новоиспеченному флигель-адъютанту какое-нибудь дело по организации полноценного аппарата восстанавливаемой самодержавной власти. Как раз по его профилю занятие.

Но вышло все, как зачастую бывает, совершенно иначе.

Бубнов едва успел ознакомить Вадима со своими последними результатами, продемонстрировать налаженную работу целого отдела спецконтроля, которым он теперь руководил. При этом высказал предположение, что или теперь Ляхова назначат на этот пост, а ему самому дадут возможность обратиться исключительно к теоретическому обеспечению процесса, или же создадут под началом Вадима еще одну структуру, в которую отдел

войдет одним из подразделений. Это, пожалуй, было бы разумно. Что-то вроде управления по вопросам кадровой революции, или, еще лучше — «Криптократическое управление»!

И тут последовал экстренный вызов к Тарханову.

Да-да, не приглашение на дружескую беседу или на деловой обед в узкой компании, как издавна повелось, а самый настоящий вызов телефонограммой с полным указанием нынешней должности Сергея, номера кабинета и времени прибытия.

Вадим прибыл в Кремль слегка удивленным. Пусть данная форма диктовалась спецификой службы, но все-таки предварительно старый товарищ мог бы и позвонить, объяснить, что и как. Ну а, с другой стороны, приняв как должное свой нынешний придворный статус и правила игры, стоит ли теперь удивляться, если требуется их исполнение и во всех остальных, пусть лично тебе неудобных, случаях.

В кремлевских апартаментах Тарханова он еще не бывал и впечатление получил сильное. Все же удивительная штука судьба. Захотела — и вознесла вчера еще скромного армейского капитана, недавно видевшего себя максимум командиром полка, да и то в далекой перспективе, до таких чиновных вершин.

В одном этом кабинете, не считая приемной, где восседали «собственный его высокоблагородия адъютант» (как мысленно сострил Ляхов) и девушка-секретарша, поместился бы весь штаб их ближневосточной бригады. Вокруг ковры, мебель, которой в случае необходимости можно целую неделю топить походную печку, кремлевская брусчатка и голубые сосны за окнами. Грандиозно!

Ради такого многие люди душу дьяволу продадут не задумываясь. За куда меньшие блага продавали.

Но, своими глазами увидев не только архитектурные излишества, но и творящуюся в занимаемом Управлением корпусе деловую суету, Вадим в очередной раз отметил, что это не для него.

Вид офицеров, быстро, чуть ли не рысью снующих

между кабинетами с папками бумаг, доносящиеся из-за закрытых и полуоткрытых дверей телефонные трели, насаженные, не всегда понимающие разницу между армейским плацем и *присутственным местом* голоса; то и дело подъезжающие и отъезжающие от подъездов автомобили — все это внушало Ляхову не почтение и зависть, а томительную, всегда охватывающую его в больших штабах скуку... И мысли о проданной за чечевичную похлебку свободе.

Его отец тоже, в расплату за серебряные эполеты и шинель с красными отворотами, отсутствовал дома сутками и неделями, уезжал на службу, не дождавшись позднего петроградского рассвета, и возвращался за полночь. По три года не ходил в отпуск.

Так что Вадим с Тархановым ни за что не стал бы меняться местами.

«А ведь придется, коли прикажут, — тут же подумалось ему. — Если только в отставку не подать сразу же».

Доложившись адъютанту, Вадим непроизвольно взглянул на напольные часы темного дерева в углу — нет, не опоздал, до назначенного времени еще четыре минуты.

Кроме него, в приемной переминались с ноги на ногу еще около десятка поручиков и штабс-капитанов. Большинство из них явно были знакомы друг с другом, но, по малости чинов и непривычке к столь серьезным кабинетам, свободно общаться они как-то стеснялись. Все больше обменивались отрывочными фразами шепотом, с некоторой опаской оглядываясь на каждого вновь входящего и на преувеличенно усердно перебирающего бумаги порученца.

Все они были в караульной форме, то есть в повседневных мундирах, без наград и шпор, но при ремнях и оружии. Никого из них Ляхов не знал даже в лицо.

С появлением полковника, китель которого украшали планки высших орденов, погоны и аксельбанты фли-

гель-адъютанта, все присутствующие вытянулись и дружно прищелкнули каблуками.

Вадим жестом указал, что «вольно», и начал присматриваться к людям, явно приглашенным сюда по одному с ним делу, но тут порученец Тарханова пригласил собравшихся в кабинет, на обитой шоколадной кожей двери которого значилось коротко: «Начальник управления».

Без всяких преамбул, лишь коротко поздоровавшись, Сергей указал Вадиму место за приставным столиком, остальным предложил занимать стулья вдоль противоположной стены.

— Господа офицеры! В соответствии с приказом № 1156 по штабу Гвардии все вы откомандировываетесь для выполнения специального задания в составе особой группы Главного разведуправления. Общее руководство возложено на меня. Командиром группы назначен присутствующий здесь полковник Половцев, Вадим Петрович, к вашему сведению — Герой России. Прошу...

Ляхов привстал и поклонился, чувствуя, что сбываются самые пессимистические его предположения.

— Суть задания и сроки его выполнения командир доведет до вас в положенное время. Не позднее, чем сегодня к вечеру. Равно как и распределение функций внутри группы. Заместителем командира группы назначается штабс-капитан Уваров...

Теперь с места пружинисто поднялся высокий, загорелый офицер, с резкими чертами лица и не совсем уместной в этой обстановке, слегка иронической улыбкой:

— Есть, господин полковник!

— Вольно. Вы, капитан, сейчас примете командование группой, направитесь в Литовские казармы, где немедленно начнете получать вооружение и амунисию вот по этому списку, — и протянул Уварову толстый запечатанный конверт. — Здесь же краткие характеристики личного состава и рекомендательный вариант

штатного расписания. Помещение для вас подготовлено, дежурный офицер в курсе. Вопросы есть?

— Так точно, господин полковник. Будет исполнено. Только вот: разрешите личному составу до начала выполнения три часа времени для устройства неотложных личных дел?

Остальные офицеры, тоже до последнего момента не имевшие понятия о предстоящем назначении, согласно закивали. Действительно, хоть какие-то личные дела найдутся у каждого, особенно если не знаешь, куда и на какой срок убываешь. А то и навсегда...

— Не возражаю. Под вашу ответственность. Автобус с эмблемой управления будет вас ждать на Ивановском спуске. Других вопросов, просьб, пожеланий нет? Все свободны. Вас, Вадим Петрович, я попрошу остаться.

— И что весь этот цирк должен означать? — стараясь, чтобы голос его звучал как можно более небрежно, осведомился Ляхов, без предложения взяв из коробки на столе друга папиросу и глубоко, может быть, чересчур нервно, затянувшись.

— А ты привыкай, — с такой же небрежностью, которая в Гвардии считалась хорошим тоном, ответил Сергей. — Я же тебя предупреждал — времена наступают суровые. Помнишь, как говорил герой одного романа: «За каждую скормленную вам калорию я потребую множества мелких услуг»? Так там разговор вели штатские, а мы вдобавок люди военные. Начальство решило, значит, так тому и быть!

— Но ведь... — попытался возразить Ляхов, но Тарханов не дал продолжить.

— Ничего не *ведь*. Если ты хочешь сказать, что я должен был заранее поставить тебя в известность, все обсудить, поторговаться, если угодно, упирая на связывающие нас отношения, то это тоже из другого времени. Чтобы тебе было легче, докладываю: я сам получил соответствующий приказ лишь сегодня утром, приказ, подчеркиваю, а не предложение поразмышлять на служебные темы. И, чтобы выполнить его в срок, вынужден был

заниматься конкретными делами в режиме «хватай мешки, вокзал отходит»!

— Ладно, ладно, не будем больше об этом. Это, как я понимаю, строго в развитие давешнего нашего разговора насчет отношений с Игорем Викторовичем...

— Совершенно верно. Не буди лихо, пока оно тихо. Когда, к слову, мне было рекомендовано счесть себя похороненным на уютном кладбище, а самому под чужой фамилией отбыть аж в Нью-Йорк, я что, сопротивлялся, махал руками и орал, что у меня совершенно другие планы? Взял паспорт, билет и поехал... И ребята, которых ты только что видел, тоже возражать и задавать вопросов не стали. А ты что, намного лучше их?

— Не лучше, не лучше! Только объясни ты мне, ради бога, о чем все-таки речь идет. И немедленно начнем исполнять, как в Уставе сказано, нимало не жалуясь на лишения и тяготы...

Очередного выпада Ляхова Сергей предпочел не заметить, чтобы не терять даром драгоценного времени. И тут же сообщил, что задача более чем проста.

Во главе сформированной группы, которой вдобавок будет придано необходимое количество бойцов обычных строевых частей, ему предстоит через вновь сооруженный, абсолютно надежный стационарный портал переправиться на ту сторону, там и только там ознакомить личный состав с боевым приказом. Который и исполнить со всей возможной быстротой и тщанием...

Маршрут движения указан на прилагаемой карте, но допускаются, с учетом реальной обстановки, разумные отклонения. По мере продвижения обеспечивать за счет приданных сил охрану и оборону в указанных пунктах. Попутно разрешается и даже поощряется проведение необходимых исследований, в той мере, в какой это не будет мешать выполнению основной задачи. Во время рейда полковник Ляхов будет пользоваться правами командира отдельной части. Снабжение группы и выделение необходимого количества личного состава и техники возлагаются на начальника Московского гарнизона.

— Все понятно?

— И даже многое сверх того. В пределах возложенной на тебя функции ты все отбарабанил наилучшим образом. Моему заместителю хватило бы. Непонятно одно — при чем тут именно я? Подобную задачу вполне способен выполнить любой толковый офицер, тот же штабс-капитан, которого ты ко мне приставил.

Тарханов усмехнулся.

— А он и будет выполнять девяносто процентов задания, и даже больше, если ты прикажешь. Приличный, между прочим, офицер. С большим боевым опытом и не меньшим самомнением. В «печенегях» всего месяц, а уже успел удостоиться представления к двум орденам и повышения в чине. Вдобавок за проявленные героизм и излишнюю инициативу, кое-кому сильно подпортившую настроение, сплавлен из действующей армии в наше распоряжение, от греха подальше.

Вы с ним сработаетесь, если не позволишь себе на шею сесть. А твоя функция, как единственного, кроме меня, офицера, досконально изучившего *тот свет*, — осуществлять общее руководство с учетом знания местных условий и на месте принимать решения, которых никто другой, кроме нас с тобой, принять не в состоянии. Мне твердо обещано, что проводная, и радиосвязь, и транспорт будут работать беспрепятственно, так что не должность у тебя, а чистая синекура.

— Что теперь спрашивать? Будем работать. Однако все же удели мне еще десять минут твоего драгоценного времени. Я ж понимаю, служба, режим секретности, «никто не должен знать больше, чем необходимо для выполнения...» и так далее. Но между нами, без протокола? Я тебя Чекменеву не выдам. Ну?

Тарханов вздохнул. Нет, Вадим совершенно несносен. Понять его, разумеется, можно. Дружба дружбой, так ведь вдобавок и не подчинен он фактически до сих пор никому.

Как слушатель Академии — курсовому начальству, да и то лишь в пределах правил внутреннего распорядка.

Как флигель-адъютант — обязан выполнять личные поручения князя, отданные соответствующим образом. Вот и все. Одна зацепка — на него, как на штаб-офицера, причисленного к Гвардии, распространяется власть начальника штаба, но в таком случае следовало бы оговорить, что на таком-то и таком-то основании полковник Ляхов временно отозван из Академии, на такой-то срок поручено ему то-то и то-то, с занесением в формуляр и назначением оклада по временно исполняемой должности...

Все это крюкотворство, конечно, но их там, в Академии, крюкотворству и учат, а ежели Вадим сдуру упрется, так ему по закону, особенно как дважды Георгиевскому кавалеру, Герою России и т.д. и т.п. ничего и не сделаешь. По закону, следует подчеркнуть.

Так, *по понятиям*, напакастить можно крупно, но ему ведь это что с гуся вода. Такой уж человек. Средствами располагает, профессия, с которой нигде не пропадешь, да и дарованные Рескриптом права и привилегии никто, иначе, как по суду, не отберет. Поможет ему папаша устроиться врачом на шикарный пароход заграничного плавания, и адью! Это нам служить, как медным котелкам.

— Достал ты меня, братец, — обреченно вздохнул Тарханов, снял трубку прямой связи с порученцем. — Меня нет. Ни для кого. Уехал по делам. Буду через час. Все.

После чего достал из сейфа начатую бутылку коньяка, тарелочку с уже нарезанным лимоном.

— Давай. Тем более неизвестно, когда опять встретимся.

Налил, подмигнул, выпили не чокаясь.

— Я тебе и сам все собирался рассказать, видишь, даже смазку приготовил, да ты ж как попер! Вот и пришлось...

— Ну извини, извини. У меня тоже нервы...

— Ага! У тебя — нервы! Двоюродной бабушке расскажешь. А дело тут вот в чем...

Тарханов, постепенно расслабляясь, сбросил с лица предписанное должностью выражение и нормальным голосом и тоном поведал, что сам Вадим, по большому счету, во всем и виноват.

— Никто тебя не тянул за язык вот так, сразу, ляпать насчет «свободного от неприятеля операционного направления». Порисоваться перед начальством захотелось? Ну и получай. У Чекменева-то стратеги не из последних подобрались, твои же друзья-пересветы. С ходу сообразили и бегом принялись планы менять. До самого последнего момента собирались почти всю Гвардию на Западный фронт бросить, половину Польши на гусеницы намотать.

Оно бы получилось, конечно, дивизии Ливена и Слонова на исходные уже подтянулись, а им «Огнем и мечом»¹ до германской границы пробежать — раз плюнуть. Но ведь напрасное кровопролитие, международный резонанс, резкое ухудшение внутривойсковой ситуации, короче — сам понимаешь. Конечно, у них все равно свои резоны имелись, расчеты определенные. Да ты ж последние газеты читал?

— Читал и испытал большое недоумение...

— Так и задумано. Введение противника в заблуждение, подготовка общественного мнения и тому подобное. Но тут являемся мы. Ты делаешь свое заявление. И понеслось! Меня позавчера выдернули, всю ночь со штабистами сидел, переводил в доступную форму твою полустатскую болтовню. Вот и родился план-экспромт. Последнюю, доработанную и модернизированную модель «переходника» устанавливаем прямо в Москве. И направляем через него твою группу. С целью *провести* безопасный маршрут до самой Варшавы, а то и дальше. По железке, по шоссе или в обход, как удобнее покажется. Будут тебе приданы хоть две роты, хоть три, сколько потребуется. И саперы, и путейцы, и связисты.

¹ Огнем и мечом (польск.). Название одного из романов Г. Сенкевича.

Одним словом, дойти до конечной точки и гарантировать свободное продвижение по вашим следам как минимум одной дивизии. Да у тебя там в приказе почти все и написано.

— Понятно. А ты, значит, по доброте душевной полномочия превышаешь. Ценю.

Привычно не обратив внимания на очередную порцию яда в тоне Ляхова, Сергей продолжил:

— А вот когда маршрут вы пройдете до конца, тогда и начнется главное. Перебросим туда десяток машин с передвижными генераторами, и — сам понимаешь...

— Чего ж не понять. Как раз этот вариант мы с тобой и Розеном многократно обыграли, только не все учли, по недостатку информации. Как он, кстати? Что его, как в том анекдоте, «нигде не видно»?

— Розен — не моя компетенция. Я ведь до сих пор так и не понял, случайно он с нами там оказался или особое задание имел. Не по нашим зубам орешек.

Мне Чекменев единственный сказал, чтобы я от него отъезжался: — «Григорий Львович, независимо, как вы с ним там сдружились, де-юре военнослужащий иностранного государства, и на официальных приемах у князя вне особого протокола появляться не может. Равно как и на наших служебных совещаниях. Чтобы это не могло быть превратно истолковано и использовано нам во вред...»

— Раньше он несколько иначе на это смотрел...

— Раньше и время другое было. А сейчас кому надо, чтобы поднялся шум о вмешательстве Израиля в польские дела? Поляки и так к евреям очень специфически относятся...

— Ладно, не наше дело. Наливай по второй и скажи, а чего это со мной Маштакова или хоть Бубнова не посылают? В научном плане они куда как посильнее меня будут...

На эту тему Тарханову говорить тоже не хотелось, хотя кое-что он явно знал.

— Нужно будет — пришлют. Ты другое имей в ви-

ду — я на этой стороне остаюсь, так что в пределах моих возможностей окажу все необходимое содействие. Можешь быть спокоен. С Майей попрощайся, не вдаваясь в подробности. Мол, срочно выезжаешь на польский фронт, на неделю, две максимум. Больше — ни слова, ни намека.

— Последний вопрос — за каким, извиняюсь, хреном организовывать по пути маршрута охрану и оборону узловых пунктов? От кого? Не от покойников же.

— Вот вопрос мыслящего офицера. Там и вправду не от кого, а вот в случае, если подготовленные, занявшие удобные позиции в тылу врага части по мановению руки *здесь* проявятся, может выйти очень удачно. Ребята, которые с тобой идут, — мои, ну, почти все мои, — для точности поправился он. — Четверо из них на той стороне уже были, когда нас искали. Покойников видели, не испугаются. Так что, вперед, командир. Я же не за был, как ты нас через три моря провел.

— Через четыре, — не смог не уточнить растроганный Ляхов. — Средиземное, Эгейское, Мраморное и Черное...

Старинные Литовские казармы (построенные в незапамятные времена для расквартирования лейб-гвардии Литовского полка) располагались на юго-западной окраине Москвы, почти вплотную к линии Окружной железной дороги.

В нескольких громадных трехэтажных корпусах из почерневшего от времени кирпича и доньне помещались несколько батальонов 6-й территориальной дивизии, школа взводных унтер-офицеров, гарнизонная гауптвахта, еще какие-то службы, а главное — окружные вещевые склады. Потому в смысле обеспечения секретности предстоящего мероприятия место было выбрано идеальное.

Самому проникательному шпиону не удалось бы ничего заподозрить, даже обнаружив внезапное прибытие

группы Ляхова вместе с генератором. Что тут необычного? Десятки лет здесь с утра до вечера мельтешат сотни людей в военной форме с эмблемами и погонами всех существующих родов войск. Снуют туда и сюда по плацам и линейкам, по сложной системе внутренних двори-ков, очень похожих на тюремные, поскольку окружают их со всех сторон пятнадцатиметровые стены корпусов с рядами узких окон, забранных решетками на первых этажах.

К складским пакгаузам постоянно подъезжают и отъезжают пустые и груженные автомобили, по собственной железнодорожной ветке маневровые тепловозики толкают товарные вагоны и платформы. Здесь дивизию можно с нуля сформировать, экипировать и отправить, не привлекая особого внимания. Совершенно по Честertonу: «Где лучше всего спрятать сухой лист? В лесу».

Когда Ляхов прибыл в расположение своей группы, его сразу охватило позабытое уже чувство причастности к настоящей армейской жизни. Совсем не то, что в Академии.

Незабвенные запахи хлорки из туалетов, гуталина, ружейного масла, табачного дыма, навек пропитавшие старинные стены, назидательные плакаты, выписки из уставов и афоризмы корифеев военного дела, портреты полководцев и героев былых сражений на повсеместно расставленных и развешанных стендах.

Громкие команды на плацу, где внушительного вида унтера и фельдфебели муштруют новобранцев и узников гауптвахты. Грохот подкованных каблучков в вымощенных каменными плитами гулких коридорах.

Ощущение пронизывающего все и вся строгого и разумного порядка, где нет места необязательности и бестолковщине, при том, что стороннему, непосвященному наблюдателю слаженная деятельность большого военного организма показалась бы не поддающейся пониманию бессмысленной суетой.

С некоторым трудом, *путем опроса местных жителей*, Ляхов добрался до флигеля, где на втором этаже, в

крыле, отделенном от необъятной лестничной площадки решетчатой дверью, разместился его отряд. И немедленно убедился, что распорядительность его заместителя превосходит все самые оптимистические надежды. У тумбочки по ту сторону двери дежурил дневальный в чине подпоручика, при виде полковника зычно возгласивший: «Господа офицеры!»

Тут же подбежал с рапортом сам Уваров. Личный состав был уже переодет в добротные камуфляжные костюмы «осень в средней полосе» и всепогодные ботинки на тройной подошве.

Столы и койки в длинном сводчатом зале завалены амуницией и снаряжением, в пирамидах у стен — с большим знанием дела отобранное оружие, и все десять человек заняты делом, каждый своим, но явно направленным к общей цели.

Уваров проводил командира в комнату, отведенную под штабную. Где-то он уже успел раздобыть комплект карт-двухверсток на весь маршрут, и сейчас подпоручик восточного облика склеивал их в единые листы точных переходов. Судя по пучку виртуозно заточенных цветных карандашей, торчащих из трехдюймовой снарядной гильзы, на очереди была следующая операция — *подъем карты*¹.

— Спасибо, Шаумян, пока свободны, — отпустил Уваров подпоручика. Тот вышел, искоса бросив на Ляхова любопытствующий взгляд.

— Располагайтесь, господин полковник, — указал заместитель на деревянное кресло перед старым письменным столом, помнившим, наверное, еще царствование Александра II, Освободителя.

¹ Подъем карты — нанесение на нее установленными условиями знаками и цветом необходимых сведений о характере местности, расположении своих войск и войск противника и т.п. Вообще подготовка карты командира к работе состоит из следующих этапов: подбор листов, оценка карты, склеивание, подъем, складывание определенным образом.

Его верхняя крышка была сплошь испятнана еще тогдашними, фиолетовыми ализариновыми чернилами и ожогами от папиросных окурков. Уваров заметил выражение глаз командира и пожал плечами: — А что делать, кто ж *пришлым варягам* новый стол даст?

С ним нельзя было не согласиться. Никто, и сам бы Ляхов не дал.

А штабс-капитан ему сразу понравился. С первого взгляда чувствовалась в нем порода, десяток поколений предков, занесенных в «Бархатные книги», известных по именам-отчествам и подвигам, которыми они прославляли фамилию. Чувствовалась в чертах лица, постановке фигуры, манерах. Отсюда же и постоянно мелькающая в глазах и изгибе губ легкая, едва уловимая даже и опытным глазом ирония. Будто граф непрерывно отслеживает все несообразности в поведении собеседников, неверные употребления слов, коряво построенные фразы. Но в силу своего малого чина и воспитанности лишен возможности прямо на них указывать.

А вот при встрече с Ляховым это выражение с лица Уварова исчезло. Опознал ровню по происхождению, но занимающего более высокое положение. Помогли на генетическом уровне усвоенные традиции старорусского *местничества*, когда каждый с микрометрической точностью осознавал свою позицию в тогдашней «табели о рангах» и, соответственно, место, которое надлежало занимать в царском совете, за пиршественным столом или в построении на поле боя. И упаси бог «как самому выше своего ранга место занять, так и уступить свое тому, кто ниже тебя числится».

Опознал *своего* и сразу повел себя как должно. Не в плане субординации, тут все заведомо было в порядке, а именно на эмоциональном уровне. Ляхов это оценил.

Ну и характеристика Тарханова свою роль сыграла.

Как требовал гвардейский этикет, Вадим сначала коротко сообщил о себе то, что считал необходимым в дальнейших взаимоотношениях, после чего попросил заместителя сделать то же, но уже — подробно. В том числе

суть и смысл ситуации, приведшей Уварова в этот кабинет и на эту должность.

Ответами удовлетворился. Такой помощник его вполне устраивал. Остается должным образом использовать его сильные качества и держать в рамках допустимого все прочие.

— А о сути нашего задания вы представление имеете? — осведомился Ляхов, протягивая штабс-капитану тонкий золотой портсигар с выпуклой эмалевой инкрустацией, сегодняшний подарок будущего тестя.

Они, по настоянию Майи, заехали к Бельскому буквально на несколько минут, чтобы Вадим мог официально попросить руки его дочери. То, что Татьяна явочным порядком назвала себя в присутствии князя Тархановой, определенным образом повлияло и на Майю. Время, наверное, подошло. Нагулялась девушка и решила, что почти полутора лет фактического знакомства, а также совместно пережитых приключений вполне достаточно, чтобы связать их судьбы окончательно. Отныне и навеки. Тем более, наверняка подумала она, в Польше Вадим вполне может увлечься какой-нибудь «прекрасной паненкой».

Что там произойдет по факту, ее не волновало, а вот чтобы жених обязательно вернулся, нужно связать его словом, сказанным при свидетелях.

Ни о каких паненках, кстати, Вадим не мечтал, да и затруднительно было бы их найти, и покидать Майю не собирался. Вот мысли о грядущей свадьбе действительно откладывал на более отдаленное время. Но раз ей так хочется — пожалуйста. Тем более что обручение — это все-таки еще не женитьба.

— Кое о чем догадываюсь, — честно ответил Уваров. — Мы тут с ребятами мнениями обменялись. Исходя из того, что кое-кто из наших уже ходил *на ту сторону*, когда вас с полковником Неверовым искали, а также видя, как вы с ним переглядывались, могу предположить, что снова — туда же. Так?

Еще один плюс заместителю. Способен к правильным умозаключениям на основе неполной информации.

— Абсолютно в точку. Ну-ка, подайте мне карту и пригласите тех самых офицеров. — Повидавших загробный мир было четверо. Поручики Щитников и Колосов, старший воентехник Фрязинов и тот самый армянин, подпоручик Шаумян. Все — из штурмгвардейцев с типичными для их полка манерами и ухватками.

В отличие от кадровых «печенегов», которым, по роду занятий, кроме великолепной гибкости и точности движений знатоков всевозможных единоборств, была присуща определенная интеллигентность (многие имели юридическое или иное гуманитарное высшее образование), эти ребята являлись воплощением силы, физической и психической, хотя и рассуждающей, но безоглядной.

Их части заведомо создавались и воспитывались, как смертники. Штурмгвардия должна выполнить любой приказ в любых условиях, не задумываясь о самосохранении. Точнее — задумываясь об этом ровно в такой же мере, как и о сбережении вверенного оружия.

Как пелось у них в строевой песне: «Готовность к смерти — тоже ведь оружие / И ты его однажды примени / Мужчины умирают, если нужно, / И потому живут в веках они».

В идеологический багаж штурмгвардии входила и такая истина, которая сначала Ляхова удивила своей парадоксальностью, а потом, при некотором размышлении, первобытной, прямо-таки библейской мудростью.

«Подразделение выживает, если каждый его боец готов умереть. Подразделение гибнет, если каждый его боец хочет выжить!»

Что тут еще добавишь?

Эти вот офицеры выжили, сходяв на тот свет и схлепнувшись с покойниками врукопашную. Двое из группы Щитникова — подпоручики Мамаев и Тарасов погибли. Остальные уцелели, отомстили (если этот термин

тут имеет смысл) и без особых рефлексий готовы прогуляться туда еще раз.

А вот возглавлявший бой капитан второго ранга Кедров (из «печенегов») по тонкости своей нервной организации сломался и даже, говорят, удалился от службы в монастырь. Душу спасать и грехи замаливать. Как выразился Щитников, которому в том бою досталось чуть ли не больше всех: «Вообразил, что монахи попадают на тот свет каким-то иным способом. Ему б тогда лучше мусульманство принять».

Значит, решил Ляхов, на этих парней он может положиться полностью. И, не стесняясь, рассказал им о том, что испытал сам, пока они его искали в ближнем Подмосковье.

Таким образом, ядро группы из людей, связанных общей судьбой и общим опытом, сложилось сразу.

Уваров своим внутренним настроем вполне им соответствовал. Что касается пятерых других офицеров, подобного опыта не имеющих, Вадим, на основании выписок из данных службой Бубнова характеристик, мог быть почти уверен, что и они не дрогнут. Присутствовал в глубине их натур некий «ген», отвечающий за скептически спокойное отношение ко всякого рода невероятностям.

Как говаривал уже неоднократно цитировавшийся любимый герой Ляхова: «Я одно время тоже впал в такую мистику, что меня можно было испугать обыкновенным финским ножом».

Рассматривая карту, Ляхов обратил внимание на один интересный момент: случайно ли так вышло, или люди, готовившие их рейд, проявили должную предусмотрительность, выбирая исходной точкой именно Литовские казармы.

На десяток километров в любую сторону от них не располагалось ни одного кладбища. Мелочь вроде бы, но полезная. Известно ведь, что некробионты предпочитают держаться поблизости от двух мест — непосредственной кончины и собственной могилы. Почему, отчего — наукой пока не установлено. Но, учтя этот фактор,

не придется лишний раз отвлекаться. На появление же очередного капитана Шлимана рассчитывать вряд ли стоит.

Подводя итог узкого совещания посвященных лиц, Ляхов объявил, что жесткого распределения обязанностей внутри своей опергруппы он устраивать не будет.

Есть руководство, то есть он сам и его заместитель — Уваров, а также вводится должность помощника по хозяйственной части, на которую назначается подпоручик Шаумян. Единственный из всех участников прошлого рейда, он был произведен, в некоторое нарушение обычаев, в следующий чин. Скорее всего, просто для того, чтобы предоставить ему возможность дальнейшего продвижения по службе. Обычные прапорщики такого шанса были лишены.

Левон, пользуясь допущенной Ляховым свободой обсуждения, сам на нее напросился. Он сообщил, что боевые и тактические способности его самые средние. Но в том, что касается общения со всякого рода снабженцами, сообразительности в торговых и иных подобных делах, природной сметливости, прочих господ офицеров значительно превосходит.

— Еще во времена Екатерины Великой и достопамятного Потемкина моих предков специальным указом, в числе двухсот семей, переселили из Эривани на Азово-Моздокскую линию в целях организации снабжения вновь создаваемых крепостей, развития ремесел и торговли. Где мы и процвели к своей и государственной пользе. Вот говорят — евреи, евреи! Да мы ж не хуже, только поскромнее немножко. Не думайте, господин полковник, я ведь просто исходя из интересов дела. Воевать придется — будем, а в остальное время... Вы же хотите, чтобы все у нас было хорошо? Я тут уже кое-кого из наших нашел...

Возражений ни у Ляхова, ни у Уварова не было. Одновременно решили, что прочие офицеры будут использоваться «для особых поручений», по мере необходимости и с учетом их личных качеств и требований момента.

— Я сумел добиться у полковника Тарханова прямого подтверждения собственных прав полной экстерриториальности, — сообщил Ляхов. — В том смысле, что любые формирования и подразделения армии и иных ведомств на *сопредельной территории* будут выполнять все мои приказы, относящиеся к заданию. Мы же в своих действиях не подотчетны никому. Но это и на вас, господа, возлагает соответствующие обязанности и особую ответственность. А теперь, Валерий Павлович, пригласите сюда и остальных наших коллег, чтобы они не почувствовали себя ущемленными. Мол, со штурмгвардейцами совещаются, а нас игнорируют.

— Не почувствуют, Вадим Петрович. Я ведь сам «печенег» уже целый месяц, так что могу представлять их интересы.

— Вы пока свободны, — сказал он офицерам. — Озабочьтесь ужином, Левон, а мы с господином полковником еще немного побеседуем... И не болтайте там, о чем у нас речь шла. Когда нужно будет, я сам все скажу.

Офицеры вышли, притворив за собой толстую и вполне звуконепроницаемую дверь.

— Простите меня, конечно, господин полковник, но как ваш заместитель по строевой части не могу не попросить о следующем... — Уваров достал из мятой пачки собственную папиросу. — Старайтесь произносить фразы, имеющие императивный характер либо наедине со мной, либо после тщательного обдумывания.

Вообще-то сказано это было несколько дерзко. Но Ляхов давно на такие мелочи внимания не обращал, поскольку сам дерзил начальству сверх всякой меры. Просто заинтересовался, как штабс-капитан разовьет свою посылку. Сумеет сделать это убедительно — молодец, нет — получит по ушам.

— Потому что вы, господин полковник, при всем моем уважении к вашим наградам и заслугам, все ж таки в настоящем строю мало служили, я ведь не ошибаюсь? А строевые офицеры — народ своеобразный. Иногда слишком много о себе понимающий и в любом случае

готовый использовать любые промахи и оговорки начальства для собственной корысти и удовольствия.

Очень быстро они распознают, что вы по характеру человек мягкий и интеллигентный, и начнут вовсю этим пользоваться. А когда вы это почувствуете и начнете гайки закручивать, чтобы порядок навести, обидятся, поскольку сочтут, что вы нарушаете правила игры, пытаетесь отнять уже завоеванные ими законные права. В итоге — не нужные никому трения. Нормальный же строевой командир, даже унтер прирожденный (есть такие, мечта всякого офицера), интуитивно понимает, что, придя в новое подразделение, гайки нужно затянуть сразу и до упора. А уже потом, в меру необходимости и в виде величайшего одолжения, можно их помалу отпустить. Тогда личный состав будет прибывать в уверенности, что жизнь постоянно улучшается, а у вас всегда будет в распоряжении возможность поощрения, лично вам ничего не стоящая... Я понятно обосновал?

— Вполне. Отдаю дань уважения вашей стихийной психологии. Вот и применяйте ее в полную меру ваших дисциплинарных прав и обязанностей. Предоставляю вам полную свободу. Что же касается меня, то я, как командир-единоначальник, буду делать то же самое, в том числе и по отношению к вам. По возможности — наедине. Согласны? — и пристально посмотрел штабс-капитану в глаза.

— Так точно, господин полковник.

— А теперь поясните, почему вы сочли неуместным мое предложение пригласить для беседы остальных офицеров?

— Немножко рано, Вадим Петрович. Я сначала хотел, чтобы мы вместе с вами изучили их послужные списки и характеристики, затем хотя бы вчерне разработали проект боевого приказа и уже потом огласили его для всего личного состава.

— В принципе, разумно. Принимается. Однако впредь попрошу моих распоряжений не отменять, даже в столь деликатной форме, как вы это сделали только что.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ляхов приказал Уварову обеспечить выполнение намеченного на вечер распорядка, после чего убыл в самоволку. Не совсем подходящий термин для отлучки из части ее командира, но тем не менее. Он не поставил в известность о целях и месте своей отлучки ни заместителя, ни вышестоящее начальство. Зная, что в случае чего может иметь определенные неприятности. Более того, он заведомо решил это сделать, имея в виду сразу несколько целей.

Прежде всего ему просто захотелось перед началом очередного авантюрного дела побыть одному и привести свои мысли и чувства в порядок. Чтобы не так, как раньше, когда любое судьбоносное событие происходило внезапно, еще более неожиданно, чем толчок сапога инструктора при первом парашютном прыжке.

Если за ним наблюдают (или присматривают) люди Чекменева, то не вредно убедиться, что это на самом деле так и поглядеть, какова будет реакция генерала.

Кроме того, вполне возможен подход к нему, тоже накануне ответственной операции, людей с той или с другой стороны. Он ведь до сих пор не узнал, чем на самом деле была та история на ресторанном пароходе, или пароходном ресторане, кому как нравится. Экссессом исполнителя или случайно сорвавшейся увертюрой к серьезной постановке?

И еще несколько моментов могли проясниться во время столь внезапно пришедшей ему в голову прогулки в близкую, но уже как бы и отдалившуюся от него Москву.

В ближайшей к выходу офицерской туалетной комнате он сменил полковничьи погоны на капитанские, чтобы меньше привлекать внимание, из наградных планок оставил одну — Георгия четвертой степени. Скромно, но значительно. Не стал брать казенный автомобиль,

поймал за мостом таксомотор и велел ехать к Парижскому вокзалу.

С точки зрения *себя настоящего*, каким он был еще прошлым декабрем, Ляхов поступил самым естественным образом. Сорваться накануне далекой и долгой командировки, неизвестно что сулящей, в столицу, побродить по улицам, зайти в один, другой, третий ресторанчик или трактир. Посидеть, как встарь, в скверике на углу Тверской и Охотного ряда, покурить, пряча в кулаке папиросу от дождевой мороси, любуясь на фланирующих девушек. Поразмышлять на совершенно пустяковые и странные для взрослого, успешного человека темы.

Вновь вообразить себя двадцатилетним, никак не определившимся в жизни, но уверенным, что будет она непременно романтически-необыкновенной.

Все это он исполнил.

Надвинув козырек фуражки на глаза, подняв воротник офицерского плаща, что в дождь не возбранялось, Вадим не спеша шел от вокзала к Манежу по левой стороне улицы, вдыхал сырой, пахнувший палой листвой воздух, отстраненно наблюдал сценки ночной богемной жизни за окнами увеселительных заведений.

Как и собирался, зашел в круглосуточно открытое отделение Русско-азиатского банка, где, по семейной традиции, держал свои сбережения. Пополнить запас наличности, а заодно проверить одно предположение. Приснился ему во время странствий по загробному миру вроде бы сон, но уж слишком яркий, поразительно похожий на наведенную галлюцинацию, в котором он встретился с самим собой, но не из этой реальности, а Другой, описанной в газете. И там они долго говорили на самые разные темы. В том числе двойник сообщил, что если Ляхов согласится на некоторые условия, на его счет будут регулярно перечисляться весьма приличные суммы.

Нормальные люди не верят в сны, в том числе и вещи, но сегодня Вадим пребывал в несколько стран-

ном, приподнятом и одновременно грустном настроении. И вдруг ему вообразилось, что сказанное двойником может оказаться правдой. Как оказалось ею уже многое другое, столь же невероятное для рационального ума. И вообще, сегодняшняя сюрреалистическая ночь, словно перенесшая его в годы ранней молодости, располагала к самым экстравагантным поступкам.

Дежурный кассир протянул распечатку состояния текущего счета. Он пробежал листок глазами и натуральным образом обалдел.

Неделю назад ему было переведено пять тысяч рублей (почти двухлетнее жалование по нынешней должности) израильским министерством по делам соотечественников за рубежом. В качестве единовременного пособия героям минувшей войны, к каковым относились и лица, удостоенные звания «Праведник перед Богом».

Ему хорошо запомнились слова собственного двойника: «Деньги будут поступать способом, не вызывающим подозрений». Что ж, забавно, до чрезвычайности забавно, но оснований отказываться от материалистического мировоззрения по-прежнему нет.

Сон — сном, деньги — деньгами. Каких только ему снов не снилось... Проще всего, конечно, взять да и позвонить в израильское посольство. Там наверняка ответят. Только ведь, если признать, что ты во все это веришь, и проверка ничего не даст. Наверняка все оформлено и замотивировано должным образом. И в итоге — остаешься «в прежней позиции». Ничего достоверно неизвестно, но атмосфера загадки и тайны сгущается.

Деньги ему сейчас были не нужны, однако из чистого принципа Ляхов снял со счета двести рублей с отчетливым желанием немедленно прогулять их таким способом, который счел бы дурацким в любом другом случае.

Он дошел до Манежной площади и шагнул сквозь вертушку двери гостиницы «Гранд Отель».

На огражденной квадратными колоннами, открытой с двух сторон веранде восьмого этажа, где располагалось популярное среди столичных снобов ночное кафе,

было почти пусто, несмотря на то, что отсюда открывался великолепный вид на Красную площадь, Александровский сад и вдоль Моховой и Воздвиженки, до самого Арбата. А теплая воздушная завеса не пропускала уличный ветер и дождь. Впрочем, перед своим столиком Ляхов попросил ее отключить, как раз сырости и брызг дождя в лицо ему хотелось.

Заказал он скромно: двойную чашку турецкого кофе, рюмку шестидесятиградусного миндального ликера и стакан шипящего «Боржома».

Цены в кафе были *отсекающими*, чтобы случайная публика не толпилась, мешая отдыхать уважающим себя людям, готовым только за вход платить десять рублей, а за бокал вина с тарталеткой — как за полноценный ужин в ресторане пятью этажами ниже.

Так ведь приватность и покой — вещи не дешевые, думается здесь хорошо, особенно когда есть о чем.

Что, например, следует ждать ему от этой командировки? Задание — более чем простое, даже униженное простое. В самом деле, зачем взваливать на полковника и флигель-адъютанта то, с чем легко справится поручик, не говоря о боевом штабс-капитане? Тарханов явно кривит душой, говоря, что имеется в виду его опыт покорителя вневременья. Никакого опыта нет, честно признаться.

Был бы действительно нужен его опыт — послали бы к Шлиману в Израиль.

А здесь? Неужели действительно Чекменев столь мелочно сводит счеты?

Не похоже, совсем не похоже. Когда разгорается война, не до дешевых разборок среди «своих». Вот только считает ли его Игорь Викторович своим? Вдруг нет? Вдруг великокняжеские милости показались ему чрезмерными и лично для себя чем-то опасными?

В таком случае можно предположить, что Ляхову таким образом дают понять, чего он на самом деле стоит, и продержат на фронте *до самых некуда*? А потом снять опалу, с соответствующими назиданиями, а то и без та-

ковых. Сам, мол, все должен понимать. На что, кстати, Сергей деликатненько намекнул.

Все-таки играет Тарханов по их правилам, забыв о солдатской дружбе, или искренне верит в правильность и неизбежность происходящего? Так тогда и мы можем поиграть по своим?

Стоп-стоп, сказал себе Ляхов. Первое дело — не лезть в бутылку. В переносном смысле, в прямом как раз можно. И он заказал еще рюмочку ликера.

Ход его мыслей был прерван появлением на сцене нового персонажа. Не слишком верной походкой к столу направлялся армейский штабс-капитан в новеньком, вот именно, что с иголочки, кителе и вызывающе поскрипывающих сапогах. Наметанным глазом Ляхов сразу узнал в нем призванного по частичной мобилизации запасного.

Мужчина лет тридцати пяти, несомненно — москвич, со средствами и положением. Армеут со ста тридцатью рублями жалованья в жизни бы сюда не сунулся, швейцар еще на первом этаже сообщил бы, что почем.

— Разрешите, господин капитан, — не ожидая ответа, новоприбывший опустился или, скорее, плюхнулся в кресло. — Штабс-капитан Желтовский, если угодно. Последний нонешний денечек желаю посмотреть на родной город свысока. Сколько тут сижено-пересижено, сколько денег пропито, девчонок перещупано, а теперь на войну отправляют! Нонсенс, конечно, а куда деваться?

— Здраво рассуждаете, капитан. Некуда. Раз единожды согласились возложить на себя погоны. Кстати, отчего штабс-капитан, а не прапорщик? Значит, реально служили, а не в *универе* экзамен сдали?

Общаться с незванным гостем ему совершенно не хотелось, так хорошо было сидеть одному и любоваться панорамой, а тут...

Проще всего встать и уйти, но что-то останавливало.

— Ну, служил, — мрачно кивнул собеседник, щелчком пальцев подзывая официанта, — да какая там служ-

ба, в окружном финансовом управлении. Поручика выслужил, ценз оттянул — и на гражданку. Начальником кредитного отдела стал, квартиру на Остоженке купил, а тут нате вам — повестка, четвертая звездочка от щедрот, и извольте прибыть в город Минск.

— О чем же горевать, ваше благородие? Пересидите смутное время в очередной финчасти, медальку получите «За усердие», а то и орден, если сообразите, когда лизнуть, когда гавкнуть, и — домой, на Остоженку.

— Вам легко говорить, — Желтовский некультурно указал пальцем на ляховскую ленточку «огонь с дымом»¹. — А у меня все планы рушатся... Выпейте со мной, я угощаю, — голос его вдруг стал просительным.

— Благодарю, капитан, за душевный порыв, только мешать не привык. Я уж свой ликерчик дотяну... — Вадим поднял рюмку на уровень глаз, кивнул, отпил глоток. А сам пытался сообразить, имеет ли отношение Желтовский к его предыдущим мыслям?

На вид — непохоже, а там кто их знает.

И весь последующий, получасовой сумбурный разговор все ждал, не прозвучит ли некая ключевая фраза, вроде пароля, или вообще тема как-то повернется в нужную сторону.

Очень ему хотелось, раз уж с банкиром встретился, да еще и пьяненьким, осведомиться насчет способа проверки перевода, но опять воздержался, потому что сломком на поверхности эта *подводка* лежала. Банк — деньги — и тут же специалист подсел, готовый, судя по его лицу и манерам, на любые услуги.

Но не спросил, и со стороны господина Желтовского, прикончившего хрустальный, с матовыми журавлями графинчик неприлично дорогого коньяка (которые провинциалы, на такую роскошь разорившиеся, непременно с собой забирали, чтобы друзьям показывать), ничего такого не прозвучало. Только когда Ляхов стал

¹ Жаргонное обозначение черно-оранжевой Георгиевской орденой ленты.

★

расплачиваться с официантом, просверкнула во взгляде штабс-капитана искорка, не идущая к его облику и состоянию.

Нагрузился собутыльник более чем порядочно, на грани выпадения в осадок (да и сам ведь Ляхов на пароходе умело имитировал опьянение после бутылки крепкого чая), однако, сделав Вадиму ручкой, вдруг выговорил непослушным языком:

— Ты, капитан, думаешь, лихой очень? Верю! А вот тоже не геройствуй слишком. Знаешь, что на войне самое главное?

Что тут ответишь, на войне много главного: и оружие, и оценка противника, и мозги собственного начальства, и везение...

Но Желтовский ответа и не ждал. Назидательно подняв палец, он привстал, качнулся, чуть не обрушив стол со всей посудой.

— На фронте главное — выжить, Вадим Петрович. Вот чего...

Всю дорогу вниз по лестнице — в лифт отчего-то садиться не захотелось — Ляхов пытался вспомнить, называли он между прочим Желтовскому свое имя, или же...

Вместе с поступившим из Израиля вспомоществованием чем не очередной намек?

До самых казарм Вадим шел пешком, на всякий случай переложив пистолет из кобуры в карман плаща. Не потому, что остерегался уличных преступников, в этом смысле Москва — один из самых спокойных городов мира. А вот какого-нибудь, специально против него направленного эксцесса не исключал. Потому что не составляла смутная, до конца не оформленная тревога.

Интуиция редко его подводила, но сейчас он никак не мог определить, к сегодняшней ли ночи относится его беспокойство или ко всему предприятию в целом.

Во время пешеходных прогулок Ляхову всегда думалось гораздо лучше, чем за кабинетным столом, и он начал соображать, как следует вести себя в походе.

Прокладка маршрута сама по себе трудности не представляла. От Смоленска до Москвы они совсем недавно прошли, что называется, своими ногами. Однако в тот раз у них была совсем другая цель — добраться домой без потерь и к жестко фиксированному сроку. Всячески избегая встреч с отечественными некробионтами.

Поэтому пробирались они нередко второстепенными и даже проселочными дорогами, огибая все более-менее крупные населенные пункты и вообще места, где могли бы оказаться скопления новопреставленных покойников. Тактика себя оправдала, всего несколько раз им попадались сравнительно небольшие группки, неизвестно с какой целью бродящие по полям в окрестностях дорог.

Ну и в этот раз следует поступать так же. Использовать пути, пролегающие в стороне не только от кладбищ, но и от крупных городов, больниц и госпиталей, где показатели стандартной или экстраординарной смертности способны создать нежелательную концентрацию *отвлекающего фактора*.

Тогда, кстати, Ляхов с друзьями постоянно обсуждали интересный, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение вопрос — а каков же *естественный* срок существования покойников в полевых условиях? То есть, не имея возможности подпитаться жизненной силой живых, сколько времени они могут так вот скитаться по печальным полям Аида, испытывая, по словам Шлимана, мучительный, сводящий с ума голод?

Израильский капитан, по его словам, до встречи с ними продержался не менее двух недель, впрочем, там тоже имело место довольно значительное несовпадение его и их субъективного времени. Так что эксперимент не чистый.

Загадкой было и то, на какое время хватило ему «подкормки» из парной говядины и гемостатической губки. К моменту их прощания выглядел капитан на удивление

хорошо и в будущее, если так можно выразиться, смотрел с оптимизмом.

Ляхов очень жалел, что не удалось ему разговорить Шлимана по-настоящему, на профессиональном уровне. Да что теперь-то жалеть? Им было совсем не до научных изысканий, все мысли вертелось вокруг того, как самим выжить да домой суметь вернуться.

Кроме того, вспомнил Вадим, и сам капитан старательно уходил от расспросов, касавшихся его биохимической и психической сущности, отвечал только тогда, когда видел в этом собственный интерес. А в конце вообще начал говорить намеками и загадками. «Обжился и адаптировался», как выразился в его адрес Розенцвейг.

И что случается с некробионтами, когда у них заканчивается *моторесурс*? Действительно ли они переходят «на следующий уровень нематериальности» или просто падают в какой-то момент и остаются догнивать на поверхности земли?

Но за время странствий им ни разу не попадались брошенные владельцами скелеты.

И вообще, самой большой загадкой Ляхов считал даже не это. Если население европейской части России западнее Москвы составляет примерно 150 миллионов человек, то ежедневно умирает что-то около тридцати тысяч. Тогда, принимая срок пребывания в стадии некробиоза хотя бы месяц, получим контингент почти в миллион экземпляров. Не так уж много, если равномерно распределить по всей территории, но и не мало.

Между Москвой и Смоленском, таким образом, их должно бродить тысяч пятьдесят. А за счет высокой плотности населения — даже больше. Шесть дивизий. Реально же встретилось только несколько сотен. Остается допустить, что покойники сбиваются в стаи и куда-то мигрируют. Но зачем?

Может быть, есть у них специальные «места зимовки» или «сборные пункты»? Ну да, остается только предположить существование некоего загробного управления кадров, которое оперативно учитывает и распреде-

ляет вновь поступивших. Кого в ад, кого в рай, кого в чистилище для углубленной проверки и вынесения окончательного решения.

А если без шуток, так следовало бы организовать широкие, многоплановые исследования на натуральных объектах. К примеру, отловив достаточное количество некробионтов, снабдить их радиомаячками и отпустить на волю, чтобы наблюдать за миграцией и образом жизни. Причем одних при этом накормить, а контрольную партию — нет. Но вместо этого Ляхову предстоит заниматься совсем другими делами.

Уваров выделил ему для сна отдельный чуланчик рядом со штабной комнатой, а сам лег вместе с офицерами в общем дортуре. Так что можно поработать спокойно, не лишая товарищей последних минут сна в тепле и под крышей.

Законченная, должным образом склеенная, поднятая и сложенная карта манила, прямо-таки требовала, чтобы к ней прикоснулся наконец остро отточенный карандаш.

Значит, до самого Минска, а то и до Барановичей вопросов не возникает. Прекрасное восьмиполосное шоссе идет практически параллельно железной дороге. Если выйти на него и ударить по газам, то по пустой дороге можно добраться к границе меньше, чем за сутки. То же самое, если поставить на рельсы бронедрезину, а еще лучше паровоз или тепловоз со щитом мощного снегоочистителя, чтобы убирать с рельс посторонние предметы, вроде брошенных на перегонах локомотивов и вагонов.

Но это, если представить себе поход как развлекательную поездку или, выражаясь по-военному, как стремительный рейд к заранее намеченной цели. «Не вступая в бой и обходя укрепленные пункты противника».

У них же задача совсем другая. Разведка и одновре-

менно оборудование маршрута, по которому можно наладить безопасное и ритмичное движение сотен воинских эшелонов, десятков тысяч людей с вооружением и техникой. Обозначить места дозаправок, пунктов питания, размещения гарнизонов на узловых станциях, и так далее, и тому подобное.

Следовательно, темп движения будет в несколько раз ниже. В лучшем случае километров полтораста, от силы двести в день. Тогда как раз и удастся уложиться в отведенную на выполнение приказа неделю.

От Барановичей им самим придется решать, куда двигаться дальше — через Волковыск и Белосток на Остроленку или же через Брест на Радом. В любом случае, с фланговым обходом Варшавы, с севера или с юга.

Прямо на Варшаву Ляхов идти не собирался. Двухмиллионный город, в котором идут бои, уж точно будет полон некробионтов, причем вооруженных. И *наших*, и «*ихних*». Вот, кстати, еще интересная задачка — как они поведут (или уже ведут) себя при встрече? Мертвые русские солдаты и повстанцы? Продолжат то, что не успели при жизни, или, забыв бывшие распри, объединятся в поисках пищи, которая прибудет к ним сама и в вызывающих восторг количествах?

Удивительным образом мысли бодрствующего Ляхова и спящего Уварова в этот момент пересеклись.

Мозг Валерия, возбужденный невероятной информацией, к которой наяву штабс-капитан отнесся как к оперативной данности, с подобающим чину и должности спокойствием, начал ее перерабатывать и осваивать по собственным ночным законам. А поскольку еще одним очагом застойного возбуждения, вытесненным в подсознание, были воспоминания о боях в Варшаве, сценарий сна совместил оба эти момента. Вот и гонялись за Уваровым по горящим улицам и коридорам Бельведера окровавленные трупы, размахивая автоматами, загоняя

в тупики и закоулки, откуда наяву поручику удавалось выбираться благополучно.

Вторым планом сознания Валерий понимал, что все это происходит во сне, но проснуться не мог. Только мычал, ворочаясь на узкой койке, и довольно разборчиво матерился. Чем привлёк внимание дневального.

Тот постоял, раздумывая, будить ли штабс-капитана, или оставить все как есть. Кто знает, как среагирует новый начальник на несанкционированную побудку. Вспомнил училищное средство борьбы с чужим храпом, присел рядом и начал негромко, мелодично насвистывать. Уваров напрягся и замолчал, будто пытаясь понять, что происходит во внешнем мире. Потом перевернулся на бок, еще что-то бормотнул и задышал ровно.

Дневальный усмехнулся удовлетворенно и отправился на свое место у дверей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Через три дня после инцидента с «подвигом» Уварова из Москвы прилетел с особо важным пакетом порученец Чекменева, лично полковнику не знакомый. Дергался капитан не по чину сухо и надменно, но как раз на это Стрельникову было наплевать.

Пакет содержал две отдельные бумаги.

В одной сообщалось, что в связи с возвращением к исполнению своих обязанностей начальника управления спецопераций полковника Неверова, ранее замещавший эту должность, полковник Стрельников назначается его заместителем «по боевой работе» с правами первого заместителя. С такого-то числа, с таким-то окладом денежного содержания. Раньше ничего подобного в штате управления не было, но, очевидно, обстановка потребовала. Обычное дело.

Полковнику сообщение о возвращении к исполнению своих обязанностей Сергея Неверова принесло ис-

креннее облегчение и радость. Всегда приятно, когда боевой товарищ, объявленный без вести пропавшим, вдруг возвращается живым и здоровым. Да и от гнета ответственности он уже устал.

Тот самый случай, когда человек всю жизнь мечтает о высоких чинах и должностях, и вдруг, достигнув их, с отчетливостью понимает, что просто не до конца осознавал баланс плюсов и минусов. Со стороны казалось, будто в том, чем занимаются большие начальники, нет ничего сложного. Вроде бы очевидно — написать серьезную, аргументированную, с массой фактических материалов и выводов аналитическую записку куда сложнее, чем приказать ее написать, а потом зачитать на совещании у еще более высокого начальника. Все же выгоды и приятности генеральского, скажем, положения — на глазах. Весомы и зримы.

На практике выяснилось, что оно, может быть, и так в каком-то смысле, но вот для убедительного исполнения роли «большого начальника» требуются и совершенно специфические способности.

Вышло совершенно как с крепким актером второго плана, сыгравшим массу замечательных, на ура встреченных и запомнившихся публике эпизодических ролей. А сам себя он видел на сцене непременно Гамлетом или царем Федором Иоанновичем. Но вот необыкновенным стечением обстоятельств он вожденную роль получает.

И — не может ничего! Текст знает, мизансцены из спектаклей лучших режиссеров выучены давным-давно, чуть ли не со студенческих времен — а не выходит. Причем, что самое трагичное, ума и самокритики хватает, чтобы понять, в чем тут дело.

Вот и Виктор Викторович оказался в такой же ситуации. И, поруководив управлением два месяца, сейчас с облегчением принял новое назначение. Но некоторая горечь в душе все-таки осталась просто оттого, что при-

шлось убедиться, на какой высоте расположен твой личный потолок. Людям это, как правило, не нравится.

Кроме выписки из приказа по личному составу, пакет хранил в себе еще один приказ, теперь уже адресованный Стрельникову в его новом качестве.

Ему поручалось, избавившись от посторонних забот и ни на что более не отвлекаясь, лично возглавить и координировать деятельность всех спецподразделений, оперирующих на территории Варшавы и прилегающих воеводств. К ним относились все отряды «печенегов», которые пришлось перебросить из мест постоянной дислокации просто потому, что иных подобных формирований в Российской армии не имелось.

Каждый отряд численностью от ста до двухсот человек сочетал в себе свойства десантно-штурмового подразделения, отряда глубокой зафронтовой разведки, военной контрразведки, имея в своем составе также специалистов-детективов и экспертов-криминалистов, способных как расследовать преступления, в том числе и уголовные, так и грамотно их имитировать в политических целях. Универсальные, короче говоря, структуры, если ими умело руководить и знать, когда и как использовать.

Вот только в качестве полевых войск они годились ровно в такой же степени, как ночной цейссовский бинокль для рукопашного боя или штучная снайперская винтовка для штыкового. Можно, но нерационально.

Еще Стрельникову было позволено, в целях обеспечения выполнения основной задачи, подчинять себе любые подразделения армии и прочих военизированных структур, все еще сохраняющих боеспособность по ту сторону Вислы. Кроме того, он получал право решающего голоса при согласовании вопросов взаимодействия с командирами войсковых частей и соединений, прибывающих на фронт из внутренних округов. Для чего к приказу прилагался своеобразный мандат, подписанный начальником российского Генштаба.

С этими полномочиями Стрельников и должен был решать вроде бы понятную, четко сформулированную задачу. Отнюдь не начиная широкомасштабных боевых действий, исключительно методами поисково-диверсионной деятельности вскрыть расположение опорных пунктов и баз снабжения противника, выявить его реальную боеспособность. По возможности (и исходя из фактической целесообразности) организовать деблокирование российских гарнизонов, продолжающих удерживать свои расположения. Как вариант — наладить между ними устойчивую связь и взаимодействие.

Продолжать и совершенствовать практику направления на занятую мятежниками территорию малых диверсионных групп, устранять руководителей низшего и среднего звена, нарушать вражескую связь, минировать важные в военном и пропагандистском значении объекты. Используя форму и знаки различия противника, инициировать столкновения между отдельными формированиями инсургентов. И так далее.

Как раз здесь Стрельников чувствовал себя вполне компетентным и способным сделать то, что от него требуется. Он полностью разделял мнение авторитетов своей профессии, что «стратегия непрямых действий», реализуемая отнюдь не вооруженной мощью государства, а именно спецслужбами, и даже талантливыми дилетантами-одиночками, приносит не в пример больший эффект с гораздо меньшими потерями и усилиями.

Беда была в том, что вторым уровнем отданных ему приказов, дословно, от имени Чекменева, изложенных порученцем, являлось требование — до поры до времени не нанести мятежникам морального ущерба, который бы мог подавить их волю к сопротивлению. То есть приставить пистолет к виску и в то же время посеять сомнения в том, заряжен ли этот пистолет.

Как старый спецслужбист, Виктор Викторович хорошо понимал смысл затеянной Чекменевым игры и отдавал должное глубине его стратегического мышления,

а вот в роли, ныне ему отведенной, испытывал глубокое раздвоение личности. Ну, вот если человеку в судебном процессе поручить одновременно исполнять функции прокурора и адвоката. И в каждой ипостаси дело непременно выиграть.

Натура с более гибким складом ума, например, лорд Генри из «Портрета Дориана Грея» (а то и Вадим Ляхов), нашла бы в подобной ситуации массу интересных возможностей и удовольствий, но не полковник Стрельников.

Он видел здесь только совершенно не нужную ему головную боль. Однако Игорь Викторович Чекменев знал, что делал. И нашел для своих иезуитских планов идеального исполнителя. Стрельников будет решать каждую из поставленных задач четко и точно, ни на шаг не отступая от буквы приказов (особенно памятуя о случившемся и по его вине тоже проколе с уничтожением верхушки национально-освободительного комитета). И в итоге на стыке этих двух ситуаций возникнет третья, которая и предоставит Чекменеву новое, взамен утраченного, *окно стратегических возможностей*.

И в заключение посланец передал, что поручик Уваров отзывается в Москву, в распоряжение начальника управления, с одновременным производством, за боевые заслуги, в чин «штабс-капитан».

Сейчас Стрельников сидел в своем кабинете на той самой укрепленной базе на правом берегу Вислы, где приходил в себя после ранения Уваров и где в отдельном помещении, отгороженном броневыми дверями, размещалась служба военинженера Леухина.

Сам он тоже здесь присутствовал, одетый, правда, не в затертую кожанку, а во вполне респектабельный штатский костюм спортивного покроя. Из серовато-бежевого букле, с брюками гольф, заправленными в высокие шерстяные гетры, в тяжелых рыжих ботинках. И под-

ходящая к наряду тирольская шляпа висела на крючке вешалки. Ну натуральный мелкопоместный пан с претензиями, собравшийся на охоту в Западные Карпаты или Высокие Татры.

Панорама, спроектированная прямо на крашенную под слоновую кость стену комнаты, изображала Варшаву, снятую под углом сорок пять градусов и с высоты метров триста. С отчетливым изображением улиц, переулков, отдельных домов и проходных дворов в их подлинном виде.

Но это не было аэрофотосъемкой, всегда требующей грамотной расшифровки. Это был скорее макет, выполненный сумасшедшим архитектором, положившим не один десяток лет жизни, чтобы воспроизвести точную копию миллионного города и в полном соответствии с оригиналами раскрасить улицы, дома и скверы. Он даже озаботился тем, чтобы нанести границы муниципальных районов, названия улиц, главнейших объектов и в ключевых точках нумерацию домов.

И вся картина была покрыта россыпью красных и зеленых световых точек. Словно оспа накрыла город. Где-то огоньки группировались кучно, целыми созвездиями, но по большей части расползлись по макету крайне рассеянно и неравномерно, соблюдая при этом непонятную на первый взгляд, но все-таки систему.

А на столе напротив стены с проекцией у Стрельникова лежала распечатанная копия этой же схемы, однако значительная часть красных и зеленых звездочек здесь размещалась иначе.

— Как видите, Виктор Викторович, — говорил Лехин, — за неделю наши клиенты развезли *гостинцы* по всему городу и тем самым, как и замышлялось, раскрыли нам почти полную дислокацию своих боевых групп и опорных пунктов. Красные отметки — это боеприпасы, которые до настоящего времени находятся в своих заводских упаковках, зеленые — отдельные виды вооружения, имеющие индивидуальную маркировку. СПГ,

СГА¹, пулеметы, ЗРК... Так что достаточно вашего приказа.

Военинженер имел в виду наглядно представленные на макете результаты собственной работы, которой он посвятил не один год трудов. Еще задолго до начала польского восстания, просто как одну из мер, могущую обеспечить в случае необходимости стратегическое преимущество российских войск, он придумал столь необыкновенную штуку.

Известно, что наши военные заводы поставляли технику и вооружение в десятки стран, как входящих в ТАОС, так и существующие за его оборонительным периметром. Вот Леухин в минуты озарения, которые посещали его обычно в то время, когда он трудился в своей домашней мастерской над абсолютно точными копиями пистолетов или танков, в масштабах от 1:1 до 1:43 (очень, кстати, способствующее душевному здоровью занятие) и придумал такую хитро подлую вещь.

Отчего бы не оснащать, просто на всякий случай, исходя из военно-политических соображений, экспортные (а если надо, то и внутреннего пользования) предметы вооружения (от танков и самолетов до контейнеров с боеприпасами) специальными маячками, не распознаваемыми без применения особых методик? Всегда можно отследить путь и текущее местоположение устройства, а уж потом реагировать в соответствии с требованиями момента.

Идея встретила у *инстанций* (поскольку Леухин принадлежал к элите «печенегов» с самого момента возникновения этой службы) полное понимание, поддержку и финансирование. Затем так удачно сложилось (а удачно складывается почти всегда, если человек в достаточной мере поглощен своим делом и призванием), что инженеру в руки попали отдельные разработки профессора

¹ СПГ — станковый противотанковый гранатомет, СГА — станковый гранатомет автоматический, типа «Пламя», «Василек» и т.п.

Маштакова, которые тот делал на заказ для всевозможных антисоциальных элементов еще в бытность свою вольнопрактикующим непризнанным гением.

Еще не зная автора этих маленьких, с изумительным талантом и поперек всех известных принципов сделанных штучек, военинженер проникся к нему полнейшим уважением и завистью.

Нет, это же надо догадаться — приборчик размером в желудь, не отличимый от десятков и сотен других, спокойно работающих в общей схеме (управления полетом ракеты «воздух — воздух» или «земля — земля», предположим), вдруг берет управление на себя, аккуратно подавив все прочие команды, и, пользуясь базой данных центральной или локальной ЭВМ, возвращает боеголовку в исходную точку.

Были в добытых оперативным путем артефактах и еще более остроумные и миниатюрные устройства. Если известный последние полвека последователь *Левши*, инженер Сядристый умел изготавливать работающие дизель-моторы, помещающиеся в кожухе из оболочки макового зернышка, но не нашел им практического применения, то профессор Маштаков этот рубеж преодолел. В то же время Юрий Владимирович, достаточно талантливый, чтобы разобраться в принципах функционирования изделий, не в состоянии был представить, как столь эффективные, причем изготовленные чуть ли не на уровне сельской кузницы, приборы могли быть *придурманы*! Какими мозгами, с использованием каких творческих озарений?

И Леухин добился свидания с неизвестным гением (кличка в разработке — «Кулибин»), как только узнал, что он наконец выявлен и изъят. Не только удовлетворил естественное любопытство, но и внес ценные предложения — как использовать его в государственных интересах.

Суть политики Чекменева в том и заключалась, что

люди, де-юре занимающие незаметные, незначительные посты, в силу особенных, только им присущих качеств фактически получали права и возможности, сопоставимые с министерскими, а то и превосходящие их.

Таким образом и воплощалась в жизнь с юношеских лет выношенная генералом идея «криптократии». Сутью которой являлось то, что в государстве, наряду с людьми, занимающими публичные посты, должны быть и другие, обладающие реальной, но никому постороннему не известной властью. Все на самом деле и определяющие. Не то, чтобы *кукловоды*, но нечто вроде этого. А в случае необходимости каждый *криптократ* может быть выдвинут и на формально значимый пост. Любого уровня.

Поэтому идеи Бубнова и Ляхова с их верископом легли на уже тщательно подготовленную почву.

— ...Достаточно вашего приказа, — завершил Лехин начатую мысль, — и я могу хоть сейчас заставить взорваться почти любой патронный и снарядный ящик на их позициях и в складах, любую из захваченных мятежниками зенитных и противотанковых ракет.

— Предложение, конечно, заманчивое, но — несвоевременное. Сейчас, как вы правильно заметили, мы отслеживаем все их перемещения, имеем почти полную картину вражеской дислокации (потому что оснащенное индикаторами вооружение попало к мятежникам не только со складов Арсенала, значительная его часть хранилась непосредственно в воинских частях). Но в то же время мы не можем с достоверностью знать, — Стрельников побарабанил пальцами по карте, — где здесь мятежники, а где — наши.

Что, если вот это, к примеру, скопление — остатки полка или батальона, занявшие круговую оборону, а не банда боевиков? И, послав сигнал, мы их уничтожим или хотя бы лишим боеприпасов? Вот если бы вы могли гарантировать...

— Увы, господин полковник, до такого наука еще не дошла. Я могу отвечать только за оружие из Арсенала. Его передвижение мы отслеживали с самого начала. А остальное маркировалось задолго до начала событий, просто чтобы предотвратить хищения и несанкционированную передачу возможному противнику. Тут уж на вашу разведку надежда — пусть она и выясняет, где свои, где чужие...

— Разведка разведкой... А вот вы-то для чего в город ходили, Юрий Владимирович? На пана вы похожи, спору нет, а все же, зачем так рисковать? Случись с вами что — наша служба понесет невосполнимую на данный момент потерю...

Несмотря на шутливый тон, полковник говорил вполне серьезно. Потеря Леухина была бы невосполнимой на несколько ближайших месяцев, когда все и будет решаться. Но и прямо запретить такую самостоятельность своей властью Стрельников не мог, поскольку военинженер по должности ему не подчинялся, поддерживая лишь оперативное взаимодействие.

Леухин же, родившийся в Варшаве и не один год в ней прослуживший, и язык, и обычаи, и сам город знал досконально, мог выдавать себя за природного поляка и коренного варшавянина без риска разоблачения. Разве что на бывшего соседа или сослуживца, перекинувшегося на сторону врага, невзначай наткнется. Но вероятность такого именно события была исчезающе мала. Да и самому дезертиром всегда можно представить.

— Есть такое понятие, Виктор Викторович, *инженерная разведка местности*. И вот ею я занимаюсь. Поручить кому-то другому, увы, не могу. Просто некому. То, что меня интересует, обычный разведчик скорее всего даже не увидит, а если и увидит, то не поймет. Касательно риска... От риска поймать шальную пулю мы с вами и здесь не избавлены. А от вас мне сейчас требуется одно — приличный вертолет, хотя бы на полдня. После

этого я буду готов ответить на большую часть интересующих вас вопросов.

— Вертолет дам, — после краткого раздумья ответил Стрельников. — Этого добра хватает. Надеюсь, вы хорошо понимаете, что и зачем делаете, и согласовали свою акцию. Очень мне не хочется еще и за вас отвечать. Из одного дерьма еле выкарабкался...

— Вот здесь будьте спокойны. Еще никто не мог упрекнуть Леухина, что из-за него имел неприятности... Кроме тех, конечно, кто эти неприятности заслужил.

Стрельников не подвел, вертолет выделил хороший, трехместный противотанковый «Си-50» «Черный беркут», с бронезащитой, держащей прямое попадание 40-миллиметрового зенитного снаряда, вооруженный двумя пушками, двумя крупнокалиберными пулеметами и дюжиной самонаводящихся ракет.

Быстрее чем за час помощники Леухина смонтировали в переднем блистере несколько зеленых алюминиевых ящиков, напоминающих батальонные рации, наскоро соединенных пучками разноцветных кабелей. Вместо посадочной фары привинтили параболическую антенну, выполненную из прутьев белого и желтого металла в палец толщиной, весьма похожую на втрое увеличенную корзину для бумаг.

Леухин, уже переодевшийся в летный комбинезон, подошел к пилоту, немолодому капитану с обветренным, буроватого оттенка лицом, на котором ярко выделялись розовые пятна давних глубоких ожогов. Тот с явным неудовольствием наблюдал за проводимыми над его машиной манипуляциями. Но не вмешивался, из опыта зная бессмысленность таких попыток. Просто следил, чтобы не сотворили чужие инженеры чего-то, могущего повлиять на безопасность полета и пилотажные качества машины. Тут он готов был сражаться до упора.

— Не беспокойся, командир, проблем не будет. Я сам с тобой лечу. Только пушки на этот рейс снять придется, вместе со снарядами коробками, чтобы машину не перегружать. На их место еще кое-что прицепим. Вернемся, все сделаем, как было, не подкопаешься.

Пилот пожал плечами:

— Ваше дело. Уверены, что стрелять не придется — снимайте. Заодно и ракеты можно снять, маневренность улучшится...

— Ракеты как раз оставим, мы от них в воздухе избавимся. А если вдруг стрелять потребуется, я и пулеметами обойдусь...

— Что, приходилось? — впервые проявил интерес капитан.

Леухин только махнул рукой, в том смысле что приходилось много чего.

— Вот тут наш маршрут нарисован, — протянул он пилоту полетную карту. — Пока так, а там, по ходу дела, я буду руководить.

Пилот взглянул мельком:

— Часа на полтора рейс. Над чужой территорией — многовато. Если у них «протазаны»¹ есть, могут и достать. Говорят, были уже случаи. А еще я слышал, они плоцкий аэродром захватили, подлетывают иногда, то на разведку, то на свободную охоту. Я бы с парой «кобчиков»² не хотел встретиться, да еще и без пушек...

— Подлетывают, — не стал скрывать Леухин. — Я не только слышал, но и видел. «УТИ-200, 220»³, кружились над Вислой, может, фотографировали. Одного сбили, в реку упал. А про «кобчики» — сомневаюсь. Не тот у па-

¹ Тип самонаводящейся зенитной ракеты с боеголовкой кумулятивного или осколочно-фугасного действия. От названия старинного колющего оружия, предназначенного для пробивания лат и кольчуг.

² «Ил-15» «Кобчик» — высокоманевренный истребитель-штурмовик, эффективный против танков и бронированных вертолетов.

³ Учебно-тренировочные истребители первоначального обучения, как правило, не вооруженные.

нов уровень. Да и не слышал я, чтобы они хоть одну авиабазу с боевыми самолетами захватили. Если только из-за границы волонтеры подлетели... Ну, как-нибудь, мы люди военные.

Экономя горючее, вертолет взлетел «по-самолетному», с разбега. Аэродром находился возле городка Хайнуква, в глубине Беловежской Пущи, и был хорошо замаскирован. Не от почти гипотетических воздушных разведчиков, а от европейских навигационных спутников, которые вполне могли передавать безвозмездно, а то и продавать информацию инсургентам.

Идя на полуторакилометровой высоте, вертолет порядочно забрал к северу, чтобы потом выйти на Варшаву с тыла. Летящий с запада аппарат привлечет гораздо меньше внимания, да и если вдруг подобьют или что-то случится с мотором, проще уходить на свою сторону по прямой, без разворота. Довольно простой тактический прием, но сколько раз на других фронтах он давал летчикам единственный спасительный шанс.

Из кабины стрелка-бомбардира открывался великолепный обзор, и Леухин с обыкновенным любопытством, не имеющим пока военного характера, разглядывал Пущу, раскинувшуюся внизу, как зеленая медвежья шкура. Ее пересекали редкие, узкие и почти пустые дороги, виднелись красные черепичные крыши деревень и отдельно стоящих хуторов.

Над вершинами деревьев время от времени возникали купола и колоколенки православных церквей. Здесь повстанцы не могли рассчитывать на поддержку местного населения, и сосредоточение российских войск проходило планомерно и спокойно. А вот по ту сторону Буга и Нарева начиналась уже другая территория. Формально еще своя, но как бы и ничейная.

До самого Ольштына крупных российских гарнизонов здесь не было, да и повстанческих вроде бы тоже,

★

однако передвигаться силами меньше роты и без бронетехники, останавливаться на ночь в более-менее крупных населенных пунктах воспрещалось специальной инструкцией.

Хотя вертолет делал почти 250 километров в час, благодаря высоте и однообразному пейзажу казалось, что он едва ли не стоит на месте. Медленно-медленно возникали по курсу очередной поселок, тускло отсвечивающая лужица озера, извилистое русло речки и так же медленно уплывали под консоли коротких крыльев с торчащими боеголовками ракет.

«Будто на дирижабле летим», — подумалось инженеру.

На плоском экране обычного портативного дальновизора, пристроенного на месте снятого пушечного прицела и подключенного к локатору, воспроизводилась цветная картинка пролетающей под ногами местности, перекрытая координатной сеткой.

Леухин несколько раз замечал характерные засветки, свидетельствующие о том, что и сюда уже попала кое-какая его продукция. Тогда он просил пилота сделать пологий вираж со снижением, длиннофокусным объективом фотографировал нужный участок и делал пометку на пристегнутом к колену планшете.

Само собой, такую работу мог бы выполнить любой техник из его отряда и даже толковый профессиональный летнаб¹, но была у инженера еще одна задумка, порекомендовать которую непосвященному человеку было невозможно. И по техническим причинам, и из соображений секретности.

Не дай бог, информация просочится на сторону, умные вражеские аналитики (а там таковых не может не быть, хоть своих, хоть закордонных) быстренько поймут, в чем дело, и на всех далеко идущих планах можно поставить крест.

¹ Летчик-наблюдатель разведывательного самолета.

Стрельников говорил, что, по достоверным данным, в Польшу уже начали сползаться боевики и резервисты «черного интернационала» как из-за Периметра, так и из европейских стран. Всякие там *городские партизаны*, партийные и беспартийные леваки, мечтающие поджечь пожар *мировой революции*, авантюристы, увидевшие хорошую возможность пощекотать нервы и просто крупно подзаработать. Имея в виду не только волонтерскую зарплату, но и неограниченное право мародерства и грабежа.

И сам Леухин, успевший совершить несколько вылазок в Варшаву, Лодзь и Радом (чтобы лично посмотреть, что там творится на знаменитых оружейных заводах), видел достаточное количество людей совершенно не местного облика, говоривших по-польски с жуткими акцентами или вообще не знавших языка.

Да и русских из коренного населения, перешедших на сторону повстанцев, встречал, хотя и изредка. Кто из них действовал по идейным соображениям, кто — исключительно по шкурным, сейчас значения не имело. Вот когда наведем порядок, тогда и раздадим всем сестрам по серьгам.

— Эй, командир, — вдруг зазвучал в шлемофоне голос второго пилота, — снизу стреляют... На восемь часов¹, метров семьсот, сарай какой-то...

Леухин, глянув в указанном направлении, тоже увидел отдельно стоящую хибару на небольшой лесной пропешине. Из-под стрехи с короткими интервалами просверкивали серии вспышек дульного пламени, отчетливо видимые на фоне темного проема чердачного окна.

Судя по яркости и размерам оранжевого бутона — крупнокалиберный, скорее всего ДШК. «Старое, но верное оружие». Калибры и марки оружия инженер дав-

¹ «На восемь часов» — целеуказание по воображаемому, горизонтальному циферблату, когда «12» расположено прямо по курсу.

ным-давно умел определять автоматически, навскидку, в том числе и по виду пламени, и по звуку.

Пилот резко свалил вертолет на крыло, разворачиваясь носом в сторону огневой точки, готовясь к атаке и «сжимая мишень», то есть уменьшая свою поражаемую поверхность.

«Рановато начали, дураки, — отстраненно подумал Леухин, словно не в него сейчас целились и мечтали убить. — Им подпустить нас метров на двести, тогда и врезать! Сбить бы вряд ли сбили, но хоть шанс был...»

Действительно, длинная очередь бронебойно-зажигательными, попавшая в кожух двигателя или основание винтов, могла натворить беды. Вертолет, хоть и с бронированным брюхом, все равно не танк. Тут же вспомнилась и неведомо от кого слышанная острога: «Вертолеты — это души погибших танков». Изрядно сказано. Только вот кем, вертолетчиком или танкистом?

Леухин, невзирая на проносящиеся мимо смерти, в данный момент обозначенные пронзительно-белыми прочерками трассеров, не отрывал глаз от экрана. На огневой точке и поблизости его клиентов нет, а вот там, у самого горизонта... Кажется, как раз то, что надо, то, за чем он, собственно, и летел!

— Атакуем?! — решительно, но и с оттенком вопроса, вроде бы из уважения к временному начальству, выкрикнул в ларингофон пилот.

— Давай! — тут же подтвердил решение Леухин, но и без его согласия с пилона уже сорвалась первая ракета.

Второй, в принципе, и не требовалось. Оператору достаточно было хоть на долю секунды захватить цель в налобный визир и при этом нажать танкету на ручке управления, причем независимо, куда в этот момент была направлена продольная ось СУРСа¹. Образ цели впечатывался в крошечный, как у ящерицы, мозжечок сна-

¹ Самонаводящийся (управляемый) реактивный снаряд калибром 85 мм. Вес фугасного заряда 10 кг.

ряда, и с курса его могло сбить только прямое попадание или близкий разрыв антиракеты. Таковых у мятежников не имелось.

Последние оставшиеся ему секунды пулемет бил не переставая, на расплав ствола. И одна или две тяжелые пули все-таки чиркнули по броневому стеклу блистера. Но без толку, под острым углом, оставив только неглубокие, чуть побелевшие по краям каверны.

А на месте сарая уже вспух багровый, подсвеченный черным, лохматый шар. Задирая нос, вертолет полез вверх.

Леухин, выворачивая голову, видел, как из клубов дыма разлетаются по сторонам доски, неторопливо вращающиеся обломки бревен и вроде бы даже лафет пулемета.

— Есть! — радостно заорал пилот-бомбардир, производший свой первый удачный боевой пуск. — Зафиксировано! Уничтожен мощный опорный пункт противника с тяжелым вооружением! Вертим дырки, командир!

— Господин военинженер, подтверждаете? — перхнув горлом, осторожно осведомился Первый.

Формально подтверждения совершенного от Леухина не требовалось, результат выстрела запечатлен на фото пленке, да и следы пуль на стекле — дополнительное веское свидетельство. Не имевшим еще в этой кампании ни побед, ни потерь летунам на «клюкву»¹ хватит. Тут речь шла о другом — согласится ли *подсадной* пред лицом начальства, или в письменном рапорте с именно такой оценкой уничтоженной цели? Или бросит небрежно: «Да о чем тут говорить, развалили гнилой сарай, а шуму-то!»

А ежели — *мощный опорный пункт*, так и цена подвигу другая.

Леухину для боевых спутников казенных орденов

¹ Знак ордена Анны 4-й степени «За храбрость».

★ было не жалко. Когда им еще подобный случай представится?

— О чем речь, братцы? Славно получилось! Там дорога неподалеку — шоссе с Острува на Плоцк. И мост через Нарев. Со своим ДШК много в случае чего наших накрошить могли. А если не один был пулемет, а два или пять — натуральный укрепрайон! Я еще канаву какую-то заметил, вполне может быть разветвленная сеть окопов и траншей...

Пилот не совсем понял, всерьез говорит инженер или издевается, но предпочел все воспринять буквально, тем более все их переговоры писались на бортовой магнитофон. Через фон и треск помех кто там будет в интонациях разбираться.

— Спасибо, камрад. Мы тоже подтверждаем ваше активное участие в поиске и уничтожении цели. Сегодня водку вместе пьем!

— Ты еще вернись, — слегка охладил пилота Леухин. — Сейчас самая работа начнется, за которой и лети. Так что не дрейфь, все мои команды выполняй мгновенно и не задумываясь. Ты, второй, от визира больше не отрывайся, но упаси тебя бог пальнуть без приказа! Не только про ордена забудешь, а и звездочек лишишься. Тут сейчас дела государственной важности начнутся!

За время их разговоров вертолет взобрался на более чем километровую высоту, откуда хорошо была уже видна и чуть извилистая лента Вислы, и мутноватый купол испарений и дыма над окраинами Варшавы, хотя до нее было километров пятьдесят.

— Давай, командир, доворачивай на полпервого и, со снижением до двухсот метров выводи в центр квадрата 16-11. Понял?

— Так точно. А там что?

На экране Леухина там фиксировалось до десятка засветок, причем четыре — того самого типа, что он и искал.

Такие именно характеристики имели ЗРК, которые

он оставил в Арсенале в подарок повстанцам. Весьма совершенные устройства, пусть и не последнего поколения, но вполне способные поразить цель, летящую со скоростью звука на высотах до трех километров. Давать их неприятелю вообще-то было рискованно, но затея того стоила. Только вот пришлось добиться запрещения полетов фронтовой авиации в отмеченных Леухиным квадратах.

А сейчас он шел на смертельный риск, чтобы лично проверить эффективность разработанной им тактики и средств военно-психологического подавления противника.

Мотивация военинженера была простая, в некотором роде самурайская. Если удастся — вся слава ему, но если он просчитался, то уж лучше умереть самому, на поле боя, нежели совершать харакири или всю жизнь терзаться, что люди погибли из-за твоей самонадеянной глупости.

Вместо мифического опорного пункта (а почему мифического, все ж таки обычно тяжелые пулеметы на чердаках деревенских сарайчиков просто так не ставят?) впереди обнаружился самый настоящий. Созданный в недавнее время, снабженный по преимуществу краденым оружием и боеприпасами из Арсенала и расположенный весьма удачно, в районе перекрестка трех шоссе и железной дороги, чуть севернее места впадения Буга в Вислу.

Судя по количеству только сигнализирующих о своем наличии патронных ящиков, здесь закрепилось дватри десятка боевиков, плюс четыре ЗРК с боекомплектом по пять ракет. Солидная сила. Причем, скорее всего, это лишь один из элементов спешно сооружаемой оборонительной линии по северному фасу варшавской агломерации¹. Этих ЗРК хватит, чтобы уничтожить целую

¹ Агломерация — город-центр с окружающими его пригородами и городами-спутниками.

эскадрилью самолетов или вертолетов, пару танковых рот. А ведь могут быть и другие, и обычные гранатометы, и противотанковые пушки, и сами танки.

Война разворачивается всерьез. Ну а чего удивляться? Во времена всех четырех польских восстаний инсургенты ставили под ружье сотни тысяч человек, в девятнадцатом году только силами Добровольческого и трех кавалерийских корпусов удалось разгромить австро-германо-польскую армию Пилсудского, под шумок прорвавшуюся почти до Киева. Сейчас дело шло почти к тому же. Не удастся подавить ситуацию очередным блицкригом, можно завязнуть на годы.

И здесь скромный военинженер мог сыграть, не боясь этого слова, историческую роль. Вроде как в войне Севера против Юга строитель легендарного «Монитора».

Фамилия у пилота была труднопроизносимая, по имени называть его Леухин не хотел, поэтому продолжал обращаться просто:

— Командир! Сейчас нам предстоит озаботиться сохранностью своих подштанников. Цель должна появиться прямо под нами, но я ее пока не вижу. Может, у тебя глаз наметанней, смотри внимательно. У них есть ЗРК. У меня — средства подавления. Придется рискнуть. Давай — не ниже пятисот, кругами. Или мы их увидим, или — у них нервы не выдержат.

— Понял. Попробуем. Но если попадут — нам абзац!

— Лично мне это не нужно. Пошел!

Вертолет, завывая двигателем, ринулся вниз, имитируя атаку. С земли это выглядело достаточно страшно. Особенно для тех, кто имел представление о боевых возможностях «Беркута». Но на первый раз нервы у представших под густыми кронами деревьев выдержали. Решил кто-то из их командиров, имеющих соответствующий опыт, что заход может быть и случайностью. Померещилось что-то пилоту, вот и решил присмотреться повнимательнее.

Зато Леухин на своем экране увидел, что система на-

ведения двух комплексов активизировалась. Под маскировочной сетью или в блиндаже наводчики перевели рычажок управления в боевое положение, и луч системы «красный глаз» начал ловить цель.

За десять секунд, пока они находились в зоне захвата, Леухин не успел разглядеть на земле ничего подозрительного, однако бортовой вычислитель подтвердил, что совмещение было полным. В какой-то точке глиссады «Беркут» прошел точно над позицией одного ЗРК, а второй находился на пятьдесят метров левее.

При необходимости залпом бортовых ракет можно было пройтись по лесу, и почти наверняка накрошить столько *пушечного мяса*, что инсургентам хватило бы впечатлений, чтобы и внукам рассказать, но это в намерения Леухина пока не входило.

Подвешенный к вертолету локатор позволял отследить ту миллисекунду, в которую сработает пиропатрон, запускающий твердотопливный двигатель, и послать встречный импульс, который взорвет боеголовку раньше, чем ракета вылетит из пусковой трубы.

«Беркут» вывернулся вверх и тут же пошел на второй заход, демонстрируя, что он явно обнаружил цель и ложится на боевой курс. Игра на нервах противника, которую также можно было назвать ловлей на живца, продолжалась.

— Командир, как только увидишь вспышку внизу, на всех газах подскакивай вверх! Второй — повторяю, не стрелять ни в коем случае. Ни в коем случае без особой команды...

По-прежнему ничего не видя внизу, инженер наугад дал несколько коротких очередей из курсовых пулеметов по лесной чаще, примерно туда, откуда за ними следили зенитные прицелы. Леухин успел заметить, как брызнули в стороны срубленные пулями ветки и листья, и тут же между деревьями рвануло.

Раз и буквально через секунду — другой, на запасной позиции, как ее и обозначил локатор. Взрывы были

слабее, чем у ракеты «воздух — земля», но все равно впечатляющие. Как раз соответствующие мощности боеголовок ЗРК плюс пороховых шашек двигателей. Под пологом леса начало расползаться низовое пламя пожара.

— Здорово! — опять зазвучал в шлемофоне голос пилота. — Куда вы это им так лихо попали? В склад боеприпасов? Ну и глаз же! Я так ничего и не заметил. Третий заход делать будем?

— Не стоит. Главный вираж вправо с набором высоты, и наблюдайте внимательно...

Леухин перекинул тумблер на панели прибора, после чего вдавил красную кнопку.

Внизу, почти на границе пожара, взметнулся вверх сноп огня гораздо более яркого, чем от прежних взрывов, разбрасывая по сторонам землю, ветки, сосновые лапы, куски автомашин и обрывки человеческих тел. Тонн десять боеприпасов пошли «go гуры».

— Ух ты! А это что? Детонация?

— Вроде того. Полетели домой. Вот теперь точно можем докладывать об уничтожении второго опорного пункта и **ОЧЕНЬ БОЛЬШОГО** военного склада. Наши шансы растут на глазах...

Вернувшись, Леухин достойно отпраздновал с летчиками выдающийся успех боевого вылета, о смысле и сути которого сообщил лишь то, что они приняли участие в испытании нового вида оружия, которое позволяет выявлять и в некоторых случаях уничтожать специальными электромагнитными лучами взрывчатые вещества и боеприпасы противника, если их количество превышает некоторую критическую массу...

— Так это что же? Можно теперь просто лететь над фронтом и взрывать?

— Ну, не совсем так. Я же сказал — нужна критическая масса. Ну, скажем, около тонны. Опять же — важные условия хранения боеприпасов, вид и тип ВВ¹, экра-

¹ ВВ — взрывчатое вещество.

нированность, расстояние, коэффициент плотности укладки и прочие элементы формулы Борескова¹. Но кое-что кое-когда удается, в чем вы и убедились. Так что — выпьем!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Отдельный приказ, полученный командованием округа, был, очевидно, достаточно строг и категоричен. Сам Ляхов с его содержанием незнакомился, ему лишь было сообщено, что по всем организационным вопросам следует обращаться в Отдельное военно-аналитическое управление, а конкретно — все к тому же барону фон Ферзену.

В данном случае опять проявилась византийская сущность великокняжеской иерархической системы, устроенной Чекменевым так, что ни один человек, включая самого Олега Константиновича, не владел всей полнотой картины и уж тем более не в состоянии был просчитать развитие событий дальше, чем на пару ходов.

Сам же генерал был уверен, что видит шахматную доску не хуже вельтмейстера² Алехина, ходов на двадцать за себя и за противника. Более того, считал себя способным, как любил забавляться тот же Алехин, в безнадёжной для партнера ситуации развернуть доску на 180 градусов и опять выиграть, теперь уже против собственной позиции.

Что он имел в виду, когда, уже зная о настроениях барона и некоторых его соратников, об их попытке вер-

¹ В подрывном деле — формула для вычисления количества взрывчатого вещества, необходимого для разрушения того или иного объекта.

² Вельтмейстер — «мировой мастер», принятый в 20—30-е годы XX века титул чемпиона мира по шахматам. Ср. — «гроссмейстер» — большой мастер.

бовки в свои ряды полковника Ляхова, решил создать такой вот тандем?

Любой другой руководитель, узнав о назревающем комплоте, постарался бы развести фигурантов дела как можно дальше, если уж не имел возможности пресечь их деятельность на корню. Но лукавый царедворец и почти гениальный интриган решил иначе.

Зато ни в чем предосудительном не замеченные, даже особо обласканные за специальные заслуги Ляхов и доктор Бубнов старательно разводились им подальше друг от друга. Хотя естественнее было бы как раз им поручить работать вместе по «Фокусу-3», как раньше — по верископу.

Разумность именно их сотрудничества была очевидной. Вдобавок именно Бубнов, единственный, кроме Тарханова — Ляхова, был по-настоящему знаком с проблемой некробиоза. Те офицеры, что ходили за рубеж времен вместе с ним, по преимуществу стреляли, а он еще и думал. И самостоятельно, «на коленке» сумел выявить ошибку в теории «изохронобарического поля Маштакова», что и помогло в конце концов обеспечить благополучное возвращение друзей. Кому же, как не ему, отправиться туда снова, вместе с Ляховым, и обеспечить заключительную часть плана?

Именно об этом думал и Вадим, пока казенный автомобиль нес его по московским улицам в распоряжение штаба бывших «Пересветов». Не подозревая, само собой, что Игорь Викторович был в курсе как содержания его беседы с Ферзенем, так и факта нескольких конфиденциальных встреч Ляхова и Бубнова. Знал бы — отнесся к происходящему иначе.

Но он и без этого понимал, что Чекменев затеял очередную крупную интригу. Не зря ведь назначил Бубнова начальником отдела спецконтроля, специально им придуманного, так сказать, контрразведки внутри контрразведки. И одновременно логика такого человека, как генерал, вполне могла подсказать ему необходимость

ограничения слишком тесных, а главное — не всегда деловых контактов двух докторов-соавторов. Не только в последний раз, вообще с начала их знакомства и совместной работы.

Слишком непредсказуемыми ребятами могли они ему казаться. С внезапно раскрывшимися способностями, причем не по основному профилю. Вроде знаменитых маршалов Наполеона, большую часть жизни прошедших кто бочаром, кто трактирщиком... Бог их знает, до чего они там могут додуматься, в своих лабораториях, имея доступ к непостижимой для самого Чекменева технике.

И, наконец, вполне убедительным казался Ляхову вариант, при котором генерал просто не хочет класть все яйца в одну корзину. Случись еще что-то непредвиденное, и конец всем его планам и замыслам. А так Ляхов отдельно, Бубнов отдельно, Маштаков так вообще под замком в кремлевских застенках. При любом раскладе кто-то да уцелеет для продолжения работы.

Только вот по-иному относящийся к жизни Ляхов считал, что слишком велика у Игоря Викторовича возможность заиграться. Поставить мат самому себе.

Ферзена он разыскал в огромном двусветном зале Александровского училища, где в другое время танцевали или занимались строевой подготовкой юнкера. Здесь, в многочисленных, наскоро сооруженных фанерных выгородках высотой примерно по плечо, напряженно трудились, наподобие пчел в сотах, все офицеры его отдела, да еще приданные от Генштаба специалисты.

Сам барон, сидя на возвышении за уставленным телефонами, большим и массивным, как концертный рояль, столом, мог одновременно охватывать взглядом всех своих сотрудников, без задержки получать от них необходимую информацию, давать поручения и руководящие указания. И ежесекундно был готов доложить вышестоящему начальству по любому возникшему вопросу.

Стены сплошь были завешены картами Привислян-

ского края и сопредельных территорий, а также крупномасштабными планами Варшавы и других городов, представляющих сегодня интерес. Операторы наносили на них поступающие по многочисленным телефонам разведанные, что-то такое считали на настольных электрических арифмометрах, время от времени отлучаясь к дальнему полуоткрытому окну, чтобы торопливо покурить или выпить стакан крепкого чая из булькающего и исходящего паром титана.

Увидев Ляхова, барон с явным облегчением сдвинул бумаги в сторону и заспешил ему навстречу. Встретились они почти в середине зала. Обменялись рукопожатиями.

— Что, пожар идет по плану? — не слишком ловко сострил Вадим.

— Совершенно в точку. Как и всегда в подобных обстоятельствах. А тебя, значит, можно поздравить с очередным высоким назначением? — подпустив в голос немного яда, расплылся в улыбке барон.

— И тоже в точку. Начальство расслабляться не дает, желает выжать из нас, пока мы живы, все, что возможно, и кое-что сверх того. Так ведь и мы с тобой, доведись вдруг, поступали бы совершенно аналогично. Или нет?

— Скорее всего — да. Я вот сейчас именно этим и занимаюсь... — Он обвел рукой свое заведование. — А тебе от меня что конкретно требуется? — Федор Федорович и словами, и всем своим видом показывал, что в настоящее время к праздным разговорам не расположен, но исключительно по причине крайней занятости. А той ночной беседы в Берендеевке как бы и вообще не было. Подобный расклад Вадима вполне устраивал.

— В приказе написано, что мне с тобой все практические вопросы решать. Комендант Литовских казарм моих бойцов разместил, экипировал, поставил на довольствие. Остальное в его компетенцию не входит...

— И правильно. Пойдем, в тишине переговорим, а то у меня голова давно кругом идет. Заявку набросал? Мы,

честно сказать, планирование начинаем с того конца, где твои полномочия кончаются. То есть ты сначала дойди куда нужно, а вот когда дойдешь и нам фронт работ обеспечишь, тогда и ясно будет, по делу это или для успокоения начальства...

Видно было, что лично барон относится к заданию как бы не вполне всерьез. Или до конца не верит в реальность невероятного, или просто не хочет забивать себе голову делами, условно говоря, послезавтрашними, если и за сегодняшние голову отвинтить могут.

В крошечной, особенно по сравнению с операционным залом, комнатке отдыха с трудом помещался потертый кожаный диван, низкий журнальный столик с остатками скудного завтрака и грудой испещренных многочисленными пометками газет, да еще придвинутое вплотную к окну низкое кресло.

— Кури. Видишь — бытовые условия! Да оно, правда, и этим некогда пользоваться. Нет, ты не думай, я тебя не гоню, все нормально, только времени не хватает дичайшим образом...

— Что уж так? Вроде ничего особо сложного. Подумаешь, операция максимум корпусного масштаба. В Академии и в клубе, я помню, ты лихо армиями и фронтами ворочал...

Барон засмеялся не слишком весело.

— В Академии я бы и всеми вооруженными силами Республики покомандовал за милую душу. А здесь не полетом стратегической мысли тешимся, здесь каждую роту и взвод надо расставить (предварительно догадавшись, где их взять), боевую задачу им придумать, взаимодействие организовать... Ах, чего я еще тебя грузить буду! Давай прямо — что тебе от меня нужно и когда?

Раз ни в приказе, ни в этих словах Ферзена каких-то ограничивающих параметров не вводилось, Вадим решил заложиться по максимуму. Как они с Уваровым планировали.

— Непосредственно мне нужен штатный стрелко-

вый батальон. Со средствами усиления полкового уровня — разведка, саперы, связисты, ПМП, ПАРМ¹. И сводная рота железнодорожников — службы тяги, движения, путейцы, ремонтники... Ну, я в их структурах плохо разбираюсь, но чтобы могли обеспечить весь процесс от и до. И, как мне полковник Неверов пообещал, в исходной точке на этой стороне — пункт управления во главе с офицером, способным оперативно решать возникающие вопросы.

— Последнее — не ко мне. Неверов обещал, пусть своего человека и сажает... Я не из вредности, поверь, — счел нужным оправдаться барон, — просто у меня нет такого человека. Чтобы и компетентен в вопросе, и допуск имел, и мог при нужде хоть до самого Чекменева дозвониться, и толково объяснить, что нужно и кто виноват. Мои поручики и капитаны ни по одному параметру не подходят. А в остальном...

Получилось удачно, опять же в психологическом смысле. Начав с отказа в первой просьбе, Ферзен просто обязан был, хотя бы по корпоративной этике, в остальном помочь без изъятий. Тем более не свое от сердца с кровью отрывал. Всего и требовалось — отдать, кому нужно, приказ, в форме, исключающей торг или попытку подсунуть, что поплоше.

— Только вот я не понимаю, зачем тебе штатный батальон? Ты же не воевать собираешься. Для твоих целей, как я понимаю, вполне достаточно тех же четырех рот «россыпью». Выделим из разных полков, с учетом специфики, можно будет очень удачно подобрать для выполнения разных по смыслу и цели заданий. И тебе проще, каждый командир только твои приказы выполнять будет, без оглядки на свое начальство...

— Ну уж нет, Федор Федорович. Видно, ты на самом деле давно в строевых частях не служил, теориями мыс-

¹ ПМП — полковой медицинский пункт, ПАРМ — полевая авторемонтная мастерская.

лишь, а я в боевой бригаде в качестве начальника службы кое в чем хорошо разобрался. Это ж я что, растянув роты на тысячу километров, должен буду самолично все их проблемы в голове держать и лично отвечать за каждого придурка, прошу прощения? Что, не знаешь, на какую *инициативу* способен отвязанный поручик или штабс-капитан?

Не были б старыми друзьями, я точно бы решил, что ты меня по-крупному подставить хочешь. Нет уж, прости. Будет у меня комбат, ему я и начну задачи ставить, а он со своим штабом их будет решать. И в положенное время докладывать. Вот и вся арифметика.

Ферзен спорить не стал, согласившись с мнением Ляхова. Порылся в памяти, прикидывая, из какого именно полка какой дивизии выдернуть этот батальон. Беда была в том, что хорошо сколоченных, полного штата, да еще и имеющих хоть какой-то боевой опыт частей здесь, в Подмоскovie, в его распоряжении практически не имелось.

Те, что были, а именно ударные дивизии Ливена, Слонова и Каржавина, давно уже выдвинуты на исходные позиции, большинство же остальных пока находились в разной степени кадрированности¹, поскольку мобилизация до сих пор не объявлялась, шел только медленный и вялый процесс выборочного призыва «на плановые военные сборы» приписного состава территориальных частей.

И барон принял единственно возможное решение, столь же простое, как и гениальное. Непонятно даже, как до него сразу никто не додумался. Просто старшие командиры не стали забивать себе голову подобными пустяками, ограничившись принципиальным решением, здраво рассудив, что исполнители сами разберутся.

¹ Кадрированная часть — имеющая полный (или почти полный) штат комсостава и необходимое вооружение при ограниченном количестве нижних чинов.

Вот и разобрались — Ляхов подтолкнул ход оперативной мысли фон Ферзена, и она тут же заработала в нужном направлении.

Чего лучше — выделить в распоряжение Ляхова не батальон, а весь 465-й полк 6-й территориальной дивизии, дислоцированный, кстати, в тех же Литовских казармах. Так что и перемещать никого никуда не требуется.

Солдатами постоянного состава полк укомплектован едва наполовину, но офицерами и техникой — полностью. Значит, сможет одновременно высылать для обеспечения действий группы Ляхова маршевые роты в потребном количестве и проводить собственное боевое развертывание за счет приписников.

Тут же связавшись по телефону с генералом Агеевым, барон получил его согласие на подготовку проекта приказа, который должны будут завизировать начальник штаба округа и начальник управления формирования территориальных войск.

С отпечатанным в трех экземплярах документом Ляхов лично отправился по высоким кабинетам и уже через два часа получил все необходимые подписи.

Начштаба подмахнул его почти что не глядя, в полном соответствии с армейским анекдотом: «Генерал должен уметь расписаться там, где покажут пальцем», а начупраформ мурыжил Вадима минут пятнадцать, пытаясь выяснить для себя цель и смысл происходящего.

В суть задания он явно не был посвящен, да ему и по должности не полагалось забивать себе голову вопросами, кто и как именно будет использовать войска после завершения формирования. Но генерал-майору просто было интересно, что это за полковник такой, неизвестно откуда взявшийся, ради которого требуется отступать от десятилетиями отработанных планов и схем, изобретая совершенно новую оргштатную структуру, да еще бегом, по принципу: «К вечеру чтоб было!»

Вадим, ненавязчиво потряхивая флигель-адъютантскими аксельбантами и как бы невзначай поворачиваясь в кресле так, чтобы колодка с ленточками обоих Георгиевских крестов все время была перед глазами генерала, сдержанно объяснял, что имеет на руках приказ «с двумя нулями»¹. В котором значится — принять под команду такое-то подразделение, проследить, чтобы все предписанные мероприятия были выполнены в срок, и не позднее восьми ноль-ноль завтрашнего дня доложить о готовности. Больше ничего, к сожалению, он сообщить господину генералу не может.

Начупраформ со вздохом вывел длинную, украшенную многочисленными завитушками подпись.

«Похоже, он над своим автографом всю жизнь работает, — подумал Ляхов. — Начинал с подпоручичьей закорючки, а по мере продвижения по службе удлинял и совершенствовал. Роскошно получилось — «В. Заковоротный», любой прочтет, не затрудняясь, не требуется и писарская расшифровка в скобочках».

— Благодарю, господин генерал, честь имею!

— Работайте, полковник, желаю успехов, — благосклонно кивнул генерал, протягивая руку. — Только примите мой личный совет...

Ляхов изобразил почтительное внимание.

— Командир передаваемого вам полка, подполковник Лисицин Геннадий Андреевич, милейший, конечно, человек и хозяйственник очень хороший, во всем в этом смысле на него положиться можете. Только...

— Пьет? — догадался Вадим.

— Да уж лучше б пил, — поморщился Заковоротный. — Знаете, как Суворов одного офицера характеризовал — «в бою застенчив»...

Ляхов хмыкнул.

¹ Один ноль перед номером приказа означает — «Секретно». Два нуля — «Совершенно секретно», т.е. до исполнителей могут доводиться лишь отдельные пункты, без ссылки на весь документ, а то и вообще на его наличие.

— Так что пусть он на месте остается и продолжает полк доукомплектовывать и снабжать, а вы, если и вправду воевать придется, командиром боевого ядра поставьте начальника штаба, полковника Андреева Виктора Петровича. С ним у вас ни проблем, ни трений не будет. Орел-командир!

— Что же так — комполка подполковник, начштаба — полковник?

— Да была там одна история, — неохотно ответил генерал. — Его вообще на комдива планировали, да вмешалась глупая случайность. Нет-нет, ничего недостойного! Просто... Ну, в общем, решили его *на пересидку* отправить. Так он теперь, чтобы выслужиться, землю рыть будет!

— Благодарю за совет, господин генерал.

«Везет мне, однако, — думал Ляхов, садясь в машину. — То Уваров, теперь Андреев. Ссылнопоселенцы какие-то. А Заковоротный не прост, совсем не прост. Моими руками решил все свои проблемы снять. Своей власти, значит, не хватило, чтобы одного задвинуть, другого выдвинуть. Видать, у Лисицина рука еще *помохнатее* имеется, а с княжьего флигель-адъютанта взятки гладки. Полномочия, мол, самые обширные, что пожелает, то и сделает, а об этом «дружеском намеке» все равно никто не узнает. Ну а что — дипломатия! Остается только посмотреть, как там на самом деле все выглядит».

Вернувшись в казармы, Вадим первым делом сообщил о результатах своей миссии Уварову. И встретил со стороны заместителя самое горячее одобрение:

— Само же собой, Вадим Петрович! На базе полка мы такой маршевый батальон сделаем — пальчики оближешь. И что «кадр»¹ на месте остается — отлично.

¹ «Кадр» — управленческо-хозяйственное ядро части, соединения, в военное время остающееся на месте постоянной дислокации и обеспечивающее прием мобилизованных, пополнение и снабжение своих воюющих подразделений.

Милое дело — на собственные тылы опираться, а не выпрашивать каждую ерунду у чужого дяди, которому своя рубашка...

Что же касается вашего разговора с генералом — такие вещи нам знакомы. Хотя бы и на собственном опыте. Если б не один хороший человек, я бы до сих пор под Кушкой трубил. Знаете, как у нас в ТуркВО говорят — «есть на свете три дыры, Термез, Кушка и Мары». А благодаря другому хорошему человеку мы сейчас с вами беседуем.

Короче, своими глазами смотреть нужно, что за народ полком командует. Сейчас вот вместе пойдем, приказ до них доведете, обсудите, как его выполнять будем, а я рядом молча посижу, послушаю. У меня, честно скажу, глаз пристрелянный. Особенно на господ штаб-офицеров. Нам, «оберам»¹, без этого нельзя. Не выжить...

При личном знакомстве с командирами информация начупраформа показалась Ляхову заслуживающей внимания. Командир полка выглядел человеком спокойным, обстоятельным, вежливым, с негромким голосом приятного тембра. На левой стороне кителя имел только ленточки наград, даваемых к юбилейным датам, за выслугу лет и безупречную службу (ордена Станислава и Владимира, 4-й степени без мечей).

Но это как бы и не в упрек, не всем же воевать. Вот другое дело, что глаза у него посверкивали странновато. Похоже, понимает гораздо больше, чем желает сказать. К своему переподчинению незнакомому полковнику он отнесся спокойно. Какая, в сущности, разница, кто военному человеку приказы отдает. Уточнил только, какая будет ближайшая задача.

— До утра сформировать усиленный батальон полного штата, подготовиться к стандартному 600-километровому маршу со всем вооружением и техникой, позво-

¹ Штаб-офицеры: подполковники и полковники. Обер-офицеры: от прапорщика до капитана.

ляющей с ходу вступить в бой. Ориентировочный срок выступления — завтра в восемь ноль-ноль. Водителям и старшим машин с двух ночи отдыхать, остальному личному составу — по мере возможности. Подготовку поручить начальнику штаба полка, по всем вопросам обращаться к штабс-капитану Уварову.

— Почему — начальнику штаба? Я, кажется, командир полка и по уставу сам вправе решать, кому поручить выполнение возложенной на меня задачи, — впервые попытался показать зубы подполковник.

— Потому что я так решил, — не стал деликатничать и Ляхов. — По тому же уставу начальник штаба является первым заместителем командира полка. Считаю, что маршевый батальон с частями усиления должен возглавить именно он, так как вы остаетесь в расположении и продолжите выполнение своих обязанностей по развертыванию части. Начальник штаба, я надеюсь, в наибольшей степени владеет обстановкой, поэтому приложит все силы, чтобы под его командой оказалось по-настоящему боеспособное подразделение.

Андреев едва заметно кивнул.

Все сходилось со словами Заковоротного. Начальник штаба — истинно боевой офицер. На щеке шрам от осколочного ранения, на планках весь набор наград, нормальный для добросовестно, пусть и без особого блеска служившего и воевавшего сорокалетнего полковника. Чувствуется, что в особых ладах со своим комполка он никогда не был, даже и сейчас они словно бы игнорируют присутствие друг друга, не проявляя естественной общей заинтересованности. Развести их подальше — самое время.

Хотя Андреев сейчас формально низводился еще одной ступенькой ниже, он, похоже, успел просчитать статусные преимущества нового назначения. Воюющий сводный батальон — фактически и есть полк. Причем отдельный. А уж остальное — в собственных руках.

Когда, отдав необходимые распоряжения, Ляхов вы-

шел с Уваровым в коридор, тот слегка подмигнул и показал большой палец:

— Все верно, Вадим Петрович. И генерал вам дельный совет дал, и вы вели себя нормально. С Андреевым мы сработаемся, а Лисицина нужно шутать почаще и не снисходить до общения на равных.

Манеры заместителя, его интонации по-прежнему слегка раздражали Ляхова, но для пользы дела он решил не обращать на это внимания.

— Вряд ли у нас будет необходимость часто с ним общаться. В особенности у меня. Одним словом, действуйте по плану. Если ничего не изменится, батальон я поднимаю по тревоге в половине восьмого. И никаких *чтоб мне ефрейторских зазоров*¹. А пока продолжу занятия большой политикой.

Как бы там ни было, войдя во вкус задания и новой должности, Ляхов старался использовать каждый доступный ему шанс. Потом может оказаться поздно. На Ближнем Востоке ему неоднократно приходилось готовиться к походу и бою свой бригадный медпункт, и наловчился он это делать вполне успешно, с превышением нормативов. Но там весь вверенный ему личный состав численно не превышал стрелкового взвода, хотя и приравнялся БМП дисциплинарно, по числу офицеров, унтер-офицеров и техники к отдельной роте.

А по положению одного из начальников бригадных служб Вадим вполне отчетливо знал, что и как должно делаться в масштабах части и ее подразделений. В том числе содержание боевого приказа, временные нормативы, построение батальонных и полковых колонн по БУП-85², нормы всех видов довольствия и еще очень

¹ «Ефрейторский зазор» — армейский термин, обозначающий расширительное, в целях подстраховки, толкование приказов. К примеру, если полковой строевой смотр назначен на десять утра, комбаты приказывают ротным быть готовыми к девяти, ротные взводным — к восьми и т.д. Ефрейтор будит солдат в пять.

² БУП-85 — Боевой устав пехоты, утвержденный в 1985 г.

много разных тонких моментов, которые постигаются лишь собственной шкурой.

Ему обязательно нужно было успеть еще сегодня встретиться с Тархановым, чтобы уточнить ряд всплывших в ходе подготовки вопросов. В частности, очень хотелось накоротке переговорить с Маштаковым, и обязательно в присутствии Максима Бубнова.

— В приказе сказано, — продолжая избранную линию поведения, сообщил он Сергею по телефону, — что для обеспечения выполнения задачи я обязан принимать все необходимые меры в пределах своей компетенции, а в случае необходимости выходить с обоснованными предложениями и ходатайствами на прямых и непосредственных начальников. Кто у меня непосредственный, я до сих пор, к стыду своему, не знаю, разве только старший курсовой офицер в Академии, а вот кто — прямой, тут вопросов не возникает. Вот я и выхожу с *обоснованным*, поскольку не могу гарантировать без этой встречи полного успеха...

— Ох, ты меня и достал! Вправду, куда проще было назначить командиром Уварова, а тебя — замом по научной части, и не терпеть твои фанаберии. На кой тебе именно сейчас что Бубнов, что Маштаков? Все, что нужно, и без тебя сделают. Машины с оборудованием для устройства портала уже выехали. Старший группы инженеров — военинженер первого ранга Генрих Ситников, ты с ним знаком немного, он у Бубнова технической частью заведовал. Он все знает, не хуже самого Маштакова...

— И тем не менее. Не мне тебе рассказывать, просто не хочу снова оказаться в известном положении. А у меня тут за сегодня некоторые мысли появились. Лучше всего будет, если и ты при нашем разговоре поприсутствуешь, заодно и еще один вопрос практический решим.

— Черт с тобой. Но не раньше двадцати трех. Подъезжай снова в Кремль. Тут и нужный объект неподалеку.

— Договорились...

ГЛАВА
ДВЕНАДЦАТАЯ

Виктор Вениаминович Маштаков был неприятно разочарован звонком полковника Неверова.

Во-первых, он как-то инстинктивно не любил встреч с ним. Личность полковника с самого первого дня их знакомства вызывала у профессора острую неприязнь и опаску. Импринтинг¹ своеобразный у него произошел, и при виде Неверова прежде всего вспоминалась не самая приятная ночь в его жизни.

Нет, ну на самом деле — только-только прелестная третьекурсница, которую он обхаживал целых две недели, согласилась нанести визит в холостяцкий особняк у подножия Машука. Переоделась в кружевной сарафан, под которым не просматривалось и не прощупывалось более ничего, приняла из его рук бокал шампанского, улыбкой и ужимками обещая восхитительное времяпрепровождение. И тут с грохотом и звоном распахнулись окна и двери, комната заполнилась вооруженными людьми, предводительствуемыми этим самым господином Неверовым! Тут не только языка, тут мужской силы навеки лишиться можно.

Да и в дальнейшем ничем хорошим каждая очередная встреча не кончалась. То Неверов его допрашивал в крайне грубой и невежливой форме, то вдруг проваливался в параллельные миры, а виноватым в этом оказывался опять же он, Маштаков.

Ну ладно, вернулся, дай бог ему здоровья, так все равно не успокаивается. Еще что-то выдумал, опять же на ночь глядя, а Виктор Вениаминович именно сегодня (вот совпадение!) рассчитывал нескучно ее провести в компании приставленной к нему охранницы-надзиратель-

¹ Импринтинг (запечатление) — пожизненная фиксация живым существом на инстинктивном уровне полученной информации, эмоций.

ницы Влады. Надзирательница-то надзирательница, а с внешностью, формами и раскованной фантазией у нее все в порядке.

Он сообщил девушке, что встреча на неопределенное время откладывается, и, бормоча под нос: «И за каким... я вас спрашиваю, сдались мне такие варианты?» — стал соображать, к чему следует готовиться.

Величайшее удовольствие Виктор Вениаминович получил бы, будь ему позволено препарировать полковника (хотя бы в переносном смысле), на предмет выяснения, в каком таком отношении находятся его личность и психика с потусторонним миром и вообще всеобщей теорией хронополя.

Что такая связь существует, профессор не сомневался, все ментальные пробои и даже физические перемещения были зафиксированы инструментально. Последним и самым веским доказательством того, что с Неверовым и его друзьями не все ладно, было их недавнее возвращение.

Маштаков был совершенно уверен, хотя и упорно доказывал Чекменеву обратное, что *естественным* образом им вернуться домой просто невозможно. При самопроизвольном, «аварийном» скачке напряженности хронополя параметры заданного и фактического времен разошлись на слишком большой угол. Сделанные Максимом Бубновым поправки к его расчетам подтвердили это с полной очевидностью.

То самое нарушение *изохронобарической напряженности*, на которое указал Бубнов, очень неслабый математик, должно было с огромной силой *отжимать* людей, оказавшихся у основания временной воронки от точки сопряжения миров, но никак не *подтягивать* их.

Убеждая Чекменева, что люди непременно вернутся, он просто оттягивал неизбежное. И где-то в глубине души совершенно ненаучным образом надеялся, что случится еще одно вихревое возмущение, со строго обратным знаком, которое все сделает «как было».

А вот когда генерал сообщил ему, что группа Неверова — Половцева все-таки вышла в расчетной точке и в почти предсказанное время, он был не то чтобы удивлен. Ему, фигурально выражаясь, показалось, что из телефонной трубки отчетливо потянуло серой.

Маштаков потратил почти целую ночь, чтобы, подобно нерадивому школьнику, подогнать собственное решение к ответу в задачнике, сомневаться в правильности которого у него оснований не было. Да и какие сомнения — люди ушли, люди вернулись. Совершенно так, как ушедший на дно человек с привязанным к ногам колосником через пару часов выходит на берег, отплываваясь и приглаживая рукой мокрые волосы.

Выйти-то он вышел, но, если не усомнится в собственной нормальности, это просто какой-то другой человек. А скорее — просто «не человек».

Однако Виктор Вениаминович, жизнелюб, изобретатель на грани гениальности и тип «сумасшедшего ученого» из романов начала прошлого века, оставался материалистом и рационалистом до мозга костей. И свято верил, что нет непознаваемого, есть только непознанное. Если теория не соответствует фактам, нужно искать другую, вышшую по отношению к исходной.

К примеру, предположить, что на дне упомянутого утопленника поджидал водолаз с запасным аквалангом, который освободил его от груза, а затем и вытолкнул на сушу.

Таким образом, честно говоря, Неверов с Половцевым, вообще вся их компания избавили профессора от крупных неприятностей, да еще и помогли внести в теорию существенные дополнения. Выходит, что не враги они ему, а благодетели. Да ведь и то, что Неверов вытащил его из захолустного Пятигорска и, так или иначе, приобщил к большим людям и большой политике — тоже ведь благо и решающий шаг к всемирной славе. Кто бы, в противном случае, услышал что-то о завкафедрой-неудачнике?

Скорее всего, он просто-напросто лежал бы сейчас в лесу под полутора метрами земли или гнил в *зиндане* какого-то шейха.

Таким образом Маштаков легко изменил свое первоначальное настроение и ждал встречи с Неверовым теперь уже со жгучим интересом, совершенно забыв о прелестях Влады. Вот уж в них-то нет ничего принципиально отличающегося от ранее познанного. Так, легкие нюансы анатомии и физиологии.

Он даже, пользуясь предоставленным ему правом, изменил заказ, сделанный в кремлевском пищеблоке в предвкушении встречи с любовницей. Для позднего делового ужина с суровыми офицерами приличествует совсем другое меню.

Официанты едва успели накрыть стол в одной из комнат его «золотой клетки», как гости прибыли. К его удивлению и удовольствию, вместе с Неверовым приехали и Половцев с Бубновым, то есть в сборе оказалась вся команда, и те, кто ходил на *ту* сторону, и те, кто пытался помочь им с *этой*.

Экспромтом образовался как бы *симпосион* в древнегреческом стиле, когда умные люди выпивают и закусывают под философические разговоры.

Впрочем, особенно пофилософствовать Виктору Вениаминовичу не дали. Беседа с порога приобрела жесткий, деловой настрой. Причем сам Неверов в ней особого участия не принимал, скорее, просто контролировал ситуацию.

Половцев же сразу перешел к сугубой конкретике. Очевидно, предварительно проконсультировался с Бубновым, потому что вопросы задавал достаточно квалифицированные, хотя и почти не владел математическим и физическим аппаратом. Но и обычного здравого смысла и общей эрудиции ему хватало.

Вадима Петровича прежде всего интересовала практическая сторона предстоящего похода. Насколько надежна система управления порталами, в том смысле га-

рантируется ли устойчивость и однородность хронопоя на весь период проведения операции? Возможны ли сбои по типу тех, что случаются в ЭВМ, под влиянием дефектов собственной программы, каких-то гипотетических *подводных течений* в океане времени, а также сбоев в энергоснабжении.

Маштаков в своей обычной, слегка экзальтированной манере утверждал, что за исключением «подводных течений» ручается и за технику, и за программы головной. Все проверено, многократно продублировано, энергоснабжение тройное — от сетей энергосистемы, от аккумуляторов и от резервных дизель-генераторов.

— Да вот же Максим Николаевич неоднократно пользовался! И через стационарный портал, и с дистанционным включением-выключением с переносного пульта, с *той стороны*. Никаких отказов. Да вы сами скажите, Максим Николаевич, вы же и расчеты все видели, и сами перепроверяли. Даже ошибку в знаке у меня нашли... — на всякий случай польстил он подполковнику.

Максим подтвердил, что так все и есть. Вернее — было.

— Ну а что вы хотите? На самолетах же летаете? И пока ничего! А если что иногда и случается, это не дискредитирует саму идею воздушного транспорта тяжелее воздуха?!

— У тех, кому не повезло, очень даже дискредитирует, — мрачно сострил полковник Половцев. — У нас, например.

— А что — у вас? У вас тот случай, когда человек по ошибке вместо двери туалета открыл аварийный люк...

— По чьей ошибке? — въедливо поинтересовался Половцев.

— Да какая разница? Скажем, кто-то злонамеренно таблички на дверях местами поменял!

— Интересная точка зрения, но допустим. И вот,

★

значит, по ошибке незнамо кого, вниз, без парашюта. И как же мы выжили?

— Вот это не ко мне вопрос, уважаемый, не к мне, — Маштакhov прищурился, и голос его приобрел ехидные интонации. — Левитация — не по моей части. За то, что вы выпали, какую-то долю ответственности нести согласен, а вот где вы научились летать без парашюта, я не знаю. Хотя мечтал бы выяснить. Но мы отвлекаемся. Повторяю — сейчас техническая сторона проекта абсолютно надежна.

— Верю. Следующий вопрос — вы задумывались или, может быть, даже экспериментировали — что произойдет, если при включенном входном портале вторым аппаратом одновременно будет создан и выходной? И даже не один. Мы получим что? Сквозной тоннель через боковое время или...

— Нет-нет, продолжайте! Что вы подразумеваете под «или»? Мне крайне интересен ход вашей мысли.

— Виктор Вениаминович, я ведь не физик. Я, так сказать, добросовестный пользователь тем, чего совершенно не понимаю. Однако это не мешает мне рассуждать. Не зная, что находится внутри паровоза, я ведь имею право спросить, что случится, если он поедет мимо рельсов, тем более на мосту? Или — навстречу ему по тем же рельсам будет ехать другой поезд?

— Можете, конечно, можете!

— Простите, я продолжу. В нашем случае — а у меня есть некоторый опыт в езде на паровозе, а не в его конструировании, — мы сталкивались с ситуацией, когда без всякого нашего участия несколько раз внутри *бокового времени* открывались проходы еще куда-то. Вот и Сергей Васильевич не даст соврать. То он видел картинку невоплощенной (вернее, в его случае как раз воплощенной) коммунистической утопии, то мы оказывались в казармах израильской армии, которая пользуется ивритом, как разговорным, и снабжается крайне сложной радиотехникой из Китая и Кореи...

— Вы это сами видели? — Профессор пришел в необычайное возбуждение. — Какая может быть радиотехника из Китая? Ламповые приемники «Телефункен» из Циндао?

— Видели, Виктор Вениаминович, — подал голос Неверов. — И пользовались. Отнюдь не ламповые, и не «Телефункен», а штучки чуть больше портсигара, полсуток воспроизводящие музыку с такого вот зеркального диска, — он показал пальцами размер. — С весьма поразительным качеством звучания...

— И что же вы не привезли... Ах, да, простите! — Он вспомнил, каким образом вернулись домой «хрононавты».

— Это еще один вопрос к вашей теории. Что-то их много накапливается, вам не кажется? В целях любопытства я бы и не возражал поглядеть еще какие-нибудь загробные миры, но сейчас мне поручено совершенно конкретное задание. Поэтому в присутствии Сергея Васильевича я официально заявляю — пока вы не продумаете мой вопрос, я не позволю открывать второй портал на той стороне.

Тарханов наконец тоже понял, что слова Вадима несут совсем не праздный смысл.

— Именно так, Виктор Вениаминович. Вы подумайте. На мышках потренируйтесь, если надо, но чтоб через неделю ответ был. Вот и Максим Николаевич вам поможет.

Бубнов, до того в разговор не вмешивавшийся, исключительно мимикой подтвердил, что поможет непременно.

— Но в любом случае, даже если мы не успеем завершить эксперименты, всегда ведь можно синхронизировать входы и выходы. Предохранитель своеобразный поставить...

— Можно, но к нашему вопросу это отношения иметь уже не будет. Вы меня поняли?

Слова Половцева-Ляхова прозвучали как-то слиш-

ком многообещающе. Вадим, может быть, и сам не хотел такого эффекта, но как оказалось, так оказалось. И Маштаков посерьезнел.

— Господа, господа! Как-то наш разговор приобретает... Может быть, к столу все же пройдем? За едой ведь тоже говорить можно.

Вадим вспомнил, что действительно с утра он ничего не ел, а удастся ли в казармах перехватить что-нибудь, кроме того же сухпайка или оставшихся после ужина остывших макарон по-флотски, большой вопрос. А из соседней комнаты доносились очень аппетитные запахи. На великокняжеском коште профессор не считал нужным в чем-то себе отказывать.

Особенно хорошо оказалось блюдо, приготовленное наподобие марсельского буйябеса, из мяса камчатских крабов, мидий, кальмаров и осьминогов, залитое вдобавок густым и острым соусом.

Ну и прочие закуски, и разварная картошка, и бефстроганов, и холодные водки.

Регулярно себе подкладывая и поощряя к тому же сотрапезников, Маштаков продолжал витийствовать более раскованно:

— Я готов лично отправиться вместе с вами, прихватив с собой всю лабораторию, мы там на месте снимем все параметры, тогда и решим, как поступить. Но больше всего я хотел бы пройтись по вашим стопам, лично увидеть все, о чем вы рассказываете! Уверен, что если обратный переход мы выполним по моей методике, а не по вашей, то и трофеи на эту сторону доставить сможем. Вот скажите, Максим Николаевич...

Бубнов, выпивший водки, тоже повеселел:

— Да чего же говорить? На самом деле, мы с той стороны кое-что переправить сумели. В том числе два трупа некробионтов в одежде. Значит, теоретически это возможно. А вы же ведь, Сергей Васильевич и Вадим Петрович, действительно помимо портала вышли...

— Но как, как? — Эта загадка не давала Маштакову покоя.

— Что значит — как? — удивился Тарханов, наливая по третьей. — Розенцвейг нам в последнее мгновение процитировал ваши же слова, что мы способны без всяких приборов управлять хронополем. Ну вот я лично представил себе это самое хронополе как тонкую пленку, разделяющую наши миры. Закрыв глаза и рванулся через нее...

— И я тоже, — добавил Ляхов.

— Вот видите, вот видите! Само собой, тут все равно требовалось наличие моего генератора, создающего пресловутую напряженность. А вы сумели сработать не за сам генератор, а за его управляющий блок...

— И что из этого?

— Да только то, что и впредь, я надеюсь, вы сможете точно так же свободно чувствовать себя на границе миров. Я даже думаю, что эта ваша способность будет только расти. Нет, хотите, мы прямо сейчас это проверим?

— Ага, — усмехнулся Тарханов. — Я по пьяному делу даже за руль никогда не сажусь, а сейчас стану упражняться со временем. Нет уж. Кесарю кесарево... Вадиму Петровичу скоро ехать надо. Вот когда он на ту сторону пройдет, до цели доберется, тогда и мы с вами туда, я надеюсь, съездим. И поглядим, что оно почем.

— А цель-то — она где? Опять в Израиле?

— Так я вам и сказал...

— Да что вы, в самом деле? Я здесь в тюрьме вашей сижу, контактов с внешним миром не имею, кому я ваши тайны выдам? А вы все равно без Маштакова никуда. Могли бы и по-честному...

— Ага, с вами — по-честному, — снова включился в разговор Максим. — А вы в любой момент уйдете через свой пробой куда пожелаете...

— Я? Уйду? Да, пожалуйста, я вам все ключи от генератора отдам, и делайте с ним что хотите! А я... Я знаете что придумал? Как из нашего генератора межзвездный двигатель сделать, вот что! Сейчас расскажу!

Тарханов по роду службы догадался, что третья рюм-

ка была лишняя. Или профессор до этого штук пять принял, только маскировался грамотно.

— Баста! На сегодня закончили! Вы, Виктор Вениаминович, кончайте языком молоть, а то я вам припаяю государственную измену *через намерение*. А господам офицерам отдыхать пора. Спасибо за угощение... Значит, вы меня поняли. Аргументированные ответы на все заданные вопросы должны лежать у меня на столе... Через три дня.

— Да какие три, мы же только что о неделе говорили, — заныл Маштаков.

— Я сказал — три! Хотя бы в первом приближении. А то будет вам и соус из морских гадов, и водка, и девочки!

Уже на крыльце Интендантского корпуса Тарханов привлек к себе Максима:

— Я не знаю, что он там опять болтал, но ты озаботься. И насчет генератора, и касательно двигателя. Нам сейчас каждое лыко в строку... А утром поговорим.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В целом к назначенному времени Уваров с Андреевым почти успели. Да и сам Ляхов понимал, что его требования были несколько завышенными. Просто физически невозможно за сутки сформировать на базе территориального, то есть по определению второсортного полка, вполне боеспособный ударный батальон. Тут главное было — поднять планку как можно выше, заставить людей в отпущенный срок и с имеющимися средствами тянуть в полную силу и сверх того.

Следовало признать, что хотя бы по форме эта цель была достигнута. Четыре стрелковые роты и несколько *спецовских*¹ взводов, имея полковой оркестр на правом

¹ «Спецы» — на армейском жаргоне взводы и роты спецобеспечения пехотных подразделений и частей: транспортные, связи, противотанковые, ремонтные и т.п.

фланге, выстроились на внутреннем плацу казарм, боевая техника выведена из боксов, грузовики у аппарелей складских пакгаузов готовы к погрузке нужного в походе снаряжения.

Ляхов в сопровождении командира полка и Уварова принял рапорт полковника Андреева, который доложил о сделанном, но честно предупредил, что вверенное ему подразделение сейчас способно выполнять боевые задачи лишь на уровне ротного звена. На слаживание батальона, по самым жестким нормативам, требуется как минимум пять суток. Но это непременно будет сделано в *рабочем порядке*.

— Благодарю за службу, господин полковник. Вы и так сделали больше, чем я рассчитывал. К счастью, в бой нам в ближайшее время вступать не придется. Проведите батальон, после чего соберите офицеров на совещание и заслушивание приказов.

Над плацем раскатились привычные, духоподъемные команды:

— Батальон! К торжественному маршу! Повзводно! На одного линейного дистанция! Управление батальона прямо! Остальные — на-пра-аво! Правое плечо вперед! Шаго-ом... марш!

Оркестр ударил марш Печерского полка, интонационно напоминающий «Прощание славянки», но более воинственно-оптимистический. Вначале неровный перестук сапог по асфальтовому покрытию плаца, по мере того как взводы и роты, марширующие на месте и совершающие захождение правым плечом, выходили на центральную линейку, сменился четкими, слитными ударами.

Вколоченные предыдущей ночью в гнезда на каблуках солдатских сапог шарики от подшипников высекали искры из густо замешанной в асфальт гальки и производили столь милый командирскому сердцу звук.

Ротные и взводные с вскинутыми к козырькам фу-

ражек руками старательно выворачивали шеи в равнении направо, с размаху впечатывая подошвы в плац.

*Коробки*¹ довольно четко держали равнение, шесть сотен бойцов, на краткий миг парада спаянные единой волей и ритмом большого и малых барабанов, звонко лязгающих тарелок, пением серебряных труб, ощущали себя неким единым сверхорганизмом, в котором не существовало отдельных желаний и волей.

По двухсотлетней давности замыслу автора полкового марша, так и должны они были сейчас, вскинув *на руку* тяжелые кремневые ружья с примкнутыми штыками, мерным пехотным темпом «сто шагов в минуту» идти и идти вперед, на ходу перестраиваясь из колонны в каре, пока не сойдутся с врагом врукопашную.

— А и хорошо идут, — оценил Ляхов, обращаясь одновременно ко всем троим командирам.

Лисицин приосанился, Андреев слегка улыбнулся, Уваров счел возможным прокомментировать:

— Если строевая на уровне, остальное приложится...

Прямо с плаца батальон под руководством фельдфебелей и унтер-офицеров с песней отправился в столовую, а два десятка офицеров собрались в зале полкового собрания, где также был накрыт праздничный завтрак. Согласно традиции. Поскольку батальон начинал свое существование в качестве отдельной части, а также *вступал в кампанию*, что влекло за собой полуторное жалование и особый порядок прохождения службы и производства в чины. Не по механической выслуге лет, а по фактически занимаемой должности. Кого не убьют, имеют шанс...

Вадим произнес все подобающие случаю слова, объявил оргштатные приказы, представил офицерам их новых товарищей и начальников. Некоторая сложность заключалась в том, что до последнего он не имел возмож-

¹ Жаргонное наименование построения подразделений для парадного марша.

ности раскрыть перед офицерами суть предстоящего в полном объеме. Хотя бы до тех пор, пока они не окажутся на *той стороне* окончательно и вплоть до завершения операции.

Даже Колумбу и Магеллану, вообще всем исследователям неведомого прошлых времен было проще. Не было необходимости вводить спутников в тонкости теории шарообразности Земли и т.п. И не было враждебного окружения, способного (при наличии современных средств связи и сопоставимой с российской научно-технической базы) перехватить идею и предпринять собственные шаги «туда же».

Да вдобавок часть офицеров пойдет с ним уже сегодня, а другие еще достаточно долго будут оставаться на *этой стороне*, и кто знает, с кем они захотят поделиться сенсационными сведениями. Пусть и без злого умысла.

Так что и на этот случай тоже необходимо было создавать своего рода комендатуру в зоне входного портала, так сказать — *шлюз*. Но это уже будет забота Тарханова с Бубновым.

А сейчас, старательно подбирая слова, Вадим попытался довести до офицеров суть и смысл физического явления, благодаря которому они уже сегодня окажутся в безлюдном мире.

Объяснение получилось с научной точки зрения достаточно абсурдным, но строевым офицерам это без разницы. Точно так же очень многим из них почти или совершенно непонятны принципы, на которых основано действие разнообразных видов вверенного им оружия, радиозлектронной техники, боевых отравляющих веществ и тому подобного.

Вот есть, мол, такой феномен, открытый нашими гениальными учеными, а нам с вами оказана честь поучаствовать в его изучении и освоении. Поскольку многие свойства параллельной реальности в лабораторных условиях не воспроизводимы, спланированы широкомасштабные полигонные испытания. Мы будем их прово-

дить, одновременно осуществляя закрепление исследованной территории и ее оборону.

— Теперь можете задавать вопросы.

— Оборону — от кого, — осведомился один из ротных командиров, совершенно, как недавно Ляхов у Тарханова, — если тот мир безлюден?

— Во-первых, безлюден он чисто теоретически. На практике первые разведгруппы столкнулись с некими местными формами жизни, суть которых пока не ясна. С ними пришлось иметь дело лично мне, а также четверем присутствующим здесь офицерам... — Ляхов указал, кому именно, назвал чины и должности.

— На первый взгляд это может показаться непонятным и даже страшным, но мы ведь люди военные, в сказки не верим. Каждое явление имеет свое объяснение, только нам оно не всегда известно. Внешне эти существа напоминают людей, агрессивны, при непосредственном контакте смертельно опасны. Некоторые называют их ожившими покойниками, но это, скорее всего, не так. Покойник — значит покойник, большинство из вас знают это на личном опыте. Если умер — лежит, где положат, и ждет, пока его похоронят. Если ходит, разговаривает, нападает, прошу заметить, это уже не покойник. Кино про зомби видели? Вот это нечто в таком роде.

— Ну а в чем, собственно, их опасность для вооруженного бойца?

— Для вооруженного, отважного и бдительного особой опасности, по сути, и нет. Вот поручик Щитников и его товарищи потом поделятся опытом. Некробионт способен убить, только если коснется вас руками. Тогда человек *разряжается*, как накоротко замкнутый аккумулятор. Сам же *мертвец* усваивает жизненную энергию и приобретает повышенную активность. На какое-то время. Так что достаточно просто уничтожить их на расстоянии. Подходят все средства — граната, пуля, даже обычная саперная лопатка. Огнемет я не пробовал... — пошутил он для большей непринужденности.

— Но это крайности. На практике гораздо проще всего лишь избегать *непосредственных контактов*. Соблюдать все правила гарнизонной и караульной службы, в одиночку не удаляться из расположения, тем более в ночное время. Совершенно так же, как в нормальной прифронтовой полосе или в тайге, где водятся медведи, тигры, ядовитые змеи.

Как и надеялся Ляхов, его инструктаж вызвал скорее оживленный интерес, нежели подавленность и страх. Офицеры все были кадровые, молодые, склонные к юмору, как обычному, так и специфически военному.

Предполагая, что часть направляется на фронт, люди давно уже себя соответствующим образом настраивали. И сейчас скорее испытали некоторое облегчение. Подумаешь, какие-то там *существа*, вдобавок и не вооруженные. Что они по сравнению с солдатами противника, оснащенными всеми видами смертоносной техники? Это скорее будет увлекательное приключение, одобренное крупницей риска и чертовщинки. Ничуть не хуже, как правильно сказал полковник, сафари в африканских саваннах и джунглях. Там люди большие деньги платят, а тут за казенный счет и в хорошей компании.

Настроение еще больше поднялось, когда Ляхов объявил «без чинов» и велел подать на стол запотевшие графинчики, из расчета классических ста грамм на брата.

Посыпались шуточки, вопросы к побывавшим *там* товарищам, глубокомысленные и не очень рассуждения о предстоящем. Новая офицерская семья начинала жить.

И вот, значит, свершилось!

Головной хроногенератор очень удачно разместился в караульной будке бездействующего КПП ворот товарного двора. Шины волноводов техники проложили прямо поверх сварной из таврового железа арки, и даже когда они заработали, внешне ничего не изменилось.

Когда едва слышно жажущавший моторчик раздви-

нул чуть тронутые ржавчиной полотнища, только наметанный глаз мог заметить, что местность за воротами хотя и та же самая, но не совсем. В широком, выводящем на магистраль переулке, на перекрестке под светофором, на высоких платформах подъездных железнодорожных путей не видно было ни единого человека.

И даже бродячие собаки, и вороны, густо покрывавшие мокрые голые ветки деревьев, куда-то исчезли как по мановению...

Ляхову и четверем десанникам эта картина уже была знакома, и все равно их охватило странное, тревожное и даже несколько гнетущее чувство.

Причем, что следует отметить, при первом переходе никто из них подобного не испытывал. Чем-то это было сродни синдрому *второго парашютного прыжка*, который многим совершить бывает значительно труднее, чем первый. Или в этом виноват был день, серый, пасмурный, морозящий мелким холодным дождиком и знобящий порывистым ветром? Так вроде он и по эту сторону такой же точно.

— Ну, господа, с Богом! — Ляхов пожал руки остающимся, коротко козырнул и скользнул в узкий проем правой нижней дверцы бронетранспортера. Через несколько секунд появился из башенного люка.

— Вперед!

В качестве головной походной заставы Ляхов решил отрядить три легковооруженных колесных БРДМ¹. Кроме водителя, стрелка и командира машины, в каждой размещалось по пять бойцов батальонного разведвзвода. Возглавить ГПЗ он решил лично. По крайней мере, на первых километрах похода.

За ними на дистанции двести метров двигались основные силы авангарда на девяти БТРах, замыкали ко-

¹ БРДМ — боевая разведывательно-дозорная машина.

лонну пять грузовиков со снаряжением, ремлетучка, санитарная машина и тыловой дозор, которым командовал поручик Щитников.

В таком построении рота могла бы в случае необходимости вступить во встречный бой с вражеской разведкой, не покидая машин, или, спешившись, занять оборону.

Самое странное, что Ляхов, привыкший доверять своей интуиции, отнюдь не исключал подобной возможности. Хотя на рациональном уровне затруднялся представить, какой регулярный противник может здесь оказаться и дать бой хорошо вооруженной, идущей под броней роте. Причем в глубине своей территории.

Разве что допустить, будто еще кому-нибудь удалось проникнуть за завесу времени, например, из одного из примыкающих миров. А что? Возьмут, да и просочатся сюда такие же, как он сам, разведчики из непонятного коммунистического варианта Тарханова, из континуума израильской заставы, да бог знает, откуда еще, раз пресловутая теория Эверетта допускает неограниченное множество миров.

Вот, правда, откуда во Вселенной набраться материи, достаточной для формирования и физического существования бесконечного количества миров? Этот вопрос интересовал Ляхова с самого начала. Максим ему как-то объяснил, что парадокс этот — мнимый. На то она и бесконечность, чтобы всего в ней хватило на все. Если ты признаешь бесконечность Вселенной во времени и пространстве, то должен признать то же самое, но с добавлением следующего уровня — бесконечность числа бесконечных вселенных. Бесконечность, возведенная в любую степень, ею же и останется.

Далеко же его затащило, а начал думать просто о предполагаемом противнике.

Вообще Ляхов заметил, что последнее время практически любая мысль и разговор с посвященными людь-

ми, доводимые до какого-то предела, непременно обращаются в абсурд или заходят в логический тупик.

Что может означать только одно — полное несовпадение логик, той, которой привык оперировать Вадим, и *подлинной*, на которой основан реальный Мир. Мир целиком, а не та его частичка, которую здешние люди привыкли считать «единственным и неповторимым».

Транспортер, поплеывая дымом из выхлопных труб, бодро катился по осевой линии дороги. Обе обочины были плотно заставлены легковыми и грузовыми автомобилями, рейсовыми автобусами пригородного и дальнего сообщения. Ляхову это было не в новинку, а вот бойцов удивляло крайне. Но доходчиво объяснить солдатам, каким же чудесным образом все эти предметы существуют и здесь и там, Вадим не мог. Отсутствовали такие понятия в их лексиконе.

Само собою, больше всего поражал простодушных бойцов факт, что *там* автомобили в этот самый момент движутся, управляемые людьми, причем с большой скоростью, а здесь безжизненно стоят.

Попытки использовать убедительные для него самого аналогии ни к чему не приводили. Солдаты и унтер-офицер ему попались сообразительные (в пределах собственного круга представлений), но не настолько, чтобы что-то в его объяснениях понять. В чем честно и признались.

— Да, в общем, вам это и не надо, — успокоил их полковник. — Не расстраивайтесь, братцы, мы с вами в совершенно одинаковом положении. Я думаю, в ближайшие сто лет и ученые в этом не разберутся, как, например, никто мне не смог разъяснить, почему два растения на одной грядке растут, но на одном клубника вызревает, а на другом — горький перец. Земля одна и та же, причем ни горечи в ней, ни сладости вы не обнаружите,

и красной краски тоже, хотя и клубника, и перец — красные! Едите вы их, и голову себе не забиваете.

Сравнение, по большому счету, весьма натянутое, но солдат оно устроило вполне и даже развеселило. Парни, в основном крестьянского происхождения, в самом деле никогда о подобном не задумывались и тут же начали обсуждать уже не временные парадоксы, а загадки агробиологии.

Связь с Большой землей работала нормально, ничего угрожающего вокруг не замечалось, да и вел Ляхов колонну практически по своим собственным следам. До наступления темноты они проехали до самого Можайска. На ночевку остановились на поляне, в паре километров от дороги, к которой вела слабо наезженная грунтовка.

По опыту странствий по Святой земле Вадим распорядился выстроить из БТРов и прочих машин каре наподобие вагенбурга, растопить полевую кухню, выдать ужин с положенным допайком, после чего отдыхать, охраняя расположение парными патрулями.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Как уже раньше упоминалось, Игорь Викторович Чекменев никогда не складывал все яйца в одну корзину. Не сказать бы, что жизнь научила, лично у него с самого начала все складывалось исключительно благополучно, но вот пристальное изучение чужого опыта, как происходившего у него на глазах, так и прописанного в анналах, обучили генерала этой нехитрой истине.

Сейчас, например, он играл сразу на четырех досках, или, так будет точнее, на четырех столах, ибо его игра была поазартнее шахматной и с более мрачными последствиями, если вдруг не задастся.

Ну, вариант «Скипетр» у него сомнений не вызывал. Здесь все получится, не может не получиться, с Каверзевым все вопросы обговорены и согласованы, новый генеральный прокурор вступил в должность и в требуемый момент признает все принимаемые меры правомочными.

Сам же Великий князь, став сначала военным диктатором, а потом и короновавшись под именем Олега первого (Спасителя? Нет, звучит несколько вторично. Ну, история и народ соответствующий эпитет к новому Помазаннику подберут), безусловно с этой ролью справится. И не такие справлялись, особенно при наличии умных и преданных соратников и помощников.

Покер на втором и третьем столах можно объединить в одну игру, причем противник будет играть одной колодой, а у него в распоряжении будут две, то есть во семь тузов и четыре джокера.

Это касалось проблемы западного пояса нестабильности Империи (Польша, Прибалтика, Финляндия) и шире — изменения всего формата внешней политики Державы в рамках ТАОС. Тут возможны некоторые сложности, но исключительно тактического плана. Всего лишь следует решить, как долго следует блефовать, изборажая мучительные раздумья и растерянность, вселяя тем самым в партнеров радостные надежды.

В партнеров, не подозревающих, что флеш-рояль у него на руках, а каре тузов с джокером — в рукаве. Флеш — начавшийся рейд батальона Ляхова, который приведет за собой целый гвардейский корпус в самое сердце Европы, а каре — переговоры, которые начали его доверенные лица с самим Ибрагимом Катранджи, мультимиллиардером, потомком турецких беев и теневым лидером «Черного интернационала».

А вот с четвертой партией пока далеко не так все ясно. Тут ставка сделана на человека, вроде бы давным-давно знакомого, повязанного с Чекменевым десятками прочных ниточек взаимных интересов, и все-таки — чу-

жого. Чужого в том единственно смысле, что отношения с ним выстраивались на базе собственной генеральской логики, евроцентричной по определению, пусть и с приличной дозой византизма, а партнер и коллега — человек совершенно иной культуры. В каком-то смысле — инопланетянин.

Пришедшее в голову сравнение Чекменеву понравилось. Да, вот именно так. Полностью человекоподобный инопланетянин, легко и свободно говорящий на русском (и каком угодно другом земном языке), но неизвестно на каком думающий, уходящий корнями своей души в не представимую для аборигенов культуру.

Моментами Игорь Викторович умел формулировать свои мысли точно и при этом изысканно, почти поэтически. Чем (в том числе) и покорила князя, тоже не лишённого литературных способностей и артистичности мышления.

А человек, уподобленный пришельцу со звезд, был тот самый бригадный генерал израильской ЗГД¹ Григорий Львович Розенцвейг, он же полковник русской службы Розанов, носитель полудюжины других имен, известных Чекменеву, и не установленного количества прочих, которых просто не могло не быть. Поскольку интересы господина Розенцвейга распространялись далеко за подведомственную великокняжескому столу территорию.

Сравнение с инопланетянином было взято Чекменевым отнюдь не с потолка. Генерал в глубине души был уверен, что Григорий Львович и его соплеменники представляют собой нечто иное, нежели представители любой нации, народности и даже расы, населяющей Землю. Он не вкладывал в эту идею никакого негативного смысла, одну лишь констатацию. Как не мог бы сказать, что кошка, например, чем-то хуже или лучше лошади. Другая, да, но и ничего более. Ту и другую можно исполь-

¹ Зихергейстдинст — служба безопасности.

зывать в своих интересах, испытывать к ним привязанность и даже любовь, только не нужно заставлять лошадь ловить мышей, а кошку — перевозить грузы.

К этой мысли его подвела практика жизни и службы, а также глубокое изучение истории. Не будучи связан никакими стереотипами, присущими представителям научного мира и рядовым обывателям, Игорь Викторович считал себя вправе (исключительно для личного употребления) лелеять гипотезу, будто древние евреи — потомки космических странников, в незапамятные времена потерпевших на Земле кораблекрушение. А может быть, и добровольных переселенцев. Бежавших, скажем, от религиозных преследований, вроде наших гугенотов, пуритан или экономических эмигрантов.

Не случайно же их нравы, обычаи, этика и эстетика так разительно отличаются от менталитета окрестных племен. (На досуге Игорь Викторович не раз пролистывал скандально знаменитую книгу Шулхан Арух¹.) И за многие тысячелетия не произошло никакой их ассимиляции с землянами — на идейно-теоретическом, а не индивидуальном уровне.

Правда, в отличие от пассажиров «Мейфлауэра» и их потомков, эти «переселенцы» не сумели настоящим образом освоить здешний «Новый Свет». Аборигенов оказалось слишком много, да вдобавок абсолютно невоспитуемых и зачастую более агрессивных и неуступчивых, чем американские индейцы.

Вот почему Чекменев и не мог заставить себя с открытой душой строить отношения с Розенцвейгом так же, как с природным грузином, татаринном, калмыком или немцем на русской службе. Всегда он ощущал в совместных проектах и предприятиях какой-то второй или

¹ Свод инструкций по взаимоотношению религиозных евреев с иноверьцами, достоверность которого некоторыми исследователями подвергается сомнению.

третий план, уловить рациональный смысл которых ему не было дано.

Привлекая израильтянина к реализации своих планов и замыслов, Игорь Викторович далеко не всегда мог просчитать, а то и просто предположить, когда и как тот использует его самого в своих интересах. Какую, например, далеко идущую собственную стратегию проводит в жизнь израильтянин, участвуя в операции «Фокус» со всеми ее вариантами?

Но работать вместе приходилось, более того, в большинстве случаев заменить Григория Львовича было просто нечем.

В данный момент коллеги сидели в арбатском особняке Чекменева и обсуждали как раз ту проблему, которая представлялась генералу наиболее сложной и, как бы это выразиться, сомнительной по ряду параметров.

Здесь нам придется вернуться немного назад, на два месяца, «локально-земных», как выражался герой одной из фантастических повестей, или на вчетверо больший срок с точки зрения Розенцвейга.

То, что израильский разведчик оказался вместе с Тархановым, Ляховым и девушками выброшен не просто в боковую реальность, но еще и в прошлое *по прямой оси*, в его расчеты, разумеется, не входило. Иначе бы он куда как лучше подготовился к эксперименту, обеспечил себя необходимым в обиходе каждого шпиона снаряжением.

Но и чистой случайностью происшедшее также нельзя было назвать. Розенцвейг сказал Ляхову почти всю правду — его действительно весьма интересовала проверка гипотезы о том, что, подвергнувшись воздействию «гнева Аллаха», оба офицера приобрели некие особые свойства, позволяющие им пересекать грань времен почти исключительно усилием воли, при очень незначительной помощи генератора Маштакова.

Сам Розенцвейг тоже испытал на себе удар хронополя, пусть и значительно ослабленный. И решил выяснить, не наделило ли это и его самого таинственной силой.

Эксперимент удался с эффектом, которого никто не ждал. В иной мир вышвырнуло сразу пять человек. В то же время он ничего не доказал, поскольку девушки не были причастны к «гневу Аллаха» никаким образом. Следовательно, гипотеза не подтвердилась.

Единственно можно было предположить, что суммарных способностей их троих или даже только Тарханова с Ляховым оказалось достаточно для формирования некоего локального *энергетического кокона*, внутри которого оказались и девушки.

В пользу этого предположения говорило то, что обратно они вернулись практически самостоятельно. В том же составе и на то же место, но с сильным сбоем по времени. Но это можно признать, как одно из следствий *принципа неопределенности*. А сам генератор снова сыграл роль только источника некоей *несущей частоты*. Одним словом, как в песне барда: «без помощи, но при посредстве».

Но и это сейчас не имело специального значения. Если возникнут соответствующие обстоятельства, к решению вопросов чистой теории можно будет привлечь любые научные силы, имеющиеся в распоряжении цивилизованного мира.

Другое дело, сейчас такой возможности не было у Григория Львовича. Чекменев охранял тайну генератора и самого Маштакова не хуже, чем в свое время охранялся «атомный проект», даже лучше, потому что там к теоретическим разработкам и практическому воплощению были допущены сотни, если не тысячи людей, а здесь меньше десятка, причем в сути теории всерьез разбирались только двое.

Поэтому отягощать себя подобными вопросами несовременно и, значит, бессмысленно.

Но вот одно из практических следствий *хождения за*

три мира казалось и ему, и Чекменеву крайне важным и многообещающим. А именно — налаженный Ляховым контакт с одним из некробионтов. Да еще так удачно оказавшимся ученым-биологом и философом, вдобавок с выраженными организаторскими способностями.

Если даже Ляхов далеко не полностью посвятил спутников в содержание своих со Шлиманом бесед (вот где пригодилось бы портативное подслушивающе-записывающее оборудование), из доступной Розенцвейгу информации вполне однозначно проистекал обнадеживающий вывод. Взаимодействие с обитателями загробного мира в принципе возможно, и лишь вопрос дипломатического мастерства, по какому вектору удастся это взаимодействие направить.

Всерьез мучило и путало Григорию Львовичу карты только одно. По некоторой, не до конца ясной причине Шлиман не выразил ни малейшего желания (если у покойников вообще могут быть «желания») контактировать с соотечественником. Он его даже явственным образом сторонился. Как и других членов группы, выказывая приязнь и добрую волю одному лишь Ляхову. И на прощание заявил, что в случае чего готов видеть исключительно его в роли чрезвычайного и полномочного посла.

Слов нет, Розенцвейг тоже высоко ценил личные качества и умственные способности доктора, но что-то важное он в нем так и не смог разглядеть. Да вот даже и то — зачем, по какому такому душевному побуждению или расчету Вадим ему, все ж таки сравнительно мало знакомому человеку, да вдобавок и иностранцу, рассказывал так много? Делился переживаниями и сокровенными мыслями, моментами как бы даже искал помощи и поддержки.

Будто бы напоказ выставлял игральные карты в преферансе. По наивности или из непостижимо тонкого расчета?

Вот и во время одного из ночных бдений в ходовой рубке катера по пути через Черное море Вадим, за кружкой чая *по-адмиральски*, как бы невзначай, в порядке внезапно пришедшей в голову шутки, заметил:

— А я ведь почти догадался, Григорий Львович, почему Шлиман вас за своего не признал...

— Интересно бы услышать, — как можно небрежнее ответил тогда Розенцвейг. Хотя вопрос этот занимал его всерьез.

— Да он просто испугался, не начнете ли вы тут против него пятую колонну формировать. Я что — я человек чужой, посол он и есть посол. Из России живых в Израиль мертвых. Всегда можно «нон гратой» объявить. А у вас права природные. Причем он — капитан всего лишь, а вы — генерал! Назовете себя полномочным представителем *живого Израйля* и станете сюда нужный вам контингент переправлять.

— Ну уж вы и выдумщик, Вадим, — суеверно отмахнулся от него Розенцвейг, а потом, как бы поддерживая тему, позволяющую скоротать скучную вахту, тоже привел несколько остроумно-шутливых доводов, опровергающих возможность подобного сценария.

Но мыслишка-то, на самом деле весьма глубокая, в мозгах засела. Пусть не в таком именно любовом решении, но ведь главное — идею подать, а потом ее можно сотней разных граней повернуть. Вот только — тут же засомневался Розенцвейг, — не были ли слова Ляхова еще одним ходом в тонкой игре, абсурдный, по всем канонам, снос на мизере?

И вот сейчас они с Чекменевым говорили примерно в этом направлении. Строго тет-а-тет, так как оба считали, что обсуждаемый вопрос пока что является их личным делом.

Какую непосредственную пользу для возглавляемых ими служб можно извлечь из результатов случившегося на сопредельной (а вернее — запредельной террито-

рии)? А фронт с исчезновением всех добытых там трофеев ни один из них не расценивал как фатальный.

— Ведь, понимаешь ли, Игорь, возвращались мы совсем не нормальным образом...

— Разумеется, остальные ты считаешь вполне нормальными, — хмыкнул Чекменев.

— По отношению к этому — да! Вывел нас Тарханов, или Ляхов, или оба вместе некоторым духовным усилием, так?

— Тебе виднее, — состорожничал генерал.

— Именно. И можно допустить, что их *духовная сила* на физические предметы из того мира не распространяется...

— Вполне, и даже очень может быть.

— А вот если переправляться оттуда через хронофизически сформированный канал перехода, то и кое-что полезное с собой перенести можно...

— Эксперимент покажет, — без особого энтузиазма ответил Чекменев. Он пока не собирался ставить коллегу в известность, что такая возможность — это было первое, что по его поручению проверил Ляхов вместе с теоретиками.

В первые же минуты пребывания по ту сторону портала Вадим зашел в ближайший от ворот казарм магазинчик и снял с полки предмет, в наименьшей мере способный, по мнению Бубнова и Маштакова, вызвать возмущение хронополя и прочие парадоксы.

Книгу малоизвестного автора, причем имевшуюся там в нескольких экземплярах. Опыт тщательно фиксировался на киноплёнку и координировался по радио. В момент изъятия книги «там» — «здесь» не произошло ничего. Все подконтрольные объекты оставались в наличии на своих местах. Интересное случилось после того, как книга была перенесена по эту сторону портала и поле снято.

В долю миллисекунды, то есть не зафиксированный приборами и рапидсъемкой отрезок времени, помеченный экземпляром со своего места на *нашей* стороне исчез, но остался в руках Ляхова. От казарменных ворот до магазина было примерно двести метров. Таким образом, никакого удвоения материального объекта в реальном пространстве-времени не произошло, а состоялось лишь его пространственное перемещение (телепортация?). Что в принципе с теорией согласовывалось.

Гораздо интереснее было другое — обратный эксперимент показал, что в *ту сторону* выявленный эффект не работает. Здесь доставленный через портал предмет очевидным образом дублировался совершенно свободно и никак не влиял на местоположение и поведение оригинала.

Объяснить это можно было только тем, что по *обратной* оси времени и так существует бесконечное количество слепков всех материальных объектов.

Если представить себе некий отрезок времени, как кусок киноплетки, то на каждом ее кадрике мы увидим один и тот же дом или дерево, то есть количество изображений будет соответствовать числу кадров. И, дупечатывая копии фильма, никак невозможно повлиять на судьбу уже имеющих.

Соответственно, выйдя за пределы нашего времени, предмет, никак с ним не взаимодействуя, продолжает свое материальное бытие во всех остальных измерениях. А вот извлечь из слоя бромистого серебра тот же дом и поставить его рядом с настоящим — извините.

Практический же вывод, который только и интересовал Чекуленева, заключался в том, что, если с помощью генератора и невозможно *абсолютное* приумножение общественного или личного богатства (добытые *там* ценности будут существовать параллельно с имеющимися *здесь* только до тех пор, пока открыт портал), вполне реально обогащение относительное.

Скажем, если вы прихватите в зарубежном банке

чемодан фунтов стерлингов, доставите его *сюда* и отключите генератор, вы разбогатеете ровно настолько, насколько мгновенно обеднеет банк. В нормальной жизни вас, конечно, поймают при первой же (или десятой) попытке расплатиться краденой купюрой, но это уже второй вопрос. Можно заняться хищением предметов, не имеющих индивидуальных примет.

А вот для военной и разведывательно-диверсионной деятельности перспективы открывались самые блестящие. Грубо говоря, для владеющего тайной хроногенератора в нашем мире не оставалось почти ничего невозможного. Можно изъять из вражеского сейфа сверхсекретный, существующий в единственном экземпляре план, нарушить финансовую систему любого государства, много еще чего можно...

Правда, и Маштаков, и Бубнов при обсуждении результатов эксперимента выразили свое опасение. Мол, не может быть, чтобы выявленный эффект не имел негативных последствий и даже весьма смертельно опасных.

Все ж таки нарушение законов причинности, сохранения энтропии, принципов термодинамики и т. д. и т. п. Да вот хотя бы чем и как будет компенсирована затрата энергии по мгновенному переносу стокилограммовой, допустим, массы (сто двадцать тысяч рублей золотыми червонцами) на тысячу километров? Это же сто миллионов килограммо-метров!

Почти наверняка такое потрясение основ должно вызвать адекватный ответ, и невозможно гарантировать, что в какой-то момент где-то что-то не рванет (фигурально выражаясь), так, что атомный взрыв покажется хлопнушкой.

— Вот вы и думайте, считайте, это ваша работа... — раздраженно ответил генерал, которого ученые заморочки более раздражали, чем тревожили.

— Мы и думаем, господин генерал, — ответил Бубнов, — почему и с книжки эксперимент начали, масса у

нее незначительная, индивидуальности почти никакой, появление или исчезновение одного экземпляра на реальность значимое воздействие вряд ли окажет. И энергии на перенос пошло всего двадцать килограммо-метров. Ну, как бы я гантель над головой поднял. Ложку воды вскипятить не хватит.

Что же касается более серьезных объектов... Мы бы настоятельно просили вас распорядиться о недопущении каких-либо перемещений материальных объектов оттуда сюда, а также рекомендуем, на всякий случай, поставить каждый факт *пробоя* под строжайший контроль.

Если вы так уж категорически настаиваете на пропуске через него целого батальона, что ж, давайте рискуем. Не знаю, правда, чем. Но впредь рекомендую открывать его только по неотложной необходимости, на как можно более короткий срок... Хотя бы до возвращения отряда Ляхова и тщательного изучения всех, *абсолютно всех* последствий этого рейда!

— Так какого же... — вскипел Чекменев, но тут же взял себя в руки. — Я не совсем понимаю. Кажется, именно вы заверяли меня в полной безопасности проекта. И ни два ваши проникновения в боковое время, ни наш с вами полет над половиной Европы, ни, наконец, длительное там пребывание группы Ляхова никаких парадоксов или катастроф не вызвали. Разве не так?

— Разве мы можем об этом знать достоверно? Никто ведь ничего не проверял. Но я не поручусь, что все случившиеся на Земле за последние месяцы техногенные катастрофы, землетрясения, цунами имеют чисто естественное происхождение, а не вызваны именно нашими переходами! Более того, существуют ведь аспекты, принципиально нам недоступные, на уровне микромира или каких-то иных фундаментальных основ мироздания.

— Прошу прощения, конечно, — вмешался и Маштаков, — но я имею основания предполагать, что мир принципиально изменился с самого первого использо-

вания генератора. То есть в него оказалась искусственно привнесена новая сущность, и тем самым... Можно сказать, что все происходящее в мире, начиная с января месяца, является непосредственным следствием...

— И само это польское восстание... — задумчиво произнес Бубнов. — Ничего ведь не предвещало, и вдруг...

— Да мать вашу, господа физики! — При этом «физики» прозвучало хуже, чем обычное матерное слово. — Не морочьте мне голову, — опять взорвался Чекменев, чувствуя, что у него начинают разжижаться мозги. — После появления любого значительного открытия мир перестает быть прежним и переходит в некое иное состояние. И что из этого? Давайте заниматься каждый своим делом. Вы теоретики, я политик, мне и решать, что делать с вашими изобретениями...

— Так точно, господин генерал, — козырнул Бубнов. А Маштаков насутился,

— Только прошу меня извинить, но, если политик вдруг пожелает вылить посреди города колбу с открытым мной новым штаммом черной оспы, я просто обязан его предупредить о возможных последствиях такого использования моего изобретения...

— Вот когда сможете аргументированно доказать, черная оспа у вас в бутылке или средство от тараканов, тогда и поговорим. Если нужно, хоть весь свой мехмат привлекайте к исследованиям, но дайте мне факты, а не заклинания... А пока работайте.

Короче, Чекменев все расставил по своим местам, но для себя решил прислушаться к опасениям ученых. Действительно, не буди лихо... Пожалуй, и вправду лучше ограничиться только самыми необходимыми действиями, а не ковыряться гвоздем внутри противотанковой мины.

А вот попытаться доставить сюда какой-нибудь предмет из *третьих реальностей*, где побывали Розенцвейг со спутниками, все-таки необходимо. Пусть риск, но ведь и цена выигрыша какова!

Игорь Викторович даже в самые острые моменты умел мыслить широко и раскованно. И принимать самые неожиданные решения. Сразу же после «торжественной встречи», отправив *хронопроходцев* одеваться и приводить себя в порядок, он сделал то, что не пришло в голову возбужденным и пребывающим в полушоковом состоянии друзьям.

Приказал дежурному технику включить генератор, лично прошел в возникшую копию аппаратного зала и тщательно все осмотрел. Он надеялся, что их одежда и трофеи могут остаться там. Это было бы логично, но логика его подвела.

Вообще генерал в пределах своих познаний и громадной, хотя и не систематической эрудиции много размышлял о причинах и следствиях происходящего, иногда приходя к оригинальным выводам, которыми не делился ни с Маштаковым, ни с Бубновым, лишь задавая вопросы, каждый из которых по отдельности не мог раскрыть ход его мысли. А в то, что кому-то придет в голову эти вопросы стыковать, обобщать, анализировать, он не верил.

Вот и в тот момент он быстро понял причину своей неудачи.

Тот самый временной сбой. Сегодня пятое октября, хрононавты же, подойдя к установке с той стороны, были уверены, что *за бортом* по-прежнему август.

Значит, и все имущество осталось там же, в августе. И искать потерянное следовало не сейчас, а в момент их исчезновения, в тот день, когда путешественники выходили из некромира по собственному времяисчислению.

Но в тот момент там ничего не было, и быть не могло, потому что они (по здешнему времени) еще не успели обзавестись всеми этими вещами. Но ничего подобного не появилось там и позже, отсюда генерал сделал вывод, что Бубнов с Маштаковым правы даже больше, чем подозревали сами. То есть и он сам, и весь окружающий

мир совсем не те, что были в день, когда случился срыв. Может быть, просто собственные копии.

С другой стороны, Чекменев не видел в этом ничего страшного. В раннем детстве его поразила информация о том, что каждые семь лет в человеке меняются все его клетки, и, значит, он сам в четырнадцать лет уже не имеет ничего общего с шестилетним Игорьком, изображенным на фотографиях, а его родители уже пять раз поменяли собственную сущность. Он долго страдал по этому поводу, пока отец не объяснил, что это совсем не важно, поскольку люди сохраняют идентичность и индивидуальность как бы *поверх* своей телесной сущности.

И сейчас, если он живет, мыслит, не видит между собой прежним и нынешним никакой разницы и может управлять ситуацией, какое ему дело до сухих теорий? Все действительно разумно, и точка.

Другое дело, если и вправду начнутся катаклизмы ощутимых масштабов...

Но пока о такой угрозе еще ничего не говорило.

И с Розенцвейгом теперешний разговор сводился к тому, что непременно надо Григорию Львовичу прогуляться на историческую родину и посмотреть, что же там творится сейчас, почти полгода спустя отплытия катера из Триполи. Как там сумел обустроиться капитан Шлиман, какую государственную или общественную структуру создал?

— Теперь у вас туда дорожка накатана. Снова катером идти, конечно, нерационально, а на самолете — вполне. Самолет хороший у меня есть, экипаж дорогу знает. Прямо завтра можете и вылетать...

Идея вообще-то принадлежала самому Розенцвейгу, и он с огромным удовольствием ее реализовал бы самостоятельно, прямо с территории Израиля, в сопровождении верных людей. Если бы знал секрет хроногенератора. А так приходилось зависеть от благорасположения Чекменева, делая вид, что просто идет ему навстречу, способствуя решению общих задач и планов.

— И?

— В каком смысле?

— И что я там буду делать, когда прилечу? Положим, Шлимана я найду, а дальше?

— Не понимаю я тебя, Григорий. Вот только это пока и нужно. Найти, восстановить теплые отношения, выяснить, как они там устроились? Какая им от нас может потребоваться помощь? Продовольственная — чего и сколько? Материально-техническая — соответственно. Идейно-политическая — с нашим удовольствием. Мне ли тебя учить?

— Цель! Конечная цель операции. Ты ведь не любопытный аспирант богословского или дипломатического факультета. Что ты рассчитываешь получить на выходе при самом благоприятном исходе моей миссии?

— Тыл. Прочный тыл на случай любого поворота событий. И разрешение проблемы, десять тысяч лет волнующей человечество. Понял?

— Понял. Но без Ляхова мне все равно не обойтись. Если я прилечу туда без него, и Шлиману это не понравится, трудно будет отношения налаживать. Лучше уж сразу, чтобы два раза не бегать...

Чекменев и сам думал так же, просто ему хотелось, чтобы Розенцвейг предложил это сам. А он еще и полагается немного.

— Видишь ли, Вадим сейчас выполняет весьма важное задание, и отзывать его мне не с руки. Может, все-таки сначала сам попробуешь, а его потом подошло, через недельку, скажем?

— Так и я не тороплюсь, могу здесь подождать. Заодно и кое-какие свои дела закончу.

Но промедление тоже не входило в планы генерала.

Сейчас как раз время позволяло уделить несколько дней израильской части проекта, а когда события в Польше, Петрограде и Москве раскрутятся по полной, отвлекаться еще и на это — может не хватить сил и объема внимания.

— Ну, давай, чтоб и вашим, и нашим. Три дня. Ты готовишься, а я Ляхова вызову и переориентирую. Ишь, какой он у нас стал незаменимый!

— В том-то и дело, к нашему глубокому прискорбию...

Генерал не любил, когда в его окружении появлялись незаменимые люди. Идеально, когда исполнитель в своей области талантлив и эффективен, но при необходимости на его место можно найти и двух, и пять, и десять других, не хуже. Тогда у него не появятся соблазны и всякие превратные мысли.

Треугольник же Ляхов — Тарханов — Бубнов (да еще если к ним примыкает Маштаков) представлял опасность своей принципиальной незаменимостью.

Причем опасность не прямую. Чекменев был почти стопроцентно уверен, что никакой самостоятельной роли дружба играть не собираются. Не тот, что называется, калибр личностей. Дело в другом — любая стратегия, предполагающая использование генератора и верископа (со всеми вытекающими последствиями), жестко увязывалась с этими, и только с этими людьми.

Их исчезновение, а хуже того, переход на сторону какого угодно противника означал тотальный проигрыш. Обезопасить себя тем, чтобы заблаговременно убрать эти фигуры с доски и выстроить новую стратегию без них, Игорь Викторович также не мог. Все-таки реальная опасность не так велика, а отказ от их услуг настолько сужает окно возможностей, что о большинстве своих планов можно просто забыть.

Генерал оказался в положении полководца, разработавшего современную наступательную операцию, которому вдруг пришлось бы пересматривать планы, исходя из необходимости ограничиться в боевых действиях лишь холодным оружием вместо пулеметов и автоматов и баллистами вместо пушек.

— Хорошо, Игорь. Три дня.

ГЛАВА
ПЯТНАДЦАТАЯ

Задачу Ляхов практически выполнил. Довел батальон до железнодорожного моста через Буг между Брестом и Тересполем.

Без потерь и серьезных происшествий, за исключением неизбежных на марше поломок техники и мелких нарушений дисциплины. Как принято — стянут бойцы из придорожного трактира бутылку-другую водки и на привале после отбоя злоупотребят. Или в самоволку наладятся, несмотря на строжайшие предупреждения. Солдаты есть солдаты. В самоволки бегают всегда и везде, хоть в чукотской тундре, хоть в африканских тропических лесах. Желание хоть на пару часов ощутить себя свободным человеком сильнее страха перед наказанием или укусом ядовитого таракана.

Тем более вокруг столько соблазнов. Брошенные автомобили, дома, универсальные и продовольственные магазины. Везде можно найти очень много интересного.

Правда, все это прекратилось разом и навсегда после одного назидательного инцидента.

На перекрестке шоссе и мощенной бульжником сельской дороги патруль увидел *отражение* только что произошедшей жуткой аварии.

Красная «Сирена-кабриолет» на громадной скорости врезалась в колесный трактор, выскочивший на трасу. От удара в его переднее колесо машину отбросило на противоположную обочину и несколько раз перевернуло. Пассажиры погибли мгновенно, и теперь в растерянности бродили вокруг, не до конца еще понимая, что с ними случилось.

А ехали в «Сирене» три красивые девушки, из состоятельных семей, судя по дорогим дорожным костюмам и всему облику.

И на бойцов затмение какое-то нашло. Словно и не было подробных, под роспись, инструктажей.

Естественные человеческие рефлексy у них включились. Случившаяся буквально на твоих глазах авария — как же не выскочить, посмотреть, помочь, если возможно. И — девушки, которых не видели давным-давно, да вдобавок были это не девчонки из рабочих поселков, а длинноногие, златовласые расфранченные красотки. Следы не совместимых с жизнью травм издали в глаза не бросались.

Водитель БРДМа затормозил, а командир с пулеметчиком выпрыгнули на асфальт. Хорошо еще, сидевший за рулем ефрейтор устав помнил подкоркой — «находясь в дозоре, в случае выхода экипажа из машины водитель остается на месте, двигатель не глушит, постоянно готов возобновить движение, по команде или исходя из обстановки».

— Девочки, что у вас случилось? — только и успел крикнуть младший унтер-офицер.

Девочки дружно повернулись. Медленно фокусируя взгляды на солдатах, для них тоже возникших как бы ниоткуда.

Вот тут бойцов и проняло. «Вий» не «Вий», но в этом роде. Сразу три панночки, да вдобавок...

У одной снесло пол-лица, пряди длинных волос, густо пропитанных кровью, не закрывали страшной раны. У второй тонкая белая блузка разорвана в клочья, груди раздавлены, наружу торчат обломки ребер. Третью, похоже, выбросило с заднего сиденья, проволокло плашмя по асфальту, стирая одежду вместе с кожей, несколько раз перевернуло, ломая шею и руки. Ужасное зрелище.

Солдату было всего лет двадцать, унтеру немногим больше. Они и в нормальной жизни, если видели покойников, так тихих, спокойных, лежащих в гробу, как им и положено.

А у мертвых девушек начал включаться пищевой инстинкт, о котором рассказывал Ляхову Шлиман. И они сначала медленно, как бы нерешительно, двинулись к цели, манящей запахом живого.

Солдат заорал, что называется, дурным голосом, и, поблуднев в прозелень, собрался грохнуться в обморок. Такое случается даже со студентами-медиками первых курсов, впервые увидевшими смерть в ее необлагороженном облике. Унтер был покрепче, годы службы успели впечатать в сознание спасительный императив — не знаешь, что делать, поступай по уставу. Сами собой всплыли инструкции офицеров, уже встречавшихся с покойниками.

Не целясь, он хлестнул длинной автоматной очередью по асфальту, прямо под ногами покойниц, и они невольно отшатнулись. Матерясь, в основном для самоуспокоения, схватил солдата за ремень и поволок к броневыку. Водитель с лязгом воткнул заднюю скорость и, наверное, с перепуга включил мерзко завизжавшую сирену.

БРДМ уже катился назад, когда бойцы на бегу ухватились за десантные скобы на бортах. Так они на них и висели, пока виляющая от обочины к обочине ревушая машина не проскочила вслепую почти километр. Пока страшное видение не исчезло за косогором.

Солдата рвало, у унтера дергалась щека, водитель, менее травмированный, совал им в руки пузырек с заначенным техническим спиртом.

По этому поводу Ляхов устроил общее собрание личного состава, где сначала заставил *героев* подробно, в деталях описать свое приключение, а потом, в доступных для бойцов выражениях, провел *разбор полета*.

Еще раз, с материалистических позиций, объяснил суть и смысл происшедшего, со всей возможной в устах штаб-офицера мягкостью указал унтеру на его ошибки, но и похвалил за проявленную решительность и присутствие духа. На пальцах изобразил, чем могло все это дело кончиться, и вновь перечислил меры предосторожности на походе и привале.

— Разрешите, господин полковник, — поднял руку подпоручик, командир взвода, где служили разведчики. — Такой вот вопрос — а эти, девушки, они что, в таком, как ребята их видели, состоянии так и останутся? — заново представил себе ужасную картину, зябко передрнул плечами. — Вы же говорили, они здесь вечно могут существовать?

— Что вечно, я не говорил, вы что-то спутали, а вот по поводу вида... Здесь, похоже, существует какой-то своеобразный процесс регенерации. Потому что, насколько я заметил в прошлом походе, следы прижизненных повреждений постепенно исчезают... У капитана израильской армии, с которым пришлось общаться, следы от пуль затянулись где-то через двое-трое суток.

И тут же он вспомнил, что в Палестине довелось ему видеть трупы,двигающиеся и сохранявшие активность, но с явными следами распада и разложения тканей.

Снова возникла мысль, что *вторичному распаду* подвержены те покойники, которые умерли раньше, чем *тот* мир вступил во взаимодействие с *этим*, или, в данном случае, наоборот.

То есть проникшие в потусторонний мир живые каким-то образом его *одушевляют*, делают более похожим по свойствам на исходный. Даже без непосредственного контакта некробионтов с людьми. Играть роль катализатора, который, сам практически не участвуя в химических процессах, ускоряет их или делает вообще возможными.

Пойдем дальше — близкое общение с людьми, употребление даже консервированной пищи позволило Шлиману регенерировать и в значительной мере *вторично вочеловечиться*. А если некробионту удастся «высосать» живого, он каким становится? Может быть, воскресает, возвращается в мир, в собственном или каком-то ином облике? Вурдалака, оборотня, зомби?

Об этом, кстати, тоже много сказок придумано всеми народами земли.

Разумеется, все эти мгновенно промелькнувшие в голове мысли и гипотезы он не собирался доводить до сведения неподготовленных бойцов, однако лично ему они послужат для дальнейших теоретических изысканий.

— В принципе, будь у нас время и нужное оборудование, мы могли бы вернуться, попробовать подкормить этих девушек и понаблюдать, что с ними будет дальше. Жаль, что в наши задачи это не входит. Но я передам по команде, пусть, если посчитают нужным, вышлют научную группу.

Достигнув Буга, Ляхов остановился.

Можно было продвинуться еще на сотню километров, только незачем. Свою задачу он выполнил. Дальше начиналась территория, уже охваченная смутой. Пусть и в иное время. Но здесь некробионты, чем дальше, тем больше, будут попадаться свеженькие, вооруженные, национально ориентированные и наверняка куда более агрессивные, чем их разрозненные гражданские собратья с правобережья реки.

Уваров с Андреевым развернули роты по классической схеме организации тет-де-пона¹, оперев фланги на высокий западный берег, заняв передовыми отрядами опорные точки по периметру пристанционного поселка и за мощными стенами паровозного депо. Если бы даже на них собрались наступать регулярные, а не повстанческие войска, обороняться здесь можно было достаточно успешно.

Проинспектировав расположение, Вадим позвонил в Москву, Тарханову, чтобы доложить обстановку и получить очередные инструкции. Доклад был принят благосклонно, инструкция же была неожиданной.

— Считай, твое дело сделано. Оставь за себя Уваро-

¹ Тет-де-пон (фр.) — предмостное укрепление.

ва. Пусть даст людям отдых и ждет дальнейших распоряжений. А сам выезжай в Каменец, севернее Бреста, там военный аэродром. Через пару часов встречай гостей.

— Каких гостей?

— Увидишь. Приказ в пакете — для исполнения обязательств. Все остальное на твое усмотрение.

Тарханов снова темнил, но, возможно, это вызывалось обстоятельствами, которые отсюда Ляхову были не видны. Подслушки боится или просто рядом с ним кто-то лишний сидит.

— Но хоть намеком. К чему готовиться, кого с собой брать или одному ехать?

— Одному не надо. Трех-четыре надежных парней возьми. Можно из тех, кто в курсе. И все, что обычно в командировку берешь. Езжай, в общем. Готовься к встрече со старым знакомым...

Ляхов сразу догадался, о чем идет речь. Да и несложно было, даже не обладая Вадим выдающейся врожденной интуицией. Жаль только, что проявлялась она спонтанно, и далеко не всегда удавалось вовремя понять, праздные мысли приходят в голову или таким образом прозревается будущее.

На аэродроме, куда он прибыл, уже вовсю кипела работа. Техники БАО освободили одну из взлетных полос и рулежные дорожки от машин, занимавших их в нормальной реальности. Запустили автономные электрогенераторы, навигационное оборудование, принялись готовить к работе несколько вертолетов и штурмовиков Ил-15 «Кобчик».

Принятые на вооружение более полувека назад, эти машины оставались непревзойденными для использования в контрпартизанских операциях и конфликтах «малой интенсивности», под которыми подразумевались локальные войны с противником, не имеющим ре-

★ активной истребительной авиации и современных систем ПВО.

Эти чрезвычайно маневренные, хорошо бронированные и вооруженные по принципу «каши маслом не испортишь», полуторапланы пользовались неизменной любовью пехоты. Еще бы, они могли парить над полем боя часами, высматривая цель, а в нужный момент обрушиваться вниз в вертикальном пики, расстреливая и сжигая на земле все живое и движущееся.

На мировом оружейном рынке «Кобчики» разлетались, как горячие пирожки, принося фирме постоянный и солидный доход.

Вадим от нечего делать покурил и поболтал с техниками, которые были несколько удивлены свойствами места, в котором довелось оказаться. Но в целом оно им понравилось. С чисто профессиональной точки зрения — работать легко и приятно. Без всяких согласований и заявок, без утомительных споров с интендантами и полковым начальством можно самостоятельно лазить по складам и чужим заначкам, брать все, что угодно, вообще вести себя как в завоеванной стране.

Потом он решил поближе познакомиться с устройством штурмовика, по прихоти экипажа разрисованного акульими зубами, когтями дракона и вытарашченными фасеточными глазами стрекозы. Главным же изыском был изображенный на киле номер — корень квадратный из минус единицы¹. Культурные и математически образованные люди на нем служили. Интересно бы было познакомиться.

Ляхов посидел в кабине «Кобчика», выслушав доброжелательные пояснения и инструкции об основах пилотирования, убедился, что в случае необходимости и сам смог бы взлететь и летать, пока хватит горючего. Вот самостоятельно садиться ему не посоветовали.

¹ Минимое число, в природе не существующее, математическая абстракция.

— Посадочная скорость хоть и небольшая, но вообще это то же самое, что проскочить на мотоцикле по бревну над пропастью. Теоретически несложно, и многим удастся, но сразу пробовать не стоит...

Вадим совсем уже собрался порулить по бетонной полосе, примериться, как это вообще делается. Машину водил, katerom управлял, а вот в небо самостоятельно не поднимался. Техники не возражали, им было все равно.

Но не успел.

Позади него внезапно раздался рев двух мощных моторов, и абсолютно ниоткуда на середине взлетной полосы возник зелено-голубой военно-транспортный. На малых оборотах подрулил к диспетчерской башне и остановился. Двигатели смолкли, винты, в последний раз взмахнув лопастями, замерли.

Так вот выглядит проникновение через портал со стороны. Очевидно, в Москве решили, что проще и безопаснее долететь до места в обычной реальности, а уже потом перекатиться на эту сторону. Хотя сам Ляхов особой разницы не видел. Если только исходить из возможности вынужденной посадки, тогда конечно.

Открылся овальный люк в борту, вывалился короткий, на десяток ступенек, трап, и в сопровождении четырех автоматчиков на землю снизошел Григорий Львович Розенцвейг собственной персоной.

Как Ляхов и предполагал.

Он тоже был одет в камуфляжный комбинезон штурм-гвардейца, только без знаков различия на погонах. Вместе с ним из самолета вышел незнакомый мужчина, чем-то неуловимо на него похожий. Смугловатое лицо с резкими чертами, короткие, начавшие сесть волосы, только глаза не серые, а каштанового оттенка. Национальность та же, да, пожалуй, и профессия.

— Здравствуйте, Вадим. Рад вас видеть. Не слишком давно расстались, а я уже успел соскучиться...

— Взаимно, Львович. Столько вместе пережито, да и вообще...

Обменялись рукопожатием.

— А это, знакомьтесь, Соломон Давидович Адлер, можно просто Сол. Мой друг и коллега...

Ляхов хотел было спросить: «А Моня — можно?» — но решил воздержаться от шуток с незнакомым человеком. Кивнул, подавая руку. Мол, посмотрим, кто ты и что ты.

— Ну что же, ведите, где тут можно посидеть, поговорить, — предложил Розенцвейг, разминая ноги после долгого полета.

— Да я, собственно, и не знаю, сам только что подъехал...

— Идите на второй этаж, направо, там комната отдыха летного состава, — подсказал командир самолета, тоже спустившийся на бетон. — С буфетом. Дальше скоро полетим? — обратился он к Розенцвейгу, которого явно считал за старшего. Ляхову, несмотря на его полковничьи погоны, капитан козырнул довольно небрежно. Обычное дело. Григорий Львович тоже это отметил.

— По готовности. Заправьте самолет, если нужно, отдохните. Кстати, с этого момента вы переходите в подчинение полковника Ляхова. Мои полномочия относительно вас закончены...

Капитан тут же подтянулся, со щелчком каблуков приставил ногу, еще раз отдал честь, теперь — вполне по уставу.

— Разрешите доложить, господин полковник, командир звена 53-й военно-транспортной эскадрильи капитан Измайлов. В составе экипажа штурман поручик Терлецкий, воентехник второго ранга Жердев. Машина к полету готова, но дозаправиться было бы неплохо. Смотря куда лететь, господин полковник. Жду ваших указаний.

— Лететь в Хайфу или в Триполи, если там хороший аэродром. Садиться придется на глазок, аэродромных служб и привода не гарантирую. С продовольствием у вас как?

— Норма. Шесть стандартных бортпайков, десять аварийных. И кое-что по мелочи...

Что имеется в виду под мелочью, Ляхов знал. Приходилось с армейскими летунами дело иметь.

— Вольно. Мелочи до прибытия на место исключаются. Пайки тоже без нужды не трогайте, лучше здесь перекусите и с собой, что можно, прихватите. В остальном — работайте по своему плану. Чтобы, когда скажу, взлетели без оговорок.

Командир самолета козырнул еще раз и отошел развалистой пилотской походкой.

Ляхов снова обратился к Розенцвейгу:

— А солдаты вам приданы или тоже мои будут?

— Конечно ваши, я тут кто?

Очередной приказ Чекменева Вадима не особенно удивил. Вместе с Розенцвейгом слетать в потусторонний Израиль, провести рекогносцировку, постараться разыскать Шлимана, если он, так сказать, по-прежнему жив, выяснить, чем занимается. Далее — поступать по обстановке, исходя из интересов Державы. Срок возвращения — на усмотрение Ляхова, но не позже, чем через неделю. Связь поддерживать через батальонный узел в Бресте, с помощью радиостанции самолета или местными средствами.

Касательно отношений с Розенцвейгом предписывалось «согласовывать и координировать совместные действия». То есть формально никто никому не подчинялся. Про господина Адлера в приказе не говорилось ничего, так что Ляхов вполне мог считать его частным лицом и относиться соответственно.

Само по себе задание Вадиму понравилось гораздо больше, чем предыдущее. Что-то не очень ему хотелось сражаться с инсургентами, хоть живыми, хоть мертвыми. Не потому, что хоть в малейшей степени сочувствовал борцам за независимость Польши, а так, по смутно-

му нравственному чувству, подсказывающему, что любая гражданская война есть зло, пусть и вынужденное. И, не ставя под вопрос государственных резонов, само-му лучше держаться от нее подальше.

А с Розенцвейгом отчего же не полететь? Судьба Шлимана, а главное, создаваемой им общины (на «государство» это дело явно пока не тянуло) весьма его занимала, в том числе и в научно-этнографическом смысле.

Беспокоило Ляхова другое. Беспокоило и настораживало, с какой неумолимой последовательностью и методичностью его затягивало внутрь этого странного, эфемерного и одновременно до ужаса реального механизма *ирреальности*¹. С самого первого момента, когда завершился бой на перевале и он осознал, что снова живет, но будто бы ненастоящей жизнью.

Во всем, что после этого происходило, ощущался отчетливый привкус неподлинности. Или же — нарочитости. Взять того же и Розенцвейга. Что, если он тоже порождение мира *двойников*? И назначен присматривать за Ляховым, негласно руководить им и направлять. Узнал, что Тарханов с Чекиным решили послать его сюда, вот и подсутился.

Нет, на самом деле, если несколько отвлечься от каждодневной суеты и суматохи, взглянуть на собственную жизнь за определенный период не как на естественный поток не слишком связанных друг с другом, но взаимовлияющих событий, а как на нечто заранее выстроенное и срежиссированное, картинка получается интересная.

Словно бы запустили тебя в лабиринт, да еще и нелинейный, нерегулярный. Находясь внутри, бродя по его тропинкам, коридорам, лужайкам, очень трудно догадаться, что весь твой путь строго предопределен, и идешь ты только туда, куда предусмотрел архитектор,

¹ Один из терминов философии иррационализма, отрицающей возможность постижения разумом окружающей действительности.

иных вариантов и альтернатив у тебя просто нет благодаря топологическим свойствам пространства.

Зато если появится возможность взглянуть на лабиринт в плане да отследить маршрут с карандашом в руке, очень многие странности перестают быть таковыми, все обретает смысл и резон. Причем все ведь настолько тонко оформлено, что нельзя заподозрить, будто случившиеся в последний год события направлялись какой-то единой человеческой волей.

Ни Чекменев, ни Розенцвейг, ни сам Великий князь не оказывали на судьбу Ляхова (и Тарханова тоже) жесткого, детерминирующего влияния. Они всего лишь функционировали в пределах собственных степеней свободы. И в каждом случае право окончательного выбора оставалось за ним.

Но результирующая их и многих других воль (Майи, прокурора Бельского, Маштакова, террористов, офицеров «Пересвета», совсем уже неприметных и даже неизвестных персон) толкала Вадима в единственном направлении. Как в русле громадной реки со всеми ее притоками, отдельные струи и течения, двигаясь и взаимодействуя самым причудливым образом, несут пловца (или судно) туда, где миллионы кубометров воды наконец-то обрушиваются вниз, образуя Ниагару или водопад Виктории.

И ведь самое смешное, что первый шаг *в воду* он сделал сам, позвонив в новогоднюю ночь Тарханову и предложив отметить праздник вместе. После чего все завершилось...

Знать бы только, сам ли он сделал этот звонок, или его аналог запустил цепь событий, после чего перешел в иной социально-психический статус.

Ляхов поймал себя на мысли, что думает сейчас не обрывочной смесью слов, образов и ощущений, как обычно, а словно читает про себя заранее написанный, сти-

★

листически выверенный текст. Это с ним тоже бывало, но не слишком часто.

Только занял этот внутренний монолог всего две-три секунды, так что Розенцвейг даже не обратил внимания на некоторую паузу, возникшую после ознакомления Ляхова с приказом. Вполне нормальное дело — прочел, теперь вникает, осмысливает задачу. Ничего экзистенциального¹.

— Что же, камрад, сбегает, посмотрим. Вы с текстом знакомы? — потянул Ляхов листком.

— Именно этот не читал, а смысл, наверное, знаю, если там не написано чего-то личного.

На приказе стоял гриф «секретно», поэтому в руки Розенцвейгу Вадим его не дал. Сложил вчетверо, спрятал в карман кителя.

— Личного — ничего. Сказано, что я должен координировать с вами свои действия. И только. То есть все будет, как и раньше. Однако сейчас в моем подчинении солидная вооруженная сила, включая военно-воздушную, так что уж извините, тут будет полное единоначалие.

— Какие могут быть вопросы? А у вас с собой сколько бойцов?

— Тоже четверо, с офицером. Всего, значит, будет восемь. Плюс летчики и самолет. Судя по нашему с вами опыту, на первый случай достаточно. Скажите лучше, вы продовольствием где загружались, на какой стороне?

— Шутить изволите? Я позаботился. Десять ящиков тех самых консервов, что так понравились нашему другу, и еще кое-что. Мы там, в Москве, со специалистами посоветовались, экспериментальное меню разработали. Если потребуется, воздушный мост быстренько наладим.

¹ Экзистенциализм — философская система, трактующая взаимоотношения субъекта и объекта, внешнего и внутреннего как нерасчлененное единство, постигаемое в пограничных ситуациях, наиболее ярко — через предельное приближение к смерти.

— Ну вот, я же говорил. Специалисты у нас на любой случай найдутся. В том числе и по заgrabной кулинарии и диетологии...

Розенцвейг вежливо усмехнулся.

На протяжении всего разговора господин Адлер не принимал в нем участия, сидел с таким видом, будто происходящее его совсем не касается или он вообще не знает русского. Но хотя выходило у него это весьма убедительно, Ляхов позволил себе в это не поверить. Станет Григорий Львович с собой такого недоумка возить.

Тут же он и проверил, не поворачивая головы, спросил ровным голосом, без всякого нажима:

— А у вас в нашей экспедиции какая функция, Сол? Должен же я представлять, чего ожидать от нового напарника...

— Пока никакой специальной, — так же ровно, без малейшего акцента ответил Адлер. — Попросил вот Григорий составить компанию, я согласился. Знаю и умею все, что полагается в моем возрасте и чине. Чин — майор. Начинал службу в армейском спецназе, потом все больше на канцелярской работе. Вы удовлетворены, господин полковник?

— Вадим, только Вадим. Ответом удовлетворен, дальше, как говорится, бой покажет. Так что, будем собирать-ся? Можно сначала пообедать чем бог пошлет, а можно и до ужина дотерпеть. Тут часа три лететь?

— Приблизительно, — ответил Розенцвейг. — Я думаю, дотерпим. И я бы посоветовал сразу в Тель-Авив, там аэропорт большой, сесть легче. И живу я неподалеку.

— В этих вопросах полностью на вас полагаюсь. Значит, пошли. Если летуны не готовы, мы их поторопим. И с солдатами познакомиться надо, задачу им поставить. Настоящий боец всегда должен быть чем-либо озадачен, тогда служба сама собой идет.

Бойцы, прибывшие на самолете и приехавшие с Ляховым, так и сидели на скамейках по обе стороны диспетчерского поста. Штурмгвардейцы во главе с младшим унтер-офицером — слева, сложив рядом свои ранцы, плащ-палатки, автоматы и прочую амуницию. Курили, не пытаясь заговаривать с десанниками поручика Колосова. Возможно, имели соответствующие инструкции, а скорее, окружающая обстановка давила необычностью и непонятностью, и на посторонние эмоции просто сил не хватало.

А солдаты Колосова (самого в прошлом штурмгвардейца), пройдя с ним и с Ляховым «от Москвы до Бреста», напротив, считали себя ветеранами, которым приличествует важность.

Мало ли, что штурмгвардия! Мы вас еще в деле не видели, а береты и нашивки на кого хочешь нацепить можно. И поглядывали на новичков с плохо скрываемой насмешкой и даже некоторым злорадством. Вот, братва, повидаетесь с покойничками и покойницами на узкой дорожке, тогда и узнаете, почем фунт колбасных обрезков!

Ляхов наметанным взглядом оценил обстановку и настроение вверенного ему личного состава.

— Так, орлы, — сообщил он вскочившим при его появлении солдатам, — служить до особого распоряжения будете вместе, и никакой чтобы кастовой розни. Поручик Колосов вам всем теперь командир. Вы, унтер-офицер...

— Младший унтер-офицер девятого отдельного батальона штурмгвардии Иван Кочубей, господин полковник!

— ...будете у господина поручика помкомвзвода. Стать в общий строй. Господин поручик, познакомьтесь с личным составом, произведите боевой расчет, выдайте обед сухим пайком и винную порцию. Всем вольно.

Подумал, что слова его прозвучали слишком жестко.

Интеллигент все-таки, привыкший относиться к подчиненным не только как к функциональным единицам. Нужно бы разрядить обстановку, достаточно для молодых парней напряженную.

Усмехнулся, прошел перед строем, заложив за спину руки.

— А вас, ребята, я научу, как не бояться и делать что надо. И когда придет наш последний час, розовый, кровавый туман застелет нам взоры, просто нужно припомнить всю жестокую, милую жизнь, всю родную, странную землю и, представ пред ликом Бога с простыми и мудрыми словами, ждать спокойно Его суда...

Неожиданно для Ляхова шаг вперед из строя сделал штурмгвардейский ефрейтор с нашивкой за ранение на правом клапане куртки.

— Извините, ваше высокоблагородие, но цитировать великого поэта следует точно. Вы позволите?

Ляхов обрадовался от всей души.

Плевал он на нарушение субординации, но увидеть в составе своего отряда знатока и ценителя поэзии — здорово.

— Фамилия?

Тон его был угрожающим. Другой полковник устроил бы сейчас разборку не только с ефрейтором, но и со всеми его командирами по восходящей.

— Ефрейтор Короткевич! Мой прадед служил вместе с Гумилевым в полку, а отец написал книгу о его творчестве. Не могу выносить искажения канонических текстов. Хотя и уважаю ваше знание...

— Молодец, ефрейтор! Только так и держись в последующей жизни. От меня как командира за честность и храбрость наградной червонец. Как от любителя поэзии, позволяю прочитать товарищам после ужина подлинный текст стихотворения «Мои читатели», а также все остальные на ваше усмотрение. Разойтись!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Сидя в «Руссо-Балте», мчавшем его в Троице-Сергиевскую лавру, на встречу с Патриархом, князь думал, что есть в дне сегодняшнем некоторая историческая параллель. С отстоящим на шестьсот двадцать пять ровно, когда состоялась судьбоносная встреча тогдашних властителей Руси, духовного и светского.

Правда, параллель параллелью, а суть полностью инвертирована. Тогда Дмитрий Иванович Московский (еще не Донской) был полноправным Великим князем, Сергей же Радонежский — всего лишь игуменом одного из монастырей, теперь — наоборот. В прошлый раз монах вдохновлял и подталкивал Дмитрия, а сейчас власть светская собирается напомнить духовной одну из заповедей Христа: «Не мир я вам принес, но меч!» И подвигнуть ее на занятие активной жизненной позиции.

Вообще-то подготовительная работа велась давно, и достаточное количество «князей церкви» полностью разделяли позицию ближнего окружения Местоблюстителя. В случае необходимости Поместный Собор проголосует так, как надо, и на пост Патриарха имеются вполне подходящие кандидатуры, вроде митрополита Агафангела, например, но не хотелось, чтобы административный и церковный перевороты совпали по времени.

Исключительно с точки зрения легитимности. Лучше — симфония духовной и светской власти. Агафангел же, при всей его приемлемости и управляемости, гораздо лучше будет смотреться в роли *Великого магистра ордена*, как там его ни назовут по действующим канонам.

И в ближайшее время необходимо провести аналогичные консультации с Председателем Духовного управления российских мусульман, с Главным раввином и с этим, как его... Князь поморщился, не сумев с ходу вспом-

нить титулование предводителя всех буддистов. Ну не Далай-лама же? Тот, как известно, в Тибете дислоцируется. А наш — в Нижнеудинске.

К чьему-то сожалению, к чьему-то счастью, но история даже в самых своих коротких проявлениях, в квантах, если угодно, способна подкидывать вариации, в корне отметающие ее же долговременные разработки.

Это, конечно, справедливо только при условии, что история и судьба — одно и то же.

Но если история — только более-менее грамотная запись уже совершенных судьбой деяний, судьба же — неведомый нам субъект, реализующий давным-давно продуманную и собственным алгоритмом просчитанную программу реализации жестко сцепленных между собой событий, тогда предыдущий постулат не имеет смысла.

Как, впрочем, и противоположная посылка — будто история есть свободное взаимодействие миллионов случайностей и миллионов разнонаправленных волей.

На самом деле здесь все, как в физике. Если свет — одновременно и волна, и частица, то и история — то же самое. Как там философы выражаются — сущность является, явление существенно. Никто никогда не разберется, случайность — непознанная закономерность или закономерность становится таковой, когда произойдут все предусмотренные случайности.

А пока что Великий князь едет на автомобиле по лесной дороге, и нет при нем кортежа с охраной. Не принято было такое, потому что в *Московии* Олег Константинович чувствовал себя так же уверенно и спокойно, как любой частный человек на собственном дачном участке.

Имелся у него при себе девятизарядный пистолет в кожаной кобуре, и адъютант на заднем сиденье был вооружен примерно так же, но это — как шпаги и шаш-

ки у дворян двадцатого века, символ статуса, не более, совсем не то, что у «д'Артаньянов» тремястами лет раньше.

Олег Константинович последний раз использовал свой пистолет по прямому назначению двенадцать, кажется, лет назад, а с тех пор только в тире из него стрелял да на даче по пустым бутылкам и особо нахальным воронам.

Проехали уже больше полпути, в объезд миновали Софрино и приближались к Хотькову. Мелкий дождик, пробиваясь сквозь туман, шелестел по крыше машины успокоительно, не слишком заливая лобовое стекло, встречных автомобилей не попадалось уже давно, дорога была малопроезжая.

Князь курил, придерживая массивный руль одной рукой, думал о своем, в том числе и о той даме, что привлекла его высочайшее внимание. Однако, когда стоявшая на повороте кривоватая раскидистая сосна вдруг начала медленно, ни с того ни с сего, ложиться поперек булыжной дороги, Олег Константинович среагировал мгновенно.

Сказалась привычка, накрепко усвоенная с совсем уже далеких лет. Когда он верхами странствовал в приграничных дебрях Уссурийского края, полагаясь только на собственные чутье и глазомер, винтовку взведенную поперек передней луки, два маузера в седельных кобурах и аносовского булата шашку, пристроенную по-японски, без ножен, за правым плечом.

Попадались там чуть не на каждом шагу лихие людишки, и без умения ответить выстрелом на выстрел, а еще лучше — спустить курок хоть на секунду раньше врага, в тайгу не стоит и соваться.

Еще хороший прием для тех, кто умеет, — рубить с маху и с потягом, когда выскакивают из-за кустов и хватают лошадь под уздцы и всадника за стремennые путлища. По рукам, по головам, как придется. Но то — *русский фронтир*, а здесь самое что ни на есть сердце дер-

жавы, места, от века спокойные, да вдобавок вотчина, где каждый подданный знает владельца в лицо и помыслить не смеет, чтобы на него руку поднять. В этих благословенных краях не только о политическом терроризме, а и об обыкновенных уголовных безобразиях давно не слышали. Воруют, конечно, убийства по пьяному делу, на почве личной неприязни или из ревности случаются, но и только.

Если законопослушные граждане чуть не поголовно вооружены, умеют и любят своим оружием пользоваться да вдобавок эффективно и благоразумно действуют полиция, жандармерия, прокуратура и суды, *организованная преступность* шансов не имеет. И смысла тоже.

А сейчас что же? Нашлись, получается, злоумышленники, затеявшие покушение на самого Местоблюстителя?

Что происходит именно покушение, Олег Константинович ни на секунду не усомнился. Вековые деревья в ухоженном лесу в безветренную погоду сами собой не падают, да еще так четко и аккуратно. В нужном месте и в рассчитанное время.

Место действительно было выбрано с умом и знанием дела. Слева — глухой овраг, беспорядочно и густо заросший, справа — крутой, почти отвесный песчаный откос, поверху лес подступает к самому краю.

Засадный полк может спрятаться, и никого не увидишь, пока сами не объявятся. А машине одним виражом ни за что не развернуться, да еще такой длинной и тяжелой. Если очень аккуратно, раза три-четыре нужно взад-вперед подавать, выкручивая руль до упора то в одну, то в другую сторону.

Если только задним ходом...

«Руссо-Балт» уже стоял. Князь передернул рычаг переключения передач, резко прибавил газ. Пошла машина, пошла, набирая скорость.

Адъютант, есаул лейб-казацкого полка Миллер, не смотря на свою фамилию, числился забайкальским ка-

заком в пятом поколении. Так уж вышло. Прапрадед, из обрусевших немцев, после Пажеского корпуса, оконченного последним по успеваемости, выпустился в Нерчинский казачий полк сотником, чтобы сразу получить лишнюю звездочку. В других полках три года корнетом трубить. Ну и пошла династия. Очень достойная, между прочим.

Есаул, выхватив пистолет, приоткрыл дверцу, высунулся по пояс, упираясь ногой в широкую подножку. Сторожко оглядывался, поводя стволом, не шелохнутся ли где кусты, не выскочит ли кто на дорогу.

Только и нападавшие были не просты. Да простaki на такие дела и не ходят.

Ломая подлесок, с откоса по широкой водомоине скатились сразу несколько здоровенных, в обхват толщиной чурбаков, очевидно, пристроенных там заранее, легко подпертых кольями, выдернуть которые ничего не стоило рывком веревки. Подпрыгивая, многопудовые колоды раскатились по дороге, и на этот раз ни остановиться, ни увернуться князь не успел.

От удара в заднее колесо машина дернулась, ее развернуло почти на девяносто градусов и потащило к обрыву. Была бы скорость чуть больше, тут и конец. А так князь сумел удержать «Руссо-Балт» на дороге, хотя и кинуло Олега Константиновича грудью на рулевое колесо, потом плечом на дверцу.

Но ребра уцелели, а главное — голова. Зато адъютант не удержался на подножке, вылетел из машины, успев кое-как сгруппироваться, приземлился коленями в песок, и тут же начал стрелять наугад, в неудобной позиции снизу вверх.

Средневековые какое-то, а не двадцать первый век. Сейчас вот появятся из леса дюжие зверовидные мужики, с растрепанными бородами, щербатым оскалом, кистенями и топорами в руках.

— Павел, не трать патроны! Броском — ко мне! —

крикнул князь, распластавшись за передним колесом. Выдернул из кобуры свой пистолет.

Патроны действительно стоило экономить. Всего тридцать шесть на двоих, даже меньше теперь, есаул успел три или четыре спалить без толку.

Что убивать его не собираются, князь сообразил сразу. Хотели бы — весь этот цирк с бревнами не затевали. Снайперский выстрел через лобовое стекло или фугас в полсотни килограммов, чтобы только клочья раскидало по деревьям. И больше никаких проблем! Закончилась бы на этом новая русская история.

Значит, кому-то он нужен живым, а это не в пример хуже. Мало, что срам на весь мир — Великого князя похитили, так ведь не для выкупа он нужен, тут игра по крупнее намечается.

При возможностях современной химии и психиатрии из любого человека за пару дней настоящего зомби сделать можно, который что хочешь подпишет и с любым заявлением выступит. Князь себя суперменом не считал и выход на крайний случай видел единственный.

Только перед тем как стреляться, хорошо бы понять, кто именно все это затеял.

Каверзнев — вряд ли. Ничего он не выиграет, да и при его возможностях все куда изящней оформить можно. Свои — тем более абсурд. Нет на примете никого в ближнем и дальнем окружении, кому силовой захват князя принес бы ощутимую пользу. Прямого наследника у него нет, а процедура выборов нового Местоблюстителя столь сложна и формализована, что с достаточной долей достоверности рассчитывать на успех могут до десятка Романовых, а значит, шансы каждого не более тех же десяти процентов. При таком раскладе затевать династические игры просто глупо.

Значит, ниточки тянутся за границу. Слишком многим князь успел поломать тщательно разработанные и щедро оплаченные планы.

Все эти умозаключения промелькнули в голове князя столь мгновенно, что еще и пороховой дымок не успел рассеяться над головой есаула.

«А вот его сейчас убьют, — подумал князь, — он-то живым никому не нужен», — одновременно стараясь не увидеть, а сообразить, догадаться, откуда может прозвучать роковой выстрел. Застрелят адъютанта, потом ультиматумы станут предъявлять.

Невзирая на возраст и долгое отсутствие практики, князь по-прежнему умел в критические моменты разгонять скорость восприятия и обработки информации в десятки раз. Как встарь, когда это неоднократно спасало ему жизнь в походах и на войне.

Водя мушкой мощного пистолета по кромке леса, он, кажется, засек нужное место, самое, как ему казалось, подходящее. Сам бы он, случись, посадил снайпера именно там.

Чтобы уж наверняка, пан или пропал, князь выпустил подряд пять драгоценных патронов, каждый раз на сантиметр сдвигая точку прицеливания справа налево. И попал, потому что разобрал сквозь грохот своих и чужих выстрелов сдавленный вскрик.

В любом случае он дал есаулу время выкатиться из-под огня и залечь за колодой, в которую вмялся задний бампер и крыло машины. Вдогонку ему от переднего изгиба дороги загремела новая серия частых, но неорганизованных и малоприцельных выстрелов.

Не автоматных или пулеметных, из самозарядных карабинов и штуцеров всего лишь. Нет, господа, в таком деле — это даже не дилетантство. Это — хуже!

Несколько пуль ушли рикошетом от брусчатки, штуки три вонзились в борт машины и завязли в карбоновой прокладке между металлом и внутренней обшивкой из горного каштана, который и сам по себе легко держит винтовочную пулю. Ружейную — тем более. Куски коры полетели и от чурбаков, надежно прикрывавших князя с адъютантом с правого фланга.

Да, на беду террористам, расположились они удачно. Место нападения было выбрано, конечно, неплохо, но с расчетом на мгновенный успех. А раз не вышло, топографический, да и временной факторы начали работать против налетчиков.

Распадок за спиной глубокий, вершины деревьев не поднимаются над его краем, значит, снизу в спину никто не выстрелит, а карабкаться по склону станут — шума будет много.

Справа россыпь почти метровой толщины колод, мертвое пространство за ними такое, что из леса, не поднимаясь в рост — не достать, а встать, — себе дорожке выйдет. Князь показал, как стрелять умеет.

А спереди бруствер бронированного автомобиля.

И вряд ли в засаде больше десятка человек, причем рассеянных на отдаленных позициях и без надежной связи. Иначе под прикрытием шквального огня рванули бы сейчас с трех сторон сразу, взяли бы их живьем с минимальными потерями.

По крайней мере, имея в распоряжении один лишь взвод, Олег Константинович поступил бы именно так.

А если врагов всего отделение, то за вычетом командующего акцией, да того, в кого князь наверняка попал, на штурм бросаться особо и некому.

Один-единственный просчет допустили организаторы засады, и теперь им либо атаковать, не считаясь с собственными потерями, вдобавок рискуя получить вместо пленника труп, либо начинать переговоры. Причем бандитам надо еще учитывать фактор времени. В любой момент с той или другой стороны дороги может показаться случайная, а то и не случайная машина.

Ситуация вроде как с тем мужиком, что медведя поймал.

И еще вдруг вспомнились офицеры, Ляхов и Тарханов, которых князь первый раз награждал на сирийской границе. Не так там все было, конечно, но аналогия просматривается поразительная.

— Олег Константинович, — окликнул адъютант, непрерывно обшаривающий глазами окрестности, — прикройте меня... — он подтолкнул к князю по мокрому булыжнику тяжелый длинноствольный «Воеводин». — Пять зарядов осталось, и вот еще, — вслед за пистолетом бросил запасную обойму.

— А ты ж чего? — не понял замысла князь. Никакой тактической логики. От чего и для чего прикрывать оставшегося безоружным есаула?

— Да я же поохотиться завтра собирался. В багажнике мой «Зубр». Если достану, мы им устроим...

С той стороны хлопнуло еще несколько выстрелов, и опять пули рикошетом от булыжника прошли поверх голов. Потом захрипел, будто прокашливаясь, мегафон, из-за кустов донесся искаженный плохим динамиком голос:

— Эй, Ваше Высочество! Предлагаю бросить оружие и выходить с поднятыми руками. Безопасность гарантируем! Иначе через три минуты открываем огонь на поражение из гранатометов!

— Ну, Олег Константинович!

Князь привстал на колено и из обоих стволов замолтил на звук обычным в таких случаях приемом — две пули прямо, на уровне пояса стоящего человека, по две левее и правее и остальные с рассеиванием чуть выше уровня земли. И, как надеялся, опять в кого-то попал. По крайней мере, мегафон заткнулся, булькнув напоследок неразборчиво.

«Воеводин» и «Вальтер Р-38» разом смолкли с откинутыми на задержку затворами. Но есаулу времени как раз хватило.

Секунда — рывок к багажнику, вторая — откинуть крышку (слава тебе, Господи, замок не заело!), третья...

Миллер повалился на спину, сжимая в одной руке автоматический дробомет двенадцатого калибра, в другой — восхитительно тяжелые патронташи. Не совсем уместно хохотнул, глядя вверх.

Князь глянул туда же. В поднятой крышке багажника светились три кучных пробоины.

— Хорошо стреляют, гады, но мимо... Сейчас мы им сделаем! Я начну, и вы сразу в овраг. И бегом, не останавливаясь, сколько сил хватит. Я прикрою, подержу их чуток, потом за вами. Вы меня не ждите, километров через пять, не раньше, выходите на дорогу и с ближайшего телефона вызывайте десант, пусть весь район блокируют...

Не надеясь уйти живым, есаул торопился исполнить свой последний долг, выручить сюзерена из ловушки, дать ему шанс на спасение.

Олег Константинович не стал играть в ненужное благородство, мол, оба спасемся или оба погибнем с оружием в руках. У каждого своя функция в этом мире. Гвардия потому и «погибает, но не сдается», что для того предназначена. Это уж если совсем нет выхода, император или князь выезжают на поле боя в окружении последних уцелевших витязей.

Он молча кивнул головой, загоняя в рукоятки пистолетов полные обоймы, передернул затворы.

— Ну, с Богом!

— Дайте вашу фуражку...

Фуражка у князя приметная, корниловская, с черным бархатным околышем и красным верхом, глядишь, в первую секунду издали не разберется.

Миллер надвинул козырек пониже на глаза, освободил предохранитель. В подствольном магазине пять снаряженных волчьей картечью патронов, в подсумках еще полсотни таких же. На мелкую дичь есаул не охотился.

— Эй, там, я сдаюсь! — прокричал он и встал, опираясь на незаметное за крылом машины ружье, взмахнул рукой.

В зарослях шевельнулось, чье-то лицо забелело между еловыми лапами. Из-за ствола соседнего дерева выглянул еще один и еще. Чисто машинально. А чего, мол? Мы сдаться предложили, князь подумал и решился. Вто-

рой, наверное, убит. Прицел был верный, он упал. Да и патроны, верняком, кончились. Больше одной запасной обоймы мало кто с собой носит. А выстрелы считали.

Теперь опасней было, что застрелится князь из гордости, а не продолжит бой.

— Выходи на дорогу, пистолет брось вперед, руки над головой...

Отпрыгнув в сторону, адъютант будто перечеркнул цель взмахом громахающего, плюющего огнем, рвущегося из рук ружья. Тридцать метров, дистанция самая подходящая, картечь идет кучно, но уже достаточно широкоим снопом. В полсилуэта большого зверя.

Пять зарядов, выпущенных почти в автоматном темпе, просекли в подлеске широкую брешь, и пока еще не успели упасть на землю срубленные ветки, куски коры, люди, есаул уже ссыпался по скользкой и мокрой траве вслед за князем, чуть не до середины склона. Прижавшись спиной к косо торчащей вбок осине, торопливо, но четко, недрогнувшей рукой затолкал в магазин следующую порцию патронов.

Живой пока вроде. Теперь минут десять покараулим, а там и отступать можно. Если противник умный, он должен сейчас бежать отсюда сломя голову к своим машинам, вертолету, а то и к припрятанным в чаще коням.

Идея насчет коней есаулу понравилась. Это было бы умно и нетривиально.

На самом деле, далеко ли уедешь на машине после такой акции? Не повезет, так до первого поста дорожной полиции, особенно если князь успел сообщить о падении.

Не могли же они наверняка знать, что не было в «Руссо-Балте» радиостанции или иного устройства экстренной связи.

А что не было, так это прямая его, адъютантская вина. Ну, не взял с собой Олег Константинович охраны, его воля, а вот добиться, чтобы поставили в машину радиотелефон, есаул обязан был.

На самом деле, конечно, не обязан, потому что Миллер по штатной должности к Собственному Его Императорского Высочества конвою не принадлежал, а числился по протокольному ведомству, и в его функции сегодня входило лишь надлежащим образом оформить с секретарем Патриарха результаты переговоров. Только и всего.

Так вот, что касается коней — если заговорщики приехали верхами, по лесным тропинкам и просекам, то, захватив князя, таким же образом, незамеченные, могли спокойно уйти в любую сторону, а уже километров через тридцать пересесть на более современный транспорт.

Или, наоборот, затаиться в схроне или бункере где-то в буреломной чаще, здраво рассчитав, что, стереотипно, искать их будут как можно дальше от места похищения, а не в двух шагах.

Но, с другой стороны, в данном конкретном случае кони — серьезная потеря темпа.

Это все могло показаться праздными мыслями человека, переводящего дух перед решающей схваткой. Было и такое, конечно, однако, прежде всего отдышавшись и утихомирив колотящееся сердце, Миллер здраво просчитывал собственные шансы и выстраивал тактику предстоящего боя.

Есаул не захотел ограничиться ролью уцелевшего арьергарда, хотя ничего большего от него долг не требовал. Князь уже далеко, для врага практически недостижим. Сейчас самое время начать двигаться в том же направлении, в готовности парировать любую непредвиденную случайность. И только.

Но как же не воспользоваться столь благоприятными возможностями позиции и момента? После картечного залпа террористы, похоже, впали в ступор, и вслед ему не прозвучало ни одного выстрела.

Миллер не надеялся, что пятью выстрелами убил всех (хотя подобные случаи известны, но это скорее из раз-

ряда курьезов), однако двух-трех вывел из строя наверняка.

А если еще прикинуть, что и восемнадцать пистолетных пуль тоже кого-нибудь задела, так вполне могли налетчики сбежать.

Это было бы вполне разумно. Ловить хорошо вооруженных людей в густом лесу — затея почти безнадежная. Впрочем, еще неизвестно. Если в случае неудачи им угрожает смерть — так будут гнаться до последнего.

И тогда следует подстраховаться. Причем — активно. Не бежать вдогонку князю, тот и сам как-нибудь выберется, а обойти противника с тыла и посмотреть, что там и как. Вдруг следы интересные обнаружатся, улики, а то и взять кого-нибудь удастся, хоть живым, хоть мертвым.

Охотиться есаул любил, на кабанов, на медведей, на тигра ходить приходилось, один раз даже на сафари в Африку попал. Стрелял с коня в носорога. И по тайге, по лесу умел ходить беззвучно, не хуже коренного удэгейца или тунгуса, в детстве еще научился. Поэтому обнаружить позицию бандитов, их не спугнув и самому не подставившись, труда не составит.

И чем ближе он подходил к намеченной точке, тем сильнее крепла в нем уверенность, что не теракт это настоящий, а довольно грубая инсценировка.

Не мог он поверить, что на такое дело пойдут люди столь непрофессиональные. Ну, если с бревнами и деревом еще более-менее, под видом лесников, а хоть и браконьеров, без труда можно с бензопилой за полчаса засадку подготовить, и никаких дополнительных технических средств не нужно, то все остальное...

Сам бы есаул с двумя помощниками намеченный объект за двадцать секунд скрутил и в лес уволок, машину поджег и в овраг скинул, а для полной достоверности и трупы подходящие заранее припас бы и в машину подложил. Чем обеспечил бы себе резерв времени чуть не до утра.

А вот если князя только попугать решили...

Нет, не сходится. Пугали или всерьез действовали — кара одна, и никто свою голову на плаху не положит, чтобы только из-за кустов пострелять да поулюлюкать.

На самом деле просто сбой у них произошел, непредвиденный, на самом интересном месте. А вот причина сбоя?

Идея самолично, по горячим следам раскрыть государственное преступление, утереть нос контрразведке, очень грела есаула, безобразно засидевшегося на канцелярской должности. Да и охоту на вооруженных людей никак не сравнишь с выслеживанием почти безобидного, если не очень зевать, медведя.

И он пробирался по склону, исполненный азарта, не обращая внимания на грязные колени бриджей и начинающие промокать тонкие шевровые сапоги со слишком уж скользкими на сырой траве подошвами.

Впереди ему слышались голоса, а ноздри уловили явственный запах табачного дыма. Неужто в самом деле до сих пор не ушли? Это уж ни в какие ворота... Чистых десять минут прошло, а погони не наладили, и сами сидят на месте, неизвестно чего ожидают.

Есаул прижался к земле и пополз по-пластунски, крепко сжав ремень ружья у передней антабки.

Осторожно раздвинул ветки у самой земли, справа от небольшого бугорка, чтобы приподнятая голова не нарушила общего рельефа. Такие вещи наметанный взгляд замечает автоматически.

Вот оно в чем дело!

Хорошо они с князем поработали.

На небольшой полянке, на обратном скате обращенного к дороге откоса четыре человека копали короткими саперными лопатками могилу еще для троих, рядом уложенных неподалеку. А восьмой кружил между теми и этими, часто курил в кулак и поторапливал, перемежая значащие слова неостроумной руганью, ни к кому специально не обращенной.

— Да сейчас, сейчас, — оговаривался через плечо один из налетчиков, умело орудуя лопаткой. — Хоть на полметра глубже дерна прикопать надо, а то собаки разом найдут.

— Да нам что за забота, самим бы ноги унести...

— Ни хрена не понимаешь? Найдут, так и отпечатки снимут, сфотографируют, по всем учтам прокачают, со свежачками-то работать — милое дело. А если глубже зароем, дерн притрамбуем, побрызгаем вокруг хорошенько, и дождь до утра не кончится — лежать тут парням до второго пришествия. И нам спокойнее будет.

Стрелять есаул мог сразу, но хотел еще послушать, не скажут ли сгоряча чего-то такого, что потом на самом серьезном допросе не вытянешь. Не потому, что все они сплошь геройски упертые, а просто следовало знать не будет, о чем следовало бы спросить.

Но бандиты разговорчивостью не отличались. Сама обстановка не слишком располагала. Страшно все-таки. Тут бы с делом поскорее покончить, и давай бог ноги. Хоть, по расчетам, часа два верных у них в запасе есть, а все равно бы лучше побыстрее.

И на вид они не представляли собой ничего особенного. Типичные городские охотники, не из самых богатых. Костюмы зеленые брезентовые, сапоги высокие, шапки с длинными козырьками по типу егерских. И карабины не боевые, охотничьи штуцеры, но мощные, нарезные, один — с оптическим прицелом.

Что ж это вы не управились? На полсотни метров плевком в глаз попасть можно, а тут все же огнестрельное оружие.

Точно растерялись, особенно если действительно князь, или он сам, есаул, в числе первых начальника снял. Этот-то, с сигаретой, хоть и ругается на остальных, а на начальника не тянет.

Все же Миллер решил живьем брать именно его и вот этого, с лопаткой, что так хорошо разбирается в криминалистике. Остальные трое совсем какие-то серые.

Только момент выбрать, чтобы расположились бандиты на поляне поудобнее, а то ведь патроны в магазине опять все картечные, не для ювелирной работы, а перезаряжать — не получится.

Хорошо бы — нужный от могилы отошел, а те — остались. Одним бы выстрелом всех туда же и уложил.

Куривший докурил, окурочок размял в пальцах, табак рассеял по траве.

— В общем, не проедайтесь тут. Десять минут — и хватит. А я к коням пойду... Но чтоб аккуратно, ни следа, ни пылинки...

Все-таки к коням! Есаул был доволен собственной проникательностью. Но если коней не слышно, они или очень далеко привязаны, или с ними коновод, а то и два. Если людей рядом нет, да еще и стрельба, кони пугаются, начинают ржать, биться, поводья могут порвать и разбежаться.

Обстановка усложняется.

«Да какое мне дело, — одернул сам себя Миллер. — Я что, на самом деле штурмгвардия или спецназ? Учили, что ли, банды в одиночку брать? Одного бы живьем — и порядок. А коноводы пусть бегут. Хотя — парочку коней тоже б не помешало. С комфортом доехать. Ну, как выйдет... Интересно, князь до дороги уже добрался?»

— Не, а правда, Вань, чего мы тут копать взялись? — спросил еще один могильщик, вытирая рукавом лоб. — Отвезли б подальше, в какую-нито промоину сбросили, землей привалили, и лады...

— Ага! Полверсты по бурелому на себе тащить трех жмуров, да восемь винтовок, да припас, на коней выучить — куда как дольше выйдет. Ты копай, копай...

— Да хватит уже копать, глубже колена вырыли...

Больше решив не тянуть и не подвергать себя ненужному риску — добраться домой живым очень хотелось, есаул чуть выдвинул ружье вперед. Целиться по всем правилам необходимости не было, все как на ладони.

Бандиты разом выпрямились, готовясь укладывать в могилу трупы, Миллер, как на стенде, выстрелил два раза на поражение, на уровне груди, третий, вслед уходящему Ивану, под колени.

И все! Четверо легли, кто ничком, кто навзничь, пятый тоже упал, но тут же начал кататься по траве, хватаясь руками за лохмотья штанов, быстро набухающих кровью и протяжно подвывая, не то от боли, не то ужаса.

Вот, считай, и все. Есаул наскоро осмотрел убитых — все напоял, никто не встанет и в спину не выстрелит, перемотал, чем придется, ноги раненого. Даст бог, доживет до врачей, а там и до допросной камеры. Сам он в разговоры вступать даже и не собирался.

Раненый пленник мало сейчас был для них пригоден, а хоть бы и нет — незачем знать лишнего, кто там в это дело замешан, какие имена и факты могут всплыть...

Осталось сбегать за конями — полверсты всего, и, погрузив «языка», выбираться к проезжей дороге. А что-бы от шока не умер — в аптечке «Руссо-Балта» имеются шприц-тюбики с нужными препаратами.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Времени, как считал Розенцвейг, у него было вполне достаточно. Ему не составило большого труда выяснить, где сейчас находится Вадим Ляхов и какое задание выполняет.

Замысел с прокладкой прямого коридора до западной границы он считал своевременным и верным. Отвечающим не только российским, но и израильским интересам, как он их представлял. Только не совсем понимал, зачем туда надо посылать именно Ляхова. Никаких специфических проблем, которые невозможно было разрешить без участия Вадима, он не видел. Очевид-

но, Чекменев оценивал положение с какой-то своей, пока недоступной Розенцвейгу точки зрения. Но сейчас его это не волновало.

От генерала он поехал к себе домой, где переоделся и прихватил всегда готовый «тревожный чемоданчик № 1» с набором вещей и документов, достаточным, чтобы комфортно чувствовать себя в любой точке хотя бы относительно цивилизованного мира. Для поездок в регионы, уже впавшие в смуту «темных веков», у Григория Львовича имелись другие комплекты адаптации и выживания.

Оставив автомобиль в подземном гараже, сменив несколько видов транспорта, тщательно проверяясь по дороге от возможной слежки, он добрался до конспиративной квартиры. Одной из десятка, нужно заметить, причем половина из них была оборудована с помощью или с ведома Чекменева, остальные же, скорее всего, были российским и московским спецслужбам неизвестны.

В многоэтажном доме на Каланчевской площади Розенцвейг снимал квартиру с индивидуальным лифтом, кабина которого была оснащена камерой слежения, так что внезапного визита нежданных гостей можно было не опасаться. Кроме того, потайная дверь вела в соседнюю квартиру, по документам принадлежащую никаким образом не связанному с ним человеку и выходящую на лестничную площадку другого подъезда.

Разумеется, все эти предосторожности не спасли бы в случае серьезного конфликта с государственными спецслужбами, но, во-первых, Григорий Львович с ними конфликтовать и не собирался, опасаясь прежде всего конкурентов из других разведок, а во-вторых, его система безопасности позволяла, в случае необходимости, на какой-то срок выпадать из поля зрения и самых лучших друзей. Мало ли какие могут возникнуть обстоятельства...

Вот как сейчас, например.

В квартире Розенцвейга уже ждали трое сотрудни-

ков, выглядевших людьми самых неприметных на привокзальной площади профессий — городской, рассыльный в красной фуражке, водитель муниципального такси. Будучи одетыми в яркую, бросающуюся в глаза униформу, они в то же время практически не привлекают внимания тех, кому в данный момент не требуются их специфические услуги. Остаются не более чем привычным элементом городского ландшафта.

Эти парни, усредненно-славянской наружности, лишенные хоть каких-либо индивидуальных примет, дело свое знали четко. Они должны были обеспечить выход хозяина из здания, гарантированно устранить возможность любых, неизбежных в городе случайностей и сопроводить до трапа самолета, вылетающего с двумя промежуточными посадками в Лос-Анджелес. Пункт назначения был выбран совершенно случайно, просто ближайший по времени рейс, на который имелись билеты первого класса. Лететь до конца Григорий Львович все равно не собирался.

Во Франкфурте господин Кэмпбелл безнадежно потерялся в закоулках терминалов и галереях магазинов беспошлинной торговли, а в самолет до Иерусалима примерно в то же время погрузился господин Шапиро. По странному совпадению этим рейсом летели еще три пассажира с той же фамилией, и при получении багажа в аэропорту имени Жаботинского возникла даже некоторая путаница, самого Григория Львовича, впрочем, не коснувшаяся, поскольку кофров и баулов он не вез, за исключением пресловутого чемоданчика. Как бы в награду за скромность он был выпущен на волю без таможенного досмотра.

Уже без особых предосторожностей, но все же стараясь не привлекать к своей персоне особого внимания, Розенцвейг добрался до коттеджа в охраняемом военной полицией поселке на окраине Тель-Авива. От момента прощания с Чекменевым в Москве прошло не-

полных девять часов. Напрямую было бы несколько быстрее, но ненамного.

Предыдущую ночь Григорий Львович спал нормально, еще немного вздремнул в воздухе, и следующие двое суток при необходимости мог провести и без сна.

А дел у него было невпроворот.

И дел не совсем обычных с точки зрения нормального человека. Впрочем, кто и когда считал разведчиков такого ранга людьми «нормальными»?

Прежде всего он пригласил к себе четверых особо доверенных сотрудников, которым поручил на время его командировки в Россию присматривать за деятельностью своего заместителя. Чтобы планируемые тем спецоперации и общее направление политики ведомства не слишком расходились с оставленными Розенцвейгом инструкциями и перспективным планом работы.

Каждый вел отдельное направление. Спецификой созданных Розенцвейгом референтур была крайне высокая автономность, а планы рассчитаны на столь длительную перспективу, что даже полугодовое отсутствие начальника и специально подобранный, по признаку старательности и почти полного отсутствия инициативы, заместитель не могли что-либо серьезно дезорганизовать.

Вслушав рапорты, а также неофициальную информацию, циркулирующую в стране, городе и правительстве слухи и сплетни, Григорий Львович приступил к инструктажам, с каждым *смотрящим* отдельно.

Двое первых получили указания рутинные, интересные для посторонних не представляющие. Третьему было поручено расконсервировать одну старую явку в районе набережной и, более никого не ставя в известность, доставить туда в течение трех суток ряд предметов, согласно прилагаемому списку.

После чего, отпустив трех первых клевретов¹, с чет-

¹ Клеврет (*старославянск.*) — приспешник, приверженец, небрезгающий ничем, чтобы угодить своему господину, покровителю.

вертым Розенцвейг приступил к главному, ради чего сюда и прилетел со столь многими предосторожностями.

В отличие от друга-коллеги Чекменева, делавшего ставку на «молодых офицеров», лично им подобранных и выпестованных людей 25—35-летнего возраста, Розенцвейг предпочитал в своих наиболее важных и ответственных проектах опираться на опытные кадры едва ли не предпенсионного возраста. Умения, мудрости и связей у них достаточно (в разведке до пенсии обычно доживают самые сильные и приспособленные к меж- и внутривидовой борьбе), а вот амбиций гораздо меньше, чем у молодежи.

Да вдобавок на склоне лет и жить хочется куда сильнее, и здравый смысл подсказывает, что вернее сохранить уже прикопленное к старости, нежели рисковать необходимым в надежде приобрести излишнее. Если, конечно, речь не идет о совсем уже запредельных суммах и благах.

Вот и оставшийся в кабинете Розенцвейга человек (назовем его хотя бы Соломон Давидович Адлер, с намеком на недюжинный ум и ровный, спокойный характер) годами приближался к пятидесяти, имел чин майора, троих детей, приличные счета в надежных местных и зарубежных банках, а также хороший дом с видом на Средиземное море.

За двадцать лет совместной работы Соломон своего патрона не подводил ни разу, а всяких увлекательных и масштабных акций они провели немало.

От Кейптауна до Данцига и от Буэнос-Айреса до Калькутты. Как правило, успешных или весьма успешных, достойно отмеченных командованием. Неудачи же оставались между ними только как общие неприятные воспоминания.

Григорий Львович сбросил пиджак, развязал галстук, переобулся в шлепанцы и пригласил сотрудника в холостяцкую кухню-столовую. Там высокая стойка с вертящимися табуретами отделяла нишу с электрической пли-

той, холодильником и посудным шкафом от уютного помещения со столом на шесть персон и массивными дубовыми полукреслами.

Прислуги в доме не было, Розенцвейг рассчитал ее перед длительной отлучкой. А есть хотелось сильно, в самолете до Франкфурта вообще не кормили, а рюмка виски и бутерброды на иерусалимском рейсе только разожгли аппетит.

— Давай сначала перекусим, потому что разговор предстоит долгий и трудный. Но готовить придется самим, Сол, ты что предпочитаешь?

— Мне как-то все равно, Гирш. О кашруте я забыл сразу, как только оставил родные пенаты, а это было ой как давно. Исходи из настроения и фактических возможностей. Хоть бы и сало с солеными огурцами, если ты так привык в России.

Сала у Розенцвейга не было, за ним нужно посылать в Хайфу, и вообще в холодильнике имелся только запас сублимированных продуктов и консервов. Хотя и в большом ассортименте.

Ограничились рижскими шпротами, югославским цыпленком в желе, голландским сыром, российскими солеными рыжиками и маринованным чесноком. Вместо хлеба пошла хрустящая картофельная соломка. В качестве аперитива — виски «Джек Дэниэлс» со льдом. Вполне достаточно для двух ветеранов, привыкших довольствоваться возможным, а чаще — доступным.

Подзакусили, потом Розенцвейг пригласил гостя в гостиную на втором этаже, открыл дверь на веранду, с которой видны были ярко освещенные ночные улицы и бесконечные вереницы белых и красных автомобильных огней. Выставил на плетеный ротанговый стол коробку сигар и несколько банок русского пива «Синебрюхов». Пришло время делового разговора.

— Начнем издалека. Скажи мне, Сол, пока мы с тобой сегодня общаемся, ты во мне ничего странного не заметил?

Адлер присмотрелся, будто пытался угадать, о чем речь. Прическу ли начальник поменял, новые зубы вставил или еще что?

— Ничего, по-моему. Загар вот разве... Морской, не московский. В Полинезии побывал?

— Я о другом. С психикой как, на твой взгляд? Никаких нарушений? На сумасшедшего не похож?

— Не пойму я что-то, к чему ты клонишь...

— Совершенно ни к чему. Тебе задан вопрос — не замечаешь ли ты во мне признаков психических отклонений. В обыкновенном, медицинском смысле. Ты меня знаешь много лет и со всех сторон, вот и ответь...

Видно было, что Адлер испытывает некоторое затруднение, не умея догадаться, какого ответа от него ждет шеф и приятель. Что-то он наверняка опять задумал, только вот что? Решил отвечать как есть. Отклонений не замечаю, но вот то, что этот вопрос вообще возник... Не лучше ли в таком случае посоветоваться со специалистами?

— Обойдемся без специалистов, — скупно усмехнулся Розенцвейг. — Это я к тому спросил, чтобы ты позже не задался этим вопросом сам и втайне от меня. А если сейчас я в твоих глазах выгляжу нормальным, то и к моим словам прошу отнестись так же, как всегда к ним относился...

Эта преамбула заставила агента насторожиться. Что-то уж слишком необычное придумал шеф, если ему требуются столь далекие заходы.

— Понимаешь, Сол, просьба у меня будет необычная. Придется в течение завтрашнего дня собрать информацию обо всех людях, тебе и мне хоть в какой-то мере лично известных, которые умерли в этом вот районе за последнюю неделю, — он обвел пальцем на карте круг радиусом около ста километров.

— Не совсем понял, — удивился Адлер. — Лично мне известных за неделю умерло два человека, такой-то и такой-то. Ты их тоже знал. Можно допустить, что еще одного-двух новопреставленных знал только ты, хотя

вряд ли. Страна у нас маленькая. Но это можно выяснить за пятнадцать минут, по телефону. В чем сложность и необычность?

— Похоже, я неверно сформулировал задачу. Мне нужно, чтобы ты поднял материалы на всех недавно умерших, и выяснил, кто из них когда-либо попадал в круг интересов нашего ведомства, прямо или косвенно соприкасался с любым из фигурантов по любому из наших дел или имел друзей и родственников, попадающих под эти условия...

— Это уже сложнее, хотя и ненамного. А в чем причина такого странного интереса?

— Это я скажу позже. Второе — те же данные мне нужны на всех, кто умрет сегодня ночью, завтра и послезавтра...

— Откуда же мне знать, кто... — начал Адлер, и тут же осекся. — Понял. В этом же радиусе? Сделаю. Разумеется, за исключением тех, кто станет жертвой несчастного случая или скоропостижно...

— Тех учтешь по факту. В общем, ты понял. Вообрази, что ты агент Центра трансплантации...

— На них я тоже рассчитываю. И все же, шеф! Мы же никогда с тобой не работали втемную. Если я буду знать, в чем дело, оно веселее пойдет...

— Ты прав, конечно, но дело уж больно необычное. Никогда мы с тобой такими не занимались. Потому договоримся — ты приносишь мне материалы, я их смотрю, и либо на том все и заканчивается, а бумаги идут в корзину или в архив, на твое усмотрение, либо мы начинаем настоящую работу, и тогда уже я рассказываю, в чем тут дело.

В ожидании результатов поиска, проводимого Адлером, Григорий Львович во избежание недоразумений и обид позвонил своему заместителю, сообщил, что вернулся и попросил подготовиться к подробному отчету завтра утром, в десять часов, после чего занялся иными неотложными делами.

В архиве военного министерства он легко отыскал личное дело капитана запаса Микаэля Шлимана, состоящее всего из десятка страниц, но давшее ключ к дальнейшим поискам. Тут он не стал перепоручать работу никому, сам погрузился в отслеживание деталей жизненного и научного пути своего *объекта акции*, выбирая, систематизируя и обобщая самые несущественные, казалось бы, факты и штрихи.

Досье получилось весьма содержательное, живым человеком на его основании манипулировать было бы достаточно легко. Неизвестно, конечно, сильно ли это поможет в общении с покойником, но, как известно, «нет бесполезных знаний» и владение любой информацией полезней, чем ее отсутствие.

К вечеру подоспел и Адлер со своими материалами. Бегло просмотрев список из полусотни имен, Григорий Львович для дальнейшей разработки выбрал полтора десятка.

— Дела вот этих — на стол. Остальные свободны. — В контексте происходящего последние слова прозвучали двусмысленно.

Соломон, демонстрируя недюжинный профессионализм, извлек из безобразно пузатого портфеля стопку досье.

— Я так и понял, что тебя интересуют именно они, хотя по-прежнему, убей, не понимаю, что можно сделать даже с самыми перспективными покойниками...

— Это хорошо, — рассеянно произнес Розенцвейг, перебирая папки. — Ты не понял, никто не поймет...

Адлеру, похоже, показалось, что он начинает догадываться. Шеф затевает нечто очень серьезное, а пока готовит *операцию прикрытия*.

— Ладно, с этими позже, не убегут. А что у нас с *перспективными*?

— По моим сведениям, в достаточно безнадежном состоянии, в больницах нужного региона находится всего четыре человека, отвечающие системным требовани-

ям. Причем вот он, — Адлер, не называя имени, ткнул пальцем в список, — поступил в госпиталь вчера утром, с обширным инфарктом, врачи говорят, что проживет от силы сутки-двое. А я и не знал, что у него плохое сердце. Жаль, честно сказать.

Розенцвейгу тоже стало жаль. Он давно знал генерала Залкинда, понаслышке — с детства (своего), а лично — с весны восьмидесятого. Легендарная фигура. Можно сказать, родоначальник израильских спецслужб в их современном виде. Бывший начальник армейской контрразведки, заместитель министра в нескольких кабинетах, депутат кнессета. Прославился многими подвигами на ниве борьбы с терроризмом. В последние годы перед выходом на пенсию они с Розенцвейгом взаимодействовали достаточно тесно. И вот сейчас... Прямо какая-то рука судьбы.

— Что поделаешь, все там будем. Продолжай работать. Отслеживай, может, еще кто пополнит тот или другой список. Я сейчас съезжу кое-куда, потом поговорим.

Розенцвейг сунул в карман листок с четырьмя фамилиями и быстро, через ступеньку, сбежал по лестнице к своей машине. Опоздать было бы весьма обидно.

Ему пришлось использовать сначала уговоры, а потом и неприкрытый нажим, пока наконец главный врач привилегированного военного госпиталя дал согласие на свидание с генералом.

— Только имейте в виду, он действительно очень плох. Сознание ясное, но в остальном... Не уверен, что доживет до утра, хотя мы делаем все возможное. В любой момент может наступить фибрилляция — и все.

Врач носил под халатом полковничьи погоны, и Розенцвейг не стал подбирать деликатных слов.

— Если прогноз так очевиден, час или два в ту или другую сторону не имеют принципиального значения. Мы посылаем под пули совершенно здоровых молодых людей по гораздо менее важным поводам. Сейчас же

идет речь о судьбе государства. Твой пациент согласился бы, что рискнуть стоит...

— Иди. Я распоряжусь. Но все же постарайся, чтобы больной не слишком возбуждался. Это в твоих интересах...

Старик выглядел плохо. А ведь всего год назад это был бодрый, сухоощавый пожилой джентльмен. Играл в гольф и даже теннис.

Теперь же, подключенный к капельницам, кислородному шлангу, кардиографу, еще каким-то медицинским приборам, он был похож на дряхлого грифа.

Сложив на груди большие ладони, слегка повернув голову, смотрел в окно, на окрашенные заходящим солнцем облака. Возможно, подумал Розенцвейг, это последний закат в его жизни.

Услышав шаги, перевел глаза на посетителя. Узнал, скривил губы, обозначая улыбку.

— Шолом, — тихо, но отчетливо сказал Залкинд. — Вот уж кого не надеялся увидеть. Сентиментальность или есть конкретное дело? — Мозг его работал четко, как всегда. — Чем-то могу помочь напоследок?

— Можешь. Ты поможешь мне, а я тебе, — ровно, как бы не обращая внимания на обстановку и состояние умирающего, сказал Розенцвейг, присаживаясь на пластиковый стул у изголовья.

— Буду рад, если смогу. А вот мне уже ничем не можешь. Обидно. словно тебя тридцатилетнего замуровали в глиняном чучеле. Голова работает, все остальное — нет.

— Об этом я и хочу сказать. Врать и утешать не стану. Сам все понимаешь. Но вариант есть и здесь.

Пристально глядя в живущие собственной жизнью, по-прежнему умные, пронзительные глаза, Розенцвейг подумал, что и вправду похоже, будто молодой человек

выглядывает сквозь прорези старческой предсмертной маски.

— История вот такая, — по возможности кратко, но не упуская существенных для его замысла деталей, он рассказал о сути открытия Маштакова и о том, что видел сам, посетив тот мир. О капитане Шлимане, о голоде и способах его преодоления, о том, что подготовил явочную квартиру для тех, кто может там оказаться. И о том, что на днях наведается туда сам, но, правда, пока в своем нынешнем облике. И добавил на всякий случай — «Кисмет алса»¹.

— Немного раньше я, наверное, назвал бы все это полной чепухой, — ответил Залкинд после совсем короткого молчания. — Я всегда был рационалистом до мозга костей. Но сейчас кое на что смотрю иначе. Заодно вижу, что ты не утешать меня пришел красивой сказкой...

— Не сказал бы, что она такая уж красивая...

— Неважно. По сравнению с полным небытием... Да и ты не тот человек, наплевать тебе на мое предсмертное спокойствие. На похороны, может, и придешь, а чтобы мчаться за тысячи километров у постели посидеть... Нет, я понимаю, что не ко мне лично ты спешил, искал любого подходящего, а раз уж так получилось... Ну, а у меня выбора никакого, понимаю. Если там встретимся, и все будет так, как ты говоришь, можешь на меня рассчитывать. При условии, конечно, что моя личность не изменится настолько, что я забуду обо всех договоренностях, о нашем прошлом...

— Судя по Шлиману, не забудешь. Я проверил. Все, что он говорил и делал там, вполне совпадает с ведущими чертами его личности здесь. Мотивации, возможно, изменились, но базовые черты те же.

— Хорошо, скоро я это проверю. Значит, если я уйду в ближайшие три дня, должен явиться по адресу, под-

¹ Если будет угодно судьбе (араб.).

крепить свои силы и ждать тебя? Если запоздаю — ждать меня будешь ты?

— Примерно так. Уйдешь ты в том, что надето на тебе сейчас, значит, я приготовлю одежду, еще кое-что, что сможет там пригодиться.

— Хорошо. Теперь иди. Я устал, а нужно еще об очень многом подумать. Спасибо, ты меня прибодрил, теперь умирать будет легче. И вот еще что — положи *там* на видном месте книгу. Монтеня. Сколько лет собирался его перечитать и все не получалось...

Розенцвейг был уже на пороге, когда Залкинд его окликнул. Приподнялся на локтях.

— Подожди. А если кто-то там появится раньше меня или позже, но до твоего прихода? Как себя вести?

— Ну, ты же генерал, неужели не справишься? Построй и начинай муштровать.

Еще один человек, который мог пригодиться Розенцвейгу, находился в коме, и договориться с ним не было никакой возможности. Но хитроумный разведчик и тут сообразил, как поступить. Правда, для того, чтобы его план сработал, нужно было сначала самому попасть в загробную Хайфу.

С третьим разговора не получилось. При первых же словах известный инженер-радиоэлектронщик и успешный бизнесмен, с которым Розенцвейг имел кое-какие приватные дела, умирающий от рака в последней стадии, высохший и уже похожий на египетскую мумию, впал в истерику. Он махал руками, слабыми и бледными, как картофельные ростки в темноте, тряс головой и бормотал нечто почти нечленораздельное, но явно для Розенцвейга оскорбительное.

Кое-как Григорий Львович разобрал, что собеседник, принадлежавший к клану христиан-маронитов, но к религиозным делам всегда остававшийся равнодушным, узнав свой диагноз и приговор, страстно уверовал,

проводил оставшиеся дни в молитвах и беседах с духовником, буквально вчера причастился святых тайн. И воспринял визит и предложение генерала как прямые и очевидные дьявольские козни.

Правой рукой умирающий непрерывно крестился сам, а левой осенял крестом Розенцвейга. Пришлось ретироваться, тем самым еще более утвердив объект неудачной вербовки в вере и в догадке о сущности коварного иудея.

Зато полным успехом завершился визит к четвертому, точнее, к четвертой. Мадам Грета Лурье *goxodila* в тюремной больнице, тоже от запущенного рака. Хорошо и давно знакомая ему женщина, некогда популярная журналистка левого толка, корреспондентка многих местных и зарубежных журналов и газет, которую лично Григорий Львович пять лет назад с превеликим трудом засадил в тюрьму за шпионаж в пользу сразу нескольких арабских королевств и эмиратов.

Из беседы с тюремным врачом, который по совместительству подрабатывал на *контору* Розенцвейга, Григорий Львович узнал, что пациентка долго лечилась со всем от другого, и лишь месяц назад ей был поставлен правильный диагноз, «рак позвоночника с обширными метастазами практически во все жизненно важные органы». Прогноз понятен, срок кончины — в пределах недели.

— Что самое странное, — откровенничал врач, — она практически живой труп уже...

Розенцвейг подивился, сколь точно, хотя и неумышленно, выразился медик.

— ...сидит исключительно на сердечных средствах и наркотиках, но выглядит вполне прилично. Отчего мы и не могли так долго сообразить, что с ней. От неврита лечили, остеохондроза...

— Она свой диагноз знает? — перебил его Розенцвейг.

— Женщина умная, догадывается, раз мы ей промежуток и морфий без ограничений даем. Но разговор на эту тему до сих пор не заводила. Кремень баба. Ты к ней по какому вопросу?

— Естественно, по служебному. Как женщина, она не в моем вкусе... А тебе какая разница?

— Дело в том, что она недавно подала прошение о замене ей по состоянию здоровья тюрьмы на домашний арест. Мы дали заключение, что не возражаем. Вот я и подумал, что ты сам приехал, чтобы сообщить об отказе. Если да, то не нужно. Скажи, что решение положительное, на днях отпустите... Все равно не доживет, так хоть проведет последние часы в приятных ожиданиях...

Адлер об этом факте не доложил, очевидно, по его каналам информация еще не прошла.

— Так и сделаем. Оно бы и вправду можно было. Я завтра похлопочу.

— Да смысла нет. Это ей на дому нужно госпитальную палату разворачивать, сиделок и врача приставлять. Ради пары дней не стоит. Пусть уж у нас ждет и надеется...

Войдя в палату-камеру, Розенцвейг понял, что врач прав. Оборудована она была ничуть не хуже, чем комната в приличном хосписе, вряд ли дома умирающей будет лучше, да и есть ли он у нее вообще, свой дом? Семьи и детей Грета не завела, в бесконечных разъездах журналистка вполне обходилась отелями и многочисленными любовниками, собственная квартира у нее если и была, так, скорее всего, продана.

Сидеть ей, если б не болезнь, еще долгих семь лет, а откуда взять денег на тюремный лагерь? Все ее банковские счета были арестованы по решению суда.

И выглядела мадам Лурье на самом деле удивительно прилично. Похудела, конечно, но не катастрофически,

как предыдущий клиент, по-прежнему пытается следить за собой, причесана, в меру подкрашена. Стол завален книгами и журналами, работает телевизор, показывающая вечерние новости.

Больная полулежала в ортопедическом кресле с электрическим управлением, курила длинную тонкую сигарету, судя по запаху — с гашишем.

— Какая неожиданная встреча! — воскликнула слабым, но все еще мелодичным голосом Грета, увидев своего старого врага.

Впрочем, почему врага? Всего лишь более удачливый партнер в рискованной игре. Ничего личного. Поприветствовала его взмахом руки с зажатой в пальцах сигаретой. Длинный столбик пепла отломился и упал ей на колени.

— Реб Гирш пришел насладиться окончательной победой? Или остались непроясненные эпизоды, и он боится, что они уйдут со мной в могилу? Ничего я говорить не стану! Мне это незачем, а тебе будет прощальный щелчок по носу. А могу и сказать, — вдруг изменила она настрой, — тоже в качестве прощального подарка. Ты работал со мной честно, все обещания исполнил. Чего ты хочешь? Номера счетов в швейцарском и московском банках, которые вы не нашли? Имя настоящего египетского резидента, которое вы из меня так и не вытянули?

Они, трюфные свиньи, обещали вытащить меня из тюрьмы в первые три года и заплатить по миллиону за каждый отсиженный год, а я сижу уже пять... Так здесь и подохну. Хотя с деньгами не обманули, адвокат на свиданиях регулярно показывает мне баланс. Могла бы выйти богатой невестой... — Журналистка хрипло расхохоталась, и стало видно, что дозу наркотика она приняла порядочную, оттого и несет все это, и боли пока не чувствует.

— А ты меня за это отпустишь домой. Зачем вам умирающая старуха? Вреда от меня теперь никакого, а взамен вы получите в руки настоящую вещь...

— Какая же ты старуха, Грета? Тебе ведь только-только сорок?

— Правильно, сорок. Все ты помнишь, реб Гирш. И старухой я точно не буду. Единственный способ не стариться — умереть молодой. Так говори, отпустишь? Хочешь курить — кури, я разрешаю. Вот выпить не предложу, нету. Я теперь только так, — она жестом изобразила укол в вену. — Неплохо, но я бы лучше виски выпила или коньяку...

Розенцвейг знал ее вкусы, попивала она в свое время прилично. Он вытащил из внутреннего кармана обтянутую кожей фляжку, протянул журналистке.

— Пей. Настоящий армянский «Двин», прямо из России.

Грета схватила фляжку дрожащей рукой, сделала несколько жадных глотков. Рыжая жидкость из уголков рта пролилась на грудь.

— Видишь? Почти не проходит уже. Спазм пищевода. Но все равно спасибо, пять лет не пробовала. Нектар! Ты мне оставишь? Я потихонечку буду, через соломинку.

— Какие разговоры, — кивнул Розенцвейг, закурирая. — Отпустить — не проблема. Утром распорядюсь. Только куда тебя перевозить? Дом у тебя есть? И с таким уходом, как здесь?

— Нет дома, — пригорюнилась Грета. — Но я скажу адвокату, он снимет виллу на берегу моря. Буду засыпать под шум волн...

— Пусть снимает. Сразу и переедешь. Но сначала поговорим... Мне твои тайны не очень и нужны, я за другим пришел. Хотя если скажешь — не откажусь. Пригодится... Я тебя перевербовать хочу...

Журналистка снова расхоталась, закашлялась, схватилась за грудь. Долго старалась отдышаться.

— Перевербовать! Да тебе лечиться нужно не меньше, чем мне. Ты сумасшедший, реб Гирш? Я хорошо, ес-

ли месяц проживу... Врачи меня обманывают, но я-то чувствую.

— Сколько кто проживет, один Яхве знает. Русские говорят, господь всем дарует жизнь вечную, но никому не обещает завтрашний день. Так вот, я тебя хочу завербовать как раз для жизни вечной...

Грета воззрилась на него в немом изумлении, потом выразительно повертела пальцем у виска.

— Точно, реб Гирш, довела тебя твоя работа. Иди, сдавайся врачам.

— Немного погожу. Лучше послушай...

Рассказ привел Грету в неописуемый восторг. Она неоднократно перебивала Розенцвейга вопросами, несмотря на ее состояние, точными и уместными, моментами радостно смеялась и хлопала в ладоши, что, конечно, вызывалось ее эмоциональной неадекватностью, но разум оставался ясен. Благодаря наркотикам — даже несколько обострен.

— Вот это будет приключение, так приключение! Достойное завершение журналистской карьеры! А как это можно описать!

— А кто читать будет? — попытался охладить ее пыл Григорий Львович.

— Придумаем. Куда есть вход, должен быть и выход. В крайнем случае ты вынесешь и опубликуешь здесь. Тоже эффектно. Конечно, я согласна, не представляю, какой репортер отказался бы? Признаться, мне в этой тюрьме порядочно надоело... — Она кокетливо передернула плечами, и непонятно было, какую тюрьму она имеет в виду, реальную или собственное разваливающееся тело.

— Да еще и интрига интересная намечается, — сразу уловила она суть предполагаемого противостояния, или, точнее, конфликта интересов участвующих в проекте сторон.

— Слушай, Гирш, а зачем тянуть? Сколько мне еще мучиться? Давай я сегодня и решу этот вопрос...

— Вот это — лишнее. Потерпи немного, вдруг еще поправишься... — сказал он это чисто машинально, по извечной человеческой привычке утешать умирающих. Да и порыв Греты его несколько даже напугал, как всякая суицидальная экзальтация.

— Ох, не надо меня смешить! Поправлюсь! Вот кончится действие морфия, и так меня начнет крутить и грызть изнутри... Чтоб тебе такого никогда не узнать. Нечего мне ждать! Говори, что и как я там должна делать?

Розенцвейг подумал, что и на самом деле, незачем отговаривать. Кто знает, сколько еще продлятся ее мучения. Вот только...

— Понимаешь, Грета... А вдруг христиане правы, и самоубийцы *туда* не попадают?

— Куда же еще они могут попасть? Или там есть отдельная территория, концлагерь, внутренняя тюрьма?

— Не знаю, не проверял. Но если загробный мир оказался правдой, правдой может быть и многое другое. Так что повторяю — не спеши. А действовать, когда упадешь туда, следует так...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Ступив на почву Земли обетованной, Вадим испытал ностальгическое чувство. Все же приятно вновь очутиться там, где пережил столь много интересного и судьбоносного. Разумеется, большинство здравомыслящих, «положительных», как принято выражаться, людей предпочли бы держаться от подобных приключений подальше. Да и всегда так было, лишь малая часть человечества способна находить радость и удовольствие в событиях, сулящих тягот и смертельного риска несравненно больше, чем реальной выгоды.

А кроме того, Ляхов смутно подозревал, что влечет его сюда некая надчеловеческая воля, или эманация ду-

ха «Вадима второго», нечувствительно присутствующего где-то поблизости, возможно, в той же самой точке пространства, где находится сейчас и он.

Даже некоторое усилие потребовалось, чтобы отогнать от себя это ощущение.

— Что это вы опять задумчивый такой, а Вадим? — осведомился Розенцвейг, когда они уже ехали на реквизированной со стоянки у аэропорта машине по длинному проспекту, Дизенгоф, что ли? Тель-Авив Ляхов знал плохо.

— Как же не быть, Григорий Львович? Призраки прошлого обступают меня со всех сторон, чертовщина всякая мерещится, только «мальчиков кровавых» в глазах не хватает. А проще говоря, аура не совсем приятная вокруг будто бы сгущается. Пожалуй, прошлый раз такого не было...

Они ехали в безумно дорогом штучном «Бентли». Сквозь опущенную стеклянную перегородку из салона тянуло запахами сафьяновой обивки, мужских духов, сигарного дыма. Розенцвейг вел машину, Вадим сидел рядом и изучал всякие забавные штучки и приспособления, которыми изобиловала машина.

Микроавтобус с бойцами двигался следом, бампер в бампер. Замыкал колонну Адлер на фургоне «Опель Блиц», в который они с Розенцвейгом перегрузили из самолета какие-то ящики. Якобы с научным оборудованием. Ляхов любопытствовать не стал, какое ему дело.

— Странно, я вот ничего подобного не чувствую. Устали вы, наверное, отчего и депрессия. Подлечитесь вот...

Розенцвейг указал за спину, в салон.

Вадим, привстав и перегнувшись, откинул крышку встроенного в переборку холодильника, увидел два ряда аккуратных, по-русски выражаясь, «мерзавчиков»¹ и стеклянных флажечек-четвертинок с коньяками, вод-

¹ «Мерзавчик» — бутылочка емкостью 100 мл.

ками и виски разных сортов. Эстету машина принадлежала.

— А откуда вы знали?

— Хозяина машины знаю. Господин Хальбштаркер, богатейший коммерсант. Сеть универмагов по всей Европе и Ближнему Востоку. Наверное, скоро прилететь должен, встречают.

Ляхов, не чинясь, с удовольствием выцедил презентационную стограммовочку «Курвуазье» прямо из горлышка. Закусить было нечем, да и не требовалось.

— А вы, Львович, что же не поддержали? — спросил он, закуривая хозяйскую сигару из снабженного гигрометром и термометром пенала.

— Спасибо, не хочется. У меня депрессии нет. Домой приедем, за ужином выпьем. А вот вы обратили внимание, здесь тоже ни одного некробионта нам не встретилось... А их тут должно кишмя кишеть. Мы ушли отсюда полгода назад. Прямая экспонента дает порядок величины, при здешнем населении и стандартной смертности, в полторы-две тысячи минимум.

— А так и раньше было. Сколько мы с вами странствовали, та же картина. И за время рейда к Бресту едва ли два десятка видели. Причем при не совсем обычных обстоятельствах.

— Я в Москве с Маштаковым эту тему обсуждал. Он высказал почти ту же мысль, к которой мы с вами пришли, — явление некробиоза может быть связано со скачкообразным изменением напряженности хронополя при включении-выключении генератора... Вне этой *погнутки* они просто не возникают.

— Угу. Аналогично действию дефибриллятора при остановке сердца. А еще мы со Шлиманом позволили себе вообразить, будто, кроме генератора, некоторую роль играет сам факт присутствия здесь живых. Совершенно как для образования кефира требуются кисломолочные бактерии. Плюс к этому, отчего не допустить... что бесцельно бродить по улицам мертвецам просто не-

зачем. Или — некому! Знаете, в русском фольклоре существует представление, что душа остается поблизости от брэнного праха только до девятого дня. После чего поминальная процедура отпускает ее *на волю*... Знать бы куда.

— Чудны дела твои, Господи, — вздохнул Розенцвейг совершенно в русском стиле, отнюдь не иудейском. Пожевал нижнюю губу. — Впрочем, это не должно помешать... За последние два месяца генераторы, в связи с вашим рейдом и вообще, включались десятки раз... Только вчера минимум трижды.

— К чему это вы?

— Да, так... Мысли вслух.

— Темните, Львович, а мы ж вроде партнеры...

— Ничего я не темню. Просто болтать зря не хочется. Скоро сами все увидите, полчаса осталось, не больше.

— Или сглазить боитесь?

— Я не суеверен, не наша это традиция.

Через двадцать минут приехали в охраняемый поселок, где жил Розенцвейг. Удобное для размещения место — стены высокие, ворота крепкие, караулка на въезде оборудована всем необходимым, включая два пулемета с достаточным боезапасом. И еще немаловажно — при здешнем населении, по преимуществу молодом и здоровом, смертность в поселке практически отсутствовала, что для душевного здоровья личного состава было фактором немаловажным.

— А что же это господин Адлер, отстал? — спросил Ляхов, не увидев в хвосте колонны грузовика.

— Догонит, куда ему деться...

Разместив бойцов и летчиков в соседних коттеджах, поручив Колосову осваивать территорию, наладить караульную службу, отдых и питание личного состава, Вадим поднялся на крыльцо дома Розенцвейга. А тут и Адлер подъехал, загнал фургон на стоянку. Вышел, вытирая руки ветошью.

— Надо же такому... Зацепился колесом за бордюр, а

из него арматурина торчала. Порвал покрышку, пришлось менять.

— Чего ж вы солдатам не посигналили? Они бы могли...

— Да что там, десять минут дела...

Из ближайшего магазинчика возвратился Розенцвейг с грудой пакетов в корзинке.

Перекусили чем бог послал.

— Вот теперь и съездим, проверим, что тут у нас получается, — по-прежнему конспирируя, предложил Розенцвейг.

— Охрану брать будем или обойдемся? — спросил Ляхов.

— Возьмите пару автоматчиков, просто для порядка. Не думаю, что нам грозит реальная опасность...

Немного попетляв по улицам, они выехали к красивому двухэтажному дому, построенному в каком-то смешанном, готически-мавританском стиле. Дом удобно располагался на стрелке расходящихся под острым углом улиц, обзор из его окон и балконов с ажурными железными решетками должен быть хорошим. И вдоль улиц, и в сторону моря.

Что интересно, в полубашенке, венчающей фасад, светились два узких окна.

— Это — что? — осведомился Ляхов, указывая на окна стволом автомата.

Как известно, предметы материальной культуры в боковом времени сохраняли все свои свойства и качества, а вот ни электроэнергия из главной реальности не поступала, ни проводная связь не работала. Радиоволны тоже межвременной барьер преодолеть не могли. Во время прошлого посещения Ляхов с друзьями спасались тем, что на всех военных базах, где они останавливались, имелись собственные электрогенераторы. А здесь откуда?

— Здесь тоже есть генератор. Когда готовились к войне, я опасался, что она может затянуться, и с элек-

тричеством будут проблемы. Велел закупить и установить на всех наших объектах. Маленький движок, пятикиловаттный всего, зато и горючего потребляет мало.

Ляхову показалось, что он слышит легкое, похожее на автомобильное, гудение.

— И кто же это пользуется? — произнес Вадим как бы в пространство. У него мелькнула мысль, что здесь помещается база Шлимана, с которым Розенцвейг успел наладить контакт помимо своих российских коллег. А что, с них станется. Отчего не договориться двум евреям за спиной гоя?

— А вот и посмотрим...

Массивная, резная, тоже под готику дверь была прикрыта, но не заперта.

Розенцвейг с Адлером впереди, Вадим, с автоматом наперевес, просто на всякий случай — сзади, стали подниматься по застеленной ковровой дорожкой деревянной лестнице, освещенной тускло светящими бра.

Спутники шли так спокойно и уверенно, что Ляхов предположил было, будто ждет наверху кто-то из нормальных людей. Просто направил Львович кого-то из своих в разведку, не поставив о том в известность партнера.

И еще одна мелькнувшая мысль, точнее — ощущение. Будто Розенцвейг — сам уже некробионт. Но это совершеннейшая ерунда, просто у Вадима в голове чересчур все перепуталось. Сдвиг фазы. Подсознательная цепочка силлогизмов: Львович у себя дома — он идет к некробионтам и не боится — а чего ему бояться, он сам такой. Момент логического сбоя ясен, но только после осмысления, а так ощущение было не из приятных.

Войдя, Ляхов мгновенно охватил взглядом помещение, оценивая обстановку, готовый к любому повороту событий.

Большая шестиугольная комната, переднюю стену заменяет сплошной трапециевидный эркер, на боковых стенах — высокие стрельчатые окна, и натуральный, об-

ложенный грубо тесанным гранитом камин на глухой торцовой, справа от двери. Не горит. Темные деревянные панели на высоту человеческого роста. Тяжелая, грубая мебель, на полу ковры. За окнами еще светло, а здесь уже сгустился полумрак. Неярко светит настольная лампа. В круге света выделяются толстая книга и руки читающего ее человека. Остальная фигура кажется почти сливающимся с фоном уплотнением мрака, детали едва различимы.

Ляхов забросил ремень автомата на плечо, держа его по-прежнему стволом вперед, прислонился спиной к стене между дверью и камином. Сейчас не его ход, он пока только наблюдатель. Заинтересованный, но стонный.

— Здравствуй, Борух, — негромко произнес Розенцвейг, сделав два шага вперед, но стараясь держаться так, чтобы массивный письменный стол служил надежным барьером между ними. Адлер, скользнув влево, тоже занял позицию, позволяющую держать обстановку под контролем.

«Опасаются ребята, хоть и все свои».

— Здравствуй, Гирш. Не обманул меня, спасибо. За книгу — тоже. Читаю второй день. Совсем иначе воспринимается, чем... раньше. Да ты садись, не бойся. Я в порядке. А это кто с тобой? Тебя, кажется, я раньше видел, — указал он пальцем на Адлера. — Тебя — нет. — Палец переместился в направлении Ляхова.

— *Наш друг* из России, — выделенное интонацией, «наш друг» прозвучало не просто констатацией, а именно вроде пароля. Как надпись на рукоятке подаренного Розенцвейгом пистолета. — Полковник Ляхов...

— А-а, как же. Помню. Праведник перед Богом. С него, как я понимаю, все и началось. Я не в обиде. Не знаю, что будет дальше, а смерть вы мне облегчили. После разговора с тобой я испытывал уже не страх и горечь, а нетерпение и любопытство. Совсем разные вещи, согласитесь. — Речь незнакомца звучала монотонно, будто

синтезированная. Немного похоже на манеру Шлимана вскоре после знакомства. Потом он научился выражаться естественнее.

— Знакомьтесь, генерал Залкинд, Борух, можно — Борис Михайлович, — это относилось исключительно к Ляхову, потому что Адлер, само собой, не мог не знать старика.

Вадима густеющий полумрак раздражал, и он, не спрашивая разрешения (а чего ради?), повернул фарфоровую головку выключателя. Впрочем, это только в русском языке — «выключатель», на всех остальных языках, в том числе и на идиш, — «включатель». Интересная семантика.

Что за посторонняя ерунда все время лезет в голову?

Яркий свет люстры подтвердил, что генерал Залкинд в самом деле старик, причем глубокий. И в то же время выглядел он удивительно хорошо. Как бывает с *нормальными* покойниками. Перед смертью — смотреть тяжело, а в гробу вдруг на короткие часы будто вдруг «молодеет», разглаживаются морщины, исчезает печать болезни и страдания. Так и тут.

Это же про себя отметил и Розенцвейг.

Значит, подумал Вадим, Григорий Львович-таки сделал то, о чем едва ли не в шутку они говорили на катере. Начал формировать свою «пятую колонну». Ну-ну.

Он закинул автомат за спину, но на предохранитель не поставил. Мало ли? И «Дезерт» в расстегнутой кобуре на левом боку придавал уверенности. Вадим сел в кресло наискось от Залкинда, с видом как можно более безразличным. И не такое, мол, видали.

А генерал, соскучившись по общению, излагал свою историю. Недолгую, впрочем.

Умер он наутро после визита Розенцвейга. Сравнительно легко. Слабое, еле сокращавшееся сердце вдруг затрепетало, будто птица, зажата в кулаке, не на своем обычном месте, а где-то под горлом. Пальцам рук и ног

стало невыносимо холодно, глаза перестали видеть, а мысль прояснилась, очистившись от эмоций.

И время будто остановилось, продолжая при этом свое течение, но по-другому. Стало безразмерным. Всей своей жизни разом он отнюдь не увидел, зато успел повторить про себя все, услышанное от Розенцвейга, неторопливо и здраво рассчитать предстоящие после смерти действия. И как только решил, что готов, — умер, не закрывая невидящих глаз.

— Хотя и не стану настаивать, что все было именно так. Возможно, умер раньше, когда вдруг замигали лампочки на панелях кардиографа и прочих аппаратов, слышался тихий, тающий звон, и я увидел вбегающую в палату сиделку. В следующее мгновение ее не стало. Сиделки. В палате все было точно так же, но удивительно пусто и холодно. Я полежал немного, ожидая, когда вновь появится она или дежурный врач. В это время и успел обо всем подумать. Никто не приходил, и ничего больше не происходило. Я решил — вот все и случилось. Собрался с духом и сел. Ничего не болело...

Ляхов подумал, что профессионал и есть профессионал. Как в России говорят: «Помирать собирайся, а рожь сей».

Поднявшись, Залкинд обошел свою палату, прислушиваясь к ощущениям. Чувствовал он себя совершенно нормально. По отношению к тому, что было совсем недавно. То есть как здоровый человек своего возраста. Не атлет, конечно, не тридцатилетний офицер командос, но все равно намного лучше, чем последние годы.

И, как выздоровевший после тяжелой болезни, ужасно хотел есть. Съел бы все, что угодно. Даже бачок больничной овсянки. А лучше всего — здоровенный, шкварчащий, истекающий соком говяжий бифштекс. Да и свиной, чего уж там, не до кашрута...

Описание того, как он бродил по больничным коридорам, добрался до кухни, попытался что-то съесть и убе-

дился, что содержимое котлов и холодильников — сплошные муляжи и макеты, опустим.

Все до единой палаты трехэтажного госпиталя тоже были пусты. Он заглянул даже в морг. И там никого. За последние несколько дней он был первым, покинувшим здесь мир.

Голод крепчал, становясь невыносимым в полном смысле этого слова. А ведь, служа в спецподразделениях, будучи здоровым, крепким мужчиной, совершая физическую работу, какая и не снилась грузчикам и кузнецам, Борис Михайлович умел обходиться без пищи неделю, не теряя рассудка и боеспособности.

И тогда он просто пошел по указанному Розенцвейгом адресу. По пустым, знакомым с детства и одновременно удивительно чужим улицам, шлепая по асфальту больничными тапочками, совершенно голый, лишь перепоясав чресла простыней. Желая и одновременно страшась встретить себе подобных. Постепенно осваиваясь со своим новым положением и состоянием. Это лучше, чем быть смертельно больным, тем более бессмысленно мертвым, но — непривычно как-то. И, как бы там ни было — все равно жутковато-тоскливо.

Вдобавок никак не удавалось избавиться от ощущения, что он живой, в непристойном для генерала, да вообще почтенного пожилого человека виде, бредущий через центр столицы. Вот-вот появятся из-за угла полицейские, и что ты им будешь говорить?

А голод нарастал, хотя это казалось невозможным. Чувство голода, строго говоря, не имеет интенсивности. Даже наоборот, достигнув какого-то предела, оно обычно утасает. Здесь же — нет. Моментами Залкинду казалось, что он готов грызть кору деревьев, жевать траву, а уж любое живое существо, хоть крысу, хоть человека, растерзал и сожрал бы, урча и захлебываясь.

Однако до явочной квартиры он дошел. А куда деваться? Не дойдешь — подохнешь под забором. Однако

представить, как может выглядеть вторичная смерть, тем более от голода, он тоже не мог.

Пока ничего особенно нового и полезного для себя Ляхов не услышал. Одна разница — Шлиман погиб внезапно и долго не мог осознать происшедшего, а этот знал все заранее.

Добравшись до указанного адреса в почти невменяемом состоянии, генерал ринулся туда, где, по словам Розенцвейга, его ждала пища. И она там оказалась. Свежее, парное мясо. Голод ушел почти сразу, но чего-то все же не хватало. Зато когда появились живые гуси... Это непередаваемо! Спасибо тебе, Гирш!

Пока генерал рассказывал, как он их потреблял, Ляхов думал совсем о другом. Значит, Розенцвейг, явно вступив в сговор с Чекменевым, получил в свое распоряжение портативный генератор. И продолжил эксперимент. Иначе как бы он сумел засунуть живую птицу в мертвый мир?

Оно, конечно, для общего дела полезно, а все равно неприятно сознавать, что многое делается за твоей спиной.

Ну а чему удивляться, по большому счету? Приятели проворачивали свои «проекты» задолго до того, как Ляхов с Тархановым попали в сферу их внимания. Вот и знай свое место, господин полковник.

По словам Залкинда (если сравнивать с впечатлениями Шлимана), жизненная сила могучих птиц, занимающих столь большое место в еврейской кулинарии, мгновенно его *оживила*. Настолько, что он совершенно забыл о совсем недавних низменных мыслях и желаниях.

Напротив, он тут же вспомнил о своей профессии и начал соображать, каким образом встроиться в новое существование наилучшим образом.

— Вдобавок же, Гирш, я чувствую, что молодею с каждым часом...

Это было заметно и Ляхову.

Но события продолжали развиваться.

Пока явно развеселившийся от успеха своего предприятия Розенцвейг отпер дверцу бара и начал выставлять на стол напитки и закуски, чтобы отметить новую, как он выразился, эпоху, на улице, под окнами, послышались громкие, явно возбужденные голоса, что-то вроде: «Стой, твою мать! Стрелять буду!» А потом хлопнул и выстрел. Одиночный. Потом еще, еще. С неравными интервалами.

Лишь на секунду встретившись взглядами, Ляхов и Розенцвейг рванулись вниз. Подумали они о разном, но спешили одинаково. И Залкинд стал выбираться из-за своего стола. Один Адлер не проявил беспокойства. Очевидно, в его задание это не входило.

Ногой распахнув дверь, еще не зная, что увидит на улице, Ляхов кричал во всю глотку, надеясь, что бойцы его услышат:

— Не стрелять, отставить! Не стрелять, здесь командир! — И соответственно порция свойственной только ему и знакомой солдатам экспрессивной лексики.

Картинка, в принципе, нарисовалась ему сюрреалистическая. Хорошо, бойцов он с собой взял сверхдисциплинированных. Другие уже накрошили бы капусту.

Двое его солдат (его, а не присланных с Розенцвейгом штурмгвардейцев), отступив за автомобиль, матерясь и поочередно стреляя в воздух, не подпускали ни к себе, ни к двери дома ярко-страшную даму. Бледную как смерть (вот ведь все время выскакивают банальные штампы), особенно бледную по контрасту с яркой губной помадой и тенями на глазах. Таким вот образом разрисовывают богатых покойниц *визажисты* провинциальных похоронных контор.

Одета она была вполне стильно для ее состояния и возраста, и агрессивность проявляла самую умеренную, хотя и была сильно возбуждена. Тем же, скорее всего, неумолимым голодом. И кричала, размахивая руками, хриплым голосом на идиш, о котором призванные в Подмосковье солдаты не имели ни малейшего понятия.

Однако очерченной выстрелами и жестами черты не переступала.

— Это что за... — бросил Вадим Розенцвейгу, тоже вскидывая автомат.

— Тихо, тихо, свои, — ответил тот, движением руки показывая бойцам, что все в порядке, и, перейдя на идиш, что-то торопливо внушая женщине. А тут на пороге появился и Залкинд. И тоже закричал, не менее экспансивно размахивая руками. В общем — «спор славян между собою».

Ляхов отошел к солдатам.

— Что произошло?

— Господин полковник! Мы, это, сидим, курим. Все тихо. На улице справа появляется эта. Идет прямо на нас. Мы инструкцию помним. Ионов отбегает вот туда, приказывает остановиться. Она идет, даже ускоряется. Ионов стреляет в воздух. Я смещаюсь сюда, тоже стреляю. Кричу: «Стоять! Первый предупредительный, второй в лоб». Она останавливается, но вся аж подпрыгивает. Кричит не по-нашему, показывает на дверь. Я опять: «Стоять!», снова стреляю, тут появляетесь вы. Все!

— Молодец, унтер-офицер. Благодарю за службу. С меня причитается. Сто грамм и медаль в перспективе.

— А может, лучше отпуск, господин полковник?

— Отпуск само собой. И тебе, и Ионову. Когда вернемся. Продолжайте караул. Если еще кто появится (Ляхов этого не исключал, хотя Розенцвейгу пора уже и морду набить, что заранее не предупредил), действовать так же. Прямой опасности нет, но к себе не подпускать. И на поражение не стрелять, лучше отбегите в сторонку...

А Розенцвейг тем временем увел свою знакомую в дом, очевидно, тоже кормить.

— Еще посетители будут? — спросил Ляхов у Адлера.

— Может появиться еще один, но не знаю когда. И вообще, клиент сомнительный, он Розенцвейгу не поверил, принял его за соблазнителя, врага рода челове-

ского. Так что может и не прийти. Однако, с другой стороны, куда ему еще деваться? Если адрес запомнил...

Они еще ни разу не разговаривали наедине, и Вадиму было интересно, как этот серьезный человек воспринимает и оценивает происходящее.

На прямой вопрос Соломон пожал плечами. Он предпочитал воспринимать окружающую обстановку как данность и поступать по обстановке. Оценками и толкованием пусть занимаются раввины. Или старшие начальники.

Такой подход Ляхову был странным, сам он устроен был так, что рефлексировал по любому поводу, и иногда даже без таковых. Но Вадим не мог не признать, что определенный резон в позиции Адлера был.

— Ну и что мы с этими гостями будем делать, как вы считаете?

— Я пока никаких инструкций и заданий не получал. Спрашивайте у Григория.

Теперь уже Ляхов пожал плечами, зеркально повторив жест собеседника.

— В общем, сохраняйте бдительность, — сказал он унтеру и направился в дом.

Ситуация складывалась так, что команда Розенцвейга теперь удвоилась, Вадим же оставался в одиночестве, поскольку бойцы играли в этой истории чисто вспомогательную роль.

И такая безнадега вдруг охватила его. Зачем он здесь, Данте без Вергилия?

— Что делать-то будем, Григорий Львович? — спросил он Розенцвейга устало. — У вас своя игра, а у меня? Ну, накормили вы своих друзей, ввели их в курс дела, теперь что? Будете создавать параллельное правительство? Или все же поедem Шлимана искать?

— Вы только не обижайтесь на меня, Вадим, и не ищите второго дна. Я вам заранее ничего не говорил просто потому, что не был уверен в результате. Могло

просто ничего не получиться. Не умерли бы они своевременно, или вообще попали бы *не туда*...

А теперь будем думать. Залкинд — сильнейший аналитик, а одновременно и практик нашего дела. Знает всех и все. Грета — тоже уникум в своем роде. Талантливый стрингер и авантюристка высшей пробы. Последнее время работала против нас, но исключительно из-за больших денег, на идеи ей плевать. На любые...

— Здесь, как я понимаю, деньги ей ни к чему, — усмехнулся Ляхов, — будет работать исключительно за харчи?

— Совершенно точно. И еще — зная ее натуру, могу предположить, что она уже обдумывает способ *воскреснуть*...

— Этого нам только не хватало...

— Да как вам сказать. Я, пожалуй, не стал бы утверждать, что эти надежды так уж безосновательны...

— В самом деле, чего уж мелочиться. В загробный мир мы дорогу наладили, с покойниками общаться научились, осталось показать им обратный путь. Прецеденты есть, по крайней мере литературные. Только мне становится все страньше и страньше, как выражался один персонаж Кэрролла.

— Не нравятся вы мне сегодня, Вадим. Прошлый раз вы держались куда бодрее. Давайте, соберитесь. Обменяемся мнениями с нашими новыми коллегами, а потом вам нужно будет просто хорошенько поспать. Договорились?

— А что еще остается?

Уже возвращаясь «домой», то есть в особнячок по соседству с розенцвейговым, до Ляхова дошла простейшая разгадка мучившей его детали. Ну не мог Чекменев доверить Григорию Львовичу генератор. Пусть и ранцевый. Тем более не поставив в известность его. В какой-то гораздо более тонкой игре генерал был способен на

любые неожиданные решения, а здесь — нет. И скрывать что-то ему от Ляхова с Тархановым незачем, и конспирация, если бы и была, раскрылась тут же, при одном взгляде на этих несчастных гусей.

Решение, как всегда, рядом, но чуть в сторонке от направления взгляда.

Он поднялся на второй этаж симпатичного домика, выстроенного в духе старой доброй Голландии. Или не менее доброй Германии, где предки хозяина прожили не одну, наверное, сотню лет. В полном, нужно понимать, довольстве, не страдая от ужасов антисемитизма, раз захотели на Земле обетованной воспроизвести уголок не исторической, но фактической родины.

Ногой открыл дверь.

В густой пелене табачного дыма трое летчиков, в спортивных штанах и майках слаженно выводили фирменную песню: «Кожаные куртки, брошенные в угол...»

На столе, среди консервных банок и вскрытых упаковок бортпайков возвышались две бутылки с белыми этикетками и лишенной всякого ханжества надписью синими буквами в рамочке: «Спирт питьевой. Ректификат. 95%». Стаканы, разумеется, граненые, наверняка входящие в инвентарь самолета.

Чуть в сторонке пристроился, слушая песню, поручик Колосов в полной караульной форме и, похоже, трезвый.

Только он при появлении полковника и вскочил.

Остальные обратили внимание на его появление, только закончив, со всей возможной душевностью, куплет.

— Сидите, сидите, господа, — просто из самоуважения сказал Ляхов, — отдыхайте. Завтра точно лететь никуда не придется.

— А мы бы и завтра смогли, — отчетливо, только слишком напирая на ударения, ответил Измайлов. — Ваш поручик не пил, слово! А за экипаж я сам отвечаю!

— Кто бы спорил. Ну и мне плесните, вот так, — он

показал пальцами. — Вам, Колосов, тоже разрешаю, не в ущерб службе.

С летчиками ссориться незачем, а вдобавок Ляхов никогда не волновался по поводу чужой нравственности. В бригаде офицерам, того заслуживающим, в полусотне грамм никогда не отказывал, если видел, что — нужно.

— Вы мне, соколы, вот чего скажите — для Розенцвейга секретный груз везли?

— А мы что, нам что приказали, мы то и везли.

— Точнее!

— Три клетки с гусями. Я и то подумал — на хрена из Москвы в Брест гусей везти? Своих, что ли, мало...

— А чего же они не орали? Я ничего не услышал, хотя и рядом сидел.

— А они их перед полетом усыпили, да еще клювы изолянтной замотали...

Ляхов расхохотался. Остроумные парни в еврейской разведке. Да и генетическая память, наверное.

— Привезли, а дальше?

— Что — дальше? Перегрузили солдаты в машину, как велели, и все...

— Вопросов не имею. Отдыхайте дальше. Только смотрите, братцы, никаких чтоб мне подвигов. В городе кабаки не работают, девочек не найдете. А если вдруг попадутся — расскажи им, Колосов, что тут за девочки. На сем — не смею больше отвлекать ваше внимание.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

После того как Великий князь добрался до Москвы, в измазанных грязью до самых колен сапогах, в трех местах порванных брюках и кителе, с глубокой царапиной на щеке, личная жизнь для Тарханова на ближайшее время кончилась.

Она и так не истекала молоком и медом, теперь же

сравнить ее можно было только с пресловутым пожаром в бардаке во время наводнения.

Олег Константинович въехал в Кремль на попутной машине! Само по себе это было неслыханным от века нарушением протокола, и все понимали, что учинил это князь нарочно. Для усиления эффекта. Вполне бы мог он, как и советовал ему Миллер, с поста дорожной полиции позвонить дежурному адъютанту, за ним вмиг приехал бы вертолет с охраной, камердинером, врачом, свежей переменной одежды.

А он позвонил не в Кремль, не Чекменеву, не в жандармское управление даже, а командиру лейб-казацкого полка, за которым числился есаул. Не вдаваясь в подробности, велел поднять по тревоге две сотни, совершить марш-маневр (на колесах, разумеется, а не верхами) в указанный квадрат, оцепить и прочесать местность, разыскать Миллера, живого или мертвого, после чего, если он жив, выполнять все его указания. Ежели нет, задержать и обезвредить всех, в данном районе обнаруженных. Ввести в действие на территории округа все существующие планы: «Кольцо», «Фильтр», «Перехват», «Туман» и тому подобные.

Распоряжался князь четко и вполне адекватно ситуации.

Потом велел полицейскому вахмистру остановить первую же легковую машину, идущую в сторону Москвы, вежливо представился ошарашенному небывалой встречей водителю, приличного вида мужчине лет сорока, извинился за беспокойство и попросил подвезти. Если это, конечно, не слишком нарушает планов господина...

— Что вы, что вы, Ваше Императорское Высочество! Почту за великую честь. Липовкин я, с вашего позволения! Анатолий Васильевич! Только вот в машине у меня... не слишком чисто. Я, видите ли, с дачи еду, прибраться не было времени...

«Прибраться! — внутренне поморщился князь. —

Впрочем, что с мещанина взять?» Однако ответил вполне любезно:

— Ничего, ничего, я и сам в не совсем презентабельном виде, как бы еще больше вам не нагрязнил.

Вахмистр записал в постовую книгу паспортные данные водителя, особые приметы его и автомобиля.

— Может, Ваше Императорское Высочество, сопроводить вас все же прикажете?

— Обойдусь. Вы лучше службу как следует несите...

В дороге разговорились. Господин Липовкин, державший небольшую типографию и книжный магазин на Большой Ордынке, поначалу сильно робевший и временами даже заикавшийся от волнения, постепенно освоился. Олег Константинович понимал, что рассказ о своем необычайном приключении типограф в ближайшие сутки разнесет по всей Москве, и предложил свою версию, максимально убедительную, долженствующую в конечном счете послужить дальнейшему укреплению его авторитета и легендарности.

Мол, решив отдохнуть от государственных трудов и забот, выбрался на охоту. На волков с борзыми. Верхом, естественно. В азарте погони спутники отстали. Не то чтобы князь заблудился, просто конь занес в дебри, на крутом склоне поскользнулся, упал, сломал ногу. Пришлось выбираться пешком по оврагам и косогорам. Выбрался. Чтобы не терять времени разыскивая свиту (где их теперь, черт возьми, искать?), решил воспользоваться попутным транспортом. Вот, в общем, и все.

Здесь князь опять использовал тонкое знание психологии верноподданного обывателя.

Что именно верноподданный ему попался, — очевидно. Оппозиционер не робел бы так, не смотрел с плохо скрываемым обожанием. Ну, вот тебе и опорные точки будущего повествования: лихость князя подразумевается, склонность к истинно мужским, пристойным аристократу забавам. Демократизм в то же время, не погнушался обществом простого человека, не чинясь, сел в старенькую, грязноватую «Каму». Отказался от сопро-

вождения полиции, чтобы не нарушать течения службы, — интересы дела ставит выше собственных удобств.

В общем, наш вождь, народный! А что с коня слетел, в грязи перемазался, мог и совсем шею сломать — так это тоже, быть молодцу не в укор. Со всяким случиться может. Ты сам попробуй на коня залезть да по лесам скакать!

Таким образом, и этот неприятный инцидент Олег Константинович сумел обратить на пользу себе и делу.

Потом он с явным интересом расспрашивал Липовкина о том, как идут его дела, велика ли прибыль от типографских заказов, откуда выписывает бумагу и переплетные материалы, какие книги лучше всего расходятся, что с конкуренцией, нет ли притеснений со стороны чиновников и мытарей? И во всем проявлял здравый смысл и нешуточное знание предмета. Словно специально готовился к разговору именно с этим человеком.

Но это вообще природное свойство всех Романовых, начиная с Алексея Михайловича. Памятью они отличались феноменальной и умением на равных, на их языке разговаривать хоть с неграмотным крепостным и рядовым солдатом, хоть со своими министрами и иностранными коронованными особами.

Окончательно же он очаровал своего Автомедона¹, вручив ему на прощание визитку, велел адъютанту записать фамилию господина Липовкина в блокнотик и как бы невзначай заметив, что владельцу типографии полезно бы иметь собственную бумагоделательную фабрику. Хотя бы ту, что в городе Кондрове Калужской губернии. И недалеко, и качество продукции хорошее.

— Так, Ваше Императорское Высочество!.. Оно ведь!..

— Ничего, ничего! С кредитом, я думаю, мы вам поможем. Я распоряжусь. Лишь бы польза была...

Таким образом, было составлено внезапное счастье

¹ Мифический возница запряженной четверкой лошадей колесницы (*гревнегр.*), иронически — шофер, извозчик.

еще одного маленького человека. Зато людям не столь маленьким довелось ощутить великокняжеский гнев в полной мере.

Едва лишь умывшись и переодевшись, Олег Константинович потребовал к себе Чекменева, Тарханова и начальника жандармского управления генерал-майора Шувал-Сергеева. Хорошо еще, вовремя князя известили, что есаул Миллер обнаружен живым, уничтожившим почти всю банду и взявшим двух пленных.

— Везите его сюда, немедленно, — распорядился князь.

Но своим *охранителям* он ничего не сказал об этом отрадном факте.

Медленно раскаляясь, Олег Константинович вначале коротко, но доходчиво изложил канву происшедшего, после чего перешел к оценке личных и профессиональных качеств собеседников, используя весь принятый в гвардейских частях набор нецензурных слов и фразеологизмов.

При таком разносе главное — отнюдь не терять присутствия духа, после наиболее ярких и впечатляющих пассажей вставлять «Есть» и «Так точно», одновременно соображая, что и как будешь отвечать, когда экзекуция вступит в конструктивную фазу.

Чекменеву и Шувал-Сергееву было хоть и неприятно, но более-менее привычно, а Тарханов попал *под раздачу* на высшем уровне впервые, и все пытался догадаться, чем процедура может завершиться. Ежели княжеские милости нередко отличались чрезмерностью, так и гнев может вылиться в несопоставимые с виной репрессии.

Утешало Сергея лишь сознание того, что Чекменев, вон, состоит при Местоблюстителе почти два десятка лет, и — ничего! До генерал-лейтенанта дослужился, хотя проколы у него наверняка и раньше бывали. Да взять тот же Пятигорск или Варшаву, чтобы далеко не ходить. Сам же он здесь, можно сказать, сбоку припека. Личной

вины или просчета он за собой не видел. Предъявить ему нечего.

Но выслушивать развернутые характеристики, свои и своих родственников, как по прямой, так и по боковым линиям, было тем не менее неприятно.

Гроза, как и подобает настоящей, июльской, хорошо наэлектризованной, кончилась сразу, как только выровнялись потенциалы.

Князь промокнул платочком, пахнущим лучшим «Тройным» одеколоном, вновь начавшую кровоточить царапину, брезгливо взглянул на безнадежно испачканный батист, на продолжавших тянуться по стойке «смирно» офицеров, швырнул платок в мусорную корзину. Лицо его выражало явное сожаление, что не может так поступить с бездарями, навязанными ему жестокой и несправедливой судьбой.

— Вольно, садитесь! — и устало сел сам, положив на синее сукно стола крупные, едва заметно вздрагивающие ладони. — Ты это, Игорь, принеси там... — Олег Константинович движением подбородка указал на дверь соседней комнаты.

Чекменев, ожидавший примерно такого финала, стремительно, но не суетливо скользнул в буфетную, буквально через секунду появился вновь. Тарханов чуть не фыркнул, представив, что при таких скоростях генерал на крутом повороте рисковал лоб в лоб столкнуться с самим собой.

На подносе, наверняка по команде того же Чекменева приготовленном лакеем заранее, помещалось блюдо с бутербродами, тарелка с нежинскими малосольными огурчиками, четыре серебряные чарки и штоф «Несравненной рябиновки Шустова». И на отдельной тарелочке, закаленный до звона, посыпанный крупной солью черный ржаной сухарь.

Как будто ничего и не было только что.

— Вы же, Олег Константинович, даже и пообедать не успели, да и стресс как-никак... — сочувственно и

словно бы объясняя причину импровизированного застолья, произнес генерал, наполняя чарки с мениском¹.

— Пообедаешь с вами, — проворчал князь. — Ну ты и льешь! Чтoб глазки не ввалились? — выцедил душистую влагу до дна, ни с кем не чокнувшись. Не тот, мол, случай.

Понюхал, предварительно повертев в пальцах, сухарь. Похрустел огурцом, капризно отметив, что — мягковат.

— А теперь — к делу.

Подразумевалось, что предыдущее — не дело. А так — *подход к снаряду*.

— Ни спать, ни есть, ни пить вы у меня долго теперь не будете, — пообещал князь, — так что пользуйтесь случаем...

И снова показал взглядом, чтобы — повторить.

— И *на берег* никто не сойдет, пока черту не подведем. Учить я вас не собираюсь и думать за вас — тоже. Дело — простое. Хоть носом все переройте, найдите всех причастных, организаторов, заказчиков.

До конца — никакой чтобы утечки информации. Всех осведомленных, включая полицейских и казаков, временно изолировать. Но в наилучших условиях и с выплатой тройного жалованья.

После того как представите мне полную и *аб-со-лю-тно* достоверную информацию, подумаем, как это все подать «Урби эт орби»².

Заговор подкупленных супостатом врагов внутренних, или — диверсионная группа из-за рубежа. А то и злоумышленный комплот тех и других сразу. Оформим пострашнее и предельно убедительно. Хороший будет фон для коронации. Ответ на успехи в Польше после того, как мы взяли все в свои руки, бессильная истерика

¹ То есть выше краев, с выпуклостью, держащейся за счет сил поверхностного натяжения.

² Городу и миру (*лат.*).

врага — покушение. Но как в 1613 году — «Рука Всевышнего Отечество спасла!».

И — запускаем «Скипетр»! Указ Каверзнева и мое подтверждение согласия на возложение полномочий. Несколько решительных побед! К исходу недели — полностью восстановить контроль на западной границе. Как — ваше дело!

Руководство операцией возлагаю на тебя, Игорь Викторович. Жандармерия, в пределах темы, в вашем распоряжении.

Шувал-Сергеев, не вставая, согласно звякнул шпорами под столом.

Олег Константинович пристально посмотрел на Тарханова. То ли думая, давать ли ему отдельное поручение, то ли просто пытаясь понять — а этот-то полковник что тут делает?

Ничего не сказал, выпил третью, жестом показал, что на этом — довольно.

— Хотя вы и не заслужили, подарок я вам приготовил. Вот как надо свой долг исполнять, учитесь!

По звонку дежурный пропустил в дверь есаула Миллера.

Адъютант был уже в полном порядке. То есть переодет в чистое, на сапоги наведен блеск и даже, кажется, свежеевыбрит.

Козырнул, доложил, как положено, о прибытии.

— Не есаул, а войсковой старшина с сего часа. Спасибо за службу, Павел. Изложи вкратце, что и как.

Новоиспеченный войсковой старшина изложил, понятно и без лишних подробностей.

— А что за пленные? Успели допросить?

— Никак нет. Главный ранен, приличная потеря крови, а второй дуб дубом. Простой конюх. Как зовут, и то с третьего раза соображает.

— Не проблема, — усмехнулся Чекменев. — У нас быстрее будет. Соображать. Вот полковник Тарханов займется, у него и опыт, и оборудование. Раненый — где?

— В уездной больнице в Хотькове. На операции. Охрана — взвод казаков при хорунжем.

— Немедленно послать санитарный вертолет, двух лучших травматологов, — распорядился князь. — К утру допросить сможете?

— По состоянию, — неопределенно ответил Чекмев.

— Значит, чтоб было нужное состояние...

Великий князь, раздав царедворцам поручения, взбодренный тремя рюмками рябиновки и мастерски устроенным разносом, да и испытывая вдобавок естественное чувство радости от своего чудесного спасения, вдруг задумался.

Крутилась в голове некая ускользающая мысль, связанная с молчаливым полковником, стоически принявшим на себя порядочную долю высочайшего гнева, по справедливости — адресованного совсем не ему. Что-то связанное с этим полковником, но не имеющее отношения к сегодняшнему инциденту.

Ах, да, как же он мог забыть! Это ж его не то жене, не то просто подруге он объявлял свои милости на приеме в Берендеевке. Такая очаровательная молодая дама с большими серо-зелеными глазами и статью... Да, стать у нее отменная. Олег Константинович вспомнил ее длинные ноги, стройную, аккуратную, но одновременно крепкую фигуру. Не столичная хрупкая штучка, готовая переломиться от дуновения ветерка, не квашня расплывающаяся, с неимоверным трудом запакованная в корсет, а как раз то, что надо. Небось захочешь ради шутки, за известное место ущипнуть, так и не ухватишь... М-да!

Отчего бы не познакомиться с ней поближе, в приятной обстановке?

Момент сейчас самый подходящий. Настроение у князя именно такое, неотложных дел до утра точно нет, и полковник ее приведен в состояние, когда о бабах

вспоминается в самую последнюю очередь. А если б и вспомнил, ходу ему в город нет.

Вот ведь как интересно получилось, если бы даже заранее планировал, не смог бы лучше устроить.

Олег Константинович был хотя и «большим жизне-любом», как принято выражаться в отношении высокопоставленных особ (для прочих есть более простые определения), но человеком благородным. Никогда он не навязывал свою благосклонность привлечшим его внимание женщинам нежентльменскими способами. Все исключительно по доброму согласию и взаимному влечению. То, что очень немногие имели смелость и характер заявить о несогласии и неприязни, князь во внимание не принимал. Формально он предоставлял дамам полную свободу выбора. И если выбор был правильным, вознаграждал он своих пассий более чем щедро.

Вот и сейчас он ничего не предreshал. Пригласит мадам Тарханову на вечерний чай, побеседует, присмотрится, а уж там что будет, то и будет.

Князь вызвал камердинера и отдал необходимые распоряжения.

В Берендеевке принимать гостью было бы не в пример удобнее, но второй раз за день выезжать в ночной лес ему не хотелось. Два снаряда, как принято думать, в одну воронку не падают, но Олег Константинович по собственному фронтовому опыту знал, что и такое бывает. И времени уйдет много, а свои прихоти князь предпочитал исполнять по возможности сразу. Жизнь ведь коротка и переменчива.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

После возвращения Татьяна оказалась предоставленной сама себе. Как и Майя. Их «почти что мужей» захватила и закружила служба, повернувшаяся к женщинам своей теневой стороной. Когда она дарит чины, зва-

ния, ордена и много денег — это радует, веселит, тешит самолюбие, подогревает тщеславие.

Вот только что, ну словно вчера, была она неудачницей, сверх всякой меры засидевшейся в девицах и оттого отзывчивой на мужское внимание почти до неприличности. Гидессой Таней Любченко, за скромное вознаграждение водящей иностранных туристов по лермонтовским местам и прочим достопримечательностям Кавказских Минеральных Вод. Только чаевые позволяли вести более-менее приличное, по меркам Пятигорска, существование. И вдруг сразу — полковница, столбовая дворянка, кавалерственная дама, живет в Москве, в средствах не стеснена. Счастье, миллион по трамвайному билету!

Но обратная сторона всего этого великолепия — тоскливое одиночество. Сергей поначалу появлялся дома через три дня на четвертый, а последнюю неделю только изредка звонит. Одной ходить некуда, да и не принято такое, кроме, разумеется, магазинов и общедоступных кинотеатров. А на премьеру в Вахтанговский не пойдешь, и в МХАТ, и к Корфу, в ресторан — тем более. Скучно, тоскливо.

С Майей отношения оставались прекрасными, но словно бы не в фазе. Она-то не скучала и без уехавшего вообще «далеко от Москвы» Вадима. У нее сохранились почти все прежние компании, где она вращалась и блистала с еще большей интенсивностью, собственным и отраженным светом. И усиленно пыталась приобщить к жизни света Татьяну.

Та с ней сходила раз-другой в закрытый дамский клуб, на какой-то вернисаж с фуршетом, а в третий — не пошла. Отговорила *критическими днями*, чтобы так уж демонстративно не противопоставляться. Ведь, кроме Майи, у нее в Москве друзей по-прежнему не было, но и с ее приятелями и приятельницами она чувствовала себя чужой.

Да и роскошные, ухоженные и уверенные в себе дамы наверняка шушукались у нее за спиной. «Мещанка

во дворянстве», одним словом. Что на самом деле было неправдой. Именно своей оригинальностью Татьяна могла выделиться и занять подобающее положение. Но Майя, по известной женской вредности, вовремя ее не просветила.

И Татьяна, если не бродила бесцельно по улицам, чуть не целыми днями валялась на диване, листала глянцево-светские журналы, пытаясь извлечь из них наглядные примеры и руководство к действию в окружающей ее среде. Снова стала много курить, хотя с момента возобновления связи с Тархановым почти избавилась от этой привычки.

Иногда позволяла себе немного выпить, по преимуществу «Кавалергардское» шампанское-брют с крымских заводов князей Голицыных. После чего воображение у нее растормаживалось, и она начинала размышлять над загадками собственной судьбы.

Чаще всего возвращалась к последнему доверительному разговору с Ляховым. В кают-компании катера, идущего через море. Тогда у нее произошло нечто вроде нервного срыва, и девушка обратилась за помощью к единственному человеку, который мог понять и помочь и с которым ее не связывало ничего личного.

Не к Тарханову же обращаться. Не тот характер и не тот случай. Сергей и сам был достаточно напряжен, с трудом удерживал себя в подобающих рамках, нагружать его еще и женскими бреднями было просто неразумно. А уж взять и поделиться с фактическим, хоть и не венчанным мужем своими предыдущими сексуальными проблемами и подозрениями о своей истинной сущности было для нее вообще невыносимо.

А вот Ляхов подходил для излияния чувств наилучшим образом. И врач с некоторым психиатрическим опытом, и вообще человек надежный и одновременно легкий в общении. Способный понять, ободрить, а главное — сохранить врачебную тайну.

А причин для страхов и подозрений у Татьяны было предостаточно. Если коротко, так она совсем была не

уверена, что после неудачной попытки самоубийства в позапрошлом году осталась сама собой. Ей временами, и довольно часто, казалось, что от прежней себя у нее осталась только внешность и память. Да и в последнем она моментами начинала сомневаться. Память тоже могла быть *переписанной* или сильно подкорректированной неизвестно кем.

А вот поступками ее почти наверняка руководил кто-то другой. Нет, шизофренией это не было, кое-какие медицинские книги она просматривала. Никаких уговаривающих или угрожающих «голосов», никакого бреда насчет направленных ей в мозг «лучей», да и сам факт, что она осознает некоторую свою «ненормальность» и пытается разобраться в ее причинах, свидетельствовал о психическом здоровье. Невроз навязчивых состояний — возможно, но не шизофрения или какая-нибудь паранойя.

Все это она как можно более связно изложила Ляхову, когда они остались наедине в тесной кают-компании, не преминув также отметить, что все сомнения и угнетающие мысли до чрезвычайности обострились именно здесь, в стране живых покойников.

Вадим великолепно понял все, что она хотела ему объяснить, даже развил эту тему, обратив ее внимание на некоторые странности, связанные со встречей с Тархановым, и согласился, что все это — не просто так.

Кроме того, путем осторожных расспросов Ляхов выяснил, что Татьяна ощущает свою непонятную *включенность* в реалии здешнего мира, и соотнес это с пережитой ею клинической смертью.

Они, мол, с Тархановым пережили шок и контузию от удара «Гнева Аллаха» на границе этого мира с каким-то другим, вот и притянул он их к себе из «нормального» по отношению к нему «будущего». А Татьяна, пусть всего несколько минут проведшая за гранью жизни, прикоснувшись к небытию, отпечатала в нем свою тень, и теперь, совмещаясь или соприкасаясь с нею, тоже определенным образом «расширяет свое сознание».

Нельзя сказать, что Татьяна полностью поняла или приняла его гипотезу, но определенно ей стало легче. Оттого, что не одна она такая и что Ляхов с уверенностью исключил психиатрический диагноз. И прописал лечение, включающее умеренные, но регулярные дозы монастырского ликера «Селект», а также интенсивную личную жизнь, столь часто, как позволят обстоятельства.

Тогда ей все это помогло, по крайней мере, *там* приступы депрессии не повторялись, и думать о своих проблемах она могла почти спокойно.

Теперь же прежние фобии стали возвращаться. Ей снова то и дело воображалось, будто не живет она свою собственную жизнь, а, бог знает, который раз, без таланта и вдохновения выходит на сцену, чтобы разыграть постылую, навязанную ей роль.

На днях она зазвала к себе Майю, накрыла стол и поделилась с ней сомнениями по поводу собственной подлинности и адекватности.

Ей показалось, что подружка разделяет ее настрой.

Когда Татьяна начала рассказывать о своих ночных не то снах, не то видениях, где она вновь попадает в потусторонний мир и встречается там с неким существом неопределенного облика, но безусловно материальным, которое долго и убедительно что-то ей внушает. Майя особенным образом посерьезнела, помрачнела даже. Похоже, вот-вот она скажет что-то важное, сокровенное, после чего им обоим станет легче, протянется между ними новая и прочная нить.

— Не Шлиман тебе, случаем, снится? Или — чеченец?

— Нет, не они, — Татьяна зябко передернула плечами. Воспоминание об умершем почти у нее на руках Гериеве было неприятным. — Словно бы не человек совсем. И ты знаешь, там, во сне, я все понимаю, соглашаюсь или не соглашаюсь, спорю, прошу о чем-то, и чувствую, что не сон вокруг, а самая подлинная жизнь, а проснувшись, забываю все. Кроме одного только ощущения, что *тот* говорит все правильно, а я возражаю только из уп-

рямства... И еще, — вдруг решила сказать Татьяна, хотя только что не собиралась этого делать. — От этого существа исходит что-то такое, ну, понимаешь, мне немедленно хочется, ну, прямо мучительно хочется...

Лицо Майи разгладилось, и она звонко расхохоталась, несколько даже бестактно.

— Трахаться, что ли? Ну, развеселила! А раньше что, никогда таких снов не видела? Неужели? Я так постоянно. Правда, мне все больше мальчики красивые... И почти всегда успешно! Если хоть неделю сплю одна. Самое обычное дело. А у тебя бесформенное нечто, говоришь? Значит, не дospelа... Конфликт потребности и долга. Хочешь, книжку принесу «Женская сексопатология». Твой случай там наверняка описан...

Татьяна испытала разочарование. Ханжой она, конечно, не была, слова подруги ее не смутили. Но хотелось ей сегодня услышать нечто другое. Не столь рассудочное, более созвучное ее нынешнему настроению.

— Не о том ты думаешь. А если это все-таки правда? Нет, не это, тут ты, может быть, права, — печально спросила она. — Если случилось все, что случилось, отчего так уж невероятно вообразить, что на самом деле есть существо, которое всеми нами управляет и пытается донести до меня какую-то важную мысль, а я просто не могу ее усвоить?

— Если бы такое существо имело место, оно уж как-нибудь нашло способ до тебя достучаться, — вполне здраво предположила Майя. — Помогло бы или просто заставило запомнить все, что нужно, не так ли? И оно ведь не Бог, правда? Что бы это могло такое быть — не Бог, а всеми нами управляет? Разве что дьявол. А Бог, в свою очередь, тебя защищает и предостерегает. Может, тебе в церковь сходить, духовника себе завести? Многим помогает.

— Беда в том, Майя, что в Бога я как раз не верю. Не сложилось как-то. А вот в материальные, но высшие по отношению к нам существа верю вполне...

— В инопланетян, что ли?

Удивительным образом все, что говорила сейчас Татьяна, Майя не так давно обсуждала с Ляховым. Словно бы не всерьез, в порядке необременительной болтовни они тоже вообразили себе «нечто», ставящее на людях неизвестно какие цели преследующий эксперимент.

Как выразился Ляхов: «Нам неизвестна их «гипотеза исследования», тот априорный вывод, ради подтверждения или опровержения которого все и затеяно. Это может быть все, что угодно. Проверка пределов психологической устойчивости, наличия или отсутствия свободы воли, возможностей непрямого моделирования реальности, посредством скрытого воздействия на отдельно взятого человека.

И это только те задачи, которые я смог придумать, что называется, навскидку, не имея ни одного достоверного факта, пользуясь лишь ничтожной, с иной точки зрения, человеческой фантазией. А, скорее всего, то, о чем мы рассуждаем, лишь исчезающе малая часть некоего грандиозного проекта. И судить о целом мы с тобой имеем не больше возможностей, чем неграмотный крепостной позапрошлого века о работе установки термоядерного синтеза.

— Не обязательно инопланетян. А просто тех, кому мы — как колония микробов в чашке Петри...

Образ показался Майе слишком изощренным для выпускницы провинциального института иностранных языков.

Впрочем, откуда ей знать, какие книги читала Татьяна, в том числе и на иностранных языках? Уже не раз она приоткрывала довольно неожиданные грани своей личности. И, в порядке бреда хотя бы, можно вообразить, что является она главным объектом воздействия тех самых существ. Слабым звеном в их компании. Об этом они с Ляховым тоже посудачили в свое время, опять же для забавы.

Хотя — так ли это? Вадим вполне мог под видом шуток обкатывать на ней свои, вполне серьезные гипотезы.

— Не, ну ты, подруга, и скажешь! Микробы, чашка

Петри! Нет уж, я себя плесенью считать не согласна. — Она высоко подняла ногу, повертела ею в воздухе, словно демонстрируя кому-то, а то и сама любясь. Нога и вправду была красивая. — И пошли они все... — прямым текстом сообщила, куда именно «всем» следует идти. — Давай лучше о мальчиках... И напьемся, всем назло!

Откинувшись в кресле и скрестив ноги на журнальном столике, с бокалом в руке, совершенно как подвыпивший поручик Ржевский, Майя принялась подробно и со вкусом разглагольствовать о собственных победах над мужчинами, демонстративно смакуя физиологические и психологические подробности.

Татьяна и сама была не чужда подобных утех. Со студенческих времен, проведенных в институте, где соотношение парней и девушек равнялось одному к трем, отчего борьба за завоевание и удержание достойного партнера носила ожесточенный характер, в ней почти не было запретных приемов. И зачитанные томики «Камасутры» с комментариями на полях, подчас интереснее основного текста, ходили по рукам наравне с конспектами по языкознанию и исторической грамматике.

Но откровенно говорить на эти темы не любила ни раньше, ни теперь.

Возбужденная собственными рассказами, Майя даже намекнула, что неплохо бы позвонить кое-куда (есть у нее на примете несколько приличных мужиков, которым не стыдно отжаться), чтобы перейти от теории к практике.

— А наши пусть потом локти кусают, раз бросают на произвол судьбы собственных баб в самом соку...

Еле-еле Татьяна сумела успокоить подругу и уложить ее спать.

Утром Майя вела себя как ни в чем не бывало, только казалось, что в глубине глаз мелькают у нее лукавые чертики, однако к рискованной теме больше не возвращалась.

Только уже на пороге, чмокнув Татьяну в щечку, не удержалась:

— В общем, не горюй. Я вечером позвоню, а то сама звони. Особенно, если что...

И очень было прозрачно направление ее мысли.

Проницательной, нужно заметить. Потому что ночь Татьяна провела мучительную. Конечно, она выговори-лась, и внутреннее давление ослабело до приемлемого уровня, неведомый советчик ее не посетил во сне.

Зато вторая составляющая проблемы разгулялась. Расцвеченные собственным воображением Майины сюжеты до позднего рассвета крутились в полуяви-полусне, ничем не завершаясь.

Встала Татьяна разбитая, с тяжестью в пояснице и в низу живота.

Татьяна принадлежала к тому типу женщин, что могут без особого труда переносить многомесячное воздержание, как это и было в Пятигорске до встречи с Тархановым. Однако если вдруг *накрывало*, то желание становилось почти непереносимым. И тогда хоть на панель иди, если нет иного выхода.

В прошлой жизни выход обычно находился, потому что поклонников у нее всегда хватало, но сейчас-то все изменилось. Исчезло главное — свобода. Внешняя, потому что внутренних барьеров она не ощущала.

Измена, вызванная голой физиологией, а не душевной склонностью — это не измена. Тут и обсуждать нечего. И отчего бы, в самом деле, не попросить Майю ввести ее в какой-нибудь аристократический дом свиданий, где до утра шумит ежевечерний маскарад. Где падкие до романтических приключений кавалеры и дамы в масках инкогнито ведут любовные интриги и, если сложится, уединяются, не зажигая света. Чтобы навсегда осталось волнующей тайной, с кем довелось приятно (или не очень) провести время.

Татьяна читала в своих журналах весьма подробные и пикантные описания таких домов.

А тут еще Тарханов, позвонив, сообщил, что на неопределенный срок переходит на казарменное положение.

— Не знаю, на неделю, может, а то и больше. Тут у нас такая запарка... Война и много сверх того. Так что ты уж как-нибудь... Не обижайся. Может, вам с Майей куда-нибудь съездить? Она в таком же положении. В Петроград, например, или в Осташков...

Древний город Осташков, что на берегу загадочного озера Селигер, славился игорными домами, которым не было равных не только в Московском княжестве, но и во всей России.

— Ладно, служи, а я как-нибудь найду, чем заняться, — ответила она, постаравшись, чтобы Сергей не услышал в ее голосе досады и раздражения. Он-то в чем виноват?

Вечером Майя не позвонила, и телефон ее не отвечал. Словно бы назло, с намеком, что она-то подобных проблем не испытывает.

А ночью Татьяне приснился фильм. Так точно, фильм, не сон. Отчетливый, подробный, без неминуемых во сне неясностей, наплывов, сюжетных сбоев. Посвященный одному из самых... Да что там «одному из»! Это и было самое романтическое приключение в ее жизни.

...Душный, беременный грозой июльский день. Вечереет. Она идет по курортному проспекту в сторону железнодорожного вокзала. И встречает напротив входа в парк жениха подружки, Ларисы, аспиранта из Ставрополя Славика.

Вот незадача. Лариска собиралась за него замуж, но все никак не могла прекратить еще одну приятную и необременительную интрижку. Решилась наконец, и как раз сегодня в опустевшем по случаю каникул общежитии организуется *подведение черты*. То есть прощальная вечеринка в стиле Рима эпохи упадка. Гости уже «съезжаются», а Татьяне поручено купить бочкового вина в знаменитом подвальчике «У дяди Коли».

И вдруг — жених нагрянул! Предварительно не позвонив. Сюрприз, так сказать. Или — что-то заподозрил. Короче, в перспективе большой скандал и даже хуже.

Так что Лариске, пожалуй, дико повезло. Разминись Татьяна с гостем — и все!

Ну, надо выручать!

— Ой, Славик, какими судьбами! К Ларисе? А она как раз утром уехала. Работка подвернулась. Детскую экскурсию сопровождать, откуда-то с Урала. В Теберду, Домбай и обратно. Завтра к вечеру точно будет. Потом я ее подменю, на Военно-Грузинскую дорогу поедем...

Такие подработки у студентов и студенток были постоянно, тут и выдумывать не пришлось. И Славик это знал. Но опечалился.

— И что же теперь делать?

— А чего? Переночуешь, она и вернется. В кино, если хочешь, сходим... У меня подружка в «Бристоле», поселит бесплатно. Я ей сейчас позвоню.

В этом деле главное быстрота и натиск.

Из уличного автомата она позвонила в общежитие:

— Ну ты, мать, влетела так влетела! Жених твой в трех шагах стоит, трамвай ждет. С букетом алых роз и обручальным кольцом в кармане!

Из трубки донесся сдавленный писк.

Да и в самом деле — трамваем ехать четыре остановки, даже пешком — от силы пятнадцать минут. Гостей разогнать, все следы и улики устранить — никак не успеть. Если б еще столы и ложа были накрыты в соседних комнатах, а то ведь в ее! Катастрофа!

План Татьяны был принят с восторгом и униженными обещаниями отблагодарить по-царски. Правда, ее там тоже кое-кто интересовал, были определенные планы, но тут уж — сам погибай, а товарища выручай.

В кино они, разумеется, не пошли, а отправились в уютный летний ресторанчик на вершине Машука. Вышло так, что Татьяна слегка перестаралась. Измученный долгим воздержанием, расстроенный неудачей (он, может, всю неблизкую дорогу только и воображал, как немедленно потащит любимую в постель), Славик вдруг завелся от медленных танцев, ее постреливания глазка-

ми, серебристого смеха, гибкого тела, едва прикрытого тонким муслином.

В этот момент она попыталась вынырнуть из сна, ощутив непонятную угрозу. И почти смогла это сделать. Но в то же время ей страстно хотелось остаться там навсегда. Второе желание победило!

И все продолжалось, с протокольной точностью воспроизводились мельчайшие подробности тех далеких вечера и ночи.

Славик распалился до того, что едва-едва не овладел ею прямо на лесной полянке, в десяти шагах от дорожки терренкура. Она вообще-то, в принципе, была не против, следовало ведь чем-то компенсировать свои порушенные планы, но не в такой же обстановке!

Платье на ней было светло-сиреневое, в первый раз надетое, а трава густая, жирная, в траве — крапива, сор всякий, иголки и шишки сосновые, муравьи. И во все это — голой задницей? Нет уж увольте, не стоит оно того.

Сумела, шепча нечто успокоительное, заставить его убрать руки отовсюду, подпернула трусики с едва не лопнувшей резинкой.

Зато в гостиничном номере жеманничать не стала, и сумасшедшая ночь на сдвинутых кроватях, жаркая, пропитанная густым ароматом ночных фиалок и звуками духового оркестра из Цветника, пролетела единым мигом.

Наяву все завершилось наилучшим образом, счастливые жених и невеста встретились и, как известно Татьяне, до сих пор живут в мире и согласии, сама она тоже получила незабываемые впечатления, а вот во сне...

В самый волнующий момент, когда еще секунда, несколько движений — и блаженство, дверь комнаты с треском распахнулась! Влетела рассвирепевшая, расстрепанная, пьяная Лариска и с совершенно бабскими, визгливыми криками начала хлестать Татьяну по лицу ее собственными трусами...

Вот уж сон, так сон!

Случись такое в реальности — реактивный психоз обеспечен.

Да хоть и во сне, но слишком уж все ярко, натуралистично, мерзко, стыдно...

Все же что-то нехорошее с ней происходит. Наверное, и вправду нужно к психиатру обращаться. Подобные сны и мысли — это же не просто так. Ярчайшие симптомы нервного расстройства на сексуальной почве. И дело тут совсем не в вынужденном воздержании. Подумаешь — неделя, десять дней. Бывало куда как дольше, и ничего.

Из институтского курса общей медицины Татьяна помнила, что такое бывает при повреждениях и опухолях мозга... Неужели же и у нее? Немедленно нужно обратиться к знающему врачу. У Майи наверняка должны быть знакомые и в этих кругах...

День прошел ужасно. Все валилось из рук. После полудня она выбралась в город, погулять по улицам, рассеяться. Но погода немедленно испортилась, пошел холодный мелкий дождь, у нее промокли ноги, и пришлось вернуться в еще худшем настроении. Вдобавок на Цветном бульваре к ней прицепился какой-то сумасшедший или пьяный, долго тащился следом, бормоча всякие глупости, и Татьяне пришлось окликнуть городского.

Вечер тоже обещал быть пустым и тоскливым. Татьяна собиралась уже ложиться в постель. Выпить традиционный бокал шампанского, почитать, посмотреть очередную мелодраму. А потом снова погрузиться в еще более отвратительный кошмар?

Или все-таки лучше попробовать разыскать Майю? Опять поплакаться в жилетку, да и предложить нести свои кресты совместно. Отчего бы на самом деле не проехаться на Селигер? Три часа автомобилем или ночь в комфортабельном салон-вагоне. Азарт при игре в рулетку или покер, говорят, такой, что никаких других мыс-

лей просто не остается. И, между прочим, насчет врача осведомиться.

Она потянула руку к телефонной трубке, но аппарат вдруг зазвонил сам. Татьяна вздрогнула. Неужели Майя? Дошло до нее телепатическое послание? А как славно, если бы она согласилась! Что нам собираться? На все про все полчаса. А поезд отправляется только в половину двенадцатого.

Но голос с той стороны провода прозвучал мужской, мягкий и бархатистый, показавшийся Татьяне странно знакомым.

— Добрый вечер. Могу я услышать госпожу Тарханову Татьяну Юрьевну?

Странно. А кого еще мог здесь услышать незнакомец? Или он привык, что в известных ему домах к телефону подходят непременно служанки, камеристки, секретарши, а кавалерственные дамы потом решают, брать ли трубку или велят ответить, что барыни нет дома.

Учиться ей еще и учиться. Тем более что мужчины, кроме Сергея и, иногда Ляхова, в этот дом ей пока не звонили.

— Я вас слушаю.

— Еще раз добрый вечер, Татьяна Юрьевна. Вас Олег Константинович беспокоит, покорнейше прошу прощения...

О, Господи!

У Татьяны перехватило горло, и даже ладонь, держащая трубку, мгновенно взмокла. Сам Великий князь! Такого она не могла вообразить в самых отчаянных фантазиях. Конечно, она запомнила тот взгляд, которым он скользнул по ее лицу и фигуре, словно бы раздел за долю секунды.

Этот избитый образ был тем не менее вполне применим к моменту. Она тогда именно так и подумала, отметив даже, что раздел как бы не догола, а до нижнего белья всего лишь. И отвернулся. Как это могло быть, она

не представляла, но внутреннее ощущение было именно такое.

— Добрый вечер, Ваше Императорское Высочество...

— Олег Константинович...

— Да, Ва... Олег Константинович...

— Я вас не оторвал от каких-либо важных дел?

— Нет. Какие могут быть более важные дела?

— Ну-ну. Дело у меня к вам, собственно, такое. Согласно протоколу, кавалеры орденов Российской империи имеют не менее одного раза в год право на личную аудиенцию. Я догадываюсь, что врожденная скромность мешает очень многим лицам, а тем более дамам, этим правом пользоваться. И имею правило выходить с приглашением сам.

Так вот, не соизволите ли вы сегодня разделить со мной вечерний чай? И мы сможем, познакомившись поближе, свободно обсудить некоторые вопросы и имеющие у вас быть проблемы. Я знаю, что вы в Москве недавно, связями обзавестись не успели, никак не устроены и вам при нужде даже не к кому обратиться...

Татьяна пребывала в полном ошеломлении, причем термин этот следует понимать буквально — то, что испытывает человек, получивший удар мечом или булавой по шлему.

А соображать нужно быстро. Не показать своего замешательства, чтобы князь не решил, что имеет дело с душой деревенской.

Отказаться — невозможно. Такие шансы выпадают раз в жизни, а большинству и вовсе не выпадают. Но и принять приглашение — очень может быть, что сломать свою жизнь, ничего особенного не получив взамен. Нельзя сказать, что она так уж пылко любила Тарханова, что было, то прошло, а сейчас они просто живут, испытывая взаимную привязанность и уважение. Лишишься и этого — с чем останешься?

Думай, Таня, думай!

— Разумеется, Олег Константинович, это для меня большая честь. А разве сейчас... не поздно уже?

Послышался довольный смешок князя.

— Что вы, Татьяна Юрьевна, в это время жизнь только начинается. Так я думаю, часа на сборы вам хватит? Машина будет ждать у крыльца...

Вот и все. Обратной дороги нет. Конечно, она, может быть, зря так нервничает и переживает. Побеседуют они с князем, на самом деле чаю попьют, да все на этом и кончится. Мало ли у него фавориток, чтобы домогаться чужой жены, особенно если она твердо и недвусмысленно даст понять, что отнюдь не склонна к адольтеру.

И одновременно понимала, что при малейшей нестойчивости Олег Константинович добьется от нее всего, чего пожелает. Она в буквальном смысле упадет в его объятия.

Татьяна металась по квартире, рылась на полках и в ящиках шкафов, подбирая достойный случая наряд, косметику, духи. Вовремя остановилась, поняв, что может не успеть, и решила, не мудрствуя, одеться так же, как на прием в Берендеевку. Женщин, которые могли уже ее видеть в этом костюме, на чаепитии у князя точно не будет, а яркие, легкомысленные, чересчур открытые платья моменту, конечно, не соответствуют.

Случилось все приблизительно так, как Татьяна и предполагала. По сути, конечно, а не по форме.

Был князь крайне любезен, одет в изящный гражданский костюм, светло-синий, в тонкую алую полоску.

Стол для чая на две персоны был накрыт в небольшой гостиной, примыкающей к зимнему саду.

Благодаря деликатности и обаянию личности князя Татьяна почти сразу почувствовала себя легко и раскованно. Лакеи, периодически возникающие и исчезающие, воспринимались ею как необходимые элементы окружающей среды и нисколько не отвлекали.

В общем-то, опыт общения с важными персонами у

нее был, пусть и не на таком уровне, но в Пятигорске и на кавказских горнолыжных курортах в качестве переводчицы и эскорт-леди ей приходилось работать и с президентами компаний и корпораций, и с депутатами Госдумы, и просто со сверхбогатыми бездельниками. Обычно — справлялась.

Беседа была неторопливой и обстоятельной. По своей манере (о которой она уже слышала от Ляхова, имевшего подобную аудиенцию) князь умело строил разговор так, что говорить все время приходилось Татьяне, а он лишь задавал наводящие, а также риторические вопросы и к месту изрекал банальности, в его устах звучащие, как тонкие афоризмы. Высокое, между прочим, искусство — вести и направлять светскую беседу.

Олег Константинович ненавязчиво выяснил всю ее биографию с институтских времен. Разумеется, Татьяна, не искажая основной канвы, которая легко могла быть проверена по документам, сумела изобразить свою жизнь в гораздо более ярких и романтических тонах, чем то было на самом деле. Да ведь и все почти так поступают, включая знаменитых писателей и исторических деятелей.

И относительно странствий по загробному миру она поведала князю много интересного, опять же в эмоциональном плане, поскольку фактографией из служебных отчетов Ляхова, Тарханова и Розенцвейга тот владел в полном объеме.

Вина у князя были изумительно хороши, поражали громкими титулами и годами выдержки, ну и букетом, и тонкой вкусовой гаммой тоже. Вот в пояснениях, касающихся истории и свойств каждого из предлагаемых для дегустации сортов, Олег Константинович забывал о сдержанности, поднимался до поэтических и риторических высот.

Только с каждым тостом и выпитым бокалом князь все чаще фиксировал взгляд на ногах Татьяны, обтянутых предельно скромными, темно-золотистыми, без всякого рисунка, шелковыми чулками, и на вырезе жакета,

в котором упруго крутилась хоть и прикрытая кружевной тканью блузки, но выразительная грудь. Ноги можно прятать под кресло, юбку невзначай одернуть, но главную прелесть никуда не денешь.

От этого Татьяна чувствовала себя несколько неловко. Хотя последний раз стеснялась своей груди в седьмом классе гимназии, когда постоянно чувствовала взгляды молодых преподавателей на вызывающе оттопыренном форменном фартуке.

Вскоре она осознала, что следует не стесняться, а гордиться своим достоянием, и вот только сейчас в ней вспыхнуло давно забытое чувство. Очевидно, глаза князя обладали какими-то особыми свойствами.

А Олег Константинович вдруг протянул руку и почти коснулся пальцем именно груди. Она вздрогнула, и все у нее внутри сжалось.

Но князь задержал движение, едва заметно усмехнулся:

— Я совершенно упустил вам сообщить, что на подобных приемах и вообще выходах в свет полагается вот здесь носить розетку ордена. Сам крест — только на парадном орденском платье, а розетку — обязательно...

Собственно, с этого момента Татьяна все для себя решила и думала о предстоящем не со страхом, а с нарастающим нетерпением и любопытством тоже. Ей было интересно, как именно все будет обставлено. Как *этим* занимаются коронованные особы.

А мысли о Сергее вдруг испарились из головы, будто и не было его на свете.

Время между тем приближалось к полуночи. Если бы не внезапный звонок князя, они с Майей уже могли бы сесть в поезд и весело ждать отправления, предвкушая скромные приключения.

Машинально она взглянула на высокие напольные часы, неторопливо взмахивающие причудливо изукрашенным маятником.

Олег Константинович загадочно усмехнулся в бороду: — Вы торопитесь?

Не успела она возразить, как князь кивнул:

— Возможно, вы и правы. Благодарю за приятный вечер...

Татьяне показалось, что сейчас он встанет и проводит ее к выходу. И испытала острое разочарование. Она только что окончательно решилась, успела полностью оправдать грядущее грехопадение воздействием *непреодолимой силы*, а ей укажут на дверь, и все станет еще хуже, чем бывало раньше.

— Я вас только об одном попрошу... Пройдите сейчас вот туда, — он указал на почти скрытую между тропическими растениями дверь в глубине оранжереи. — И если то, что вы там увидите, вас заинтересует, поступите так, как сочтете нужным. Если нет — там есть еще один выход, спускайтесь по лестнице в вестибюль, я вас встречу и провожу до машины...

Вначале Татьяне вообразилось, что в столь деликатной форме князь сообщает ей, где находится туалетная комната. Все-таки они просидели за «чаем» больше двух часов, и он подумал, что гостя мучается, но не знает, как спросить... Ну, что ж, можно и воспользоваться.

Туалетная комната там действительно была, великолепно, нужно отметить, обставленная и оборудованная. Не в каждом *хорошем доме* гостиные выглядят лучше. Мозаичный паркет, чиппендейловская мебель, зеркала, живые растения в керамических горшках ручной работы, подсвеченные изнутри стеклянные панно с эротическими рисунками Бердслея в натуральную величину.

В натуральную — не в смысле соответствия размерам оригиналов, как раз те были в десяток раз меньше. А здесь мужские и женские фигуры изображены в пропорции один к одному. За всем этим великолепием Татьяна не сразу и разглядела функциональную часть помещения.

Да уж, цени, случайный гость, куда тебя занесла судьба. Проникайся имперским величием. И даже как-то так устроено, что и ароматизированная вода в унитазах спускается совершенно бесшумно.

Но из туалетной комнаты дверь вела отнюдь не на лестницу, а в просторный будуар. Снова изысканная мебель, ковры, еще более откровенные картины на стенах, писанные маслом, по стилю и технике напоминающие работы Дали, но вполне реалистичные, даже, пожалуй, «гипер».

И в центре будуара — обширная низкая кровать. Как положено в приличных отелях — постель полураскрыта. Поверх покрывала аккуратно разложен изумительной красоты кружевной пеньюар, цвет тополиного листа с серебром.

Вот, значит, как здесь это делается. Ненавязчиво.

А в глубине будуара, справа от эркера, действительно не наличествует очередная дверь. Не нравится — уходи. Внизу встретят и проводят, наверняка не задав ни единого вопроса и не дрогнув лицом. А ты потом всю оставшуюся жизнь будешь вспоминать этот вечер и сожалеть об упущенной возможности. Или, наоборот, гордиться собственной целомудренностью и стойкостью.

Татьяна увидела в громадном зеркале свое отражение, полурастерянную улыбку и за спиной — картину. Великолепный римейк «Завтрака на траве», но дамы изображены современного облика и пропорций, и на холсте добавлено несколько продуманно-пикантных деталей, разжигающих воображение. Очень может быть, что писано с натуры. А вот этот отвернувшийся мужчина — сам Олег Константинович?

А как же князь узнает о ее выборе? Не будет же бегать по лестнице вверх-вниз, высматривая, спустилась ли она в холл или решила задержаться?

Наверняка и видеонаблюдение здесь присутствует.

Татьяна неожиданно подмигнула своему отражению, и не торопясь начала раздеваться, стараясь, чтобы это выглядело непринужденно и эстетично.

А князь и вправду наблюдал за ней из маленькой курительной комнаты. Зеркало действительно было старинным венецианским, с обратной стороны совершенное, без малейшего помутнения или блика, прозрачное.

Таковыми пользовались в собственных, часто недобрых целях, всякие Медичи и Борджиа.

Гостя аккуратно, словно солдат сверхсрочник, сложила на кресло рядом с прикроватной тумбочкой костюм, пояс, чулки, белье. Фигура у нее и вправду была хороша. Вполне достойная быть помещенной на поляне «Завтрака». Вместо, например, княгини Шаховской.

Достав из сумочки крошечный пульверизатор, Татьяна побрызгалась в разных местах, провела ладонями снизу вверх по бедрам, животу, крепким грудям с вызывающе торчащими в стороны и вверх сосками.

Князю показалось, что она его тоже видит, столь точно они встретились зрачками. Да откуда же?!

Женщина повернулась спиной, ступая по ковру, словно по тонкому льду, прошла к постели, непринужденным движением набросила на плечи пеньюар.

Скользнула под покрывало, протянула руку и выключила свет.

Она получила все, что хотела, и даже более того. Князь был умен и силен, у нее накопился невиданный потенциал желания и страсти, и в результате Татьяна пережила незабываемое, в сравнении с чем весь ее прошлый опыт стоил не больше, чем воспоминание о торопливой, бестолковой, то ли удавшейся, то ли нет потере девственности на новогодней вечеринке. Даже ночь в «Бристоле» со Славиком отошла в тень.

Князь, передохнув и взбодрившись шампанским, был настроен продолжить «египетскую ночь» до самого утра, но Татьяна вдруг поняла, что на сегодня — достаточно. Большого ей уже не получить, напротив, можно лишь испортить впечатление. Надо немедленно собираться и уходить. И позыв этот был не менее силен, чем час назад — противоположный.

Так она и поступила, несмотря на уговоры. Кстати, не слишком и настойчивые. Скорее, по сюжету, чем от души. Его тоже можно понять, при его-то возрасте...

— Я обязательно должна вернуться домой, и так, чтобы по времени это выглядело прилично, — говорила она, торопливо одеваясь. — Надеюсь, мне будет позволено рассказать мужу об этом визите, это ведь большая честь для нас... И темы нашего разговора, они ведь не являются конфиденциальными? Я просто еще не знаю, как это вообще принято воспринимать...

— Вполне обычно, дорогая, вполне обычно. Сугубо протокольное мероприятие...

Князь, тоже накинув халат, с удовольствием, но теперь уже чисто эстетическим, наблюдал, как она пристегивает чулки, изгибая тело, натягивает через голову узкую юбку.

— И пусть будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает. О заключительной части беседы информировать окружающих не обязательно. Хотя находятся иногда бессовестные особы, из тщеславия или с целью повысить свое реноме имеющие дерзость намекать на некие *особые отношения* и даже... Ну, вы понимаете.

— Конечно, понимаю, Олег Константинович! Действительно, непростительная дерзость! Надеюсь, такие особы ко двору более не допускаются?

— Совершенно верно, Татьяна Юрьевна, совершенно верно. Ваше здравомыслие делает вам честь... Фавориток у меня никогда не было и, надеюсь, не будет. Равно как и внебрачных детей.

Они вели этот диалог с совершенно серьезными лицами, только избегали взглянуть друг другу в глаза, чтобы не рассмеяться невзначай.

«Прямо тебе «Три мушкетера» какие-то, «Королева Марго», — думала Татьяна, радуясь, что приобщилась и к такой стороне жизни. О чем-то подобном мечталось в юные романтические годы, но проза жизни быстро избавила ее от иллюзий. А вот, оказывается... «Никогда не говори — «никогда», одним словом.

— Только что же я должна буду сказать мужу? — Как очень многие женщины в такой ситуации, она инстинктивно избегала называть его по имени в обществе лю-

бовника. — Чем реально завершился этот конфиденциальный прием?

Слово «конфиденциальный» ей очень нравилось, звучало вполне по-светски, и она за вечер повторила его несколько раз, выговаривая, может быть, чересчур тщательно.

— А как положено. Я поблагодарил вас за оказанную честь... Точнее — за доставленное удовольствие, поскольку по протоколу это я оказал вам честь. Сообщил, что отныне вы, одна или с супругом, получаете право бывать на официальных приемах, балах и тому подобное без специального приглашения, хотя они, приглашения то есть, непременно будут вам направляться, по протоколу же. С указанием формы одежды и всего прочего. Ну, вот и все, собственно.

А так, неофициально, могу сообщить, что и вниманием света вы отныне обижены не будете. Станут вас приглашать в *хорошие дома*, домогаться вашего благосклонного внимания, дамы само собой, но и мужчины тоже. Вот с какой стороны вам следует ждать опасности для своей репутации. Так что — не теряйте голову, милейшая Татьяна Юрьевна. В случае необходимости или просто под настроение можете звонить мне по прямому телефону, однако никому больше прошу его не называть...

Князь продиктовал короткий, легко запоминающийся номер.

— Вот и все, Татьяна Юрьевна, — повторил он, стоя на крыльце ведущей в Тайницкий сад лестницы. Внизу ждала хорошая, но неброская машина с частными номерами. — Еще раз благодарю за незабываемый вечер.

Всю дорогу домой Татьяна перебирала в памяти подробности своего первого в нынешнем качестве настоящего великосветского приключения. Пожалуй, оно удалось в полной мере.

Некоторые сомнения она все-таки испытывала при мысли — а как на самом деле отнесется к случившемуся

Тарханов? Меры его ревности она не знала, не имела случая узнать. Как не знала и того, контролирует ли служба Чекменева, в которой Сергей занимал достаточно высокий пост, истинные сюжеты великокняжеских *приемов*? То есть не является ли сам факт такого приглашения стопроцентным доказательством супружеской измены?

Нет, она все равно будет настаивать на своей невинности до конца, а если Сергей ее словами не удовлетворится, устроит ему соответствующий скандалчик. Зато, что не предупредил и не объяснил, как следует *правильно* относиться к личным приглашениям князя.

Заснула она на этот раз легко, без телесных и нравственных мучений, и сон ей приснился светлый и радостный. Но все равно не очень понятный.

Незнакомая местность вокруг, березовые рощицы, голубые речки и озера, поляны, заросшие огромными яркими ромашками, больше похожими на хризантемы. Она едет по этому пасторальному пейзажу в открытом фаэтоне или ландо (Татьяна не знала, как называется подобный экипаж), держа над головой белый противосолнечный зонтик, и что-то такое поет высоким звонким голосом. Чуть ли не оперную арию, но смысл произносимых слов и мелодия ускользают.

Потом ее догоняет всадник на прекрасном вороном коне, облаченный в средневековый, полурусский, полоевропейский наряд.

На боку не то длинная шпага, не то меч. Лицо обветренное, мужественно красивое, но совершенно незнакомое, даже отдаленно не напоминающее кого-либо из известных ей людей.

В то же время совершенно отчетливое, не размытое и не меняющееся то и дело, как часто бывает в снах. Встретив этого человека на улице или увидев фотографию, она бы непременно его узнала. Так ей, по крайней мере, казалось после пробуждения.

Поравнявшись с экипажем, всадник отсалютовал клинком, бросил его в ножны, после чего сообщил глу-

боким и звучным, совсем не запыхавшимся от стремительной скачки голосом:

— Вы почти выполнили свою миссию, княгиня! «.....» вас поздравляет и настоятельно требует довести ее до конца.

Названное имя она не разобрала из-за топота многочисленных копыт — четверка лошадей, несущих ее ландо, да гарцующий рядом конь незнакомца. Хотя все остальные слова прозвучали отчетливо.

Татьяна кивнула в ответ, попутно удивившись, отчего вдруг «княгиня», если там, во сне, она всего лишь баронесса?

— И что же я должна делать дальше? — Собственный голос прозвучал как бы со стороны.

— Здесь все написано, княгиня! — Всадник бросил к ее ногам перевязанный алым шнурком свиток, хлопнул коня по крупу ножнами меча (или шпаги) и стремительно унесся вбок, тотчас скрывшись за деревьями.

Татьяна нагнулась, подняла с пола экипажа депешу, развернула.

Выведенные киноварью буквы были отчетливы и крупны, но в осмысленный текст не складывались. Она попыталась сфокусировать зрение и от этого усилия проснулась.

В окно впервые за две недели светило не по-осеннему яркое солнце, и небо было густо-голубым. Похоже, начиналось второе в этом сезоне бабье лето.

В теле Татьяна ощущала непривычную легкость и немедленное желание заняться каким-нибудь физическим трудом или хотя бы пробежаться километр-другой по лесу, сделать десяток кругов по бассейну.

Только где-то на окраине сознания, будто случайная тучка, висело сожаление, что она не успела прочесть загадочное послание.

Что ж, сейчас нет никаких причин, чтобы не позвать Майе. Есть о чем поболтать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Бодрости, напускного веселья и старательно демонстрируемой подчиненным уверенности в себе Ляхову хватило как раз настолько, чтобы вернуться в свои комнаты.

Происходящее с ним и вокруг него нравилось ему все меньше. Поражало какой-то тщательно выстроенной бессмысленностью. Если даже не касаться того, что было до провала в боковое время. Уже после возвращения нормальной, вытекающей из логики жизни и службы последовательности событий не выстраивалось.

Все вокруг вели себя так, будто существовали внутри пьесы абсурда. Ионеско, Беккета... Смотрел он как-то такую, в театре Корфа. «В ожидании Годо» называлась.

Так то пьеса, специально написанная, чтобы зрители почувствовали себя дураками.

А еще кинокартина вспомнилась, «Рукопись, найденная в Сарагосе». Когда они вышли из зала, подружка ему сказала: «Но таких фильмов просто не бывает...» На самом деле, не фильм, а матрешка из десятка вложенных друг в друга и вдобавок закольцованных сюжетов.

Ну, матрешка, так матрешка.

Вадим уселся в кресло перед открытой балконной дверью, водрузил на журнальный столик кружку кофе с ромом, неторопливо размял папиросу.

Может быть, то, что привиделось ему во время ночной вахты на «Сердитом», имеет, в пику происходящему наяву, свой рациональный смысл?

Значит, как оно было прошлый раз?

...Пока Вадим вел свой катер через Средиземное, Эгейское, Мраморное и Черное моря, Дарданеллы и Босфор вплоть до устья Днепра, спать ему почти не приходилось. Он был единственным на борту штурманом, и доверить самостоятельное несение ходовой вахты не мог даже и Тарханову.

Есть в судоводительстве какая-то тайна, не позволяющая овладеть им каждому желающему.

Статистики на эту тему Вадим не знал, но эмпирически представлял, что толковыми командирами кораблей, от портового буксира до авианосца и трансатлантического лайнера, становится едва процентов десять профессиональных мореходов. Причем от возраста и стажа это зависит в самой малой степени. Встречал он лейтенантов и старших лейтенантов, лихо управлявшихся с катерами и миноносцами, и капитанов первого ранга, не умевших пришвартоваться к бочке в полный штиль на Большом кронштадтском рейде.

Ему в этом смысле повезло, необходимые способности и чувство корабля у него были. В гимназические и студенческие годы Вадим несколько сезонов подряд ходил по Финскому и Ботническому заливам на яхтах класса «Дракон» и «Летучий голландец», участвовал в переходе Петроград — Архангельск. Вокруг Скандинавии, разумеется, а не каналами. Начал с матроса и едва-едва не сдал на «яхтенного капитана», только напряженные занятия на последних курсах и иные увлечения помешали.

Поэтому через неделю похода он чувствовал себя в ходовой рубке «Сердитого» довольно уверенно, однако обучить друзей чему-то большему, чем держать верный компасный курс на тихой воде, вне видимости берегов, он не смог. Маршрут же, как назло, пролегал в районах, для мореплавания сложных, изобилующих большими и малыми островами, подводными скалами, узостями, внезапными ветрами и беспорядочными течениями.

Отчего и спал Ляхов по преимуществу одетым, не больше двух-трех часов подряд, да и то вполглаза. А, как известно, длительное лишение нормального сна является одной из самых изощренных и мучительных пыток, изобретенных человечеством. И в то же время способом, практикуемым во многих религиях и культах для достижения особого состояния сознания.

★ Так что Вадима это самое состояние посещало часто и без всякого, добавим, с его стороны желания.

Просто, когда стоишь в рубке или на крыле обтянутого брезентовым обвесом крошечного мостика, ночью или, пуще того, в предрассветный час, самые неожиданные мысли лезут в голову, а то и чертовщина всякая мерещится. Откуда, по-вашему, берутся бесчисленные морские легенды?

Поглощаемые в чрезмерных количествах кофе и чай с добавлением рома, папиросы, а чаще трубка позволяли сохранять работоспособность, но на психику и нервную систему влияли, и вряд ли в лучшую сторону.

Нельзя сказать, чтобы такая жизнь ему не нравилась. Напротив, он часто задумывался, что по возвращении (тьфу-тьфу-тьфу) неплохо было бы бросить все, подать в отставку. Достигнутых чинов и наград ему для самоуважения вполне достаточно, в средствах он не стеснен, да и наследство рано или поздно ждет его немаленькое. И за Майей приданое возьмет.

И купит настоящую океанскую яхту, вроде «Дункана» лорда Гленарвана, чтобы провести остаток жизни, скитаясь по свету. Обогнуть мыс Горн и мыс Доброй Надежды, поглядеть, какова она — Полинезия, и действительно ли Новая Зеландия так похожа на «Добрую старую Англию».

Уж наверное, поинтереснее будет, чем тянуть придворную лямку, пусть и в генеральских, а то и в камергерских чинах. Что он до них дослужится, Вадим не сомневался. Только зачем?

Мысли эти были приятны, грели душу, и он поделился ими с Майей, встретив полное сочувствие. Однако все это — дело далекого и не вполне вероятного будущего. Сейчас же его волновало, причем совершенно непроизвольно, совсем другое.

Чем дальше, тем больше его преследовало не то что бы неприятное, но странное и беспокоящее ощущение

раздвоения сознания. Начавшееся задолго до знакомства с загадочной заметкой в израильской газете.

Вот об этом он с подругой не говорил. Но не думать не мог.

Вначале он просто анализировал любопытный факт с рациональных, логически непротиворечивых позиций. Правда, здесь, в потустороннем мире, о какой логике вообще можно говорить? Раз уж *зазеркалье* существует, для чего принцип «исключенного третьего»? Кто сказал, что следствие должно иметь отношение к причине, что субъект не равен объекту, чем в конце концов странен «странный аттрактор»?¹

Не сказать, чтобы его эти «вновь открывшиеся обстоятельства» чрезмерно напрягали. Ляхов относился к тому типу людей, которые ухитряются сохранять почти постоянную гармонию с окружающим миром. Для этого не так уж много нужно. Просто исходить из постулата, что абсолютно все происходящее имеет какие-то свои внутренние причины и ни в малейшей степени не имеет целью порадовать тебя или огорчить.

Благоприятные повороты судьбы нужно немедленно и в полном объеме использовать, от неприятностей — уклоняться или же переживать их, в меру сил минимизируя. Пока что эта философия применительно ко всей предыдущей сознательной жизни себя оправдывала.

Так и здесь. Сам факт того, что имелось в каком-то другом мире у него с Тархановым двойники, его не слишком задевал. Ну есть и есть, мало ли где что есть! Согласно пресловутой теореме Эверетта существуют миллионы в той или иной степени подобных миров и, соответственно, двойников у каждого человека. Абстракция на то и абстракция.

¹ Странный аттрактор — явление, при котором поведение материального объекта, развитие тех или иных процессов никак не определяется их предыдущим состоянием, положением в пространстве и т.п.

Гораздо больше Вадима интересовали практические следствия данного факта. Если он убедился, что параллельные миры совсем рядом, держал в руках материальные воплощения тамошней жизнедеятельности, так где гарантии, что в любое время, даже в ближайшие часы и минуты не может произойти очередное их взаимопроникновение? И каковы тогда будут последствия лично для него?

Вполне возможно, что именно направление мыслей и состояние психики послужили своеобразным спусковым механизмом для дальнейшего.

Итак — время тогда было 4.25 по среднеевропейскому, компасный курс NO-23, волнение моря 3 балла, на лаге 16 узлов. Ляхов только что сменил в рубке Розенцвейга, который сдал вахту и спустился в кубрик досыпать.

Вадим произвел необходимую запись в журнал (большого смысла в этом не было, но настоящий морской порядок начинается с мелочей), убедился, что дизеля работают в устойчивом режиме, число оборотов соответствует исчисленной скорости. Прокладку Григорий Львович, естественно, не вел, но это дело минутное. А окончательно место уточним, когда встанет солнце.

Совершив все положенные вахтенному начальнику действия, Вадим включил автопилот. По крайней мере, полтора часа в корректировке курса нет необходимости. Северные Спорады остались далеко за кормой, а до Лемноса больше тридцати миль. Встречных и попутных кораблей опасаться нет необходимости.

Ляхов поудобнее устроился в кресле у полуоткрытой правой форточки, нацедил чашку из автоматической кофеварки. Сделал первый глоток, потянулся в карман за портсигаром, в который раз подумав, что надо бы все-таки ограничивать себя. Скажем, не больше четырех папирос за вахту.

И ему показалось, что чувствует он себя как-то не так. Голова вдруг стала неприятно пустая, черные мушки за-

мелькали перед глазами, в ушах возник не то шорох, не то свист. Похоже, будто где-то травит трубопровод, но нет, звук явно идет изнутри головы. Неужто кровяное давление подскочило? Никогда с ним раньше такого не бывало. Доигрался, что ли? Немудрено. Вторая неделя почти без сна, концентрация кофеина в крови сравнялась, наверное, с количеством эритроцитов. Да никотина немерено.

Он сделал движение, чтобы встать и выйти на мостик. Свежий сырой ветерок должен прояснить голову. Не успел. Разом накатились головокружение и тошнота.

«Так и insult схлопотать...» — успел подумать Ляхов, вцепляясь в подлокотники, потому что ему показалось, что сейчас катер закрутит бочку, не хуже спортивного самолета. Впрочем, на флоте такая фигура пилотажа называется гораздо красивее — оверкиль.

...Перед глазами медленно посветлело, и он без всякого удивления, словно ждал именно этого, вновь увидел знакомую панораму, осознал себя на верхней точке перевала. Синее январское небо над рыжими холмами, россыпи серой щебенки, неопрятные пучки перепревшей прошлогодней травы. А он сидит не в командирском кресле катера, а на том самом камне, где сидел, когда к нему подошел и потряс за плечо спаситель-вертолетчик.

Рядом прислонена снайперская винтовка.

Сознание совершенно ясное, и помнит он все с одинаковой отчетливостью. И новогодний бой, и московскую жизнь потом, как их выбросила сюда с Тархановым, Розенцвейгом и девушками машинка Маштакова. Все, вплоть до внезапного обморока...

Неясно одно, как это следует понимать и как относиться? Очередной пространственно-временной перенос, такой же, что швырнул из Москвы в Палестину, через четыре тысячи километров и восемь месяцев времени? Новое касание «бильярдных шаров», влипвшее

друг в друга миры-аналоги, о котором они шутиливо рассуждали с Майей? Или просто яркая галлюцинация?

Как врач он знал, что настоящую, добротную галлюцинацию, находясь внутри ее, отличить от действительности невозможно. Но с психикой у него все было в порядке до последнего времени, наркотиков он не употреблял ни разу в жизни. Разве что подсыпал кто-нибудь ЛСД в кофе. Тот же Розенцвейг. Или фармацевт-любитель Татьяна.

Но ведь известно, что галлюцинирующий обычно не склонен к критическому восприятию своего состояния.

Вадим поднял винтовку. К концу боя, он отчетливо помнит, в ней оставалось четыре патрона с утяжеленными пулями. Вот они, пожалуйста — три в магазине, четвертый в стволе.

Но куда делись разбросанные вдоль всей «дороги смерти» трупы, Тарханов, вертолет-спаситель?

Он поднял к плечу приклад и выстрелил. Далекий камень разлетелся белыми брызгами.

— С кем ты тут снова воюешь? — послышался из-за спины странно знакомый голос.

Стараясь не делать резких движений, Вадим обернулся, встал, только пальцы сильнее сжали шейку приклада. И увидел себя самого, только одетого в незнакомого образца пятнистую куртку и штаны, заправленные в высокие шнурованные ботинки. На голове — сдвинутый на бровь голубой берет, нашивка с белыми буквами «Russia» чуть ниже правого плеча. Лишь погоны на нем типа отечественных, с четырьмя зелеными звездочками.

— Вот, значит, и встретились, — с усмешкой сказал Вадим, вставая. — Накликал, выходит. Про тебя, что ли, в еврейской газетке писали? И где мы пребываем, господин штабс-капитан? Я у вас или ты у нас?

Что интересно, эмоций вроде страха и удивления, ощущения явной нарочитости происходящего он не испытывал. Как в нормальном сне, где допустимо все, что угодно.

— Просто капитан. Медицинской службы. У нас с тридцать пятого года звания общеевропейские, так сказать: лейтенанты, капитаны, майоры, — ответил двойник. — А до?

— Тогда по-пролетарски — спецзвания по должностям и специальностям: комиссары, политруки, врачи, интенданты, комбриги и тому подобное. Но не в этом суть, времени у нас немного...

А Вадиму как раз на эти темы интересно было поговорить.

— И большевики у вас победили, и Вторая мировая война была, и комсомол, и КПСС — а что это такое, кстати? — Он спешил выяснить, имели ли видения Сергея Тарханова отношения к тому миру, к которому принадлежал Вадим-2, или же к какому-то еще другому? Сориентироваться ему требовалось. Обо всем же остальном двойник сам расскажет, иначе для чего он здесь?

— Точно так. Все это было. КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза, каковой Союз — та же самая Российская империя, только поделенная на «национальные республики». Но это тоже неважно.

— Не скажи, не скажи... И ты у нас что — тоже коммунист? Забавно.

— Не успел, потому что в девяносто первом все накрылось — и СССР, и партия. А то бы был, наверное... А куда денешься? Но приятные воспоминания пока не входят в мою задачу. Я для другого послан. Может, приедем, не люблю столбом стоять при разговоре...

Ляхов-1 тоже не любил, и они рядышком присели на камень. Синхронным движением достали из карманов — он серебряный портсигар с «Купеческими», двойник — твердую белую пачку с готической надписью «Честерфилд».

— Махнем не глядя?

— А чего ж?

Закурили. Обоим, похоже, понравилось. Тоже не-удивительно.

— Так о какой ты газетке помянул? — осведомился второй.

Ляхов достал из нагрудного кармана и протянул бережно хранимую вырезку.

По верхнему краю страницы название газеты и дата «Вести, 8 января 2004 года».

«По сообщению нашего специального корреспондента с места событий.

На участке израильско-сирийской границы, контролируемом российским контингентом миротворческих сил ООН в первый день Нового года (по европейскому календарю), произошло столкновение русского патруля с крупными силами террористов, предположительно из отрядов «Хезболлах» или «Ас Саика».

В ходе боя уничтожено более пятидесяти террористов. Потери российской стороны — один раненый, два офицера — майор С. Тарханов и капитан медицинской службы В. Ляхов — пропали без вести.

Их тела на поле боя не обнаружены, допрос пленных о судьбе исчезнувших пока результата не дал. Источники, близкие к информированным кругам, предполагают, что русские офицеры захвачены в плен отступившей в глубину сирийской территории частью террористов, и в ближайшее время может последовать предложение об их выкупе или обмене. Спекулятивные версии, появившиеся в некоторых арабоязычных изданиях, о переходе майора и капитана на сторону противника мы пока рассматривать не будем. Прежде всего по причине полной бессмысленности такого поступка ...»

— Забавно, более чем забавно, — протянул двойник, дочитав наизусть заученный Ляховым текст. — Получается, это у нас вариант номер три...

— Значит, не про тебя написано?

— Стопроцентно нет. Прежде всего потому, что никуда мы не исчезали. Вызванное подкрепление подошло вовремя, моджахедов и шахидов уничтожили всего штук тридцать, остальные разбежались и укрылись на сопре-

дельной территории. А мы вернулись в Хайфу. Сергей на другой день умер в госпитале. Слепое осколочное в голову...

— Жаль, — вздохнул Ляхов. — Не повезло тамошнему майору. Здесь-то ранение у него было легкое, касательное...

— Ну и еще некоторые фактические нестыковки. В общем, очередная альтернативка. Но принципиально это ничего не меняет. Где две, там и двадцать две...

Ляхов тоже решил не углубляться в дебри.

— Так о чем мы? Кто тебя послал и для чего? И вообще, ты — это я, или так просто, действующая модель паровоза в натуральную величину? Нужно понимать, что ты — это я, но существующий в иных исторических условиях. Аналог, вроде как у Азимова в «Конце вечности» описано.

— Не читал. Но этого же не может быть? Даже будучи абсолютными копиями генетически, в разных исторических условиях мы стали бы абсолютно разными по жизненному опыту, воспитанию, привычкам и тэпэ. Согласен? Как разлученные в младенчестве близнецы. Основные черты характера, темперамент, внешность остались бы, но и только. Самое же главное — при иной истории России у нас были бы совершенно разные родители. Не могли еще и их аналоги встретиться в то же время и в том же месте.

Второй пожал плечами в знакомой манере:

— Ну и что же? Твоих как зовут?

Вадим сказал.

— Моих так же. Отец — кто?

— Старший инспектор кораблестроения в Гельсингфорсе.

— В нынешнем Хельсинки, значит. Мой — контр-адмирал-инженер в Петербурге, бывшем Ленинграде. Чего тебе еще надо?

— Значит, чей-то из миров — ненастоящий. Думаю, это нетрудно выяснить.

— Сомневаюсь. Расхождения, конечно, будут, но если так есть — значит, есть. Я считаю свою жизнь подлинной, ты — свою. Наш менее удачливый «тройник» — тоже. И какая нам разница?

— А ты про нашу жизнь что-нибудь знаешь?

— Знаю, — усмехнулся второй. — Ты вот что пойми. Мы с тобой практически почти в одних и тех же обстоятельствах. Я здесь воевал, ты тоже. Я бросил гранаты, что-то там внизу здорово рвануло, контузия и все такое. Пришел в себя, увидел вертолеты, они нас вывезли... Почти как у тебя. С энными поправками. Утром пошел я пива выпить, подсел ко мне мужчина в кремовом костюме...

— Слушай, тебе это ничего не напоминает?

— «Никогда не заговаривайте с незнакомцами»? Как же, как же. Только вряд ли это тот самый случай. А там кто его знает... В общем, побеседовал он со мной на разные интересные темы, после чего предложил несколько изменить свою жизнь, причем в сугубо лучшую сторону.

— То есть?

— Перейти с государственной службы на частную, интересную и прилично оплачиваемую.

— И ты?

— А что я? Наша жизнь, знаешь ли, не в пример мрачнее вашей, и возвращаться домой резонов, признаться, было мало. Ну, заработаю я у ооновцев штук двадцать баксов...

— Не понял.

Второй опять усмехнулся:

— На языке родных осин — двадцать тысяч американских долларов, по курсу на тот момент один к тридцати рублям. Хватит на два года сравнительно приличной московской или питерской жизни. Если взять поддержанную иномарку — останется на полтора. Купить квартиру — не хватит. Оклад армейского денежного содержания у меня — чуть больше двухсот баксов в месяц.

Перспективы службы — почти нулевые, на гражданке почти то же самое, если в богатую частную клинику не устроиться. Уехать на Запад — заморишься диплом подтвердить. Так что...

— Неужели все так плохо?

— Ну, может, не совсем так, как тебе вообразилось. Жить, конечно, можно. По крайней мере, лучше, чем при большевичках. Веселее, и очередей, наконец, нету.

— Очередей — за чем? — не понял Вадим-1.

— За всем. Но мы опять отвлекаемся. Завербовали меня, короче. Нет, нет, не в израильские шпионы и не в русскую мафию, в международную гуманитарную организацию, вроде бывшего «Корпуса мира». Ну, ездили там волонтеры-добровольцы в отсталые афро-азиатские страны, кормили, лечили, грамоте учили...

— А вот ты, значит, к нам теперь приехал? Мы для вас, получается, вроде Сомали какого-то? При том, что у вас военврач с хлеба на квас перебивается, а я очень даже обеспечен, если не сказать — богат, — съязвил Ляхов.

— «Не от большой мудрости говоришь ты это», — писал Экклезиаст. Российские реалии — одно, наши дела — другое. Объяснять некогда и пока незачем. И так заболтал ты меня на побочные темы, а времени — в обрез.

— Меня тоже в аналогичной ситуации вроде как завербовали, но совершенно в другом смысле...

— Об этом и речь. В том и заключается моя сегодняшняя миссия. Приободрить тебя и предостеречь. Видишь ли, существует опасение, как бы от избытка впечатлений крыша у тебя не поехала...

Ляхов обратил внимание, что «альтер эго» употребляет много непривычно звучащих выражений, но понимал, что ничего странного тут нет. Другой мир, другие и жаргонизмы. Скорее удивляло, что их русские языки так поразительно схожи в главном.

— Только я-то себя знаю, поэтому за твою психику

спокоен. Другое дело, что от избытка впечатлений ты можешь начать себя вести *недолжным образом...*

— То есть?

— Начнешь поступать не так, как предопределено *генеральной матрицей* твоей личности. И тем самым искажишь все направление ваших *мировых линий*.

— Не понимаю. Точнее — понимаю то, что говоришь, но не понимаю, как я могу сохранить «матрицу», не зная, что она собой представляет. В каждый данный момент я могу поступить так или иначе, и в любом случае буду уверен, что совершаю правильный выбор. А вот теперь, после твоих слов, я попадаю в положение сороконожки, которая вдруг стала задумываться, в каком порядке следует переставлять ноги...

— Видишь, я был прав. Я говорил своему куратору, что выходить с тобой на контакт — рано. Мы ведь умные парни, без лишней скромности, вполне можем обходиться без советчиков. Только нас не спрашивают, увы!

— Может быть, это пока? А там начнут и спрашивать?

— Возможно, очень возможно. Только ты меня все время отвлекаешь, а времени все меньше и меньше. Контакт может прерваться в любой момент, я не знаю, в какой, мне не сообщили, но велели спешить. Так что ты помолчи, сделай милость. — Двойник явно нервничал, очевидно, сам очень хотел сообщить как можно больше, причем чего-то конкретного, а не «беллетристической» информации.

Ляхов это отчетливо понимал, но и сдержаться не было сил. И его двойник был таков же, что совершенно естественно, поэтому, забывая о задании, сам спешил выложить интересующие «альтер эго» сведения. Ну, как бывает, когда встречаются два любителя поговорить, и токуют, размахивая руками и перебивая друг друга, каждый о своем. Только здесь был еще более тяжелый случай.

— Главная суть вот в чем, — продолжал двойник, — ты должен четко усвоить, что все с тобой происходя-

щее — нормально. Идет так, как должно идти. Выберетесь вы отсюда благополучно. Там для тебя тоже все будет хорошо. Но надо, обязательно, чтобы, вернувшись, ты не испортил... Ну, не исказил генеральную линию. Продолжай жить, как жил. По той же схеме. Не пытайся идти *поперек натуры*, не подстраивай поступки под *воспоминания о будущем*.

— И ты считаешь, что это возможно — не думать о белой обезьяне?

— Возможно, вполне возможно. Главное — не в том, чтобы не думать, а в том, чтобы твои решения не диктовались примитивным негативизмом: я, мол, сделал бы так-то и так-то, но раз теперь я знаю «истину», значит, поступать буду с учетом нового знания...

— Мне кажется, полную ерунду ты несешь. Или тебя плохо инструктировали, или...

Он замолчал, сообразив, в чем тут на самом деле кроется хитрость. И до конца «контакта» не проронил ни одного лишнего слова. Только слушал.

Двойник, как требовала его роль, продолжал инструктаж. Вернувшись, Ляхов не должен измениться как личность, по сравнению с той, что была до переброса.

Возможно, у кого-то на это и расчет. Что беспечный весельчак, отпускник Ляхов, внезапно выдернутый с берегов Селигера, и Ляхов, полгода бродивший по «тому свету», окажутся совсем разными личностями. Так оно и должно бы быть, по всем законам. А вот эту линию как раз и надо сломать. Сам для себя будь кем хочешь, а для окружающих — останься прежним. Ты это сможешь, память у тебя хорошая и артистические способности тоже.

Все достигнутые позиции в околокняжеском социуме следует сохранить. Жить и работать по принципу «ни от чего не отказываться, и ни на что не напрашиваться». Ранее сложившегося отношения с окружающими не менять. И так далее. Очень много «не», и почти ни-

какого позитива. Впрочем, позитив все-таки был. И вполне солидный.

Двойник пообещал, что на банковский счет Ляхова-1 регулярно будут поступать вполне достойные по нынешним московским меркам суммы.

— И это только за то, чтобы я жил, как жил, и не дергался?

— Именно. И крепко запомнил, что на связи с тобой буду только я. Очень удобно, никаких паролей, никаких сомнений. Попытка кого угодно другого завести с тобой разговор на эту тему — подстава.

— Опять не понял. Ну «подстава», ну и что? Если кто-то в курсе всего, и при этом не ваш человек, он должен понимать, что и я должен быть соответственно проинструктирован... Зачем же ему подставляться, расшифровываться? Гораздо проще, маскируясь хотя бы под того же Львовича, Майю или Татьяну (о Татьяне он подумал в первую очередь), влиять на меня косвенно, ни о чем не оповещая...

— А ты не допускаешь, что «другие» могут и не подозревать о возможности нашего с тобой контакта? Если в теории это вообще невозможно, как в моем мире невозможны походы в боковое время...

Он хотел сказать что-то еще, но, видимо, отпущенное время истекло. Вадим второй почувствовал это раньше, чем началось.

Он прикусил губу, вздернул руку к плечу машинальным, протестующим жестом. Но его уже «уносило».

— Эх, не успел...

Он не исчез мгновенно, как недавно мгновенно возник из ничего. Очевидно, поле контакта сжималось, как ирисовая диафрагма фотообъектива. Вадим-2 начал стремительно уменьшаться, одновременно удаляясь, и успел выкрикнуть только:

— Если что — зови! Я, мо...

Высота звука нарастала так быстро, что сорвалась в ультразвук раньше, чем двойник закончил фразу.

Ляхов растерянно повертел головой. Окружающий пейзаж оставался так же безлюден, о встрече ничего не напоминало. Хотя почему же — ничего? Вон белеет отброшенный двойником мундштук догоревшей «до фабрики» папиросы. И рядом — кремовый фильтр американской сигареты.

В следующий миг Вадим ощутил и осознал себя вновь сидящим в капитанском кресле катера.

Самочувствие было вполне нормальным. Ни тошноты, ни головокружения, ни мушек перед глазами. Обморок, если он был, прошел, по видимости, бесследно.

Первым делом он взглянул на приборы. С курса «Сердитый» уклонился всего на шесть градусов. А часы показывали 4.41. Значит, *контакт*, если он был, или просто мозговой спазм, продолжался от силы несколько минут.

А субъективно они проговорили с двойником с полчаса.

И как все это прикажете понимать?

Ляхов сунул руку в карман, вообразив, что сейчас пальцы наткнутся на скользкий глянец целлофана.

Но это было бы слишком просто.

Разумеется, там по-прежнему лежал его портсигар.

Но!

Перед обмороком он только собирался закурить, но не успел, а сейчас во рту явственно ощущался вкус табачного дыма.

Вадим отщелкнул крышку. Перед вахтой он зарядил в портсигар полную коробку папирос. Сейчас одной не хватало.

Значит, или он успел покурить, и напрочь об этом забыл, или встреча на перевале все же имела место.

Тогда получается что? Он совершил (или с ним совершили) практически мгновенный физический перенос на тысячу с лишним километров, провел на перевале больше получаса и вернулся обратно, уложившись в пять минут? Или, что значительно проще, контакт был чисто мысленным, но тогда куда делась папироса?

Двойник ее изъясл непонятным способом, чтобы так, возможно, даже против воли своих хозяев, дать знать своему аналогу, что все случившееся не бред, а реальность?

Или он все же выкурил папиросу сам, находясь в забытии, а окурок выбросил в окно?

Если исходить из пресловутого принципа Оккама, такое объяснение ближе к истине.

Вернувшись домой, Ляхов старательно пытался не думать о «белой обезьяне». Проверка состояния дел с банковским счетом оказалась столь же амбивалентной¹. Последующие события оставляли слишком мало времени для праздных размышлений.

А вот сейчас, кажется, время пришло.

Исчезая, двойник сказал — зови, если что. Если что? И как звать? Не в форточку же кричать? Хотя наверняка должен быть более надежный способ, причем известный им обоим. Иначе бы двойник не предложил.

Ну да, наверное, нужно сделать так...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Ляхов привел себя в состояние уверенности. Уверенности в успехе. Он умел это делать, но не всегда. Обычно требовалась какая-то сильная мотивация, подкрепленная вдобавок удачным стечением обстоятельств, то есть фактором, от него не зависящим.

Так, например, бывало на спортивных соревнованиях, которые ему позарез хотелось выиграть. Вообще-то он был достаточно равнодушен к славе, как таковой, и какой-нибудь жетон, значок, медаль, титул чемпиона курса, университета, города для Вадима значили не слиш-

¹ Амбивалентность — ситуация, допускающая противоположные по смыслу, но одинаково убедительные трактовки.

ком много, и только ради него призывать на помощь за-
предельные силы он не пытался.

А вот если, допустим, за ним с трибун наблюдала де-
вушка, мнение которой в этот исторический период бы-
ло важнее всего, тут, бывало, таинственный механизм
включался, и, выходя на рубеж, Ляхов знал, что сейчас
вот будет так, как он задумал. И побеждал соперника,
объективно не в пример сильнейшего.

Таким же образом он ухитрился выжить в бою на пе-
ревале и пробить усилием воли пленку времени.

И сейчас он заставлял себя возжелать встречи с двой-
ником из всех ему доступных сил, старательно внушая,
как важна эта встреча.

...Он находится в безвыходном положении и в этом
мире и в том, против него ополчаются неведомые силы,
надо непрерывно ждать подвоха со всех сторон, самый
близкий человек может внезапно оказаться врагом, Шли-
мана нет, и как найти его — неизвестно, Розенцвейг со
своими покойными сотрудниками в любой момент спо-
собен учинить любую пакость.

Одиночество, гулкое, звенящее, засасывающее оди-
ночество. Из него нет выхода, пропасть между ним и
нормальным, теплым, благожелательным миром все уг-
лубляется. Того мира, в котором Вадим с детства чувст-
вовал себя спокойно, уверенно, защищенно, больше нет.
Ветры истории вот-вот разнесут его, как соломенную
избушку поросенка.

А сам он сейчас, как серфингист, которого шквал
уносит в открытый океан, и берег уже почти не виден, и
нет возможности позвать на помощь!

Картина получалась убедительная, Ляхову действи-
тельно стало тоскливо и зябко, пальцы чувствовали мок-
рую и скользкую поверхность доски, за которую он цеп-
лялся из последних сил. Да, а ведь еще акулы! Сейчас
его вынесет за рифовый барьер, а там уже шныряют в
синей глубине жуткие белые тени!

Только одно может его спасти! Если не это — боль-

ше ничего! Единственный друг, которому можно доверять, как самому себе, который, если Вадим погибнет, тоже не сможет жить! Он должен услышать его безмолвный вопль о помощи, кинуться к вертолету или глisse-ру, догнать, выхватить из воды, и тогда все снова будет хорошо. Горячий пляж, ласковое море, бунгало в тени кокосовых пальм, джин с грейпфрутом... Иначе — холодная бездна, зубы ненасытных и безжалостных акул...

Невероятным усилием Ляхов сумел рвануться вперед и вверх, поймал равновесие, выпрямился на доске, замахал руками в сторону тающего в дымке острова, беззвучно закричал, разрывая легкие, зная, что сил на вторую попытку не будет...

— Да уж, постарался ты на славу! — По ту сторону стола, совершенно как бы из воздуха, возник, соткался *альтер эго*, одетый в тот же, что и прошлый раз, пятнистый комбинезон. Смотрел на Вадима, как ему показалось, с почтительным удивлением: — Я и не знал, что ты так умеешь...

Ляхов облегченно выдохнул. Грудь и гортань болели, будто он на самом деле перекрывал своим криком свист ветра и трехкилометровое расстояние до берега. Перестарался, пожалуй, ну а, с другой стороны, будь его усилие не столь отчаянным, на разрыв аорты, ничего могло и не выйти.

— А ты разве не умеешь? — Он поймал вздрагивающим огоньком конец папиросы, глубоко затянулся.

— Может, и умею, да никогда не пробовал. Ты же не забывай, я — это не совсем ты. Мы аналоги, а не молекулярные копии...

— Сегодня ты никуда не торопишься или опять исчезаешь на полуслове?

Он опять протянул портсигар второму, и когда их пальцы почти встретились, свободной рукой перехватил его за запястье. Пальцы не прошли насквозь, и не случи-

лось никакого *короткого замыкания*. Обычная, крепкая мужская рука, слегка шершавая на ощупь ткань куртки.

— Не сомневайся, я вполне материален. Перенести сюда живого человека гораздо проще, чем фантом. Фантомы, призраки, видеообразы слишком подвержены действию всяческих полей, да и поддерживать двусторонний информканал совсем непросто. А насчет срока... Похоже, ты *очень* хотел нашей встречи. Она тебе *очень* была нужна. Ну вот и добился. Кто-то где-то решил пойти тебе навстречу. Так что, пожалуй, в сроках я сейчас не ограничен.

— Если бы это было нужно *только* мне, сомневаюсь, чтобы мое самое сильное желание или мольба (вы ведь восприняли это именно так?) возымело столь немедленное действие.

— Насчет немедленного ты слегка заблуждаешься. Вопрос ходил по инстанциям не один, пожалуй, день...

— А... — раскрыл было Ляхов рот, но тут же сообразил, что удивляться нечему. Бюрократы везде одинаковы, время же — понятие теперь еще более относительное, чем предполагали Эйнштейн и Лоренц.

И сказал совсем другое:

— А откуда ты все это знаешь? Поскольку спешить нам, получается, больше некуда, сделай милость, просвети меня, так сказать, по-братски. В пределах допустимого *вашими* инструкциями...

— Легко. Что знаю сам — расскажу. О чем догадываюсь — тоже. Понятно ведь, раз я перед тобой засветился и нам предопределено работать вместе, никаких особенных тайн быть не может. Кроме вполне естественных норм секретности, касающихся личностей, деталей операций и тому подобного, ведь так?

Само собой, будучи аналогами и носителями почти идентичных личностных параметров, *Vagимы* говорили друг с другом не гладкой литературной речью, а неким подобием выведенного вовне внутреннего монолога, когда человек проговаривает едва ли пятую часть текста,

остальной процесс идет *в свернутом* виде. Но мы, для удобства восприятия, будем этот «монолог» расшифровывать, адаптировать, а иногда и комментировать.

— Согласен полностью, и все же... Не до конца понимаю сам проект, хотя и думал над этим с той самой ночи. Все-таки — ты в полной мере человек, просто получивший возможность перемещаться между мирами (как в некоторой степени и я), или нечто принципиально иное? Сам понимаешь, от этого многое зависит... Кстати, ты есть не хочешь? Я бы перекусил...

— Не очень, но компанию составляю. Заодно и убедишься...

Попробовав пайковую еду, Вадим второй отметил, что в их российской армии кормят несколько похуже, но и там утвержденный рацион считается лучшим в мире. Жаль только, что достается он не всегда и не всем.

— Так чтобы не было неясностей. Я себя считаю совершенно обычным, нормальным человеком. Как и ты себя. Убедиться в обратном мы возможностей не имеем. Как двумерное существо не может заглянуть в третье измерение. Без помощи извне. Поэтому впредь к гипотезе о нашей нечеловеческой сущности обращаться не будем.

Лекций о сходстве и различии реальностей я тебе тоже читать не буду. Иначе ни на что другое просто не останется времени, хотя тема увлекательная, не спорю. Ну, может, при случае...

Ляхов про себя отметил, что двойник, судя по интонациям, манере говорить, натуре более властная и жесткая, нежели он сам. Наверняка это объясняется не только разницей в индивидуальном и историческом опыте, но характером обучения, которое он прошел, готовясь к выполнению миссии.

Возможно, так и задумано — поручить двойнику, сразу или постепенно, но захватить в их складывающемся тандеме лидерство.

Однако это мы еще посмотрим.

— Как ты помнишь, незнакомец предложил мне поступить на службу. Поскольку нарушения присяги и собственных убеждений я здесь не усмотрел, а срок контракта вскоре заканчивался, на «вербовку» я пошел. Сам собой, предварительно изучив условия нового контракта.

— Прямо-таки контракта? На бумаге и с печатью или на пергаменте и кровью?

— Шутник. Вполне обыкновенный контракт с одним из частных международных фондов, поощряющим исследования в области паранормальных явлений. У нас таких дурацких контор навалом, и никого это не удивляет и не вызывает подозрений. Наоборот, чем глупее, тем безопаснее.

Штабквартира в Сан-Франциско, отделения в десятке университетских городов, в Петербурге тоже есть. Журнальчик выпускают, тиражом пятьсот экземпляров. Платят... Ну, мне платят на уровне менеджера средней руки, десять тысяч баксов в месяц. По ведомости. Реально — сколько захочу...

Ляхов присвистнул.

— И сколько же ты хочешь?

— Да не так чтобы и много. Я ведь не Абрамович, дуры не маюсь. Чисто для проверки попросил раскидать в пять банков по полмиллиона — сделали. На черный день хватит...

— Обычно, когда приходит по-настоящему черный день, деньги уже не нужны, — вставил Ляхов.

— И я о том же. Сто тысяч родителям перевел. Они знают, что я в киллеры не пойду, хоть и стрелять умею, а остальное их не волнует. У нас сейчас такие времена, что и миллион, и десять за неделю сварганить можно, если повезет. Считается, что мне — повезло. А на карманные расходы зарплаты хватает. Отели фирма оплачивает, представительские расходы — тоже...

— Не жизнь, а малина, — с легкой иронией позавидовал Ляхов.

— Именно, — вполне серьезно кивнул Вагим.

— А в чем же все-таки смысл? Чем вы занимаетесь по-настоящему? Каких таких изменений пытаетесь не допустить? Я много думал. Раз вам нужно, чтобы я жил, как жил, значит, вас интересует та составляющая нашей реальности, которая зависит именно от моего поведения? А если по-другому станут вести себя другие? За ними что, свои «двойники» присматривают? Этак вам миллионы и миллионы сотрудников нужны. На Земле тесно станет...

— В принципе, ты все понял верно. Я же говорю — голова! Да, так и есть. Мы защищаем ту реальность, которая нам интересна и полезна, от вредных изменений и искажений. Вышло так, что здесь и сейчас ты являешься одной из ключевых фигур. Как, почему — не знаю, да это и не важно.

Отчего именно Гитлер и Сталин стали творцами и злыми гениями истории двадцатого века у нас, Корнилов, Келлог, Рузвельт — у вас? Никто не может ответить, но если бы нам стало известно, что некто собирается устранить Корнилова, мы бы вмешались, потому что Деникин войну против большевиков проиграет. Ну и так далее...

— Защита реальности — это дело расплывчатое. В моем непросвещенном понимании — и полиция реальность защищает, и жандармерия, и любое нормальное правительство. От тех, кто ее хочет раскатать. У нас вот — «Черный интернационал» завелся...

— Только все это — защита изнутри, а мы работаем извне. Мое, к примеру, руководство, имеет возможность наблюдать, допустим, веер из десяти альтернативных реальностей, еще кто-то, может быть, из ста... Наблюдать и оценивать. В случае необходимости — принимать меры.

— А — зачем? — задал Ляхов ключевой вопрос. — Раз существуют разные варианты. Так и пусть существуют. Меня, к примеру, совершенно не волнует, что вы там делаете у себя... Кроме того, даже мне понятно, что

измененное прошлое на настоящее повлиять никак не может. Там просто образуется очередная развилка, мы же как жили...

— Совершенно верно ты все улавливаешь, будто сто лет этим занимался.

— Приходится. С самого января только и делаю, как соображаю. Фантастику начал читать.

— Ничего ты там не вычитаешь. У вас же не фантастика, а мусор, в слишком спокойном мире вы живете. А для толковой фантастики нужны времена опасные, неустойчивые, непредсказуемые. Удивляюсь даже, как это кой-какие аналоги наших авторов у вас сумели реализовать, и даже похожие вещи написали. Но все равно у нас фантастов в сотни, если не в тысячи раз больше. И уровень... Такое придумывают, что приходится специальные службы создавать для парирования чересчур гениальных озарений.

Как-то один парень совершенно от фонаря конструкцию атомной бомбы описал, в то время как «Манхеттенский проект» в самом разгаре был. Чуть не посадили.

Алексей Толстой лазер на сорок лет раньше придумал. Так главная опасность даже не в том, что придумывают, гораздо хуже — на Земле (на нашей) такое количество «гениальных безумцев» постоянно воспроизводится, что почти любую, самую бредовую идею берутся реализовать, и, самое смешное — часто вполне успешно. Вот и приходится для них ложные цели создавать, во избежание...

— Нашему Маштакову никто вовремя ложной цели не подсунул, — посетовал Ляхов.

— Именно. Так он у вас, может, на всю Россию один такой, а у нас — стадами ходят. От них и приходится защищаться. В том числе... Вот посмотри, что получилось. Я, когда контракт подписал, специальные курсы прошел, и сейчас могу рассуждать почти квалифицированно. В моей реальности похожего Маштакова не случилось, вернее, он был, только страсть к девочкам превысила

изобретательский потенциал, и ничего по-настоящему ужасного он не выдумал.

Соответственно, на моем перевале «хесболоховцы» несли с собой самые обыкновенные, хотя и очень мощные мины, тоже, впрочем, изготовленные на совсем новом принципе. В Ливане с сирийцами разборки учинять. Там война четвертый десяток лет уже идет, — счел нужным пояснить *Vadim*, — а когда на вашей стороне «Гнев» сработал, вышло то, чего Маштаков и вообразить не мог.

Во-первых, он сработал нештатно, во-вторых — в предположительно слабой точке. Ваш мир, он ведь слишком искусственный, как бывает искусственный хрусталь, на самом деле просто прессованное стекло. Перекаленное и с огромными внутренними напряжениями. Стукнешь чуть сильнее, взрывается, разлетается в пыль.

Вот и здесь. Кроме пробоя в боковое время произошло соприкосновение энного количества реальностей. Как в бильярде, когда разбиваешь пирамидку. Или, если представить спектр реальностей в виде многожильного кабеля — случилось короткое замыкание сквозь весь жгут. Причем как шары соударяются разными точками своих поверхностей, так и провода за счет переменного шага витков искра пробивает на разном расстоянии от их начала. Тем самым в нашем случае моменты реальностей совместились разные.

Вечер начал получаться интересным.

— Что же касается невозможности повлиять на прошлое, — вернулся к прерванной теме Вадим-второй, — ты прав только в одном-единственном случае — если мы все живем вдоль единственной временной линии, и возвращение в прошлое осуществляется с нее же. Тогда действительно, произведя МНВ¹, мы получаем развилку в том месте, где его последствия становятся значимыми.

¹ МНВ — минимально необходимое воздействие (см. А. Азимов. Конец вечности).

Иногда результат проявляется только через годы и десятилетия.

Если же принять теорию *кабеля* (лично мне она кажется наиболее наглядной), то за счет как раз того, что витки расположены асинхронно, и, зная, так сказать, *порядок шага*, мы можем не только наблюдать иную реальность, но и проникать в нее практически в любом потребном месте. Делать там все, что заблагорассудится, а потом перемещаться в любую (почти) точку как исходной, так и измененной реальности. При этом все (опять же — почти) парадоксы снимаются...

— Или, — вклинился в возникшую паузу Ляхов, — они просто переходят в скрытую, не доступную нашему наблюдению форму, и потом проявляют себя самым неожиданным образом.

Поставив таким образом собеседника в тактический тупик, он, извинившись, спустился вниз, чтобы проверить караулы. Бойцы несли службу четко. Да ведь и понятно, повстречавшись с одной только Гретой, начнешь молиться на Устав караульной службы за неимением другой священной книги.

На улицу Ляхов солдатам выходить не велел. Вполне достаточно парного поста в прихожей. Дверь крепкая, окна забраны решетками, на столе посередине растопырил сошки трофейный пулемет «Брен», готовый, в случае чего, создать необходимую огневую завесу.

Двое дежурили, остальные шестеро мирно спали, рассредоточившись по укромным закоулкам дома. Никакая неожиданность не страшна славным российским десантникам и штурмгвардейцам.

С легким сердцем Ляхов вернулся в кабинет.

Двойник по-прежнему сидел в кресле, опершись подбородком о согнутую ладонь знакомым, привычным жестом. Задумчиво смотрел на нераспечатанную бутылку виски, с помощью которого Ляхов собирался снять стресс, если ничего не получится с вызовом.

— Ты, братец, что, тоже тоскуешь? — насмешливо

поинтересовался Ляхов, вспомнив очень похожую ситуацию лет десять назад.

— А чем я тебя хуже? — вопросом на вопрос ответил *Vagim*. — Готовая к употреблению посудина иных мыслей вызывать не может. Кроме как надежды превратить обычную тоску в сладкую грусть, наполненную удесятельным осознанием самого себя...

— Разумеется. Эрих Мария Ремарк, «Триумфальная арка».

— Какой Ремарк? — Вадим-второй вдруг вскинулся, как освобожденная от нижней защелки пружина автоматного магазина. — Какая «Триумфальная арка»? Какой доктор Равик и Париж сорокового года? Ты соображаешь, о чем говоришь? Ты, вообще, кто?

— Да что такого?... — Ляхов было оторопел от непонятного эмоционального взрыва двойника, и тут же до него дошло. — Не психуй, Вадик! Все нормально. Тот самый твой кабель. Ты читал «Триумфальную арку». Я — только «На западном фронте» и «Три товарища». Написанные по итогам общей для нас Первой мировой. Потом у вас была Вторая, и должна была случиться и у нас, невзирая ни на какие пакты Бриана — Келлога! Ну, не случилась. А ты все равно сейчас — здесь! Ты — мой альтер эго. Значит, и для меня она теперь — была. Я знал, что была, еще когда первый раз попал во второй Израиль. Говорил с чеченцем Гериевым. А ну, ответь мне быстро, нет, подожди секунду, я напишу...

Ляхов черкнул на полях лежавшей на краю стола газеты.

— Сколько у вас стоил билет на автобус от Грозного до Минеральных Вод в 1989 году?

Vagim взглянул на него каким-то очень странным взглядом.

— Не знаю точно... Молодой тогда был, в те края не попадал. Но по километражу должно быть рублей десять.

— А у нас — рубль пятьдесят. И глянь на это...

Двойник прочел: «Грозный — Минводы — девять рублей».

— Если я это знаю, отчего мне про «Триумфальную» не знать? Так что ж теперь? И время у нас одно, получается, со сдвигами какими-то, но одно!

В молчании, для Ляхова торжествующем, для *Вагима* растерянном, выпили, одинаковым жестом взяв стаканы и одинаково, после глубокого выдоха, без закуски закурив.

— Теперь, пожалуй, продолжай. Мне все равно интересно.

Двойник, немного подсобравшись (Ляхов чувствовал, что первый раунд по очкам прошел вничью, хотя его собственное положение поначалу было проигрышной), решил за рамки заданной схемы не выходить.

— В принципе, все, что ты сказал, — несущественно. Ну, перемешались при взрыве какие-то элементы наших личностей, память частично, могут и другие феномены всплыть. Вообще, теория аналогичных личностей пока не разработана...

— А как она может быть разработана, — вкрадчиво осведомился Ляхов, если естественным порядком аналогичные личности просто не могут возникнуть? Посуди сам.

Я тут, вернувшись, с одним неглупым человеком поговорить успел, задал ему, как бы между прочим, вопрос о некоторых следствиях теории Эверетта. В ходе досужей болтовни за рюмкой чая. Пришли к выводу, что если альтернатива, скажем, возникает после того, как человек сделал существенный для всего мира выбор и история изменила свой ход, аналоги имеют право на существование, но только из числа уже живших и там и там, причем в зрелом возрасте.

Но если изменение случилось чуть ли не век назад, какие могут быть аналоги? Сам подумай — до развилки родились только наши деды... Мои остались жить в до-

вольно-таки стабильном и благополучном мире, твои — в водовороте войн и революций. Даже вероятность рождения аналогов отцов исчезающе мала, так что говорить о нас самих?

Разволновавшись, Ляхов закурил, чуть ли не одну от одной, уже третью папиросу.

— А твой вывод? — спокойно осведомился *Vagim*.

— Или ты сознательно из меня дурака сделать пытаешься, или сам... Поверить, что ты не задумывался о том же, что и я, не могу. Значит...

— Что же, вывод верный. Только дело не в обмане. Просто предполагалось, что слишком глубоко, особенно сегодня, мы влезать не станем, есть более насущные дела, но раз уж это тебя так зацепило...

«А как могло не зацепить? — про себя удивился Ляхов. — По сравнению с тайной собственного происхождения все прочее — семечки, если, конечно, именно сейчас не решается вопрос жизни и смерти. А у нас до утра времени еще много».

— Ты представляешь, что такое компьютер? — спросил *Vagim*.

— Та же ЭВМ, только по-английски... А при чем тут?

— Как он работает, соображаешь?

— В общих чертах, — неопределенно ответил Ляхов. На самом деле, никак он не соображал. Знал, как включить периферический пульт, как запрашивать информацию с центральной машины, распечатывать тексты. Осознать же, каким образом определенное количество ламп, транзисторов и прочих сопротивлений и конденсаторов в состоянии имитировать почти осмысленную деятельность, даже и не пытался. Байки про двоичный код и алгоритмы не слишком убеждали.

Но *Vagim* ответом удовлетворился.

— Есть мнение, что вся наша Вселенная — не более чем продукт мышления, или, скажем так — внутренний мир супер-супер в энной степени гиперкомпьютера. И ничего другого просто не существует. Одни только

производные. Тогда можно объяснить все происходящее...

— Единственной фразой: «Как пожелаем, так и сделаем!»

— Совершенно верно. Так сделано, значит, так и есть. И любые другие вопросы бессмысленны.

— Круг завершился, змея укусила собственный хвост, и мы вернулись к уровню представлений первобытного синкретизма. Нет по отдельности ни людей, ни богов, ни природы, все есть все и сразу, не существует ни причин, ни следствий, ничего нельзя сделать по своей воле и ничего избежать. Живи, пока живется, реагируй только на то, что тебя касается в каждый данный момент. Даже молиться и приносить жертвы некому...

— Редукцию ад абсурдум¹, — подвел итог *Vagim*. — В принципе, так и есть. За маленьким исключением. В пределах собственного существования мы можем и имеем право предпринимать любые действия, направленные на его улучшение. Без оглядки законы исторического материализма и всякий там детерминизм.

— А как быть с уголовным законодательством? То же — без оглядки.

— Братец, ты меня утомил. И сам стал невнимателен. Я ведь сказал — на улучшение существования. Нарушение же законов, со времен царя Хаммурапи, обычно ведет к его существенному ухудшению, как для общества, так и для отдельной личности. То же касается и сознательного нарушения ныне действующих законов природы, вроде закона всемирного тяготения, скажем.

Однако, пожалуй, мы засиделись. Я хотел изложить тебе план наших совместных действий, а ты затянул меня в пучину праздных разговоров. Теперь я понимаю причину устойчивой неприязни ко мне начальников всех уровней. Глядеть на себя со стороны и слушать —

¹ Приведение к абсурду — один из приемов средневековой схоластики.

мучительное дело. Единственный выход — поставить по стойке «смирно» и рявкнуть: «Молчать, когда с вами разговаривают!»

Поэтому все остальное — завтра!

Поспи, составь предварительный конспектик, иначе рискуем остаться в позиции упомянутой тобою змеи...

К числу умений Ляхова относилось и умение засыпать в любой обстановке, в любом нервно-психическом состоянии. И даже вызывать сны, способствующие полноценному отдыху. Чем он и воспользовался, потому что знал — завтрашний день будет нелегким.

Двойник прав — общаться с самим собой, даже обладающим несколько иной структурой личности — занятие утомительное. А с полным аналогом было бы наверняка вообще невозможным. Как самому с собой играть в шахматы. Или в преферанс. А вот в кости — можно. Можно играть и выигрывать.

Утром они с Вадимом проснулись не одновременно. Ляхов — чуть раньше. Посмотрел на спящего лицом в подушку парня, подумал, что тот действительно обычный человек. Скорее всего.

Естественным образом уставший, при этом совесть у него чиста, и бояться ему здесь нечего. Ни малейшего в его позе напряжения, мышцы лица расслаблены, дыхание ровное.

Будь он биороботом, вообще ирреальным существом, хоть какой-то деталью, нюансом поведения, интонацией выдал бы себя.

Исходя из этого и следует выстраивать линию поведения. Не задаваясь больше вопросом, кто из них чьим макетом является.

Вдруг да и действительно, тот самый супергиперкомпьютер разыскал в близких мирах подходящие аналоги, нужным образом догрузил, подкорректировал память и свел их, в собственных целях.

Умелый художник вполне способен пририсовать на известной картине лишнюю фигуру, так, что сразу и не догадаешься. Особенно если это многофигурное полотно, вроде «Заседания Государственного Совета» Репина, или «Товарищ Ленин на митинге рабочих Путиловского завода» Бродского.

Розенцвейга он застал уже на ногах. Глаза у него были красные, лицо помятое, словно он пьянствовал всю ночь в компании Адлера и своих новых-старых друзей и помощников. На самом же деле, конечно, работал. Знать бы, над чем.

Но спрашивать мы не будем. Незачем. Пока — незачем.

— Как, Львович, пожар идет по плану? Я тут собираюсь съездить кое-куда. Ненадолго, благо концы в вашей стране короткие и дорожное движение напряженностью не отличается. Половину бойцов оставляю в вашем распоряжении, мало ли что...

— Оставьте, Вадим, конечно, оставьте. Тех, кто со мной прилетел, мы с ними все же получше знакомы. А вы куда собрались? Шлимана искать?

Ляхов действительно надеялся сегодня разыскать капитана, только теперь эта задача казалась ему не самой главной.

— Именно. Одну рацию я возьму с собой, так что свяжемся в любой момент. А вечером съедемся, обменяемся информацией. Идет?

— Почему же нет? Только... Стоит ли нам разделяться? Я, кстати, надеюсь, с помощью Залкинда и Греты мы капитана быстрее найдем.

— Попробуйте. Найдете раньше — поставьте меня в известность. Заодно, если это не нарушает ваших планов, можете поручить им провести независимый поиск. До и, помимо встречи со Шлиманом, выяснить, имеются ли тут некие независимые от него общины? Вдруг да

возникли? Может оказаться перспективным. Вы ведь в своем Израиле почти всех знаете, вдруг да разыщете солидарных с вами новопреставленных рабов Божьих...

А я тут попутно еще одну гипотезу проверить намереваюсь. Да вы не беспокойтесь, к интересам государства Израиль мои планы отношения не имеют, вопрос сугубо личный. Если что-то получится, я вас тоже проинформирую. Как водится...

Выехали они снова на двух машинах. В передней, легком командирском джипе «Бентам», Ляхов с двойником. Сзади, на «Додже 3/4», оснащенном крупнокалиберным «Браунингом», — Колосов с бойцами.

К удивлению Ляхова, *Vagim* имел при себе гримировочный комплект.

— А ты думал, мы с тобой так и будем разгуливать, парочка близнецов, вызывая нездоровое любопытство? — осведомился двойник, наклеивая темно-каштановые усы и шкиперскую бородку, рисуя коллодием звездчатый шрам от правого уха до середины щеки. Маскировку дополнили контактные линзы с почти черной радужкой. Волосы у него и раньше были подстрижены коротким бобриком, а сейчас он их вдобавок подтемнил в цвет бороды и усов.

Получился этакий мужчина цыганистого вида, лет под сорок. Даже когда он стал с Ляховым рядом, сходство в глаза не бросалось. Разве что фигуры и повадки похожи, как кадровых офицеров с одинаковой статью — через одного. Розенцвейг, конечно, при тесном общении мог кое-что заподозрить, так за что подозревать-то? Тем более сводить их вместе Ляхов не планировал.

Но вот двойник, кажется, намеревался отправиться с ним в реальный мир, иначе к чему же эти предосторожности?

Ну да, он же сам сказал, что вопрос контакта согласовывался не один день. Вот и согласовали, спланировали.

Увидев двойника, поручик Колосов недоуменно приподнял бровь, ничего, впрочем, не спросив.

— Это *наш* человек, — успокоил его Ляхов. — Капитан Ушаков, прибыл по отдельному плану.

(Он назвал двойника девичьей фамилией их общей, если это действительно так, матери, а «капитан» — чтобы не слишком зазнавался. Одного полковника на гарнизон хватит.)

— Поехали. Схема прежняя...

За руль он сел сам. Странная привычка или черта характера — с посторонними водителями, даже простыми солдатами, ездил на правом сиденье спокойно, а с хорошо знакомыми людьми, тем более родственниками — не любил.

— Сначала в Триполи...

Там у него был оговорен своеобразный почтовый ящик, в котором Шлиман мог оставить сообщение. Если бы захотел.

По дороге продолжили беседу, причем на этот раз Ляхов старался задавать как можно меньше вопросов. Пусть напарник выговорится, понятнее станет его собственный сюжет и сценарий.

Поначалу *Vadim* продолжал, как бы рассуждая вслух, анализировать открывшееся ему на новой службе устройство мира.

«Или — легенду прикрытия», — уточнил для себя Ляхов.

— Итак, если предположить, что *пробой*, вызванный взрывом «Гнева Аллаха», состыковал определенное количество миров (из которых с достоверностью можно идентифицировать четыре, три в реальном времени, один в боковом), то как-то сразу в зоне соприкосновения возникли или активизировались ранее пребывавшие в латентном состоянии *Хранители реальности*. Коротко говоря, это такие люди (а может быть, и не совсем люди), которые присматривают за тем, чтобы мир не погрузился в пучину смертельных для него парадоксов, — счел

★
нужным прояснить *Vagum*, хотя и без этого смысл термина был ясен.

— Вроде как лейкоциты вокруг занозы, — проявил знание предмета Ляхов.

— Разумеется, — согласился с ним двойник, — если есть достаточно сложная конструкция, живая или даже электронная, в ней должны существовать и системы поддержания внутреннего гомеостаза, причем надличностного или внеличностного характера, срабатывающие автоматически. Присущие ей изначально...

— И, по странной случайности, имеющие человеческий облик?

— Люди — лишь конечное звено, непосредственно действующий эффектор. Адекватный повреждающему фактору в наших, гуманоидных мирах...

Не в первый уже раз Ляхов отметил для себя, что *Vagum* выглядит гораздо более эрудированным человеком, свободно оперирующим терминами и понятиями, ему самому в принципе доступными, но не входящими, так сказать, в активный словарный запас и ближний круг сознания. О чем и спросил (не получалось у него быть беспристрастным слушателем):

— Тебя этому всему тоже специально учили?

— О чем ты? Ах, да. Кое-чему учили, конечно, но главное дело не в том. Просто наша реальность гораздо более технически и научно развита, чем ваша. У вас, друг ты мой, глубокий застой, как у нас принято выражаться. Причин и условий нет для развития по причине длительного мира и стабильности. Как в античности, когда за пятьсот лет конструкцию меча не догадывались усовершенствовать.

У вас когда реактивные самолеты появились? Вот то-то. Причем в основном военные, а половина пассажирских до сих пор через Атлантику на «поршнях» летает. И примитивные спутники связи ваши *королевы и фон брауны* придумали позже, чем мы на Луну высадились,

не говоря об атомной бомбе. Войны, понимаешь ли, двигатель прогресса...

— А наш князь не устает повторять, что технический прогресс давно перешел разумные пределы «устойчивого развития», что идеал был достигнут вскоре после мировой войны, все остальное — от лукавого.

— Пожалуй, он и прав. У нас тоже многие так думают. Уровня конца тридцатых, применительно к нашей реальности, вполне бы хватило. За исключением медицины, конечно...

Ляхов рассмеялся.

— Вот-вот. Для тебя все хорошо, кроме медицины, авиаторам подавай «Дальше, выше, быстрее!»... Это у наших такой лозунг, — счел нужным пояснить он.

— У наших тоже был, — кивнул *Vagim*, — пока не поняли, что дошли до точки и одумались. Но мы опять уклонились?

Ляхов сокрушенно развел руками.

— Направляют же моих *хранителей*, очевидно, совсем другие силы. Других уровней, я имел в виду. Потому реакция была столь быстрой. Уже через сутки после взрыва на меня вышли и пригласили на работу.

— Естественнее, если бы вышли на меня, — снова вспомнил Ляхов разговор на катере, — все же именно у нас проявил себя хроногенератор, у нас открылось боковое время, у нас начинается война... Здесь и проводить антисептику.

— Вывод правильный по идее, но не по существу. Ты же учти — наш мир, по всему выходит, мир главной исторической последовательности, то есть наиболее вероятный, а значит, и устойчивый. Как дом из кирпича в сравнении с соломенной хижинкой...

— Так что вам беспокоиться? Живите и не тревожьтесь о крепнущем ветре...

— А если речь не о ветре, а о землетрясении?

— В таком случае — да, пожалуй...

— Значит, на этом мы сошлись. Кое-кто предполага-

ет, что последствия *миротрясения* для нашего мира будут наиболее катастрофическими, и именно он нуждается в защите. А поскольку он *вдобавок наиболее продвинутый*, то в нем и развернут «головной филиал» штаба хранителей. Логично?

Ляхов не нашел оснований возразить.

И двойник тут же развернул тему на шестнадцать румбов¹. В полном соответствии с манерой Сократа.

— Это было бы логично при одном условии — если бы *хранители* на самом деле олицетворяли единый, разумный, причем разумный по человеческим критериям, субъект. Физически или хотя бы организацию. Но мы с тобой знаем, что иммунная система отнюдь не разумна в нашем понимании и не едина.

Пока одна ее часть борется с подлинной инфекцией, другая вполне может заняться отторжением вполне полезного имплантата. Так и здесь. Персонифицированные в конкретных людях «лейкоциты» как раз потому, что действуют посредством человеческого разума и используют человеческие методики, волей или неволей становятся *вдобавок* проводниками некоей идеологии.

Террор среды вступает в дело, если угодно. И появляются некие особи, которым одна из реальностей понятнее и милее другой. Заинтересованные в фиксации и сохранении именно ее. Остальные вызывают инстинктивное желание изолировать их или сделать вообще не бывшими.

При этом отсутствует строгий, стопроцентно объективный критерий, какую реальность считать *единственной и правильной*.

— Но ты же сам говорил: реализуется максимально вероятный с точки упорядоченности системы вариант. Если мой мир маловероятен и неустойчив — пусть он самоликвидируется, вам-то что? — со стоическим безразличием осведомился Ляхов. Хотя на самом деле ду-

¹ Шестнадцать румбов, по картушке компаса — 180 градусов.

мал совершенно иначе и готов был защищать привычную реальность до последней возможности.

К чему, собственно, и подводил его *Vagim*.

— Но, подожди, — нашелся у Ляхова еще один вопрос, ключевой, как ему казалось. — А как же *истинные хранители*, имеющие доступ к вселенскому гиперкомпьютеру? Они-то могут просчитать, как должно быть?

Двойник сокрушенно махнул рукой.

— Да нет никаких *истинных*. Ты невольно принял пересказ фантастического романа за модель реальности. Но даже в тех же рамках, образно говоря, конструктор компьютера запустил его, запер дверь на ключ и ушел. Уехал в отпуск, рыбу ловить и водку пить.

И теперь любой, кто *сможет*, волен кнопки нажимать и отверткой в потрохах копаться. До какого-то результата... Инструкции конструктор не оставил. Зато откуда-то известно, что одной из степеней защиты гиперкомпьютера являются так называемые *Ловушки создания*, для того и придуманные, чтобы в случае чего увести *взломщика*, по-нашему — *хакера*, в ложную, целиком выдуманную реальность, где любые результаты несанкционированного вмешательства растворяются, как кусочек сахара в горячем чае.

И вот, значит, теперь — пусть выживает сильнейший. Кто сумеет прорваться через *ловушки*, кто сумеет угадать жизнеспособный вариант истории, тот и одержит верх. Так тому и быть.

Но вот парадокс наложения миров, чреватый всеобщей аннигиляцией, должен быть устранен.

— И твои хозяева...

— Мои *хозяева*, если тебе нравится именно это слово, предпочли твой мир. Пусть даже чисто эстетически. Он им нравится больше своего. Но не только в этом дело. Иначе имел бы место так называемый *волюнтаризм*, причем крайне циничный.

Суть в том, что вопреки теории некоего Амнуэля отнюдь не каждый выбор той или иной личности, даже

группы людей формирует развилку. Требуется особый уровень напряженности, кумуляция критической массы воли (количества заинтересованных в том или ином решении), причем не важно, осознанный это выбор или массовая визуализация.

В моей России победили (не с таким уж большим перевесом) большевики, в твоей — наоборот, но тоже все это произошло на самой грани вероятности.

Однако потенциал нереализованных желаний и воли моих соотечественников, сознательно или инстинктивно не приемлющих *советский социализм*, накапливался в цепях и узлах *гиперкомпьютера*, как количество телефонных звонков при интерактивном голосовании. При этом *сила тока* эмоций, не приемлющих социалистическую, а теперь уже и обычную, буржуазную демократию, намного превосходит эмоциональный фон *болота*.

Их мысли и чувства гораздо отрефлектированнее, базируются на какой-никакой, но теоретической, доказательной базе. Их подкрепляют ностальгия по *серебряному веку*, сохраняющая хождение и авторитет дореволюционная литература и книги эмигрантов первой волны, писания нынешних политологов и фантастов. Плюс к этому — настроения обитателей некоторых других реальностей...

И вот за счет всего этого принято решение — фиксировать в качестве единственной — вашу. Малоустойчивую по сути, но наиболее, как бы это сказать, гуманистическую и комфортную. Один из наших философов заявил — в случае чего следует выбирать по этическому, а не какому-либо иному принципу.

А чтобы ваша реальность выжила, необходимо расстыковать миры. Отсечь инфильтрацию чуждых воли в узлы компьютера, содержащие матрицу России-2. Как раз это и порождает вашу нынешнюю нестабильность. Сделаем это — и заживем!

Оптимизм и энтузиазм *Vagima* удивлял. Впрочем, там для них это, возможно, норма. Эпохи бурных исто-

рических событий всегда сопровождаются повышенным эмоциональным фоном.

— Заживем? Ты и твои... ладно, не хозяева, компаньоны, собираетесь жить у нас? А остальные? Сколько у вас там населения?

— В России — сто сорок пять миллионов.

Да, подумал Ляхов, у нас почти четыреста, и то пустовато. Пожили, повоевали соотечественники.

— Всего на Земле?

— Шесть миллиардов с чем-то...

— И что же с ними со всеми будет?

Вадим посмотрел на него недоуменно.

— Тебе — какая разница? Лично я — понятия не имею. Ты вот знаешь, что случилось с людьми, которые могли бы жить, не родись Петр Первый, не открой Колумб Америки, победы в войне Гитлер, а не Сталин? Мы — расстыкуемся, и все. Перейдем с корабля на корабль. Один поплыл основывать США, другой — Бразилию.

— Но ведь, — никак не мог подобрать Ляхов нужные, уместные слова, — если все — правда, твой мир просто исчезнет, со всем твоим прошлым, родителями, родственниками, друзьями. Они как бы умрут. Все!

— Во-первых — не факт. Где-то он существовать все равно будет. А если точно так же исчезнет все?! Сообрази, это не выбор: либо то, либо другое, это — аннигиляция. Ни того, ни другого! Совсем иной уровень принятия решений. Это американцы в сорок пятом выбирали, что бомбить — Хиросиму или Киото, кому жить, кому умереть. Эмигранты выбирали — остаться в Совдепии или бежать в Париж. Это, я понимаю, выбор. А у нас выбор — расстрел или повешение!

Ляхов не мог согласиться с такой логикой, но и возразить ему было нечего. Информации не хватало. И того самого энтузиазма, с которым многомиллионные массы людей могли пять лет Гражданской войны голодать, холодить, ходить в штыковые атаки. Кончился этот энтузи-

азм. Теперь почти каждый предпочитает думать: «А зачем это нужно лично мне?»

Он только спросил:

— А если на самом деле существуют те, другие, которые желают фиксации исходной реальности? Почему ты не на их стороне? Они хоть сохранят привычный тебе мир, твой настоящий, а не *вероятностный* народ... А *отстыкуют* пусть нас, которых для вас тоже никогда не было.

Vagim уже откровенно веселился, причем веселился зло. Вывел его из себя *беззубый гуманизм* аналога, которого не клевал жареный петух.

— Во-первых, ни одним фактом, что некто собирает сохранить именно мою реальность, я не располагаю. Вдруг это вообще сторонники *коммунизма по Троцкому* или всемирной гитлеровской диктатуры? Во-вторых, даже если борются с вами (да-да, с вами, я тут только волонтер!) защитники моего мира и победят они, тем же манером исчезнут не шесть миллиардов *наших*, а десять миллиардов *ваших*! То есть ценой моего *патриотизма* и любви к родителям станет исчезновение *лишних* четырех миллиардов?

Ты готов на такой размен?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Работа Тарханову досталась привычная. Чтобы без нужды не расширять круга посвященных, допрашивать пленного террориста Чекменев приказал ему лично, с помощью Максима Бубнова, естественно.

Аппаратура для допроса, под названием «веримейд», была на ходу, неоднократно испытана и проверена в деле, гарантировала безопасность для здоровья испытуемого в отличие от иных, механических и фармакологических способов ведения дознания, а также и абсолютную достоверность получаемых сведений.

Врачи Центра за минувшую ночь сделали все воз-

можное и даже кое-что сверх того. Самого Великого князя (избави, конечно, бог) вряд ли лечили бы с большим тщанием. Вслед за хирургом уездной больницы, оказавшим вполне квалифицированную, в пределах своих возможностей, помощь, обработавшим сквозные раны и исполнившим требуемые противошоковые процедуры, пациенту провели самый современный комплекс интенсивной терапии, на перебитую большеберцовую кость наложили компрессионную шину, и к десяти часам утра он выглядел вполне прилично.

Ведущий врач, хорошо знакомый с Бубновым, сообщил, что противопоказаний для устного допроса не видит.

— Только... Ну, вы сами понимаете, коллега, скажите там, чтобы никакой лишней химии. Мы его таким коктейлем накачали, что синергизм может получиться абсолютно непредсказуемый. А оно вам надо?

Максим заверил, что ничего подобного не допустит.

По ранее отработанному сценарию Тарханов избражал врача-специалиста, а Бубнов — фельдшера, представленного к диагностической аппаратуре.

В палату вкатили усовершенствованный и миниатюризированный вариант «веримейда», похожий на обычный гибрид кардиографа с энцефалографом. Теперь не требовалось пристегивать пациента к массивному креслу, больше похожему своими клеммами и колпаком на электрический стул.

Пока Максим возился с проводами, манжетками и присосками, отлаживал положение стрелок на циферблатах и кривых на экранах, Тарханов вел рутинный опрос пациента. Где и как болит, не тошнит ли, не давит в области сердца, как спалось, был ли стул и прочее, не страдает ли провалами памяти.

Занимаясь своей, якобы привычной и поднадоевшей работой, он цепко изучал его внешность, мимику, мотику движений.

Возраст — лет сорок. Внешность — стандартная. То

★

есть черты лица в общем-то правильные, но ничего примечательного ни в ту, ни в другую сторону. В смысле — не вызывает эмоционального отклика. Вроде одного из дюжины чиновников 9—10-го класса¹ в губернском присутствии, которых пересади за столами по-другому, и через минуту разницы не заметишь. Особенно если они будут в вицмундирах.

Вряд ли его подбирали именно по этому принципу, профессионала при самой серенькой внешности узнать можно, а просто уродился такой. Но никак не кадровый сотрудник какой угодно спецслужбы, здесь Тарханов мог голову на отсечение дать.

Однако держится на удивление спокойно. Может, медикаменты действуют, а может, натура. Глубокий флегматик. В данный конкретный момент ничего не угрожает, вот и не нервничает зря. Придет время — поведет себя по обстановке.

При вопросе о памяти «больной» оживился.

— Страдаю, доктор, еще как страдаю. Как в себя в больнице пришел, все время спрашиваю, где я и как сюда попал...

— Ретроградная амнезия? — с полувопросом обратился Максим в пространство между Тархановым и пациентом.

— Бывает, что и она, — согласился Тарханов, — если по башке сильно трахнуть. А у него голова вроде без видимых повреждений...

— Если в шапке был, может, и без видимых. А что вы вообще помните? — обратился он непосредственно к пациенту.

— Как из Москвы выезжали, с друзьями на охоту, на Озерецкий кордон, на реке Воря...

— На чем ехали?

— На машине, понятное дело. Коней егерь должен

¹ Коллежский секретарь, титулярный советник примерно равняются армейским чинам поручик, штабс-капитан.

был приготовить, там недалеко коневодческое хозяйство. До кордона добрались, выгрузились, все обсудили, договорились, сели обедать. Водки полстакана выпил, начал капустой закусывать. И все, больше ничего не помню, как отрезало... Это меня что, кто-нибудь из наших по пьянке подстрелил? Так я, если что, не в обиде. Всякое бывает. Ноги-то у меня как ходить будут?

«Больной» откинулся на подушку и полуприкрыл глаза.

Тарханов хотел было ответить слышанной от Ляхова цинической шуткой: «Да, но только под себя», однако воздержался.

— М-да, — протянул он, — это несколько меняет дело. Напоминает действие клофелина. А ведь анализов на посторонние вещества ему не делали, — сообщил он, полистав историю болезни. — Даже на алкоголь не делали. А после всех процедур, да через сутки теперь ничего и не найдешь.

— А мы все-таки поищем, Сергей Васильевич. Случай ведь трудный, тут все возможности надо учесть. — Максим закончил настройку и решил, что дурака валять хватит. Линия защиты пленного теперь ясна. Вряд ли он ее только сегодняшней ночью придумал. Вполне возможно, что все предусмотрительно проработано и замативировано, свидетели найдутся, амнезию можно симулировать достаточно долго. По крайней мере, до тех пор, пока заказчики и организаторы не заметут все следы и предпримут обещанные этому человеку меры для его спасения.

А может, он такой фанатик, что на личное спасение и не надеется, камикадзе он, может быть.

Редко, но бывает.

— Короче, так, господин Беспамятный, мы с сочувствием относимся к вашему несчастью, но у нас, видите ли, тоже своя работа. Мы хоть и медики, но несколько другого профиля. Из тех, что вопреки распространенному правилу лечат не больного, а болезнь. А болезнь у вас

тяжелая, зачастую — смертельная. И добро бы для вас, а то ведь для окружающих...

Лицо раненого выразило полнейшее недоумение:

— Заразное что-нибудь?

Нет, ну как играет! В его-то состоянии.

— До чрезвычайности, — ответил Тарханов участливо. — Называется — государственный терроризм. Чтобы не нарушать ваши конституционные права, официально довожу до вашего сведения, что вы подозреваетесь в покушении на жизнь высшего должностного лица в составе организованной группы, что влечет за собой наказание в виде смертной казни, лишения всех прав состояния и конфискации имущества. Чистосердечное признание и активное сотрудничество со следствием могут облегчить вашу участь, но, честно скажу, ненамного.

Допрашиваемый сначала впал в легкий ступор, после чего начал не столь возмущенно, как сбивчиво и испуганно доказывать, что этого не могло быть ни при каких обстоятельствах. Что он честный гражданин, за ним пятнадцать лет беспорочной службы, и если чего-нибудь и не помнит, так только за половину последних суток. За остальное же может ручаться головой и готов привлечь любое количество свидетелей своей невиновности и благонамеренности.

— Что же, будем разбираться, все проверим. Имя свое для начала назовите...

— Назову и имя, и все остальное. Постный, Иван Степанович. Бухгалтер управления городского электротранспорта. Проживаю на Плющихе, собственный дом. Меня и околоточный хорошо знает, и пристав. Я ему недавно прошение о выдаче заграничного паспорта подал...

Тарханов испытывал все большие сомнения, того ли, на самом-то деле, взяли? Хотя наличие собственного дома и не исключает преступных умыслов, в свое время генеральские сыновья и дочери в царевубийствах участвовали, Перовские, Ульяновы...

А вот накануне теракта прошение в полицию подавать, внимание к себе привлекать — это более чем непрофессионально. Да просто глупо, тем более что организация такого уровня могла бы заблаговременно своих членов любыми документами снабдить, минуя пристава по месту жительства.

Разве что господин Постный намеревался скрыться, не ставя в известность своих заказчиков и руководителей...

— Хорошо, разберемся, — повторил Сергей. — Мы сейчас с помощью этого вот прибора будем вам вопросы задавать, самые разные, а вы на них — с максимальной правдивостью отвечать. Это немного напоминает обычный детектор лжи, с одним немаловажным отличием. Соврете первый раз — прозвенит звоночек. Второй — станет больно, но пока терпимо. Ну а потом — не обесчудьте. Вплоть до шока третьей степени. И, заметьте, без всякого физического вреда для организма, поскольку воздействие производится непосредственно на нервные центры.

Лоб Постного покрылся мелкими капельками пота, но голос звучал почти ровно, разве что хрипотца в нем появилась.

— Ну, давайте, спрашивайте. Может, сразу все и прояснится... Поверить не могу, кто же это меня так подставил, все же ведь приличные люди со мной были. И егерь давно знакомый...

— Сейчас я задам вам десять вопросов. На один, по своему выбору, ответите неправильно. И сами убедитесь, работает наш аппарат или нет...

Через пятнадцать минут Бубнов, глядя на Сергея, недоуменно развел руками. Все, что говорил Постный, было чистейшей правдой. Вплоть до момента, когда он выпил на кордоне водки. Правда, не половину стакана, а полный. И дальше — провал до момента, когда он вышел из наркоза. То есть такой у него гипнотический блок поставлен, что непонятно, как и подступиться.

— Так, Максим Николаевич, — протянул Тарханов, с ужасом осознавая, сколько времени потеряно зря. — Сворачивай аппаратуру и — ко мне.

А сам кинулся в соседний кабинет, к телефону, поднимать по тревоге весь наличный состав Учебного центра. Левой рукой он держал трубку и отдавал распоряжения, а правой торопливо набрасывал план-задание для жандармского управления.

«Отследить все связи Постного и его окружения за последние три месяца, то же — по каждому из участников охоты. Егерь, его напарники. Обыски на квартирах, по местам службы, экспертиза оружия, эксгумация трупов...»

Стоп!

Он выглянул в коридор. Техники как раз покатали по коридору тележку с «веримейдом».

— Дураки мы, Максим, какие дураки! Вот что значит, инерция мышления. Пилим бревно бензопилой, а что мотор завести нужно — забыли!

— Ты это о чем?

— Покойники, Максим, покойники. Которых в лесу прикопали, и те, которых казаки в сельский морг отвезли. На хрена, скажи мне, их эксгумировать, если живьем допросить можно?!

Бубнов только сплюнул с досады. Ведь на самом деле — чего проще? Еще вчера можно было выскочить туда и взять новопреставленных рабов божьих *тепленькими*. Причем в буквальном смысле слова.

Может, среди них настоящий организатор есть!

А ведь и он сам ходил в боковое время, и Тарханов там провел чертову уйму времени, а как случилось вот такое — будто память отшибло, не хуже, чем Постному. Действительно, инерция, а если более научно выразиться — динамический стереотип. Способ поведения в данных обстоятельствах, настолько отработанный, что включается без участия сознания. Плеснул в лицо огонь в узком тупиковом коридоре — ты закрыл глаза и отскочил

назад. А единственно правильным решением было бы, наоборот, рвануться сквозь пламя и, пусть с ожогами, выбраться на свободу.

— Давай, Максим, сейчас соберем группу, и под твоей командой — вперед. Не могли они за пятнадцать часов далеко уйти, наверняка поблизости бродят. Только как ты их ловить будешь? — Тарханов вспомнил свою встречу с некробионтами. Мало шансов, что найдется среди террористов еще один Шлиман.

— Кажется, есть способ.

— А я на кордон смотаюсь, на месте посмотрю, может, там тоже какая-нибудь хитрая аппаратура имеется...

Бубнов после участия в патологоанатомическом исследовании подобранных на поле боя *трупов второго порядка* много размышлял о том, каким бы образом организовать широкомасштабное изучение природной и, так сказать, идеологической сущности феномена некробиоза.

В другое время не составило бы проблемы собрать коллектив из специалистов соответствующих профилей, открыть финансирование, подготовить оборудование, отловить нужное количество особей и ставить на них какие угодно опыты.

Сейчас же навалилось столько не в пример более важных, с точки зрения высшего руководства, забот и проблем, что от предложения Бубнова просто отмахнулись. Лично Чекменев начертил на рапорте резолюцию: «Отложить до лучших времен! Занимайтесь чем поручено!»

Ну, вот вам, Игорь Викторович, и «лучшие времена»!

Хорошо, что кое-какие наработки у Максима все-таки были.

Группу он собрал быстро, служба была поставлена. В составе его отдела спецконтроля имелись и медики — свежеиспеченные военврачи сентябрьского выпуска, еще не забывшие общевоинскую подготовку, и инже-

неры с техниками, умеющие обращаться с хроногенератором и верископом. Так что со стороны приглашать почти никого не пришлось.

Сразу после обеда колонна колесных машин прошла портал и двинулась в сторону Сергиева Посада по той же дороге, где вчера ехал Великий князь. Сам же Максим поднялся в воздух на вертолете. Сопровождал его, с личного разрешения Олега Константиновича, войсковой старшина Миллер, едва успевший проспать после обмывания новых двухпросветных погон. Как это у них в полку говорилось в адрес выслужившего штаб-офицерский чин — *стал на рельсы*.

Укажет точное место захоронения, а заодно и полюбуется на дело рук своих.

Когда он получил приказ, лицо адъютанта передернулось. Совсем ему не улыбалось встречаться с собственноручно убитыми людьми, да вдобавок воскресшими. Кое-что он об этом феномене слышал, но в подробности не вдавался. Хоть и был он немцем, пусть давно обрусевшим (немец — он обезьяну выдумал!), а к метафизике никакой склонности не испытывал. Предстоящее Павел Петрович понимал как одну из разновидностей эксгумации, а от вида лежалых трупов его всегда мутило.

Поэтому, угнездившись на заднем сиденье вертолета, он в профилактических целях хорошо приложился к фляжке, которую, по должности, всегда имел при себе. Олег Константинович, как известно, подобно своему августейшему предку Александру Третьему, любил, чтобы при щелчке пальцами в его руке немедленно оказывалась черненная стопка. Или, в походных условиях, эта самая фляжка.

Уже на четвертом витке расходящейся от лесной могилы спирали пилот указал Максиму на искомую цель. Семь человеческих фигур цепочкой двигались по просеке строго на запад. Когда вертолет снизился, Максим увидел, что все они вооружены. Но прошедшая на высоте

всего лишь в сотню метров боевая машина не привлекла их внимания. Бубнову это было знакомо — прошлый раз покойники тоже не реагировали на вертолеты до тех пор, пока они не открывали огонь на поражение.

Сейчас слепой инстинкт гнал некробионтов на поиски пищи. Как Баба-яга из сказки, они ноздрями (или какими-то другими органами чувств) пытались уловить человеческий дух.

Бубнов предполагал, что охотничий инстинкт у них включается только после того, как сработает портал. Ну, вроде как паук реагирует на подрагивание сторожевой нити ловчей сети. А нюх улавливает запах живого как бы не на десятки километров. И если металл экранирует человеческую эманацию, то брезент автомобильных тентов — безусловно, нет. Вот они с точностью компасной стрелки и повернули в сторону приближающейся колонны.

Максим приказал своему отряду выйти на достаточно обширное для намеченных действий поле, остановиться и начать разгрузку.

В запасе было не менее полутора часов, даже если некробионты перейдут на спринтерский бег.

К моменту, когда первый покойник появился на опушке, все у Бубнова было готово. Ничего экстраординарного придумывать не пришлось. В зоопарке он под расписку взял транспортную клетку для перевозки особо опасных хищников и распорядился поставить ее ближе к западной кромке леса, в самой середине густой купы боярышника. Издалека это выглядело именно как огромный куст с нешироким просветом посередине. Сдвинутая дверь клетки была не видна уже с десятка шагов.

Технику и людей Максим разместил в лесу позади клетки. Так, чтобы азимут на манящий запах живого

★ проходил сквозь нее. На отсечный огневой рубеж был выдвинут БТР с крупнокалиберным пулеметом.

Чтобы руководить охотой, он вместе с Миллером устроился на сколоченной между ветвями старого дуба наблюдательной площадке, метрах в четырех над землей. Войсковой старшина вооружился верным дробометом, Бубнов же ограничился биноклем и сильным радиомегафоном.

В клетке были привязаны семь поросят, по числу некробионтов. Свинья, как известно, наиболее близка к человеку по своей биохимии и генотипу. Поэтому предполагалось, что для поддержания сил покойников эта разновидность живого подходит в наибольшей степени.

Головной некробионт, с пулевой дыркой между глаз и штуцером в руках, приостановился в полусотне метров от ловушки. Глаза у него были полуприкрыты, а ноздри раздувались, что хорошо было видно в бинокль. Похоже, присутствие пищевых объектов покойники сначала улавливают в принципе, как рыбы боковой линией — колебание воды, а точную наводку на цель производят с помощью обоняния и лишь в последнюю очередь — зрения.

Сзади на командира напирали прочие жаждущие пищи покойники. Но, что поразило наблюдателей, опередить его и кинуться к добыче самостоятельно не пытались.

— Хорошо вы с князем поработали, — сквозь зубы прошептал Бубнов, не отрывая глаз от бинокля, — все пробоины в грудь и в голову.

— Это не мы хорошо, это они плохо, — успел ответить Миллер, имея в виду, что при жизни террористы пренебрегали самыми элементарными правилами. Словно действительно на охоту за безоружным зверем вышли, а не на бой с людьми, учившимися стрелять и воевать с восьмилетнего возраста. — Кто их только на такое дело послал?

Этот вопрос интересовал и Бубнова, причем начали

у него появляться некоторые соображения, по причине своей безумности вполне претендующие на истинность.

Вожак втянул в себя критическую дозу энергетической ауры живых, или теперь уже просто запаха свиной и человеческой плоти, нервного солдатского пота, и рванулся вперед. Остальные, не меняя порядка построения, — за ним.

Проломились сквозь маскировочную завесу из веток, и, как только последний оказался внутри, откинулись стопора, фиксирующие пружины клинкетной двери. Ловушка захлопнулась.

Некробионты этого словно и не заметили. Кинулись на поросят, поднявших неимоверный предсмертный визг.

Кончилось все почти мгновенно. Поросята отнюдь не были растерзаны, с кровью, хрустом костей и прочими неэстетичными подробностями, они были именно что выпиты, высосаны, как паук высасывает попавшую в его тенета муху. Причем вожак успел употребить двоих, а зазевавшийся (наверное, он и в жизни в этой компании был на третьих ролях) не получил ничего. И теперь метался внутри клетки, натывался на прутья, верещал, каким-то образом понимая, что теперь ему конец, полный и окончательный.

Впрочем, напивавшиеся жизненной силой товарищи теперь тоже представляли для него определенный интерес. Да и запах двух десятков людей, находящихся всего в нескольких метрах, никуда не делся.

Некробионт с развороченным картечью животом, щупловатый и вообще жалкий, как последний котенок в помете, бросился на ближайшего к нему приятеля, и тут же рухнул на землю от удара ружейным прикладом. Полноватый мужик, хорошо одетый, которому очень бы подошли очки в тонкой золотой оправе, не только сбил его с ног, но и, приставив ко лбу ствол карабина, равнодушно выстрелил. Значит, не забыл, как пользоваться оружием, и понимал, что оно смертельно и для единожды уже умерших.

Миллер сдавленно икнул. Да уж, выстрел в голову, в упор из ружья крупного калибра выглядит неэстетично. Даже для опытного охотника. Головы-то, собственно, и не осталось.

«А сейчас еще начнется ураганное гниение», — мельком подумал Максим.

У остальных некробионтов поступок товарища не вызвал протеста. Вообще никакой реакции. Они были сыты, они блаженствовали доступным им образом. Словно бы еще не понимая, что пойманы и заперты.

— Так, пункт первый выполнен, — удовлетворенно произнес Бубнов не то самому себе, не то и Миллеру тоже. А в мегафон объявил на всю поляну: «Личному составу оставаться на местах. Бдительности не терять, БТР — вперед».

Спустившись по нескольким забитым в ствол дерева скобам, он подошел к клетке, прикрываясь корпусом бронетранспортера.

Из рассказов Ляхова Максим знал, что некробионты, по крайней мере израильские, способны к общению на человеческом уровне.

— Эй, там! Предлагаю выбросить все имеющееся оружие наружу. Питание и нормальное обращение гарантирую. В противном случае прикажу немедленно открыть огонь на поражение!

Подрагивающий в такт холостым оборотам дизеля ствол пулемета подтверждал серьезность угрозы.

Все карабины немедленно вылетели наружу через просветы между прутьями. Хоть живой, хоть покойник с детства привык, что российская армия шутить не любит.

— Все? Ножей, пистолетов ни у кого не осталось?

— Ножи тоже, командир? — сдавленным, но отчетливым голосом спросил старший.

— Тоже, тоже, бросай все.

Убедившись, что распоряжение выполнено, Бубнов позволил себе слегка расслабиться, достал из портсигара папиросу. Миллер стоял сзади и слева, держа ружье

на изготовку. Ему очень интересно и одновременно странно было видеть вместе, в одном качестве и тех, кто копал могилу, и тех, что покорно ждали, когда товарищи их зароят. Сразу узнал того, разговорчивого и умного, которого хотел взять живым, да не получилось.

— А теперь поговорим. Ты здесь главный в своей банде? — Максим указал пальцем. — Ты понял, что с вами случилось?

— Кажется, понял, командир. Никогда не верил в такое, а вот приходится. А вы тогда кто — ангелы небесные или по другому ведомству?

Бубнов для себя решил, что если он будет продолжать воспринимать происходящее с точки зрения обычного человека, то повредится в уме не хуже капитана второго ранга Кедрова. Тому как раз именно на этом сорвало башню. А здесь нужно исходить только из непосредственной реальности, не забивая голову пустяками.

— Абсолютно по-другому. А у вас появился прекрасный шанс и в этом мире устроиться с максимально возможным комфортом. Райских садов не гарантирую, но и котлы со смолой, и раскаленные сковородки можно пока вывести за скобки. При разумном поведении. Что сейчас и проверим...

— Эй, а тебя, господин, я запомнил, — неожиданно сказал покойник, обращаясь к Миллеру.

— Да неужели? — не растерялся войсковой старшина. — И как воспоминания?

— Не то чтобы очень. Пока ты на дороге суетился, я на тебя все время и смотрел, от тебя главной пакости ждал, думал, что хозяин твой носом в грязь зарылся и в штаны наложил. А потом как кувалдой по лбу — и все. Очнулся уже в этом качестве.

— Так и не хрена ворон ловить, — мстительно сказал Миллер. — Не умеешь — не берись!

Остальные покойники интереса к разговору не проявляли, сгрудились в дальнем углу клетки, ослотившиеся, с бессмысленными, неживыми глазами. Будто стараясь максимально соответствовать своей нынешней сущно-

сти. Это было достаточно странно, с точки зрения Бубнова. Разве только допустить, что каждый из них активизируется прямым и напористым обращением лично к нему, а так посланцы внешнего мира для них интереса, кроме пищевого, не представляют.

Но Максиму заниматься сейчас праздным теоретизированием было недосуг. Главное — немедленно и в полной сохранности доставить добычу в Центр, а там для их изучения найдется и время, и специалисты.

У нас ведь как — объяви конкурс на замещение вакансии главного некроманта или обер-чернокнижника, с чином и приличным окладом жалованья, от кандидатов отбоя не будет. И каждый солидные рекомендации с последнего места работы предъявит, и ходатайства научной и иной общественности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Замысел первой войсковой операции, разработанный оперативным штабом «Варшава» на основе результатов рейда группы Ляхова — Уварова, отличался оригинальностью и даже стратегической дерзостью. А главное — с академической точки зрения, исходя из соотношения сил, представлялся трудновыполнимым, а скорее всего, просто невозможным. На чем и строился расчет.

Прежде всего инсургенты, консультируемые профессиональными военными аналитиками некоторых европейских армий, ждать первого удара российских войск именно здесь совершенно не могли. По причине всем очевидной — район Радома, с его мощным комплексом оружейных заводов, был одним из наиболее важных центров формирования регулярных частей «НСЗ», численность которых, по косвенным данным, насчитывала до пятидесяти тысяч штыков. Причем от передовых позиций первой гвардейской дивизии генерала Слонова, начавшей развертывание, опираясь на крепость Перемышль, до Радома почти триста километров.

И все эти непростые километры в случае начала полномасштабных боевых действий придется преодолевать с боями, в крайне неблагоприятной военно-политической обстановке. Ось наступления неизбежно должна будет проходить вдоль Малопольской границы, открытой для действия «партизанских» отрядов, а правее русские войска встретят ряд прочных узлов обороны повстанцев, вроде Тарнобжега, Сандомира, Островца.

То есть, по любым расчетам, прорваться к Радому даже передовым отрядам раньше, чем через неделю, не удастся, причем с тяжелыми потерями. А за это время город можно окружить многополосной обороной, поддержанной тяжелой артиллерией, и, когда направление главного удара выяснится окончательно, поднять на его защиту сотни тысяч боевиков и ополченцев.

С точки зрения стратегии и тактики гораздо более вероятным представлялось бы концентрическое наступление русских войск с севера и северо-востока на Торунь, Ольштын и непосредственно Варшаву.

В пользу же проведения именно Радомской операции говорило то, что город являлся узлом пересечения четырех крупнейших автострад и двух железных дорог. В случае его взятия можно было полностью разрушить транспортную связность мятежной провинции, а сообщение между Варшавой и Краковом если и сохранится, то очень окольное, в пять раз длиннее нынешнего, через Вроцлав и Познань.

Не говоря о том, что потеря «собственной» военной промышленности станет для мятежников настоящей катастрофой.

Захваченного в десятке не слишком больших российских гарнизонов оружия, тем более боеприпасов, надолго не хватит, а сколько-нибудь масштабные поставки из-за рубежа в настоящее время представляются маловероятными. Пара-другая грузовиков в день, минуя германские и чехословацкие погранпосты, может, и прорвется, а для приличной армии его требуются эшелоны и эшелоны...

Даже падение Варшавы было бы для польского сопротивления гораздо меньшим ударом.

Российский генштаб все это прекрасно понимал, и вариант наступления на Радом рассматривался, но был признан в нынешних условиях нереальным. Для его проведения требовалось не менее пяти дивизий полного штата, которых в европейской части страны не существовало просто физически. Поэтому единственно возможным представлялось методическое продвижение по сходящимся направлениям на Варшаву по территориям с дружественным или хотя бы нейтральным населением, то есть то, что раньше называлось «тихой сапой»¹.

Этот план широко и на удивление свободно обсуждался что в проправительственной, что в оппозиционной прессе. С противоположных позиций, естественно, но в том, что будет реализовываться именно он, не сомневался никто.

Радомский же промышленный район и транспортный узел предполагалось просто систематически бомбить с воздуха, дезорганизуя их деятельность.

И только в последний момент планы были пересмотрены.

После того как оперативная группа теперь уже Уварова — Андреева, а не Ляхова, достигла станции Скаржиска-Каменна в сорока километрах юго-западнее Радома, разведка двинулась в сторону города вдоль шоссе и параллельной с ним железнодорожной ветки Краков — Кельце — Варшава.

С этого направления следов фортификационных работ не наблюдалось, да Уваров и не предполагал их встретить. Глубокий тыл. Если что и делается, то на восточном фланге сектора.

Бронетранспортер остановился на верхней точке

¹ «Тихая сапа» — способ осады и подготовки штурма вражеских крепостей, при котором роются траншеи с выбросом грунта вперед и по обеим сторонам, что позволяет постоянно иметь перед собой непрерывно повышающийся и расширяющийся защитный бруствер.

виадука, проходящего над пересечением автостреды на Лодзь и Северного объезда. Отсюда великолепно были видны городские кварталы, примыкавшие к промышленной зоне, и пресловутые военные заводы.

За неделю рейда Валерий так и не смог привыкнуть к мистическому зрелищу пустых городов. Словно очутился в павильонах киностудии в нерабочий день. Казалось просто невероятным, как это вообще может быть — ты стоишь на забитом неподвижными машинами шоссе, спокойно смотришь в бинокль, и в то же время сквозь тебя и сквозь броню транспортера проносятся те же самые сотни автомобилей, полные людьми, и никто из них ничего не ощущает. Как и ты сам не ощущаешь ничего.

Ну да, конечно, сколько раз ему растолковывал полковник Ляхов суть и физический смысл явления, а вот до души не доходит.

Понятно, что не стоит удивляться, отчего ты не сталкиваешься с машиной, проехавшей по этому месту вчера, но здесь-то они — вот, перед тобой и вокруг тебя. Не едут действительно, но ведь и едут в то же самое время.

«Успокойся, — сказал себе Уваров строго, как потевшему самоконтроль рядовому бойцу. — Ты не знаешь на этом свете тысячи вещей. Что такое постоянная Планка, почему свет одновременно волна и частица, как на спирали ДНК, записана вся программа организма, чем думает ЭВМ. Не знаешь, и по этому поводу не комплексуешь. Вот и сейчас наплюй и забудь. Люди всего сто лет назад лезли под стулья, увидев прибытие поезда на белой тряпке экрана, а мы ведь теперь не лезем! Вот и сейчас тот же случай!

Включи установленный на грузовике передвижной генератор, и сейчас же на этом самом месте образуется завал из врезающихся на полной скорости в неведомо откуда взявшийся посреди дороги броневики автомобилей. И тут же его выключи. С ума сойдут дорожные полицейские, пытаясь понять, отчего вдруг на ровном месте, в ясный день случилась жуткая катастрофа с десятками трупов в горящих и взрывающихся машинах. Абсолют-

но без всякой причины. А я уже умнее их, я удивляться не буду...»

Образование Уваров имел приличное. У них в Высшем командном имени генерала Маркова училище многие предметы преподавали пусть и в уплотненном виде, но по университетской программе. Так что с Ляховым и с приданным группе инженером теоретические вопросы на привалах мог обсуждать почти на равных. По крайней мере, понимал, о чем идет речь, и даже задавал нестандартные вопросы. Правда, чтобы не казаться чересчур умным и назойливым, только в тех случаях, когда теория имела отношение к выполнению практических задач.

Но в свободное время размышлял и на отвлеченные темы, используя усвоенные от училищных преподавателей знания и принципы. Так, соотношение предметов в основном и боковом времени он принимал аналогичным отношениям по прямой хронологической оси (оси хроноабсцисс).

Если вчера я оставил вещи в своей комнате в определенном порядке, то вошедший туда сегодня я же или другой человек увидит их в том же состоянии. И, при отсутствии внешнего воздействия, какой угодно срок (вплоть до естественного разрушения материальных структур) предметы сохранят свой вид и взаимное расположение.

Соответственно, начав сейчас производить с ними любые действия, я никак не могу повлиять на их вчерашнее положение. Здесь то же самое. Смещение по «оси хроноординат» хоть на один квант разрывает всякую связь времен. Фиксируется момент перехода. Вроде бы все самоочевидно и подтверждено экспериментально.

Уваров рисовал на листках полевой книжки всякие схемы, поворачивал их под разными углами. Получалось любопытно. Ось абсцисс на графике идет горизонтально, ось ординат — вертикально. Теперь кладем изображение осей плашмя перед собой, поворачиваем против

часовой стрелки на 90 градусов и снова смотрим. Если мы стоим в точке пересечения координат, то плюсовая ось абсцисс указывает в будущее, минусовая, у нас за спиной — в прошлое. Нормально.

Но ордината! Та, что раньше шла вверх и вниз, теперь указывает вправо и влево. Именно — вбок. Однако что же теперь должны означать плюс и минус? Налево — боковое плюс-время, направо — боковое минус? Практически? И в каком из них мы находимся в данный момент?

Казалось бы, к чему строевому пехотному офицеру это теоретизирование по поводу вещей, о которых он не имеет даже приблизительного понятия? Делай, что скажут начальники, исполняй приказ в пределах своих возможностей и компетенции, а в свободное время играй в преферанс и пей водку.

Но не таков был штабс-капитан. Хорошо помнил завет Петра Великого: «Не держись устава, яко слепой стенки». Если ему приходилось вести солдат в незнакомую страну, город или местность, он не жалел трудов и времени, чтобы проштудировать все доступные материалы, освещающие географические, экономические, политические и военные аспекты.

По возможности знакомился с языком, культурой, религией, нравами и обычаями вероятного противника. Выполнению общей задачи это весьма способствовало, но личную жизнь не облегчало. Даже напротив. Непосредственным начальникам казалось ненужной настырностью, или стремлением выставить себя умным, а всех остальных дураками. Отчего до последнего времени служба не шла.

С мстительным удовольствием комбриг Гальцев регулярно отклонял как представления комбата к повышению Уварова в должности, так и рапорты самого поручика об откомандировании в штаб округа для сдачи предварительных экзаменов в Академию Генерального штаба.

Здесь, слава богу, со службой все нормально, вести себя в гармонии с собственной натурой никто не меша-

ет. Даже варшавский инцидент закончился повышением в чине и направлением в командировку, где шансов проявить себя гораздо больше, чем в бестолковых уличных боях. Вот сейчас уже полковником командует!

Превратившись после отъезда Ляхова в единоначальника, Валерий поставил себе цель — ориентироваться в предложенных обстоятельствах не хуже, чем в какой-нибудь Ферганской долине. И не допустить физических явлений, способных сорвать выполнение задачи или привести к ненужным потерям личного состава.

Но самое главное, о чем Уваров не собирался говорить ни с кем, — это его личная стратегия в независимо от его воли сложившихся обстоятельств. Не прост был граф, очень не прост.

Даже верископ, исследованию на котором подвергся поручик из захудалого гарнизона, не смог распознать его до конца. Что в очередной раз подтверждает несовершенство программы. Ну ведь не боги же, в конце концов, разработавшие ее Бубнов и Ляхов.

Основные черты личности, нравственные доминанты, психологическую устойчивость и прочие характеристики, по которым определялась пригодность человека к предложенной службе, аппарат выявил и описал вполне достоверно. И инициатива у Уварова присутствовала, и отвага, моментами запредельная, и едва ли не патологическое самоуважение, заставлявшее хвататься за кобуру пистолета при малейшем намеке на оскорбление, от кого бы оно ни исходило.

Интеллект, на полсотни пунктов выше, чем предполагалось образованием и должностью, который он, наученный горьким опытом, наловчился скрывать (в отличие, кстати, от того же Ляхова, который оным бравировал).

Очередной слабостью проекта «верископ» была незначительная на первый взгляд тонкость. За пределами некоторого граничного показателя «IQ»¹ вступал в силу

¹ Индекс интеллекта.

все тот же «принцип неопределенности». То есть человек с коэффициентом выше 150 обладал степенью свободы принятия решений, программой не учитываемой. Еще проще — он умел поступать парадоксально по отношению к собственному характеру и установкам базовой личности. А поскольку его собственное подсознание не видело здесь противоречия, то и верископ его не фиксировал.

Конкретно — полученный Уваровым урок, как на предыдущей службе, так и уже в «печенегях», заставил его сделать вывод, ровно противоположный тому, на что рассчитывало начальство.

Граф просто-напросто считал, что если старшие командиры вправе так поступать с ним, то и он им ничем особенным не обязан. Присяге — да, долгу — тоже, а вот означенным личностям — уже нет. Торопливое присвоение чина уже ничего не изменило.

Все последующее Уваров рассматривал исключительно через призму собственных интересов.

Его убрали из Варшавы — зачем?

Сделали заместителем, а может быть, даже серым кардиналом при Ляхове — для чего? Ляхов ему, кстати, очень понравился, и служить с ним в предписанной должности он был готов. Поскольку видел здесь и собственный интерес. А вот когда командира внезапно отозвали...

Что, если это — очередная подстава? Сумеешь, господин штабс-капитан, справиться — молодец. Орденочка или двух — не жалко. Сгоришь — туда и дорога.

А вот этого Уварову совершенно не хотелось.

Лучше уж действовать по собственной программе. В которой главное — не позволить себя использовать *втемную*, сделать пешкой, то ли проходной, то ли убойной.

А значит, думать нужно не только в чисто военных категориях, но и физических, если придется — и в мистических тоже.

Вот входит в задачу такой пункт: добравшись до ко-

★

нечной точки маршрута, включить передвижной хроногенератор на выход и осуществить, возникнув из ниоткуда, пробный рейд по тылам противника.

Все просто, понятно, исполнимо. С военной точки зрения. А научной? Что произойдет, если, выйдя на исходные, случайно окажутся включенными сразу два генератора, с антеннами, направленными в разные стороны?

Предполагается, что возникнет просто второй портал, позволяющий войскам из «точки стояния «Б» (боковое) перейти в точку «Н» (нормальное). Вроде бы логично — иным же путем, «поверху», так сказать, из Москвы или Бреста в Радом не попадешь.

Но! Уваров никуда не выбросил свой листок с чертежом. Пусть два левых сектора графика — это то боковое, где они находятся сейчас. А два правых? Боковое со знаком «минус», и реальное тоже с минусом. Что, если второй включенный генератор забросит именно туда?

Это может означать что угодно. Вызвать любые последствия. Например, попадание в еще более боковое по отношению к уже имеющемуся. Или перемещение по оси прямого, в прошлое или будущее. Или то и другое сразу. Возможно, так и случилось с Ляховым — Тархановым.

Они добавили свой импульс к выданному генератором и отлетели почти на год назад. Слава богу, что сумели вернуться.

А то вообще случится *короткое замыкание* времен. Что это может значить наглядно? Вдруг при двух одновременно открытых порталах возникнет *сквозняк времени*? Подобного Уваров и вообразить не пытался, но само название ему понравилось. Что-то есть в нем такое — загадочно-величественное, готическое.

Но быть сдутым этим *сквозняком*, как пушинка с рукава, граф не хотел. У него имелись другие планы.

Пользуясь правом, предоставленным Ляховым, Валерий связался с Бубновым. Изложил ему плоды собственных размышлений и возникшие сомнения.

Инженер заинтересовался. Похвалил за пытливость. И прекратил разговор, сославшись на необходимость кое-что посчитать, а это дело не пяти минут. И даже не того же количества часов.

Уваров, положив трубку, подумал, что как раз к нему имеет отношение старая присказка, что один дурак способен задать вопрос, на который не ответит тысяча умных. И вот пока умные все-таки не ответят, он зря рисковать не будет. Даже обычную противотанковую мину «Теллер» не рекомендуется разбирать, если двадцать раз не проделал это с макетом. А уж тут-то не банальная жестяная тарелка, тут о мировых константах речь идет. А пока...

Штабс-капитан, стоя по пояс в башенном люке, приказал водителю потихоньку трогаться. В направлении трехметровой заводской ограды, построенной, наверное, еще в начале прошлого века. Судя по вложенному под целлулоидную крышку планшета плану, ближайшие цеха относились к производству легкого стрелкового оружия.

Здесь выпускались пистолеты «ВиС-Радом», довольно талантливая вариация на тему знаменитого «Кольт-1911», несколько серий автоматов и ручных пулеметов, боевые и охотничьи самозарядные карабины.

По преимуществу продукция завода шла на экспорт, удовлетворяя потребности слаборазвитых стран в недорогом и надежном оружии, а также радуя многочисленных любителей антиквариата.

На тех же принципах было поставлено и артиллерийское производство. «Традиционность — простота — надежность». Это как с паровозами. В условиях любой экономической катастрофы, когда останутся элек-

★

тростанции и нефтеперегонные заводы, короли дорог позапрошлого века, которым нужны только вода, уголь (или даже дрова), смогут поддерживать связность великой державы от океана до океана сколь угодно долго.

Производимое здесь оружие идеально подходило для иррегулярной армии инсургентов, лишенной ремонтно-технической инфраструктуры, необходимой для обслуживания оснащенной гораздо более совершенной техникой российской армии.

У первой проходной Уваров обнаружил следы подготовки мятежников к обороне. Сваренные из двутавров и трамвайных рельсов противотанковые заграждения, немногочисленные пока, но грамотно расположенные окопы и пулеметные гнезда. В случае штурма обычным пехотным полком со штатным вооружением они, конечно, не продержались бы и получаса, но если рассчитывать на противодействие воздушному, к примеру, десанту, то шансы обороняющихся были достаточно велики.

Прижать атакующих к земле хотя бы до тех пор, когда расхватают винтовки и автоматы рабочие цехов, а с тыла ударит городское ополчение, — вполне реально.

Уваров объехал по периметру всю территорию завода, вернее, нескольких заводов, объединенных в единый промышленный комплекс, проник внутрь длиннейших межцеховых кварталов, наметил план собственных действий.

К обороне готовились и здесь, но, похоже, все-таки не от регулярной армии. Гораздо больше поляки опасались, судя по всему, нападений внутреннего врага: уголовников, боевиков соперничающих группировок, мифических русских партизан, германских «вервольфов», рассчитывающих под шумок отторгнуть западные воеводства.

Внутри заводской территории, у всех проходных, технологических въездов и выездов, особенно складов готовой продукции, размещались огневые точки на два-три человека, импровизированные бункеры из бетон-

ных колец, бракованных броневых плит, вообще всякого бросового материала, которого масса на любом промышленном предприятии.

По смыслу это понятно — заводской комитет, или, как там еще может называться, нынешняя администрация, гораздо больше озабочен собственной безопасностью и сохранением прав на свою продукцию (которая больших денег стоит), чем центральная или городская власть, занятые вопросами большой политики.

Но сколь ни примитивна эта оборона, потери у штурмующих, конечно, будут, невозможно исключить их совсем даже в столь выгодных условиях, но они никак не сравнимы с теми, что могли бы возникнуть при лобовом штурме или высадке парашютно-вертолетного десанта в реальном времени.

А цеха работали с полным напряжением, куда активнее, чем до начала событий. Это было видно и по заполненным полуфабрикатами конвейерам, и по площадкам прицеховых аппарелей, где громоздились готовые к отправке ящики и контейнеры.

Слабостью поляков было несоответствие масштабов выпуска оружия и производства боеприпасов. Основная масса патронных и снарядных заводов располагалась в центральных губерниях Европейской России и за Уралом, здесь же маломощный завод изготавливал только установочные партии, необходимые для контрольного отстрела и укомплектования поставляемого оружия контрактным минимумом — один боекомплект на ствол.

С него Уваров и решил начать.

Собственно, его задача являлась классической разведкой боем. Он должен был как бы проверить на практике реальность ведения боевых действий внезапным ударом в тыл противника *ниоткуда*, и в случае успеха захватить плацдарм для последующего развития операции.

Одновременно ему требовалось обеспечить полную секретность не самой операции, ее не скроешь, а смыс-

ла происходящего. Чтобы враг ни в коем случае не догадался, будто происходит нечто выходящее за рамки привычного.

То есть оформить операцию как дерзкий, на грани самоубийства, рейд российской штурмгвардии, такие в истории известны, но отнюдь не мистическое действо.

В распоряжении Уварова было около трехсот человек. Из них усиленный взвод, по совету Ляхова, он выделил в качестве своеобразного «заградотряда». Кто знает, как поведут себя в тылу батальона начавшие массово поступать туда вооруженные и разгоряченные боем бойцы?

Они, может, не успеют даже сообразить, что с ними произошло. То же место, та же обстановка, те же вражеские солдаты вокруг... Тебя только что ужалило пулей и осколком, ты уже мертв, но сам того не подозреваешь. Думаешь — да, задело, да, больно, но не на смерть же! А автомат в руках, а фигуры в ненавистной форме мелькают перед глазами.

Сколько раз штаб-капитан видел, как продолжают воевать смертельно раненные даже тогда, когда по всем медицинским показаниям смерть давно наступила.

Вот когда роты пойдут в атаку в *реале*, этот взвод останется здесь, чтобы не допустить «удара ножом в спину».

Кроме того, Уварову для полного успеха нужны были хотя бы два вертолета.

Все это он доложил по команде и получил устроивший его ответ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Так где же выход? — спросил Ляхов после долгого, километров на пятнадцать, молчания.

Теперь машину вел двойник, а сам он успел трижды приложиться к фляжке, перекурить. В голове была полная каша.

А *Vagim* спокойно держал на спидометре 50 миль, когда нужно, маневрировал, не глядя, переключал передачи длинным изогнутым рычагом, а ведь вряд ли ему раньше приходилось управлять именно такими, примитивными и древними устройствами, раз здешняя техника отстала в своем уровне на добрые полвека.

Не знал Ляхов, что многие парни даже семидесятых годов *того времени* успели поездить на остатках трофейной и ленд-лизовской техники Второй мировой, в огромных количествах осевшей по градам и весям, подерживаемой на ходу народными умельцами. А она как раз и соответствовала эксплуатационно и конструктивно местным передовым образцам.

Похоже, его ничего не волновало. Ни забитое брошенными автомобилями приморское шоссе, ни судьбы Вселенной.

— Зачем тебе выход? — спросил *Vagim*. — Я ведь тебя провоцировал, хотел посмотреть, поддашься или нет. Слабоваты вы, ребята. Я один с автоматом легко прошел бы через всю вашу Польшу. От Белостока до Познани. Просто прошел бы, и все. Не видели вы настоящего!

В истории вашего двадцатого века нет ничего страшнее Цусимы и Самсоновской катастрофы. А Таллинский переход, где погибло в двадцать раз больше людей и кораблей! А как за полгода сгорает в боях пятимиллионная кадровая армия, а в следующие три года *запасники* завоёвывают Европу! Корейской войны не видели, Будапешта, Афгана, Чечни. А Большой террор!

Дети вы, счастливые дети судьбы.

Правда, неправда, все, что я тебе сказал — какая разница? Вот хочешь, я прямо сейчас могу исчезнуть? Ничем более твою совесть не отягощая. А мои слова у тебя в памяти останутся. И сам ты останешься, как на разминированном минном поле. Вроде и чисто, а вдруг — нет? Шагнешь, а там — она! Согласись, очень неприятно ты себя сейчас чувствуешь?

— А зачем тебе это знать? — ответил Ляхов. — При-

ятно, неприятно, тебе-то что? Конечно, вещи ты действительно страшные вспоминаешь. Как жить с такими воспоминаниями?

— Незачем, — охотно согласился *Vagim*. — Уж настолько незачем... Свободно могу сейчас выйти из машины, и ты останешься в полном праве. Единоначальником. Все в твоих руках. Ноль проблем. Живи и радуйся. А я кого-нибудь другого найду. Желающих хватит.

Ляхов узнавал себя. Он тоже умел так разговаривать, только — с посторонними. Под настроение и когда диктовала ситуация. Теперь точно так же поговорили с ним. Свободно можно ответить — «ну и катись, без тебя разберусь!», но отчего-то не получается.

Опять же, по себе известно, просто так такими словами не бросаются.

Значит, в них есть высший смысл. И стоит смирить гордость, не жечь мосты и не рубить канаты.

Давай лучше пиджачком прикинемся.

— Напрасно ты так, — сказал он примирительно. — Если уж нам с тобой ссориться, так это шизофрения в чистом виде. Я ведь просто разобраться хочу. Как там один философ писал: «Принимать решения следует со знанием дела». Кое-что ты мне объяснил, но не все. Допустим, тебе тоже рассказали не всю правду. А ты вообразил, что всю! Сделаешь ты... — заметил, что *Vagim* произвольно дернул щекой. — Ладно, не ты, мы с тобой сделаем. То, что от нас хотят, а окажется — для чужого дяди каштан из огня вытащили. И обратного хода уже не будет. Это ведь очень обидно. Более того, Достоевский, кажется, в дневнике писал, что нет более мерзкого чувства, чем осознание напрасно сделанной подлости...

— Да в чем же подлость, не понимаю. — Вадим, видимо чувствуя, что в главном победил, очевидным образом расслабился. Помягчел лицом и тоном.

— Предадим мы то ли одну, то ли другую реальность,

и без всякой пользы. Потому что на самом деле игры тут совсем другие, и в их правила нас с тобой не посвящают.

— Слышь, братец, ерунду ты несешь. Абсолютную. Одновременно согласился уже (ведь так?), что мы с тобой — ключевые фигуры на доске, то есть принял все, мною сказанное, за истину, и тут же пытаешься достоверность предложенных обстоятельств опровергнуть. Глупо. Если теория моих хранителей ложна, наплюй, забудь, живи как жил, поступай как знаешь.

Если она верна в своей основе — ты, в силу собственной неинформированности, никакой рациональной контрстратегии выработать все равно не можешь. Так что?

— В философии это называется антиномией, неустранимым противоречием между равно достоверными или недостоверными утверждениями.

— И как из них выходят?

— Есть мнение, что в таком случае нужно выбирать, руководствуясь не логикой, а этикой.

— Тогда осталось выяснить, какая этика применима в данном конкретном случае.

Погода, как говорят в России, разгулялась. К территории бывшего Израиля это тоже применимо. Утренний туман рассеялся, небо стало ярко-синим, солнце сверкало на легкой морской зыби миллионами отражений. Хотелось махнуть рукой на все, подъехать к берегу, искупаться, не обращая внимания на то, что уже кончался октябрь.

Но — воздержались. Только опустили брезентовый тент, они оба любили ездить в открытом автомобиле. И не суть важно, что не шикарный кабриолет у них сейчас, а армейский джип с жесткими, обтянутыми потертым дерматином сиденьями.

На воротах российской военно-морской базы отчет-

ливо видна была нанесенная чем-то черным, художественным углем, что ли, надпись.

«Ляхов, жду вас в 14.00 там, где виделись в последний раз. Шлиман».

И — сегодняшняя дата. Написано по-немецки, естественно.

Что интересно, двойник немецкого не знал. Спросил, о чем это тут. Хотя общий смысл он, конечно, не мог не уловить. Две фамилии, время, число. А в целом, конечно, «Их варт зи дорт хабен вир унс лестес маль гезейн» звучит достаточно загадочно для непосвященного.

— О том, что мир продолжает подкидывать нам свои сюрпризы. Господин некробионт Шлиман назначил нам встречу. В известном месте. Знаешь, я начинаю верить тебе все больше и больше. Написано сегодня, с учетом времени, необходимого, чтобы добраться сюда из Тель-Авива. Значит, когда мы выезжали, он уже знал об этом.

— Розенцвейг мог сообщить...

— Это — вряд ли. Тут иное. Ну, встретимся, уточним.

Они дошли по аллее до самых ворот, ведущих на катерный пирс, присели на скамейку в тени развесистых туй, откуда видны были рубки и мачты кораблей. Где-то среди них затерялся и «Статный», катер, на котором Ляхов постигал азы мореходного искусства. Стало немножко грустно. Сходить посмотреть, что ли?

— Что тут у нас, — посмотрел он на часы. — Без пятнадцати. Ну, подождем. Будешь? — протянул он напарнику фляжку.

— А чего ж? Красивые кораблики, — указал он рукой. — Антиквариат. У нас таких и в музеях не осталось.

Ляхов ничего не ответил, нежась на солнце. Сто граммов хорошего коньяка как раз то, что нужно, чтобы, оставаясь трезвым, ощутить прелесть жизни. Какой бы она ни была на самом деле.

Шлиман появился секунда в секунду. Посмертное

существование никак не повлияло на приобретенную в германских университетах пунктуальность.

Да, впрочем, покойником он сейчас совершенно не выглядел. Вполне респектабельный господин, сменивший, кстати, армейский мундир на штатский костюм. Неужели для него это существенно, или таким образом он просто выражает уважение гостям?

Поздоровались, обойдясь без рукопожатий. Как-то так само получилось.

— Рад, что у вас все обошлось благополучно, — сказал Шлиман, присаживаясь рядом. Присутствие двойника его не смутило, точнее сказать, он *Vadima* как бы проигнорировал. Скользнул один раз взглядом, и все.

— Взаимно. Как у вас с питанием? Проблем не возникает?

— Отнюдь нет. Скажу больше — с тех пор оно мне больше не требовалось. Видимо, пища нужна была только для первичной инициации. Теперь — обходимся.

— Если можно, Микаэль, говорите, пожалуйста, по-английски. Мой товарищ немецкого не знает.

Шлиман тут же перешел на английский.

— Того, что вы мне оставили, хватает, чтобы *вводить в строй* новоприбывших. Да и еще один источник у нас есть. Не бедствуем.

Из слов Шлимана Ляхов мгновенно сделал вывод, что число некробионтов за время его отсутствия выросло не слишком. Раз им до сих пор хватает сотни килограммов мяса и гемостатической губки. Это подтверждает теорию *нелинейности процесса*. Далеко не все умирающие попадали в *этот* загробный мир. И, следовательно, капитан не слишком далеко продвинулся в работе по созданию собственного «государства».

Однако говорить об этом он сейчас не стал. Просто поинтересовался, каким образом Шлиман узнал об их прибытии и что вынудило его столь срочно назначить встречу.

— Вы так были уверены, что я немедленно помчусь именно сюда?

— Уверен — не совсем тот термин. Я просто знал это.

— Телепатия?

— Техника. Мы ведь тут времени зря не теряли. Нашлось несколько специалистов, в Хайфском технологическом — подходящее оборудование. Когда знаешь, что искать, работа идет быстрее. Сейчас мы умеем мгновенно фиксировать любые возмущения хронопоя на границе, пеленговать точки пробоев и местонахождение проникших к нам живых. Вы прилетели — и я об этом сразу узнал. Вы поехали сюда — я имел время подготовиться.

— Но как вы определили, что еду именно я?

— Детский вопрос. Кто же еще? Все пробои осуществляются только с российской территории, значит, хроногенератор остается вашей монополией. От вас, конечно, мог появиться кто-то другой, не вы, сейчас вот прибыли сразу пятнадцать человек, но о месте встречи я договаривался только с вами. В крайнем случае, если не вы лично поехали по первому шоссе, то ваше доверенное лицо. Вы — здесь, значит, моя логика по-прежнему остается в нашем общем поле.

Возразить было нечего.

— Вас не насторожило, что — целых пятнадцать? Не восприняли это как вторжение?

— Не смешите меня, Вадим. Любое *вторжение*, в том смысле, что вы имеете в виду, должно преследовать разумную цель. И представлять угрозу для коренного населения. Иначе это просто визит. Желательный, нежелательный — другое дело. Угрозу вы для нас представлять не можете. Мы слишком разные, у нас нет конфликтного потенциала.

— Но ведь... Обстоятельства нашей первой встречи...

— Не о том речь, — перебил его Шлиман, — я понимаю, вы хотели сказать, что по известной причине мы с

вами представляем друг для друга смертельную опасность, причем не только физическую, а, так сказать, мировоззренческую. И всегда могут найтись... те, кто пожелает решить проблему радикально. На вашей стороне, само собой.

Но сейчас — не тот случай. Не касаюсь умственного и нравственного уровня лично вас и вообще всех, кто допущен к проекту. Скажу проще — теперь у вас просто нет такой возможности. Люди больше не могут причинить нам *никакого* вреда. Вот мы ничего и не опасаемся.

— Я правильно понял — за время нашей разлуки что-то изменилось кардинальным образом? Вы узнали о себе нечто такое, что пока неизвестно *нам*?

— А *вам* ведь ничего и не было известно. Кроме самого факта существования некоего феномена. И того, что вам удалось выяснить за время не столь уж продолжительного знакомства с единственным представителем *некромира*.

— Ну, не только ведь наш с вами контакт имел место. Там, — Ляхов указал большим пальцем себе через плечо, на север, — тоже проводятся кое-какие эксперименты.

— Не сомневаюсь. После нашего прощания прошло уже больше полугода, я не ошибаюсь? Время там и здесь течет примерно одинаково?

— За исключением единственного сбоя — вроде бы так.

— Ну и что же вам удалось узнать? О механизме процесса, об особенностях взаимодействия *объектов* с окружающей средой, об уровнях фазовых переходов, ну и так далее...

Ответить Ляхову было нечего, кроме как того, что сам он вернулся домой меньше месяца назад и по причине загруженности другими делами просто не имел возможности знакомиться с результатами чужих исследований.

— Если бы они были, результаты, — резонно возра-

зил Шлиман, — направляя вас в повторную экспедицию, хоть какими-то практическими советами вас бы снабдили. А вас ведь послали именно потому, что не узнали ничего. Вдруг вы здесь сумеете что-то выяснить...

Все это время *Vagim* сидел, опершись локтями о колени, по общей с Ляховым привычке ковырял палочкой толченный кирпич дорожки. Словно бы даже и не вслушиваясь в разговор.

И Шлиман его тоже игнорировал. Вообще, это интересная черта некробионтов, Ляхов отметил ее с первого дня. Внимание фиксируется на единственном объекте, который воспринимается как главный, а остальных он если и замечает, то в минимальной степени. Тоже, кстати, тема для исследований.

— В общем-то, вы правы, Микаэль. Ни черта мы не знаем, и даже как подступиться, понятия не имеем. Поделитесь, чем можете. К взаимной пользе. Зачем-то же вы меня звали. И ждали...

— Да, звал. Тогда... Еще сам ничего не понимая. Мне ведь было очень одиноко, Вадим. Я не мог так сразу перестать чувствовать себя одним из вас. Меня тянуло в мир людей. Я не знал, как *жить* здесь. На самом деле считал, что можно, а то и необходимо наладить и поддерживать связь между тем и этим светом... Предполагал, что можно наладить взаимопользные контакты...

— Теперь — не думаете?

— В том смысле, что раньше — нет. Дипломатические отношения между живыми и загробным миром, в их человеческом понимании — абсурд. Разве что действительно — почтовое сообщение установить...

Шлиман улыбнулся одними губами.

— Честно говоря, вам бы следовало объявить информацию о нашем существовании величайшей государственной тайной. И не только государственной. Ведь если широким массам станет известно, что *тот свет* действительно есть, и туда можно попасть, причем не только естественным образом, но и с помощью научных при-

боров, сходить и вернуться, вся ваша цивилизация может рухнуть.

Прежде всего станут ненужными религии. Зачем *верить*, если *знаешь*? Миллионы людей, потерявших близких, будут стремиться воссоединиться с ними раньше срока. Еще миллионы *просто так* захотят посмотреть, что здесь делается, из любопытства, из любви к приключениям. Исчезнет страх смерти, как дисциплинирующий фактор, конечность жизни перестанет быть стимулом к творчеству, к потребности родить и воспитать наследников...

— А вам-то какая забота? — впервые вмешался в разговор *Vagum*. — Вас станет больше, вам станет веселее...

Шлиман повернулся к нему, довольно долго рассматривал в упор.

— Гм, интересно. Ваш брат-близнец? Хотя аура существенно отличается. А забота у нас простая. Нам совершенно не нужен здесь наплыв *переселенцев*. У нас уже сложилась самодостаточная община... Это, кстати, и есть главная причина, по которой я решил с вами встретиться.

— Вроде как настоящему Израилю не нужны переселенцы не европейского происхождения? — спросил Ляхов, который знал о длящейся уже полвека борьбе евреев-ашкенази¹ с проникновением в их светское государство единоверцев из Африки и Азии.

— Так и есть, пусть и несколько в другом смысле. Дело в том, что, как вы правильно в свое время догадались, некробионты могут попадать именно сюда лишь только во время работы ваших генераторов и еще сутки, двое после их выключения. Завеса времени постепенно густеет и становится непроницаемой. То есть наряду с нужными нам лицами успевает просочиться несоразмерно

¹ А ш к е н а з и — евреи германского, польского, российского происхождения, говорящие на идиш.

большое количество *нежелательного* контингента. В то же время действительно заслуживающие того кадры, которым не повезло умереть в *подходящий* момент, уходят в буквальном смысле *навсегда*.

Ляхов не стал выяснять критериев *желательности*. Вряд ли скажет, а если и да, то разговор снова может уйти в мистические дебри.

— И вы хотите от нас...

— Да, вы правы. Я хочу заключить с вами соглашение, договор. О взаимопомощи и сотрудничестве. Вы с помощью своих генераторов можете обеспечить нам строго дозированный приток *населения*. Все необходимые параметры мы вам сообщим.

Вот оно как! Вполне по-божески. Заслужившие того праведники — сюда, на жизнь вечную. Грешники — в отвал! А мы — вертухаи на проходной? Приходит человек с записочкой — пропускаем, нет — прикладом в зубы. А найдутся сообразительные ребята (и с той, и с другой стороны), так можно наладить торговлю индульгенциями. А может, кстати, так оно и делалось всегда? С Древнего Египта. Кто знает, чем еще, кроме генератора Маштакова, дверка открывается? Тамошние жрецы, пожалуй, не глупее нынешних были.

Да постой, а Розенцвейг с его приятелями?

Двойник, больше не вступавший в разговор, чему-то тихонько улыбался. Может быть, той же самой мысли.

— Интересно, — кивнул Ляхов. — А в чем, как говорится, наш кербеш?¹

— Общую выгоду всегда можно найти. К примеру, мы можем оказать содействие в организации службы ассимиляции для ваших людей. Кого вы сочтете нужным сюда направить. С двух сторон проводить совместные научные исследования глубочайших тайн естества. Предполагаю, от этого будет огромная, сейчас еще непредставимая польза для всего человечества...

¹ Кербеш — выгода, прибыль (жарг.).

— Вопрос можно? — как-то лениво спросил *Vagim*.

— Пожалуйста.

— Куда все же деваются те, кому не повезло? Все, кто умер до изобретения генератора, и умирают, когда он выключен?

— Я этого пока не знаю, — похоже, что честно, ответил Шлиман. — Возможно, что действительно *никуда*. Умирают и превращаются в распадающуюся протоплазму. А может быть — в полном соответствии с канонами своих религий. Кому куда положено. Сам я атеист, увы.

— В таком случае, как я понимаю, нам здесь больше нечего делать? — полувопросительно-полуутвердительно сказал *Vagim*. — Все равно ведь и господин Шлиман ничего существенного больше не скажет, и мы такой вопрос решать не компетентны без консультаций с руководством. Личным генератором, к сожалению, не располагаем.

— Вы тоже так думаете? — спросил Шлиман у Ляхова.

— Рад был бы, если б иначе. Но, по-моему, господин Ушаков прав. Откровенничать вы с нами не расположены, о сути своих исследований и открытий говорить не хотите. В какой-то мере я вас понимаю. Не сложилось... Я, само собой, доложу о наших с вами переговорах в самом благожелательном духе. А что уж там мое руководство решит...

— Все правильно оно решит, — вставил *Vagim*. — Им тоже рано или поздно придется — сюда. Так что *группить* мы в любом случае будем. И *Комитет благожелательной ассимиляции* создадим. Если вы к тому времени сохраните статус.

Ляхов, который собирался еще обсудить со Шлиманом инициативу Розенцвейга, вдруг передумал. Незачем, разберутся как-нибудь сами.

— А вообще, как вы представляете собственное будущее? — спросил он вместо этого. — Неограниченно долгая жизнь в данной форме или восхождение к выс-

шим сущностям? Интересно, все-таки... Ведь все там будем, как у нас выражаются.

— Поживем — увидим, — ответил Шлиман. — Первую стадию освобождения от телесности мы благополучно миновали. Это ведь не тело, — потыкал он себя пальцем в грудь, — это превращенная форма сохранения привычного облика. Когда исчезнет привычка, как-то изменится и остальное. А если вы считаете, что первая фаза переговоров завершена, задерживать не смею. Пожелаете продолжить — здесь же и тем же способом. А в качестве жеста доброй воли позвольте совет...

Вежливо подождал ответа на вполне риторический вопрос, после чего предложил проехать не так уж далеко, на тот самый перевал.

— А зачем?

— Вы там можете найти кое-что интересное для себя. А, возможно, для нас всех. Если сумеете этим правильно воспользоваться.

— И все же? Не люблю я таких вот полунамеков. Пойди туда, не знаю куда...

— Не хочу вас заранее обнадеживать или разочаровывать. Захотите — поедете, сами все увидите. Сумеете — воспользуетесь, нет — значит, нет. Дело в том, что там, в глубине расселины, есть одна пещера... Со странными свойствами. Для нас — скорее опасными. А вы — посмотрите. Будете ехать обратно, заверните сюда еще раз. Расскажите, что получилось. Тоже если захотите. Нет — не надо. Так поедете?

— Поедем, — кивнул Ляхов. Станным образом предложение Шлимана совпало с планами *Vadima*. Тот тоже имел в виду навестить место боя. И тоже не объяснил предварительно — зачем.

В машине он поднял эту тему.

— Есть что-то общее?

— Наверное. Про пещеру я ничего не слышал, а вот тщательно осмотреть окрестности точки взрыва мне тоже посоветовали. И именно в твоей компании. Очевид-

но, предполагается, что вдвоем мы можем открыть нечто, недоступное нам по одиночке.

— А с вашей стороны это место обследовали?

— Что там обследовать? Кому положено, прошлись, конечно, оружие собрали, трупы, документы. Меня в известность, по малости чина, никто не ставил.

— Хотелось бы знать, — раздумчиво сказал Ляхов, — искать надо именно в здешнем времени или в реальности тоже можно?

— Многого ты от меня хочешь. Ну, не знаю я! А в плане догадки... Если меня к тебе прислали сюда, значит, там ничего не нашли.

— Что ж, поехали...

Колосову Ляхов приказал ждать их на базе, а лучше — на одном из кораблей, до вечера.

— Рацию держите на приеме. Если будет нужно — передам дополнительные указания. До ночи не вернемся, и связи не будет — езжайте вот сюда, — он указал точку на карте. Вдруг разминемся — возвращайтесь в Тель-Авив.

— Так зачем же, командир? — встревожился поручик. — Давайте мы сразу с вами!

— Не надо. Дело у нас там такое, весьма секретное, а опасности почти никакой. Отдыхайте, в море искупайтесь, когда еще придется.

Ляхов сам не знал, почему не хочет брать с собой охрану. Не хочется, и все.

На перевал они поднялись той же дорогой, что и в первый раз с Тархановым.

А теперь получается, уже четвертый. Действительно — закольцовка. Сначала — волею случая, да и то как сказать, два других — с участием потусторонних сил, и вот сейчас — якобы на основе свободного выбора, но в ситуации, когда иного выхода как бы и нет.

Заколдованное место, не хуже, чем у Гоголя.

Разумеется, сейчас Ляхов вполне мог бы повернуть руль и покатиться вниз, к морю. Наплевав вообще на все. Единственное конкретное задание высшего командования он выполнил. И имеет полное право вернуться, хоть с Розенцвейгом, хоть без него. От двойника, конечно, так просто не отделаешься — захочет, потащится следом в нашу реальность. И без всякого самолета, своим ходом догонит, а то и перегонит. И явится к Чекменеву первым, себя объявить настоящим Ляховым, а его — подменным.

И вы скажете мне, что там сумеют распознать переставку? А вот большой вопрос. Кто знает, сколько необходимой информации уже закачано в его мозги и сколько еще добавят? Квантум сатис¹, пишут в рецептах.

Значит, я делаю выбор совершенно свободно? А как же!

Да и самому ведь чертовски интересно, а что там у только что подаренного плюшевого мишки внутри? Неужто только опилки? Фу, как банально!

А если бы вдруг оказались настоящие потроха, с кровью, веселее бы стало?

— Слушай, кстати, — небрежно спросил он двойника, любующегося панорамой, — в твоём варианте Чекменев рядом с Розенцвейгом не крутился?

— Какой Розенцвейг? Мне он там не попадался...

— Как? Ты ведь говорил, как он к тебе за столик подсел. Вербовщик...

— Я? Говорил? Что-то ты того. Александр Иванович там был...

— Тыфу, черт! А я все время думал, что это тоже Розенцвейг... Ну, так оно прозвучало — «и ко мне тоже», что я сразу ту картинку и увидел. И все к нашему Львовичу приглядывался. Все мысли в эту сторону крутились...

Они посмотрели друг на друга, не зная, смеяться или как.

¹ Квантум сатис (лат.) — сколько нужно.

На площадке, где встречался с Вадимом прошлый раз, Ляхов машинально поискал глазами, нет ли тут окурков, единственного материального следа. Конечно, не увидел ничего, сколько времени прошло, дождей, ветров. А вот гильзы так и валялись, потемневшие, в зеленых лишаих.

Начали спускаться по крутой «дороге смерти».

— И где же мы эту пещеру будем искать? — вслух рассуждал Ляхов.

— Сказано же — на месте взрыва...

Искать долго не пришлось. Как раз в том месте, где помещались возглавлявший боевиков шейх и контейнер с «Гневом», где на каменных откосах еще не стерлись отметины от пуль Тарханова и последних гранат Ляхова, она и обнаружилась.

Выступающий почти к середине карниза отрог горного кряжа был рассечен узкой косой расселиной, в устье которой тогда стоял «Гочкис». Здесь тоже сохранились полузанесенные песком крупные гильзы, обрывок металлической пулеметной ленты, пустая прорезиненная упаковка от индивидуального пакета. Иных, более поздних следов человеческой жизнедеятельности не наблюдалось. Словно действительно за прошедшее после боя время не ступала сюда нога человека. Что было несколько странно.

В полевых сумках у обоих имелись штатные электрофонарики с инерционным приводом. Практически вечные, не нуждающиеся в батарейках. Светят далеко и ярко, только нужно время от времени встряхивать, как погремушку.

Метров через тридцать Ляхов увидел, что впереди — тупик. Потолочная плита несколькими уступами опустилась ниже человеческого роста и бугристые стены сомкнулись под тупым углом.

— Вот и пришли, — со странным облегчением констатировал он. Все, что требовалось, они сделали. Можно возвращаться.

— М-да, — разочарованно ответил *Vagim*. — Странно как-то. И мне говорили, и Шлиман... Однако же — факт налицо, — он водил лучом фонаря по стенке напротив. — На кладку не похоже, явный монолит... А ну-ка! Стоп-стоп-стоп... Нет, ты погляди! Это ж надо!

Действительно, устроено было хитро. Природа постаралась не хуже строителей египетских пирамид, придумывавших всякие уловки для борьбы с грабителями погребальных камер. Понять, в чем тут фокус, можно было только проделав последний десяток шагов на четвереньках. А зачем ползти под опасно нависающую плиту, если и так все очевидно? *Vagim* догадался о секрете только потому, что в какой-то момент луч фонаря отбросил на правую стенку лаза странную тень.

Два каменных траверза хитрым образом перекрывали друг друга наподобие театральных кулис, а их окраска и многочисленные трещины и каверны создавали полную иллюзию сплошной преграды. На самом же деле места было вполне достаточно, чтобы протиснуться без особого труда.

— Куда нас несет, — ворчал Ляхов, цепляясь плечами за выступы породы, — свалится камешек, и амбец нам!

Впрочем, щель, или, лучше сказать, своеобразный тамбур, тут же и кончилась. Крысиный лаз, расширившись воронкой, превратился в настоящую пещеру, уходящую, судя по компасу, на северо-северо-восток. С ощутимым подъемом.

— Давай перекурим, — предложил Ляхов, осматриваясь. Что самое интересное, с этой стороны проход, через который они проникли, тоже выглядел тупиком.

— Ну и что, идем дальше? Куда, зачем? Не нравится мне здесь что-то. Неестественно выглядит. Тут ведь после боя наши контрики, израильские тем более все бы перерыли. Истоптано бы было, окурки валялись, да мало ли... И дырку бы нашли. Не сами, так собаки учуяли бы.

А здесь с сотворения мира никто не проходил. Для нас, что ли, специально проходик открыли?

— Я и сам тут понимаю значительно меньше половины. Но! Шлиман, вишь, не соврал. Пещера вот она, причем *со странными свойствами*. Меня тоже никакой конкретикой не снабдили. Имеется, мол, природная аномалия, могущая оказаться весьма интересной... И если она обнаружится, действовать решительно. Если что — нам помогут.

— Известное дело. Начальство завсегда так. Обожают в военные тайны играть. Пойди туда, не знаю куда. А если найдешь *не знаю что*, мы его от тебя же быстренько засекретим...

Vagum не обратил на брюзжание Ляхова никакого внимания. Стоял, попыхивая сигаретой, рассуждал вслух.

— Ну, вот мы достигли последней границы, фронта, как наши американские друзья выражаются. Теперь шаг вперед, и, возможно, обратной дороги не будет... Еще можно все отыграть назад.

— Как — отыграть? Повернуться и уйти?

— Совершенно верно. Повернуться, уйти, продолжить жить, как жил, если, конечно, сумеешь. А что же это мы такое с двойником моим так и не увидели в пещере? За каким, простите, хером, мы с Серегой Тархановым сотню душ положили? Наверняка ведь будет мучить тебя эта загадка до конца твоих дней, которые, как сказано, могут закончиться гораздо быстрее, чем ты надеешься. И будет тогда у тебя одно утешение — узнаешь, как себя чувствует не только не родившийся, а и не зачатый младенец!

Ляхову оставалось только рассмеяться самым искренним образом и пустить по кругу недопитую фляжку.

Подобной манерой убеждения он тоже владел в полной мере и, что самое забавное, на него самого она воздействовала так же, как на людей неподготовленных.

По пещере они прошли около трехсот метров, все время поднимаясь вверх и уклоняясь вправо. Не только

в душе, но и в теле Ляхов чувствовал неприятную вибрацию, *мандраж*, проще сказать. Как на вступительных экзаменах в университет. Или — перед боем.

Vagum вдруг остановился, и Ляхов увидел в свете фанаря тусклую, отливающую старым золотом арку, как бы врезанную в обыкновенный серый камень стен. Отчетливо разделяющую коридор на две части.

Это не было архитектурное, рукотворное сооружение, просто бугристые, торчащие неровными краями плиты так выстроились, без зазоров и прослоек. Словно пещера, может быть, промытая древней подземной рекой, пересекала в этом месте гигантскую золотую жилу. Шириной *феномен* превышал три метра, а уж насколько уходил вверх, вниз, в стороны — не угадаешь.

Теперь стало окончательно ясно, что до них здесь не бывал никто. По крайней мере — последнюю тысячу лет. Или сколько там надо, чтобы уничтожить малейшие следы человеческого присутствия.

— Аурум? — с дрожью в голосе, естественной у человека европейской культуры, воспитанного на связанных с этим металлом историях и легендах, спросил Ляхов. — Копи царя Соломона?

Почему бы и нет? И место подходящее. Зачем, простите на милость, воображать их в неведомой стране Офир, куда попробуй еще доплыви на папирусном судне, если сюда можно добраться за сутки на обыкновенном верблюде и даже осле.

— Скорее всего. Но эти сотни или тысячи тонн золота, самородного, девяносто шестой пробы, по своей рыночной цене — ничто в сравнении с истинной ролью.

— ?

— Слушай очередную порцию информации. Не думай, я не нарочно темню... Это у меня так память включается. Пошагово. Тайна уж больно грандиозна, чтобы даже мне сообщить ее сразу и целиком...

— А я что говорил, — позлорадствовал Ляхов. — Лично меня бы это оскорбило.

— Не судите, да не судимы будете. Ты тоже о своем верископе на каждом углу не кричишь. А здесь дела еще почище. Это кольцо, не знаю уж, каким образом, мы с тобой не физики, впитало в себя, поглотило большую часть энергии «Гнева Аллаха». Как графитовые стержни в реакторе. Если бы его здесь не случилось — неизвестно, чем бы завершился «инцидент». Может, и в самом деле ваш и наш мир разнесло бы на молекулы, хуже того — на элементарные частицы. А так — образовались стационарные, ни в каких больше генераторах и источниках энергии не нуждающиеся ворота.

— Ворота — куда?

— В прекрасный новый мир. Вдохни-выдохни, и пойдем. Нас они должны пропустить.

— А Шлимана с его покойничками — не пропустили? — догадался Ляхов.

— Очевидным образом. Но интерес у них имеется. Черт знает, вдруг надеются через них обратно в белый свет выбраться. Так что, пойдем?

Ощущение было странное. Страшно, что ни говорить — а вдруг неведомое просто испепелит при попытке его преодоления? И в то же время — увлекательно. Почти что «русская рулетка».

В момент прохода сквозь арку Ляхов ощутил себя так, будто на секунду погрузился в ледяной, бурлящий нарзаный источник. Пронзивший до мозга костей холод и миллионы облепивших кожу щекочущих и покалывающих пузырьков. Дыхание перехватило так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. И тут же отпустило.

— Вот и все, — сказал Вадим, — признаны годными. Нужно понимать, то, что мы почувствовали, это как бы такой резонанс клеток наших организмов со статическим полем. То есть мы уже были соответствующим образом настроены, а это... Ну, не знаю, то ли просто есте-

★ ственная реакция, то ли дополнительная доводка «по месту»...

— Я по-прежнему чего-то не понимаю, — сообщил Ляхов, осматриваясь и прислушиваясь к собственным ощущениям. — Твои *хранители*... Иногда, по описанию, они чуть ли не всемогущи и всеведущи, а то вдруг представляются бессильными настолько, что нуждаются в помощи таких, как мы. Зачем, зная о существовании *артефакта*, посылать сюда нас, да еще с такими сложностями?

— Да наверное, как раз затем, чтобы провести натурный эксперимент. Убедиться, что тоннель этот проходим в принципе, затем снять с нас все им потребные характеристики, после чего использовать его самим. Иного способа, наверное, не придумали. Ты все время помни — никакие они не боги, не сверхсущества, такие же точно люди, просто чуть больше нашего знают и умеют. Так уж им повезло, а может, и наоборот... Ладно, пойдем.

«Хорошие ребята, — почему-то без всякой злобы думал Ляхов, — на живых людях экспериментируют. А вот не попали бы мы в резонанс, и что? Смели бы веничком, что от нас осталось, поставили галочку в журнале и послали следующих?»

Через несколько шагов в пещере начало светлеть, а за ближайшим поворотом вдруг открылся выход, узкая, треугольная щель чуть выше человеческого роста. Только, в отличие от входа, густо заросшая незнакомым кустарником, с плотными кожистыми листьями и фиолетовыми, лишенными коры ветвями.

Совсем недолго они провели в темноте, но дневной свет ударил по глазам с необычайной силой. Секунду Ляхов ничего не видел, но, как только проморгался, у него захватил дух.

Такой панорамы он не видел даже на Кавказе.

Плоская каменная терраса, шагов пятнадцати в ширину, ничем не огражденная, обрывалась в бездну. Далеко впереди громоздились несколькими ярусами гор-

ные хребты, покрытые глухим черно-зеленым лесом. С десяток остроконечных пиков увенчаны сверкающими конусами вечных снегов.

Ляхов шагнул вперед и только тут обнаружил, что внизу не просто горная долина, а узкий и извилистый фьорд, с правой стороны после нескольких поворотов теряющийся среди многосотметровых отвесных стен. Вода стояла между ними неподвижная, искристо-синяя, как сапфир на изломе. Где-то там, на юго-западе, неизвестно через сколько километров, он, наверное, соединялся с морем. Или — океаном.

А слева, окруженный амфитеатром все тех же молчаливых скал был виден овальной формы внутренний бассейн пронзительной голубизны. На берегу — игрушечный издали поселочек из двух десятков кирпичных и каменных коттеджей с остроконечными, под алой черепицей крышами.

Чуть выше по склону — большое трехэтажное здание, напоминающее стилем французские замки XVIII века. Не те средневековые сооружения с башнями до небес и подвесными мостами, которые воображаются при слове «замок», а нечто вроде просторного загородного дома посередине ухоженного парка.

От замка вниз к поселку вела довольно-таки широкая дорога, мощенная поблескивающей под лучами солнца брусчаткой, прорезала его насквозь и упиралась в длинный бетонный пирс. А к пирсу пришвартован высокобортный белый пароход архаического вида и несколько корабликов поменьше. Точнее, совсем маленьких на фоне четырехтрубного гиганта.

Все это не имело ничего общего с пейзажем по ту сторону пещеры. И воздух здесь был хрустальной чистоты, прохладный, пахнувший одновременно морской солью, лесной сыростью и даже, кажется, травами альпийских лугов. Чего, конечно, на таком расстоянии ощутить было невозможно, однако впечатление создавалось именно такое.

— Ма-ать твою!.. — восхитился Ляхов. — Куда же это мы с тобой забрели? Неужто в Норвегию?

— Норвегия или нет — понятия не имею. Насколько понимаю в географии, подобных мест на нашем шарике не так уж много. Скандинавия, юг Патагонии и, кажется, Новая Зеландия. В любом случае — не Палестина.

— Секстана, жалко, нет, — посетовал Ляхов. — Сейчас бы с ходу определились...

Vagum с сомнением хмыкнул:

— К чему тебе секстан без карт и справочников?

— Маэстро, не разочаровывайте меня. Вы в своей жизни яхтингом не занимались?

— Не довелось.

— Сочувствую. А на какой широте располагается наш родной город, хоть знаешь?

— На шестидесятой...

— А Скандинавия еще выше. В свою очередь, если бы ты не прочел в жизни ни одной книги, кроме «Детей капитана Гранта», все равно должен помнить, что и Патагония, и Новая Зеландия располагаются в пределах преисловутой... Ну?

— Тридцать седьмой параллели! Конечно же, южной.

— Ставлю двенадцать!¹ Тридцать седьмой плюс-минус пять градусов, грубо говоря. Но раз секстана у нас нет, вопрос о нашем местонахождении остается открытым. Правда, считаю нужным отметить, Палестина и место входа в пещеру имеют ту же широту, только северную. Что вряд ли может быть чистой случайностью. Кроме того, время здесь отнюдь не боковое...

— Кто тебе сказал? Людей я здесь пока что не вижу...

Станным образом двойник уступал Ляхову в сообразительности. Наверное, мысли его были заняты не тем.

— Дым!

¹ В старой России в ряде учебных заведений применялась двенадцатибалльная система оценок.

Действительно, над третьей трубой парохода вился легкий, едва заметный дымок. То есть хотя бы один котел работал для судовых нужд.

— Принимается. И я бы предположил, что мы сейчас видим одну из баз моих друзей-хранителей. Интуиция подсказывает.

— Это было бы недурно, очень недурно... Только уж слишком маловероятно. Неужто бы они тебя не предупредили о возможной встрече?

— Если бы сами знали. А почему я почти уверен — сдается мне, что именно этот пароход я видел на фотографии в одном из их офисов. А тебя здесь больше ничего не удивляет? — спросил вдруг *Vagum*.

— Меня удивляет настолько много моментов, что затрудняюсь ответить.

— Почему мы не чувствуем сквозняка? Ведь в эту трубу, — указал он на пещеру, — с учетом перепада высот и температуры должно так свистеть...

— Угу. Изрядно сказано... Придется посмотреть...

Ляхов скрылся в пещере быстрее, чем *Vagum* успел его остановить. Поступок был достаточно рискованный.

Но меньше чем через пять минут он вернулся живой и здоровый.

— С той стороны по-прежнему Ливан. Арка свободно проходима, даже для меня одного. Но за малым исключением. Она не пропускает воздух.

— Точнее сказать — даже воздух. И это очень интересно. Для нас с тобой. Мы что теперь — состоим из нейтрино?

— Раз не проваливаемся прямо к центру земли, то вряд ли. Опять-таки — тот самый резонанс. Господин Маштаков, нисколько этого не желая, распечатал для нас так называемый внепространственный туннель, длиной, как минимум, три, а максимум — двадцать тысяч километров. И что мы теперь будем делать? Возвращаться домой с докладом или...

— Вообще-то, мне полагалось бы вернуться. Сеанс

связи сегодня ночью. Но или, конечно, заманчивей, — *Vadim* с сомнением посмотрел в пропасть. — Вот только как спустаться будем?

— Надо поглядеть. Вдруг да отыщется тропинка. А что, никакой экстренной связи у тебя нет? Неосторожно...

— Так кто же знал. А если нам вот так попробовать? Попытка — не пытка...

Vadim расстегнул полевую сумку. В ней, как и у Ляхова, в специальном карманчике помещались три разноцветные сигнально-осветительные ракеты.

— Подожди, — и Ляхов снова нырнул в пещеру.

Если придется задержаться, Колосов непременно кинется его искать. А это — лишнее. Найдет пустую машину, непроходимую пещеру, доложит Розенцвейгу. А тот, кто его знает, вдруг тоже *проходимец*? Очень может быть.

По радио он перенес контрольный срок возвращения на сутки. Велел сохранять бдительность, пределов базы не покидать.

— Теперь давай, — сказал он Вадиму. — Пальни три раза в сторону парохода. Там верняком вахтенный на палубе, заметит. А мы посмотрим, что они потом предпримут. В случае чего — сбежать всегда успеем...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Начало операции штабс-капитан Уваров определил в 17 часов местного времени. Полтора часа до захода солнца. Кстати, в это время заканчивается дневная и начинается ночная смена на заводах. И бдительности будет меньше, и беспорядка больше.

Назначенные в дело подразделения Уваров свел в три штурмовые группы.

Первая, «А», в составе трех взводов, должна была начать демонстрационную атаку на учебно-тренировочный лагерь мятежников, расположенный на западной

окраине города, из небольшого леска, изображая отвлекающую часть воздушного десанта.

Вторая, «Б», тоже три взвода, назначалась для штурма заводууправления, казармы охраны и складов готовой продукции.

И, наконец, третья, «В», два взвода, в разгар боя появятся на территории завода боеприпасов, с целью взорвать и уничтожить все, что возможно, после чего будет организовано пробиваться на соединение со второй.

Будь в распоряжении Уварова с десятков портативных, носимых за плечами хроногенераторов, да вдобавок соответствующая система оперативной связи между ним и операторами, акцию можно было организовать намного изящнее. Придав генераторы каждому взводу, он мог бы вводить их и выводить из «реала» в «астрал» в каждый нужный момент, сразу в глубине обороны противника. А также и маневрировать силами и средствами через недоступное для наблюдения извне боковое время.

Что на практике выглядело бы непостижимым для противника образом. Русские солдаты, появившись внезапно в одном месте, так же внезапно исчезали бы из него, чтобы тут же появиться в другом. Кошмар шахматиста, перед которым фигуры на доске скачут сами по себе, не придерживаясь ни правил, ни очередности ходов.

А, главное, в суматохе боя командиры противника просто не успели бы даже понять, что происходит невероятное. Когда кипит ближний бой малых штурмовых групп, то и дело переходящий врукопашную, некогда размышлять — что и почему, надо мгновенно реагировать на реальную обстановку.

А когда бой закончится, рефлексировать тем более будет некому. Большая часть очевидцев просто не доживет до конца сражения, а уцелевшие вряд ли сумеют связно восстановить картину происшедшего.

Только вот дело не только в отсутствии необходи-

мых приборов. Об этом Уваров успел поговорить со своим инженером и двумя операторами-воентехниками.

Люди гораздо более компетентные, они согласились, что, скорее всего, возникла бы такая каша, такой слоеный пирог из боковых ответвлений, из наложения параллелей, прошлого и будущего, что результатов не взялся бы предсказать никто. И даже сам Маштаков.

Попутно инженер, парень очень интеллигентный и склонный к задумчивости, хотя водку пьющий исправно, заметил, коснувшись самого факта, что строевой офицер столь непринужденно взялся оперировать категориями несуществующей в принципе науки хронофизики:

— Вот всегда меня удивляла и удивляет пластичность человеческой психики. Возникает какое-то изобретение, о котором вчера и помыслить было нельзя, в практическом смысле, я имею в виду. Те же пулеметы в позапрошлом веке, самолеты в начале прошлого, радиосвязь. И тут же не то чтобы ученые, а иногда вообще неграмотные люди начинают, ничтоже сумняшеся, этими изобретениями пользоваться, рационализации всякие придумывать, тактические приемы, о которых сами изобретатели понятия не имели...

— Так чего удивляться? — возразил Уваров. — На этом вообще вся эволюция и человеческая цивилизация построены. Кто умеет применяться и обращать во благо себе и виду изменения окружающей среды, естественные и рукотворные, тот и процветает. Прочие же... Хоть динозавров возьми, хоть неандертальцев. Мы с вами живем, а они где? Еще ближе другой пример — история завоевания Америк. Южные ацтеки и инки ружей и коней конквистадорских не поняли, а северные могикиане и прочие гуроны и сиу в ужас не пришли и прекрасно обучились пользоваться, причем не мушкетами примитивными, а винчестерами и кольтами...

— Так-то оно так, а все равно интересно.

Уединившись в своей командирской машине, Уваров еще раз перечитал инструкцию пользователя армейским (облегченным и упрощенным) вариантом хроногенератора. Он надеялся — вдруг удастся вычитать хотя бы между строк что-нибудь, способное пригодиться в предстоящем нелегком деле.

Но, увы! На засаленных (пальцами, плохо вытертыми от ружейной смазки) страничках значилось все то же, что и при первом знакомстве. Тщательно вникая в корявые (как в любой технической инструкции, написанной специалистами для неспециалистов) фразы, Валерий переводил их в понятные, пригодные для практического использования.

В зависимости от мощности конкретного образца зона перехода составляет точный полукруг с радиусом от двенадцати с половиной до ста двадцати пяти метров. Не больше, но и не меньше.

У портативного ранцевого генератора — как раз 12,5 м.

Сделаешь лишний шаг — вновь окажешься в своем, нормальном, времени, не ощутив никакого препятствия. И вернуться назад по прямой уже нельзя. Следует обойти дугу окружности до точки сопряжения ее с диаметром, проходящим через переднюю панель генератора. Только при отключении поля боковое время начинает простирается для вошедшего в него до бесконечности, причем распространяется оно с некоей конечной, но пока не установленной скоростью.

(А мне зачем это знать, раз она не установлена?)

Находясь *по ту сторону*, открыть портал для возвращения можно только с помощью другого, асинхронного с первым генератора.

Если аппарат установить на движущемся транспортном средстве, то зона перехода сохраняется перед ним с тем же раствором угла. То есть он как бы несет портал

перед собой и может пропускать людей и технику на ходу, сам оставаясь во времени с противоположным знаком.

Тут кроются какие-то возможности, подумал Уваров, но нужно еще порассуждать. Уж очень легко ошибиться, причем фатально!

Ну, предположим. Генератор на грузовике идет по шоссе. Все вокруг неподвижно, людей нет. Перед ним, в пределах оговоренных метров, движется танк или бульдозер. Генератор притормаживает, танк тут же выскакивает в реал, давит или расстреливает все, что хочет, генератор его догоняет, и они продолжают движение невидимками. Оставив за собой ниоткуда случившийся хаос и разрушения. Так?

Но тогда вообще можно, даже нужно изменить весь план операции.

А я что — самый умный? До меня некому было такое придумать?

Уваров вскочил, сделал несколько кругов по тесному объему фургона — три шага вдоль, два поперек.

Наверное, есть какие-то еще ограничения, кроме предусмотренных инструкцией и сообщенные ему в устной форме. Лучше забыть, ограничиться пределом собственных обязанностей и компетенции. Иначе неизвестно, до чего можно додуматься.

И все-таки штабс-капитану казалось, что он ходит где-то по самому краю. Сумей понять еще самую малость — и откроются новые горизонты, недоступные гораздо более знающим и опытным людям.

Тяжелый трехосный грузовик, не отличимый от передвижной радиолокационной станции «Редут», переваливаясь на неровностях поля, заросшего побуревшей, тронутой недавними заморозками травой, подъехал вплотную к опустившим почти до земли свои длин-

ные лопасти вертолетам. Вид у них от этого был какой-то уныло-обиженный.

На узких алюминиевых скамейках уже разместились специально присланные центром кадровые десантники, навьюченные тройными комплектами патронов и гранат. Всего восемнадцать человек при одном офицере.

Этим ребятам придется тяжелее всех. Они должны будут повоевать по-настоящему, без всяких штучек со временем. Реально высадиться прямо на взлетном поле городского аэропорта, устроить там как можно больше шума, вывести из строя самолеты, сколько получится. При этом сохранить в целости диспетчерскую, линию электропередачи и иные источники энергоснабжения, склад горючего.

На все — полчаса, чтобы не успели подоспеть из города превосходящие силы мятежников.

Расчет, конечно, делался, исходя из нормативов частей постоянной готовности российской армии, а инсургенты, может, и за час не расчухаются, но тут лучше подстраховаться. После чего захватить нужное количество автотранспорта, и тоже с шумом, но по возможности не ввязываясь в бой, прорываться на соединение с группой «А», штурмующей лагерь «НСЗ».

Задача сложная, рискованная, но для профессионалов не выходящая за пределы нормы. Все десантники прослужили не меньше трех лет, имели по несколько значков за боевые рейды в тыл противника, не считая прочих наград, и настроены были бодро и весело.

— А вы, поручик, уйдя от аэропорта, проходите над лагерем, выпускаете свои ракеты и садитесь здесь же. Интервал времени 17.45 — 18.00. Сверим часы? — предложил Уваров командиру вертолетчиков.

— Да, это перед боем хорошая примета. Если взлететь почему-то не удастся, будем выходить вместе с десантом. Ну а если что — не поминайте лихом.

— Что сможем — сделаем, — кивнул Уваров. А вы все-таки лучше возвращайтесь как условились.

Первый вертолет, раскрутив движки до взлетного режима, завис над самой землей, едва не сбивая с ног провожающих струями воздуха. Лопасты свистели в опасной близости от антенны. Все-таки маловат радиус поля, но генератор большей мощности на автомобиле не поставишь.

Инженер крутанул верньер многополюсного реостата, выводя аппарат на максимум напряжения, и тут же вертолет исчез, будто меловой рисунок, стертый с доски взмахом мокрой тряпки. Вслед за ним точно так же поднялись и исчезли два других.

Ну, одной заботой меньше. Десантники с вертолетчиками ему не подчинены, Уваров за них не отвечает. Только так, по-человечески беспокоится, да еще то волнуется, как их действия помогут выполнению общей задачи.

В это время к генератору подтянулись назначенные в дело взводы. Тоже тяжело навьюченные, построились по группам. Первую, назначенную на штурм лагеря, возглавил Щитников, там предстоит нормальный полевой бой ротного масштаба, как раз по его специальности.

Вторую поведет Андреев, своих людей он знает, и командно-штабной опыт приличный, пригодится, чтобы действия шести взводов координировать и наступление по расходящимся направлениям без зрительной связи организовать.

Взвод охраны тыла Уваров доверил подпоручику Шаумяну, повидававшему покойников в ближнем бою и имевшему к ним личные счеты. За «выпитого» ими Николая Тарасова.

На себя он возложил общее руководство и командование группой «В», идущей на завод боеприпасов. Мало ли, что Андреев полковник, а он лишь штабс-капитан. Ляхов оставил его за себя, а кроме того — он единственный здесь «печенег», и вообще единственный, кто успел повоевать в этой кампании. И задача у его группы главная, у остальных лишь отвлекающие.

Согласовывать и уточнять было уже нечего, все, что

можно — отработано на картах и доведено до личного состава, остальное — бой покажет.

Укрытия для операторов ранцевых генераторов с охраной определены, ракетницы вместе с таблицами условных сигналов розданы командирам взводов и отделений.

Автомобиль с генератором двинулся вперед. Территория была обследована заранее, репетиция высадки проведена.

В первой точке — внутреннем дворе П-образного трехэтажного жилого дома, расположенного в двух кварталах от центральной проходной, через раскрытый портал прошла группа Андреева.

Со стороны появление русских солдат выглядело почти естественно. Остановилась у ворот большая машина, и из нее (откуда же еще) посыпались вооруженные люди. Пока обитатели двора пришли в себя, бойцы уже рассеялись по всем закоулкам, блокировали подъезды, несколько человек полезли по пожарным лестницам на крышу. Обывателям было велено не спеша, без шума и паники расходиться по квартирам.

Грузовик подался назад и исчез так же внезапно, как и появился.

Следующим объектом был собственно патронный завод. Здесь тоже все прошло гладко. Сто двадцать человек, не слишком даже спеша, пробежали через проход и сосредоточились на узком пространстве между внешней оградой и глухой стеной длинного, в сто с лишним метров, цеха.

Издали доносились обычные индустриальные звуки — гул каких-то машин и станков, металлический лязг, переключки рабочих.

Уваров посмотрел на часы. Через две минуты в пятнадцати километрах отсюда вертолеты сбросят десант и начнут работать по наземным целям. И нам пора.

Он поднял ракетницу, в небо удивительно неторопливо взмыла, завиваясь жгутом, полоса черного дыма, с

треском раскрылись цепочкой три алых звездчатых бутона.

— Вперед! — голосом, которым он умел перекрывать необъятный бригадный плац хоть в дождь, хоть в метель, загремел штабс-капитан.

Свой КП он заранее наметил на площадке двадцатиметрового козлового крана, неторопливо перемещавшегося по проложенным между цехами рельсам. Оттуда он сможет держать под контролем всю территорию, направлять действия взводных командиров. Вражеских снайперов он не боялся, откуда здесь снайперы, да и широкая стальная площадка перед кабиной крановщика должна его прикрыть надежно. Не от пуль, утяжеленная пуля легко пробьет трехмиллиметровый лист, а от вражеских глаз.

Пока он со сноровкой матроса парусного флота взбежал по окруженному страховочными кольцами железному трапу, и внизу, между цехами и складами, и вдалеке, в районе проходных пулеметного завода, начала разгораться стрельба.

Выстрелы своих бойцов различались легко. Характерный треск штурмовых автоматов, очереди короткие, экономные, наверняка прицельные. В ответ на pistolетные хлопки и гулкие выстрелы винтовок.

Уваров строго-настрого приказал своим людям по безоружным не стрелять. Большинство ведь здесь простые рабочие, которым все равно, при какой власти трудиться. Иного выхода и других средств к существованию у них просто нет.

Он распластался на рифленом, заляпанном машинным маслом настиле. Следом вскарабкался радист, вытянул гибкую пружинную антенну. Из своей кабинки выглянул крановщик, чумазый мужик лет сорока, в кожаной кепке, повернутой козырьком назад. Уваров погрозил ему пальцем, указал на автомат. Тот торопливо закивал головой, выставил в окно пустые руки.

— Вот и сиди, не дергайся, жив будешь!

Несколько раз хрипло прокашлявшись, над отдельно стоящей котельной заревел гудок. После короткой, недоуменной паузы — до штатного, возвещающего конец смены, было еще почти десять минут — тревожный, прерывистый крик подхватили другие цеха и производства. Вместо традиционного набата.

Ну, гудите, гудите, больше беспорядка и паники будет.

Вот здесь штабс-капитан снова ощущал себя в своей стихии. Никакой зауми, никакой мистики. Работай как учили, и все.

Обзор с площадки крана был отличный. Именно что, как на ладони. Только что из заводских корпусов во дворы хлынули густые толпы рабочих. Выстрелов многие вообще не слышали, зато гудок поняли как сигнал о конце работы. И снялись разом.

Вообще, это тоже на руку.

— Передавай взводным, — скомандовал он радиосту, — первый, второй, задача меняется. Развернуться в цепь. Гуртуйте толпу, гоните перед собой к воротам. Пробриться к проходной, занять караулки, снаружи никого не впускать. Охрану разоружить, сопротивляющихся уничтожить, обеспечить бесперебойный выход смены на улицу.

Остальным — занять ближайшие цеха. Если остались рабочие, инженеры — привлечь к уничтожению оборудования. Захватить и заминировать склад готовой продукции, но без особой команды не взрывать.

Уваров оценил еще один плюс своего КП. Он ведь получился передвижной.

— А ну, механик, протронь вперед. До упора.

Кран дернулся и медленно пополз между корпусами к воротам ближайшего к проходной цеха.

Все развивалось даже лучше, чем штабс-капитан рассчитывал. Потерь пока что нет, иначе ему доложили бы. Черно-серая туча рабочих, человек с полтысячи, кое-где завиваясь водоворотами, обозначая там и тут попятное

движение, с криком и руганью все же таки смещалась к выходу.

Нет, никакого организованного сопротивления или протеста, просто бестолковщина. Солдаты, постепенно выстроив цепь, толчками стволов и прикладов, иногда просто подзатыльниками вытесняли людей в нужном направлении.

Вспыхнувшая у проходной короткая перестрелка заставила толпу шатнуться назад, но порядок достаточно быстро восстановили. Еще немного, территория будет очищена, ворота закрыты, и можно спокойно заняться делом. Как говорится, ломать не строить.

У Андреева обстановка сложилась куда сложнее. Три его взвода стремительным броском преодолели расстояние до главной проходной. Шквальным огнем с ходу и бросками ручных гранат очистили предполье перед десятиметровой ширины воротами.

Впрочем, укрепленную позицию занимали всего несколько человек и службу они несли отвратительно, точнее, вообще никак не несли.

Угроза казалась настолько далекой и нереальной, что отряженные в караул добровольцы, по преимуществу из заводской же военизированной охраны, просто отбывали номер. Возле пулемета вообще никого не было, винтовки и автоматы под присмотром одного постового составлены у стенки бункера, прочие, вооруженные только пистолетами в застегнутых кобурах, ограничивались тем, что лениво проверяли документы у водителей и экспедиторов въезжающих и выезжающих машин. Да и то лишь у тех, кого не знали в лицо.

Без всякого усердия заглядывали в фургоны, иногда сверяя номера ящиков с накладными, а иногда пренебрегая и этой формальностью.

И полегли все сразу, так и не успев понять, что вдруг произошло.

Но этих минут хватило, чтобы всполошились те, кто скрывался в привратной будке тесаного камня. Один из охранников рывком рубильника заблокировал механизм открывания ворот, двое других начали стрелять из карабинов в зарешеченные окошки, четвертый включил пронзительную сирену и присоединился к товарищам.

Атакующие прижались к стене справа и слева от ворот. Ничего в принципе страшного, но — потеря темпа.

Пока положили две гранаты из подствольников в окошко караулки, пока пристраивали стограммовые шашки к петлям ворот, а потом взрывали их, с той стороны уже бежали подхватившиеся по тревоге самооборонцы, а из развешанных в цехах репродукторов для бойцов заводского ополчения загремела команда «В ружье!».

Благо оружие у всех было под руками. Частью в пирамидах, расставленных в курилках и выгородках мастеров и десятников, частью прямо в конце конвейерных линий.

Прямой штурм завода потерял смысл, нужно было переходить к правильной осаде. Вернее, имитировать осаду, блокировав ворота, рассыпав вдоль периметра цепь подвижных дозоров для предотвращения попыток прорыва и открыв частый минометный огонь по территории. А освободившиеся силы развернуть для удара по тренировочному лагерю с тыла.

Сам этот лагерь, рассчитанный на формирование и боевую подготовку как минимум дивизии (в количественном смысле, а на самом деле — десятка дружин численностью до тысячи человека каждая), занимал огромную территорию ярмарочного комплекса в четырех километрах северозападнее завода.

Здесь имелось все необходимое — всевозможные складские помещения и выставочные павильоны, собранные из щитов гофрированного алюминия и пенобетонных плит, связывающие их подъездные пути и пешеходные аллеи для посетителей, достаточное количество

★
столовых, кафе и ресторанчиков, электро-, тепло- и водоснабжение, канализация.

Близость военных заводов позволяла без особых сложностей доставлять необходимое для формируемых частей снаряжение. Лучше и не придумаешь.

Щитников послал свои взводы вперед ровно через минуту после того, как вступили в бой Уваров и Андреев.

Казалось бы, что такое девяносто человек против нескольких тысяч, достаточно хорошо вооруженных и имеющих какую-никакую боевую подготовку, полученную во время срочной службы в российской армии или уже здесь, под руководством квалифицированных инструкторов.

Но тут сразу вспоминаются слова Наполеона, сказанные им после египетского похода. Один мамелюк в сабельной рубке всегда победит трех французских драгун. Десять на десять они могут сражаться на равных. Сто драгун всегда побеждают тысячу мамелюков. Это к вопросу о роли дисциплины и организованности.

Семь отделений атаковали лагерь с трех направлений, два Щитников оставил в своем резерве.

Ведя непрерывный автоматно-пулеметный огонь, десантники стремительно продвигались к центральному плацу, забрасывая гранатами спонтанно возникающие очаги сопротивления, весьма, впрочем, немногочисленные.

Командование лагеря по причине удаленности от линии фронта, а также естественной в иррегулярных соединениях беспечности просто не догадалось создать хотя бы одну роту постоянной готовности и боеспособную маневренную группу для ее поддержки.

Вдобавок польские бойцы кадрового состава носили полную военную форму характерного вида, резко отличающуюся от российской (особенно у офицеров), а ополченцы — гражданскую или полувойсковую одежду с двух-

цветными повязками на рукавах и такими же кокардами на головных уборах.

Это позволяло в первую очередь выбивать более опасного и подготовленного противника, одновременно усиливая панику и неразбериху.

Щитников изучал в училище, а перед нынешней кампанией еще и перечитал экстренно изданную Генштабом брошюрку по истории четырех предыдущих польских восстаний. И составил свое представление о боевых качествах *панов*.

Они проявляют недюжинную отвагу, граничащую с безрассудством, в наступлении, но быстро теряют кураж в обороне. Не в состоянии выдерживать длительного боевого напряжения, при неизбежных на войне неудачах между командирами разных уровней тотчас возникают споры и распри.

Никто никогда не признает собственных ошибок, но охотно перекладывает их на других. И только что, казалось бы, вполне боеспособные полки и дивизии начинают разбегаться или складывать оружие.

Все это, конечно, пережитки древних шляхетских вольностей и «либерум вето»¹, что и привело некогда к гибели независимой Речи Посполитой.

Сейчас поручик наблюдал со своего КП абсолютно то же самое. Отчаянные попытки немногочисленных, сохранивших самообладание командиров организовать сопротивление на подходящих для обороны рубежах легко пресекались тыловыми и фланговыми ударами с использованием подавляющего преимущества в автоматическом оружии, особенно пулеметах. И снайперы работали с большой эффективностью.

Будь в его распоряжении не полурота, а полнокровный батальон, Щитников был уверен, что в ближайший

¹ «Либерум вето» — право каждого члена шляхетского сейма единственным голосом отменить любое общее решение. Выражалось фразой — «Не позволяю!».

час смог бы покончить с этой «дивизией». И надолго отбить у поляков охоту впредь создавать здесь нечто подобное.

А сейчас у него наметилась угрожающая нехватка боеприпасов. Командиры взводов и отделений наперебой сообщали, что у солдат остается по одному боекомплекту, а то и меньше. Да поручик и сам это понимал по темпу и интенсивности огня. Автоматчики имели при себе по три сотни патронов, пулеметчики — по тысяче. Да еще каждый нес по шесть-восемь ручных гранат, по десятку выстрелов к гранатометам.

Вроде бы много, на пределе человеческих возможностей при условии сохранения боеспособности и подвижности, однако, если вести огонь на подавление, отсечный и деморализующий, патроны сгорают с пугающей быстротой. А в условиях стремительного, высокоманевренного боя снабжаться боеприпасами за счет противника если в отдельных случаях и возможно, то общего положения дел не меняет.

Кроме того, территория лагеря составляла около полутора квадратных километров, с несколькими сотнями более-менее капитальных сооружений и естественных укрытий, где из элементарного инстинкта самосохранения, а тем более осознанно, могут и укрыться, и отстреливаться ополченцы. А если их тут даже не десять, а всего две-три тысячи человек (как на глазок определил Щитников), всех перебить или вынудить сдаться нереально.

И так на дорожках, линейках, плацу и в промежутках между зданиями валялись сотни тел убитых и раненых. Но и огонь со стороны обороняющихся постепенно нарастал, приобретал некоторую организованность.

Вокруг стихийно возникающих опорных точек сами собой образовывались очаги сопротивления. То из полуподвального окна вдруг начинал длинными очередями бить пулемет, то длинный кирпичный корпус столовой опоясывался вспышками винтовочных выстрелов. И потери десантников начали расти.

Они, конечно, действовали умело и слаженно, штурмовыми группами по два-три человека, прикрывая и поддерживая друг друга, но даже и неприцельные вражеские пули время от времени находили цель.

Пора было отходить.

Задача в любом случае выполнена. Шум устроен грандиозный, боевое ядро ополченцев разгромлено и деморализовано. Никакой поддержки атакованным заводам они не оказали и уже не окажут.

Если их командиры хоть немного разбираются в тактике, они должны сейчас ожидать наращивания ударов на направлениях, где десантники достигли наибольшего успеха. И думать не о контратаке, а об удержании занимаемых позиций.

На счастье Щитникова, в тот момент, когда он приказал вырвавшимся дальше всех отделениям оттягиваться на исходные позиции, из-за леса вынырнули идущие на бреющем вертолеты. Взводные и отделенные командиры, увидев подмогу, условными сигналами обозначили свой передний край. Три десятка осколочных НУР-Сов кучно легли по центру лагеря.

И в тылу поляков тоже вспыхнула яростная пальба. Это вступил в бой посланный Андреевым свежий, с неизрасходованным боезапасом взвод.

Убедившись, что его бойцы вышли из огневого контакта, вынося раненых и по возможности убитых, поручик связался с полковником, доложил о своих действиях и посоветовал Андрееву (сейчас они были почти в равном положении командиров боевых групп) тоже не увлекаться, закрепиться вне зоны действительного огня поляков и запросить у Уварова подкреплений или разрешения на эвакуацию.

— Не спеши, поручик. Только что поступила другая команда. Твердо удерживать занимаемые позиции, не допуская выхода неприятеля на оперативный простор.

— Чего бы вдруг? План был совсем другой. И без па-

тронов мне долго не продержаться. Одну приличную атаку я отражу, но и все. А как стемнеет...

— Патронов и гранат я тебе сейчас подброшу. Обозначь свой КП ракетой. Через полчаса обещал подтянуться Уваров. Свои дела он закончил. А ты используй трофейное оружие, пулеметы. Наверху все перерешали. Разведка боем переходит в генеральное наступление. Из Бреста уже вылетел десантно-штурмовой полк полного состава. Ждем-с. Так что держись, поручик.

Решение Верховного командования Щитников одобрил. Именно так и следовало поступить по уму. Плацдарм захвачен, и нужно наращивать успех, пока неприятель не опомнился. Без всяких хохмочек и заморочек с боковыми временами. Только почему полковник говорил по радиии открытым текстом? Уверен, что полякам сейчас не до того, чтобы искать в эфире волну ротной связи, или намерен их окончательно деморализовать? Мол, если мы двумя ротами столько вас накрошили, что будет, когда подойдет полк со штатной бронетехникой!

Уваров тоже не знал, чем вызвано решение начальства. Ведя бой, он имел при себе только маломощную батальонную радиостанцию с двадцатикилометровым радиусом. К нему добрался посыльный от Шаумяна с топорливо нацарапанной карандашом запиской:

«От Стрельникова. «Твердо удерживать занимаемые в данный момент позиции в реальном пространстве. Личный состав и технику сбоку вывести. В течение часа ожидать подхода со стороны аэропорта десантно-штурмового полка. После соединения строевые подразделения под командой Андреева передать в подчинение армейцам. Лично вам и московской группе отойти в безопасный район и ждать дальнейших указаний. Следующая связь по нашему каналу в 19.00. Прибыть к радиии лично. Передал Галицкий, принял Шаумян».

Ниже, в качестве постскрипума, приписано подпоручиком от себя: «Не дожидаясь вашего подтверждения, начинаю переход в «реал». Точка та же. Жду указаний».

«Ну, вот и ладненько, — подумал Уваров. Происходящее устраивало его наилучшим образом. Голову пока сохранил, задачу выполнил. На этот раз претензий к нему быть не может. — Теперь, пожалуй, и заводы взрывать не требуется, пригодятся для собственных целей».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Уже первые сутки работы с захваченными некробионтами принесли поразительные, даже шокирующие результаты. Сразу по нескольким направлениям.

— Я, конечно, довольно средний специалист в практической невропатологии, — несколько скромничая, докладывал Чекменеву Максим, — но у нас есть возможность консультироваться с настоящими светилами. Из тех, кто имеет нужные допуски. И мы пришли к одинаковым выводам. Здесь, в Москве, появились люди, умеющие проделывать с человеческим мозгом такие вещи, которые еще вчера показались бы мне невероятными...

— Поконкретнее, пожалуйста, — мрачно бросил генерал, настроение которого и так находилось на уровне точки замерзания. Сюрпризы сыпались на него один за другим, причем сюрпризы, отнюдь не вызывающие радостных эмоций.

Нет, по большому счету все складывалось самым удачным образом. Дело его жизни близилось к завершению, до коронации Олега Константиновича оставался буквально один шаг. В Польше тоже не о чем волноваться, руководство операцией окончательно перешло в руки военных, Чекменеву можно спокойно умыть руки.

Но почти безоблачный небосвод несколько омрачался по краям горизонта. Просматривалась там пара тучек, вроде бы совсем незначительных. Беда только в том, что Игорь Викторович хорошо знал, как часто такие вот тучки бывают предвестниками тайфунов, торнадо, прочих атмосферных катаклизмов.

— Дело в том, что любое гипнотическое воздействие в принципе легко распознается, да и невозможно внушить нормальному человеку достаточно сложную поведенческую схему, тем более криминального характера. Что неоднократно наблюдалось в эксперименте. К примеру, лично я на занятиях несколько раз, в подтверждение этого тезиса, просил загипнотизированную студентку вообразить себя стриптизеркой и догола обнажиться перед аудиторией. Получилось лишь единожды, в остальных случаях испытуемая просыпалась или с ней случалась истерика. Что же говорить о большем...

Здесь же мы столкнулись с невероятным. Восемь человек сразу получили одинаковое, многоходовое, тщательно детализированное задание, рассчитанное на длительный срок. Замысел его преступен по любым меркам, а никто из объектов ни в какой противоправной деятельности ранее не замечен. То есть, я повторяю, с точки зрения современного уровня медицины это необъяснимо.

— Однако случилось. Значит?

— Значит, существуют люди, владеющие соответствующими методиками. И, возможно, использующие неизвестную нам аппаратуру.

— А что покойники? Вы от них что-нибудь узнали?

— От них и узнали. Постный по-прежнему пустой. Ничего не знает, ничего не помнит. У некробионтов, по каким-то, им присущим особенностям, гипнотический блок снялся сразу после смерти, и они достаточно подробно сообщили нам поразительные вещи.

Оказывается, с момента *перепрограммирования* в каждом из участников покушения на князя сосуществовали как бы две личности. Одна — подлинная, отвечающая за, так сказать, маскировку другой, внушенной. То есть вели себя эти люди как обычные охотники, заподозрить их в чем-то было невозможно. Да они и сами о своих преступных замыслах не догадывались.

Лишь когда вышли в заданную точку, включилась вторая, имеющая необходимые навыки, план-задание, а

главное — мотивацию. Великий князь превратился в личного врага, я бы сказал — кровника, захватить которого в плен, а в случае невозможности — уничтожить следует любой ценой. Даже — ценой собственной жизни...

— А причина? Должна же быть причина *кровной мести*. Она была как-то замотивирована?

— Этого установить не удалось. Они просто не знают. Видимо, используемые методики позволяют внедрять доминирующий императив без его логического подкрепления. Помните Портоса? «А я дерусь просто потому, что дерусь!». Так и здесь. Я его убиваю потому, что его необходимо убить.

— Да, страшненькую историю вы мне рассказали. Это же значит что? В любой момент могут появиться такие точно, с каким угодно заданием, и до последней секунды мы ничего не будем знать и подозревать? Да, подождите, — вдруг вскинулся Чекменев, — вы что же, покойников *сюда* вытащили?

— Да вы что? Как можно, Игорь Викторович! Там мы с ними работаем, на нашей базе, но там...

— Хорошо. Вы, Тарханов, можете что-нибудь добавить?

— Так точно, Игорь Викторович. Мы прошерстили все их контакты и связи, допросили егеря, только что по бревнышку не разобрали лесной кордон. Там — чисто. Незнакомые егерю люди не появлялись, охотники на самом деле прибыли по предварительной договоренности, вели себя нормально. Но вот тут начинается интересное.

Как всегда, обсудили план охоты, наметили маршрут, расположение номеров. Сели обедать, выпили. После этого в ближайшие полчаса поведение их разительным образом изменилось. Егерь человек наблюдательный, и уж как на кого действует стакан водки — знает.

— А почему они вдруг вообще стали пить *до* охоты? Обычно всегда пьют после?

— Да они собирались начинать с утренней зорьки.

Вот и решили расслабиться, отдохнуть, пораньше лечь спать. Так вот, выпили, доели, и вдруг засобирались. На вопрос егеря, куда, зачем, старший их команды, доцент МГУ Шаповалов, ответил, что желают покататься, воздухом подышать, а также посетить какое-то *святое место*, якобы связанное с ранними годами жизни Сергия Радонежского. Он же историк, как раз этой темой занимается...

— И тут замотивировано. Четко...

— Так точно. Мы этого доцента в отдельную разработку выделили. Сели они на коней и поехали. Остальное вы знаете. Я лично промерил и хронометрировал весь маршрут, по времени сходится. Переменным аллюром вполне успевали...

— К чему успевали? — Чекменев направил палец в грудь Тарханова.

— Добраться до места и подготовиться...

— К чему подготовиться? — повторил Чекменев, и до Сергея только сейчас дошло. Все-таки не был он кадровым контрразведчиком, хотя и успел кое-чему научиться.

— Виноват, Игорь Викторович, не сообразил, — опустил он глаза, медленно краснея.

— Когда, вы говорите, они выехали с кордона?

— По словам егеря, в 12.30 плюс-минус десять минут.

— Прибыли на место?

— Около пятнадцати...

— А князь выехал из Кремля в четырнадцать сорок...

— Ах, твою мать!

— Совершенно правильно замечено. Хорошо, что я первым делом об этом подумал. Всех сотрудников секретариата князя, гаража, телефонной станции, ближнюю прислугу, а также окружение патриарха я немедленно приказал взять в разработку. Вас решил не привлекать...

— Не совсем понял, Игорь Викторович, — к чувству стыда за допущенный прокол прибавилось еще одно.

Что же, генерал ему не доверяет, начальнику собственного управления?

— Да ты не обижайся. Не твоя это работа. Одно дело — спецоперации, другое — дворцовые интриги. Я тут и без вашего верископа разберусь. Нет, если потребуется — привлечем, но пока есть свои способы. Значит, что мы имеем? Ровно за два часа до выезда князя наши благонамеренные граждане получили условный сигнал, тут же включилась программа, и они по одной из заранее подготовленных легенд, не теряя ни минуты, вышли на тропу войны. Следовательно, легенд и вариантов прикрытия было несколько.

— Тут ведь и еще один вопрос возникает, — начал размышлять в предложенном направлении Тарханов. — Они ведь на охоту не с бухты-барахты собрались. Значит, как минимум накануне уже были готовы к акции...

— Может, так, а может, и нет, — возразил Чекмев. — Вполне допускаю, что *заряжены* они явно не вчера и не одной программой, а несколькими. На разные случаи жизни. Получили бы другой сигнал, начали бы делать что-то другое, по месту и по времени...

— Позвольте? — вмешался в разговор Бубнов. — Поделюсь идеей. Мне кажется, что захват или ликвидация князя намечались именно на этот день. Независимо от того, где он окажется. Не поехал бы он в Сергиев Посад, акцию запустили бы в другом месте.

Что стоило бы *зомбированным* сесть не на коней, а в машины, по пути переодеться, вместо ружей взять пистолеты, портативные автоматы, бомбы? От кордона до любой точки Москвы, до Берендеевки ехать те же час-полтора. И группа террористов была всего одна, мне кажется. Эта. В противном случае попытка была бы продублирована. Перехватили бы князя по дороге, у въезда в Кремль, прямо в кабинете. Если вы подозреваете наличие информатора в ближнем окружении, отчего ему не поручили ликвидацию? Куда как проще...

— Ваш вывод?

— Первый — следует все же узнать, чем именно этот

день отличался от других. Почему именно на него была намечена акция?

Второй — для зомбирования подходят далеко не все люди. Поинтересуйтесь, не объединяет ли всех участников некий общий признак, факт биографии...

— Ценно. Правильно говорится, ум хорошо, а три лучше. Надеюсь, что вы правы. Иначе, если зомбировать можно каждого, мы погибли...

От Чекменева Максим с Тархановым вышли вместе. И направились в кабинет Сергея, чтобы продолжить обсуждение.

Полковник был мрачен, доктор, напротив, выглядел оживленным.

— Мне кажется, разгадка лежит буквально рядом. На поверхности. Только бы хвостик ее ухватить. Масив догадок и фактов близок к критическому. Не хватает гениального озарения. Со мной так не раз бывало. Бьешься лбом в стенку, разогнешься перевести дух, а дверь — вот она! И открыта.

— Ты о какой разгадке? Кто и зачем их послал?

Бубнов отмахнулся.

— Это — вторично. Сначала — как это сделано. Потом — кем и где. А зачем — не так уж и важно. Ну, для меня, — поправился он. — Вам, само собой, интересней обратная теорема. Мне вот кажется, что снова с Маштаковым нужно переговорить. Есть одна идея, тоже вполне безумная, но может сработать...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Сообщение о взятии российскими войсками Радома после всего лишь трехчасового боя вызвало шок во временном правительстве национального спасения Польши, предусмотрительно разместившемся не в Варшаве, Люблине или Лодзи, а в захолустном городке Торунь.

Знаменит он был лишь тем, что в нем родился Копер-

ник, великолепным костелом святого Яна, где могло бы разом поместиться половина всего верующего населения города, да крепостными стенами XIX века.

Зато великолепно подходил в качестве повстанческой столицы. Ни одного российского воинского гарнизона на сотни километров вокруг, и вообще минимум *москалей* и прочих некоренных народностей. Окутывающая все аура древней государственности времен наивысшего могущества державы, старинная ратуша, где так приятно заседать Сейму, не избранному (за отсутствием времени и условий), а делегированному от разношерстных по программам и убеждениям *патриотических* партий, партиек и комитетов.

Стены повыше, чем в Московском Кремле, за которыми *народные витии* в случае чего смогут отсидеться до получения помощи от сообщества цивилизованных стран. И очень удобный набор коммуникаций для бегства. По Висле в Балтику, где изгнанников радушно встретят датчане и шведы. По автостраде и железной дороге на Запад, где до германской границы всего триста километров, ну и, в конце концов, самолетом в благословенный Краков.

Как только по московскому дальновидению было сообщено об успешном начале операции по восстановлению конституционного порядка в Привислянском крае, последовало громогласное, но с прорывающимися истерическими нотками опровержение из затаившегося где-то в городских трущобах «штаба обороны Радома».

Мол, действительно имели место высадки вражеских тактических десантов в районе предприятий военно-промышленного комплекса, но все они уничтожены доблестными «НСЗ» и отрядами вооруженного народа.

Даже показ документальных кадров движения колонн российских БМД через центр города и высадки батальонов пехоты с аппаратами гигантских транспортных «Микул Селяниновичей» на центральном аэровокзале был сгоряча объявлен московской фальшивкой.

Но самые чуткие к изменениям окружающей среды особи «верховой власти» занервничали.

Всего два часа потребовалось корреспондентам «Берлинер Рундшау», «Рейтер», «Либерте Франсез» и прочих информационных агентств, чтобы перебросить в эфир собственные видеоматериалы, изображающие в том числе и массовую сдачу в плен *ополченцев*, и горы брошенных винтовок и автоматов на городских улицах, и трехцветные флаги (немногочисленные, впрочем) на балконах и фронтонах жилых домов.

Этого времени хватило, чтобы «сейм» принял во всех чтениях сразу несколько казавшихся ему важными документов, долженствующих резко переломить катастрофическое развитие ситуации.

Европейские страны в самой категорической форме призывались к немедленному признанию независимой Речи Посполитой на любых условиях, всем волонтерам из-за рубежа гарантировались немыслимые денежные оклады и прочие преференции.

В стране объявлялась поголовная мобилизация, десятикратное повышение зарплат и пенсий (путем запуска на полную мощность производства российских денежных знаков на *национализированном* филиале Петроградского монетного двора), введение прав и свобод граждан, каких не имело даже население пиратской республики Тортуга.

В большинстве своем акты эти были взаимоисключающими и не предусматривали какого-либо механизма их реализации за отсутствием соответствующих властных рычагов.

Предполагалось, что они заработают в автоматическом режиме, путем *революционного творчества масс*.

После чего, уже на закрытом совещании президиума правительства, было принято решение на всякий случай перебазироваться в Познань, оставив в Торунии *рабочую группу*, которая и должна была сформировать и возглавить *народную армию «Висла»*.

Однако ее члены быстро сообразили, что их бросают здесь всего лишь для отвлечения внимания российского командования, фактически на убой, и начали решать свои проблемы самостоятельно.

Тем более что поступили сведения о продвижении вверх по Висле, водой и по берегам, сильной группировки военно-морских сил, почти не встречающей организованного сопротивления. Да и какое сопротивление могли оказать морской пехоте и бронированным мониторам с шестидюймовой артиллерией разрозненные отряды волонтеров и местной самообороны?

К исходу первых суток операции зона контроля Радомской оперативной группы распространилась более чем на сотню километров в каждую сторону, на юг почти до Малопольской границы, на север к пригородам Варшавы, на запад к узлу дорог у Томашув-Мазовецкого.

С точки зрения чисто военной, можно было считать, что кампания повстанцами уже проиграна. Так фон Ферзен и доложил на совещании в ставке князя, только что ответившего согласием на всеподданнейшее обращение Государственного Совета и Государственной думы о принятии на себя бремени военной диктатуры.

Олег Константинович был слегка возбужден, ему предстояло ровно в полночь выступить по общенациональному каналу с обращением к народу, и слушал он доклад полковника не слишком внимательно. Почему, собственно, генерал Агеев и передоверил эту миссию всего лишь начопероду. Понимал, что пока что больших лавров, стоя у карты с указкой, не стяжаешь, вопросы же могут возникнуть самые неожиданные и не всегда приятные.

Вот о полном разгроме мятежников он уж непременно доложит сам и в должной тональности.

А пока говорил барон. В умении представить собственные труды в наиболее благоприятном свете ему тоже было мало равных. Клуб «Пересвет» давал хорошую школу.

— ... Таким образом, на час «М + 25» дивизия генерала Ливена, имея в первом эшелоне двенадцать стрелковых батальонов и три танковых батальона на фронте в двести пятьдесят километров, четыре стрелковых батальона, танковый батальон и артиллерийскую группу из трех пушечных и одного гаубичного дивизиона во втором эшелоне, развивает наступление общим направлением на Олыштын — Влоцлавек, имея в виду к часу «М + 45» выйти на восточный берег Вислы на всем протяжении Большой излучины. После подхода кораблей флота начать ее форсирование.

Обвел указкой названный район.

— Дивизия генерала Слонова, практически не встречая сопротивления, ротными колоннами трех стрелковых полков стремительно продвигается с Сандомирского плацдарма через Кельце на Лодзь. Танковый полк, также поротно, наступает на Ченстохов, прикрывая одновременно Малопольскую границу от прорыва мобильных групп неприятеля в ту и в другую сторону. Так как, — счел нужным пояснить полковник, — отмечается встречное движение добровольческих отрядов краковцев на север и деморализованных нашим наступлением повстанцев на юг. Причем в перехватываемых танкистами и разведчиками транспортных колоннах отступающих обнаружено непропорционально большое количество грузов невоенного назначения...

— Что вы деликатничаете, барон, — впервые подал голос Великий князь, — барахло, что ли, вывозят?

— Так точно, Ваше Императорское Высочество! Вывозят. Личное имущество, товары со складов, продовольствие... Много чего. В занятых передовыми отрядами населенных пунктах замечены следы многочисленных грабежей и погромов.

— Пресекать без малейшего сожаления и мягкотелости, — бросил князь. — Мародеров и погромщиков расстреливать на месте. Считаю необходимым немедленно направить в освобождаемые районы отряды по-

левой жандармерии. За счет формирований петроградского подчинения. Нашим — воевать надо!

— Будет исполнено, Ваше Императорское Высочество! — щелкнул каблуками уже Чекменев, поскольку эти вопросы в компетенцию фон Ферзена никоим образом не входили.

— Остальные подразделения дивизии намечено также перебросить к Малопольской границе, поскольку проникающие через нее отряды боевиков проявляют гораздо большую активность и боевую устойчивость, нежели инсургенты.

— Это тоже понятно, — кивнул князь, — решение правильное. Какие соображения по введению в дело дивизии Каржавина?

— Ее эшелоны, Ваше Императорское Высочество, в данный момент сгруппированы в треугольнике Ростов — Екатеринодар — Ставрополь, и оперотдел не видит необходимости поворачивать их на запад. Нынешняя дислокация — оптимальная на случай любого развития событий.

— Согласен. Пока на юге спокойно, но возможность пограничных инцидентов и там исключать не следует. Короче — работайте. Завтра я намереваюсь выехать на фронт уже в новом качестве и лично проинспектировать войска. Гвардию я знаю, а вот с российскими армейскими намереваюсь познакомиться поближе. Есть у меня некоторые соображения, но вам я их сообщу позже. Что решаете с Варшавой?

— Варшаву штурмовать нецелесообразно. Потери в уличных боях могут быть слишком велики. Город следует окружить и блокировать по внешнему обводу, после чего предъявить гарнизону ультиматум о сдаче. В случае отказа вновь ввести в действие план «Фокус-3»...

— План утверждаю. Вы хорошо поработали, полковник, выражаю вам свое благоволение. Если на местности все пройдет так же гладко, как на бумаге, никто не будет забыт и обижен.

В приемной Олега Константиновича ждал начальник Генерального штаба Российской армии генерал-лейтенант Хлебников, три часа назад испросивший экстренной аудиенции и уже успевший прилететь из Петрограда в сопровождении начальников управлений: оперативного, автобронетанкового и личного состава.

«Быстрые ребята, — подумал князь, здороваясь, — главное — сообразительные!»

Так без этого не проживешь.

Официально Олег Константинович примет Верховное командование всеми вооруженными силами республики (пока еще) только завтра, но тут уж лучше перетянуться, чем недотянуться.

«Интересно, с чем он прибыл? Засвидетельствовать почтение, заверить в преданности, *накапать* на военного министра в обмен на гарантию сохранения в должности? Что ж, послушаем».

Лично он с генералом был знаком мало, а так *пересекался*, конечно, и все существенные детали биографии, заслуги, сильные и слабые его стороны знал.

Как-то не похоже было, чтобы третье, а то и второе лицо в воинской иерархии столь непристойным образом суеилось в заботе о личном благополучии.

— Проходите в кабинет, Воислав Игнатьевич...

«А еще говорят, что имя человека ничего не значит. Вышел бы из Воислава знаменитый скрипач или модный кутюрье? А генерал получился вполне даже ничего».

Хлебников и вправду был мужчина представительный, с мушкетерской эспаньолкой, браво подкрученными усами, походный мундир сидел, как на манекене в ателье на Воздвиженке. Орденов на груди достаточно, только московских ни одного, в Гвардии он не служил.

— ...Наедине желаете беседовать или присутствие господ генералов тоже требуется?

— Так точно, Ваше Высочество, доклад предполагается общий.

— Тогда прошу. Чтоб зря не терять времени, ставлю

в известность — курить можно, денег нет. Остальные вопросы подлежат обсуждению.

Генералы деликатно засмеялись, потянулись к радужно раскрытым на столе коробкам с толстыми и ароматными папиросами «Кара Дениз», как бы шутливой *ганью* Местоблюстителю от губернатора Ванской области¹, которую тот отправлял с Москву ежегодно, к да-те воссоединения армянского народа, за которое традиционно благодарили не нынешнюю *демократическую*, а *царскую* власть.

Тема доклада была для князя неожиданной.

Хлебников сообщил, что хотя армия в ее нынешнем состоянии пока не способна собственными силами провести операцию по полному замирению Привислянско-го края (как будто князь не знал этого раньше), она горит желанием внести достойный вклад в достижение Победы (и на эту тему есть штабные разработки, к чему повторяться?). Неужели действительно похолуйствовать генерал явился?

Однако дальше пошло интересное.

В конце шестидесятых годов прошлого века на некоторое время в Высшем совете Тихо-Атлантического союза и Объединенном комитете начальников штабов возоблада-ла стратегическая концепция «Дальние рубежи». Она предусматривала создание своеобразного предполя, передовой линии обороны, вынесенной на двести-триста километров от дипломатических границ «Периметра».

В случае усиления внешней угрозы государствам Союза от *незамиранных* племен и народов именно в этой зоне должны были проводиться высокоманевренные операции против вероятного противника. Будь то регулярные вооруженные силы недружественных стран или крупные террористические бандформирования любой

¹ Историческое название Западной Армении, до мировой войны принадлежавшей Турции под названием Ванский пашалык.

ориентации. В качестве материального обеспечения этой доктрины начались разработки, а потом и производство подходящей боевой техники.

В том числе бронетранспортеров высокой автономности и вместимости (запас хода до 1000 км, экипаж 25—30 человек), средств огневой поддержки рейдеров (легкие самоходные орудия и минометы) и, как своеобразный аналог стратегической кавалерии былых времен, крейсерские танки, способные решать самостоятельные задачи практически на всю глубину вражеской территории.

Потом доктрина естественным образом умерла, на смену ей пришла другая, потом третья, по мере того как менялась мировая атмосфера и *прогрессировала* военная мысль.

Новые поколения стратегов делали ставки то на штурмовую авиацию и парашютные войска, то на узлы и линии *тотальной фортификации*, а близкие им по духу промышленники и финансисты зарабатывали нешуточные деньги на переоснащении армий и строительстве очередных «Верденов» и «Турецких валов».

Одним словом, на память о тех достославных временах российской армии остались три сотни танков-рейдеров «БТ-15», снятых с вооружения и оставшихся лишь в памяти ветеранов да на страницах исторических справочников.

Но тогдашние генерал-фельдцейхмейстеры¹ из скупости или глубокого предвидения не пустили танки в переплавку, а согнали их на базу хранения в районе города Дубно, недалеко от Львова. Где они, законсервированные, и простояли в глухом лесном урочище три десятка лет. Службу при них несли все больше сверхсрочники-ветераны, обжившиеся, окружившие *полосу*

¹ Генерал-фельдцейхмейстер — главный начальник над артиллерией, производством боеприпасов и примыкающими родами войск, в т.ч. и танковыми.

отчуждения собственными поместьями, садами и огородами, передававшие непыльные и хлебные должности по наследству.

Всего и дел — вовремя смазывать катки и траки соляркой, пару раз в год проверять уровень масла в двигателях, выборочно их запускать, следить, чтобы всегда заперты были люки, на месте дульные крышки пушек. А главное — содержать в порядке и полной неприкосновенности склады с тремя боекомплектами снарядов и пулеметных патронов на машину.

Однажды прописанная в бюджете военного ведомства строка финансировалась исправно, хотя все давно забыли, что же именно она обозначает. И жалованье персоналу шло. Совершенно, как в Британском флоте, где четыреста лет получали фунты стерлингов и натуральный паек «коты его Величества» и их смотрители.

Одним словом, завершил свое пространное вступление Хлебников, в настоящее время мы обладаем едва ли не корпусом вполне боеготовых танков, по ряду параметров лучших в мире. С неизрасходованным моторесурсом.

Спасибо генералу фон Крайцхагелю, который о них вовремя вспомнил.

Хлебников указал на поджарого невысокого начальника АБТ с танковыми эмблемами на углах черного бархатного воротника.

— Так точно, Ваше Высочество. Я еще юнкером однажды посещал эту базу, сам посидел с полчаса за рычагами. И так оно мне в память запало. Как у моряка — о первом учебном паруснике. Потом, конечно, не до того было. А занял нынешний пост — снова вспомнил. «Бэтушка», так сказать, моя юношеская любовь.

«Да ты тоже романтик, ваше превосходительство, — с теплым чувством подумал князь. — Нам такие нужны!»

— Ближе к делу, Конрад Карлович, — тем не менее строго сказал он. — Что предлагаете?

— В течение суток, если будет приказ, танки можно

расконсервировать. Тут главное — аккумуляторы зарядить и горючее подвезти. Но это мы сделаем. Все полевые станции округа туда бросим.

Зато потом, если приказ будет, десятки ротных колонн выступят по расходящимся направлениям, по всем шоссе и автострадам. Не задерживаясь, не ввязываясь в затяжные бои, с десантом на броне — до германской границы! Влетели в городок или поселок — за полчаса подавили сопротивление, если таковое будет, и дальше!

Как и задумывалось при их создании.

Длинноствольная пушка семьдесят шесть, два пулемета, скорость по твердому покрытию — сто двадцать. А главное — потрясающий психологический эффект. И на поляков, и на мировое сообщество! Такого они уж точно не ждут. А тут — словно конница Аттилы!

Возбужденный нарисованной им картиной, генерал замолчал.

— Да, это и вправду эффектно, — согласился князь. — Но есть ведь и проблема, иначе вы бы не пришли?

— Так точно, Ваше Высочество. У нас нет для них экипажей. Солдаты срочной службы, да и офицеры моложе пятидесяти лет (а таких почти не осталось) никогда с этими танками дела не имели. Если я даже переброшу в Дубно личный состав двух танковых дивизий Петроградского округа, это займет неделю минимум. И еще столько же на освоение техники. Раньше — немыслимо. О боевом слаживании подразделений я и не говорю.

— Что требуется от меня? Остановить время? Я не Иисус Навин¹.

Заговорил начальник управления личного состава:

— Если бы вы согласились, Ваше Высочество, мы сегодня же могли бы отправить в Дубно юнкеров старших курсов Киевского, Минского, Одесского танковых и инженерных училищ. А также слушателей Бронетанковой

¹ Иисус Навин — библейский полководец, который для того, чтобы успеть разгромить врага, приказал остановиться Солнцу.

и Тыло-транспортной Академий. Первые, под руководством своих преподавателей и содержателей базы, смогут освоить танки буквально за сутки. В качестве экипажей. Молодые мозги и уровень подготовки, знаете ли. Вторые, хорошо знающие друг друга и имеющие должную техническую и оперативно-тактическую подготовку, будут незаменимы в качестве командиров отдельных взводов и рот, действующих совершенно автономно. И боевую практику заодно получат.

Князь задумался.

— Вообще-то, бросать в бой золотой фонд армии в качестве рядовых — такого с Гражданской войны не было. С другой стороны — это действительно остроумно и стратегически оправданно. Поэтому — я согласен. Приступайте немедленно. Приказы можете отдавать прямо с моего телефона в приемной. О готовности к маршу и бою доложите мне... — князь посмотрел на часы, — завтра в это же время. Все свободны. А вы, Войслав Игнатьевич, задержитесь.

Когда они остались одни, Олег Константинович помолчал немного, словно бы не зная, что именно он хотел сказать. Но это тоже была часть его системы общения с подчиненными.

— Вы знаете, генерал, мне кажется, что мы с вами сработаемся...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

В огромной квартире на седьмом этаже старинного дома, с цоколем, обложенным бугристым красным гранитом, было тихо, спокойно, уютно. Далеко внизу изредка позванивали проезжающие трамваи, совсем не доносились голоса прохожих, кончилась толчея искателей лишнего билетика перед аркадой Вахтанговского театра, потому что начался уже второй акт пресловутой «Принцессы Турандот».

Вдобавок и шторы окон, выходящих в теснину Арбата, были задернуты, горели лампы под глухими абажурами. Слойми плавал под четырехметровыми потолками табачный дым.

Респектабельного вида господа неторопливо и со вкусом расписывали партию классического преферанса с сумасшедшей ставкой рубль — вист. И в то же время складывалось впечатление, что выигрыш или проигрыш никого здесь по-настоящему не интересуют. Слишком часто сдача непозволительно затягивалась, игроки не спешили взять карты, поглощенные разговором. А в преферансе этого делать категорически не следует. Если, конечно, игра не является всего лишь маскировочным антуражем собрания, преследующего иные цели.

При этом преферансисты, судя по всему, имели основания опасаться внезапного вторжения серьезного противника. Не для защиты же от квартирных воров один охранник с автоматом дежурил в прихожей, другой — возле кухонного окна, рядом с которым проходила пожарная лестница, еще два — в квартире напротив, контролируя лестничную площадку и дверь лифта.

Вдобавок у каждого из присутствующих на тайной вечере в карманах или плечевых кобурах пригреблись пистолеты отнюдь не дамских моделей: не меньше девятимиллиметровых калибров, с магазинами на восемнадцать и двадцать патронов. Но это уже дань старым привычкам. На самом деле пуля, пусть и в мельхиоровой оболочке, — не способ решения мировых проблем.

Дорого бы дали Тарханов с Чекменевым за возможность иметь в этой квартире подслушивающие устройства, а еще лучше — видеокамеры.

Но чего нет, того нет.

А обсуждали картежники то, что интересовало княжеских контрразведчиков больше всего на свете.

Чекменев наверняка бы рад был узнать, что господа в арбатской квартире пребывают в растерянности. Но

только это его и обрадовало бы. Во всем остальном оснований для оптимизма для него не просматривалось.

Речь шла как раз о неудавшемся покушении на Олега Константиновича.

— Семь первых!

— Вторые.

— Восемь первых!

— Забирайте. Мы можем быть уверены, что все члены бригады погибли?

— Их и играю. Ваше слово?

— Пас.

— Свой.

— Возвращаю.

— На девяносто девять процентов. По крайней мере ментаскопы показывают только фон. Ни малейших следов матричного излучения. Причем следует отметить, что семеро умерли сразу, а Постный жил до утра. После чего его сигнал тоже погас. Значит... Значит, если мы и проиграли этот сет, то не всухую.

— При условии, что перед смертью Постный не раскололся...

— Исключено. Нечем раскалываться. Нужная зона памяти у него просто выгорела. Но я ваш оптимизм все равно не разделяю. К сожалению, посетить место акции до сих пор невозможно, казаки и жандармы плотно блокировали район. Тела родным для погребения не выдали, вообще никому ничего не сообщают, а ведь уже пошли запросы во все инстанции. Непростые люди пропали. Поехали на охоту — и без вести. Научная общественность волнуется, слухи пошли...

— Какие слухи? — Господин, игравший восьмерную, взял девятую взятку, с удовольствием записал шестерку в пулю. Выглядел он как товарищ¹ управляющего

¹ Товарищ (министра, управляющего и т.п.) — по нынешнему первый заместитель.

банком. Не сам управляющий, а персона на ступеньку ниже, но с правом решающего голоса.

— Какие? Очень умело распускаемые, не иначе как самой службой безопасности. Что вроде бы объявилась в подмосковных лесах банда беглых с каторги поляков, ранее осужденных за государственные преступления. Теперь они пробираются на родину, по пути грабят и убивают. Даже якобы на князя напали, когда он в своем имении охотился. И нашу *работу* на них списывают, и вообще все нераскрытые преступления и даже транспортные происшествия.

— Вполне, кстати, неглупая идея...

— Как будто вы раньше думали, что у Чекменева дураки работают.

— А нам-то какая от того польза или наоборот? Разработку они как вели, так и вести будут.

— Да вы тасуйте, тасуйте. И сдвинуть дать не забудьте. Польза та, что в этот костерок и своих дров подкинуть можно. Скажите там своим в «Ведомостях» и «Новой», чтоб сообразили, какие матерьяльчики в жилу будут. И вперед.

— Девять без козыря. С тройной бомбой!

— Нет, господа, ну кому прет, так прет. Пас, естественно.

— Я тоже не поп, и не студент¹...

— Хотя и генерал. Так пас?

— Пас, пас...

— Сыграно.

— Хоть покажите.

— Чего показывать. Пас, значит, пас. Меня сейчас вдруг совсем другая мысль заинтересовала. Совершенно неожиданно, кстати. А зачем оно, по большому счету, нам, здесь и сейчас присутствующим это нужно?

¹ Имеется в виду поговорка преферансистов: «На девятерной игре вистуют студенты, попы и генералы. Первые от бедности, вторые от жадности, третьи от нечего делать».

— Что именно?

— Да именно все! У нас что, головы на плечах лишние? Великий князь кому-нибудь лично насолил? На министерские посты кто-нибудь претендует? Если контрразведка стребет, не откупимся...

— Я что-то вас не совсем понимаю, Андрей Платонович! Не поздновато ли задумываться начали? Сейчас с тележки соскакивать — и ноги, и шею сломать можно.

— Господа, так мы играем или что? Карты сданы.

— Подождите, Аршавир Богданович, тут разговор интересный завязывается.

Поименованный армянин, весьма похожий на актера Императорских театров в амплуа резонера, профессионально воздел глаза к небу, одновременно пожал плечами и развел руками, после чего махом выпил рюмку водки.

— Я вам отвечу, Петр Георгиевич. Мне последнее время очень плохо спится. Особенно под утро. Прямо вот даже сдохнуть хочется, лишь бы не начинался новый день. А я ведь не мальчик. Я в таких переделках бывал, что и вашему превосходительству вряд ли приходилось. Вы ведь тоже больше по интендантской части...

Генерал насупился. Не любил он таких напоминаний. Радовался, что шинель с красными отворотами и погоны с двумя звездочками не несут признаков профессии.

— А времена Суворова и Ермолова прошли, интендантов больше не вешают через пять лет пребывания в должности...

— Вы на что, Андрей Платонович... — генерал глубоко вздохнул, сдерживая себя, — намекаете?

— Исключительно на то, что в данном историческом периоде нас могут повесить совсем за другое. Пусть и с не меньшими основаниями.

— Так что же вы предлагаете?

— Я бы, знаете, с удовольствием сбежал. Даже понимая всю опрометчивость этого шага. Но как-то мне ка-

жется, что гораздо проще прятаться пусть от могущественной, но частной организации, чем от всех сил государства. Там — десятки, пусть сотни людей, здесь — миллионы. И если князь добьется своей цели, нас погребут частым бреднем. Не слишком вникая в степень личной вины каждого и в так называемую законность. Грядут суровые времена...

Четвертый картежник, мужчина, поразительно похожий на Арамиса, уже достигшего высших иезуитских чинов (как он изображен на гравюре из первого парижского издания), до сих пор не касался тем, выходящих за пределы собственно игры.

Умело, неуловимыми движениями тасовал и сдавал карты, заявлял, по преимуществу, верные шестерные, отдавал партнерам законные висты и как бы не слышал, о чем партнеры говорят.

Зато регулярно прикладывался к тяжелому стакану с сильно разбавленным виски, курил темные сигареты через длинный, слоновой кости мундштук. Позволявший даже не поднимать сигарету с края пепельницы.

Но тут и он счел нужным вмешаться:

— Вы что же, Андрей Платонович, в диссиденты решились податься? Сжечь все, чему поклонялся, и поклониться тому, что сжигал?

— Ни в коей мере, Семен Лукич, ни в коей мере. Не знаю, чему уж поклоняетесь лично вы, а я — так только деньгам. Политика меня не интересует ровно до тех пор, пока не мешает их зарабатывать.

Все ваши системы, интернационалы, триады — из той же оперы. Только один маленький штришок проясните, пожалуйста. Вы сами стопроцентно гарантируете, даже для себя лично, что итогом наших трудов явится полное благоденствие и, как попы выражаются, «благообразие воздусей»? Я вот с некоторых пор в это верить перестал. Если осуществляться планы многоуважаемого Катранджи насчет победы мировой деревни над мировым городом и сюда заявятся его башибузуки, пусть да-

же с русскими фамилиями, кое-какое время мы, возможно, продержимся. Только ведь недолго, очень недолго. Душа подсказывает. Увы, ведь мы с вами простые исполнители.

— Не простые, — генерал Петр Георгиевич раскрыл прикуп, где лежали туз с королем одной масти. — Далеко не простые...

— Блажен, кто верует. Даже премьер-министр является исполнителем, если его дергает за веревочку некто, камердинер, любовница, любовник... А исполнителей принято время от времени убирать, чтобы не возомнили лишнего. Если воцарится Олег первый — тоже проживем какое-то время, пока не затянет в молотилку. Но страху натерпимся. Особенно если Чекменев убедит князя немедленно закрыть границы. Поэтому предлагаю следующее.

То, на что мы подписывались, мы выполнили. Полученные суммы отработали. Никто не сможет упрекнуть, ни на каком толковище *предъяву* не сделают...

— Чтобы пулю в затылок получить, *предъяв* не надо, — бархатным голосом сказал Аршавир Богданович, и непонятно было, поддерживает он банкира или возражает ему.

— И я о том же. Значит, лучше всего аккуратно из игры выходить. Вот как мы сейчас выйдем из пульки. Подведем итог по факту, рассчитаемся — и в разные стороны. Я даже в Сизтл готов, лишь бы здесь не оставаться. А еще лучше — в канадскую глушь или на Юкон.

— Подождите, Андрей Платонович. Дело ведь не закрыто. Ладно, здесь сорвалось. Но у нас же еще и вариант *Югифь* в работе. А там все обстоит наилучшим образом. Фигурантка прошла плановую обработку, подведена к объекту, контакт состоялся. Причем, хочу отметить, срыв варианта *Александр* в определенной степени даже пошел на пользу. Князь испытал естественное облегчение и обостренное чувство прелести жизни. Красивая и

возбужденная дама оказалась в самый раз. Тут уж я постарался. И работа с ней продолжается...

Так что, может быть, дотерпим до результата? Не забывайте, Андрей Платонович, здесь сумма будет уже совсем другого порядка. А потом — скатертью дорога, хоть в Сизтл, хоть на Огненную Землю...

Семен Лукич говорил негромко, с той степенью убедительности, почти гипнотической, которой обладали пресловутые иезуиты, к которым он, очень может быть, действительно принадлежал. Иногда внешнее сходство неплохо годится для маскировки. По принципу второй логической.

Человек старательно, причем утрированно, изображает уловника — наверняка не уловник. Женщина пытается выглядеть шлюхой — задумайся, кто она на самом деле и для чего ей это нужно.

— Мне, господа, захотелось вдруг пофилософствовать, — сообщил армянин. — Когда еще придется собраться, посидеть. Может, и никогда. А я, признаться, не люблю, если остаются непроясненные вопросы. *Проклятые вопросы*, как их называют. *Окончательные*.

— Неожиданное заявление, — пожевал губами Семен Лукич. — Возникает впечатление, что внутри нашего тесного кружка друзей созрело нечто вроде заговора. Вы все так дружно задумались о вещах, о которых думать в принципе можно, возможно — даже нужно, но не в такой ситуации. Вы сейчас спросите, Арашавир Богданович, что свело нас вместе, таких не похожих, что заставило работать на неизвестных людей с непонятной целью. Для чего мы, рискуя головами, таскаем чужие каштаны из чужого огня?

— Да, именно об этом я хотел спросить. Причем в смысле, так сказать, онтологическом¹. Мы ведь не рядовые, банальные заговорщики, преследующие конкрет-

¹ Онтология (греч.) — учение о всеобщих принципах бытия, его структуре и закономерностях.

ные, четко определенные политические цели. Не беспринципные авантюристы, жаждущие денег и удовольствий. Мы — нечто иное, не так ли?

— Разумеется, так. Мы трудимся ради высшей цели. А если при этом прибегаем к достаточно примитивным, не всегда этичным средствам, так это просто жизнь вокруг нас такая. Если хотите, налицо яркое проявление принципа единства содержания и формы.

— Философия — это хорошо, — сообщил генерал Петр Георгиевич. — Я ее в гимназии изучал, после чего основательно забыл. Мне бы попроще. Аршавир прав. Я и сам часто последнее время думаю — какого черта во все эти дела ввязался? Будто затмение нашло. А сейчас будто морок спадает, и до того странно и страшно делается... Согласен с Андреем, надо бежать. Быстрее и дальше.

Семен Лукич наконец сообразил, что назревает бунт на корабле. Пожалуй, уже назрел. Так же неожиданно, как это случалось на настоящих кораблях в шестнадцатом, семнадцатом веках. Копились, копились незначительные сами по себе причины и поводы, и вдруг — срыв.

Только что вполне послушные, работающие матросы превращались в возбужденную, орущую, размахивающую оружием толпу. Капитан летел за борт, какой-нибудь третий штурман или даже боцман принимал на себя команду, наскоро малевали пиратский флаг, вздергивали его на гафель, и галион отправлялся в карибские воды на поиски веселой жизни и легкого счастья.

Но пока он соображал, что ответить своим коллегам, какими доводами, посулами и угрозами удержать ситуацию под контролем хотя бы до завтрашнего утра, события начали развиваться по не зависящей от него программе.

Очень далеко, на другом конце необъятной квартиры, за длинным коридором, разделяющим ее пополам, как Бродвей рассекает Манхэттен, возник непонятный шум. Через толстую, обитую кожей на войлочной под-

стилке дверь донеслись невнятные крики, грохот и даже два хлопка, очень похожих на выстрелы.

Не успели картежники схватиться за свои пистолеты (слишком они все-таки расслабились), как дверь распахнулась от мощного удара ногой. Три человека в обтягивающих комбинезонах и глухих касках-сферах, с опущенными забралами из зеркально отсвечивающего, пуленепробиваемого стекла ворвались в комнату. На-
ставили незнакомого вида автоматы с решетчатыми кожухами и изогнутыми, торчащими вниз магазинами.

— Никому не двигаться! Руки на стол. При малейшем движении стреляем без предупреждения.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Служба на пароходе была налажена хорошо. Словно на каком-нибудь крейсере российского флота. Не прошло и трех минут после того, как ракеты зажглись звездами прямо над пирсом, обозначив дымными хвостами направление пуска, как там началось шевеление.

Несколько едва видимых фигурок скопилось на обращенном в сторону скал верхнем крыле мостика, мощно отозвался гудок, подтверждая, что сигнал замечен, и почти тут же замигал морзянкой ратьеровский фонарь.

— Что они пишут? — *Vagim* телеграфной азбукой не владел, но был уверен, что Ляхов ее знает. На море без этого нельзя.

— Сейчас. Спешит он больно... Ну да, понятно. «Кто вы, кто вы, кто вы...»

— А как ответим?

— Как — не вопрос. Скажи мне — что?

Vagim задумался. Если это действительно *свои*, проблемы нет, а если вдруг чужие? Впрочем, чужие в любом случае ничего не поймут, а нам по их реакции все сразу станет ясно. И с чистым сердцем можно будет уходить не прощаясь. Ну, доберутся они через пару часов

сюда, обнаружат три ракетные трубки, обшарят пещеру и окрестные скалы, никого не найдут. Одной загадкой в этом мире станет больше. И только.

— Надо передать — «Имею сообщение для Шульгина». И все пока.

— Берет твой можно?..

Зажав в одной руке десантный берет, в другой — свою фуражку, Ляхов подошел к самому краю площадки и начал медленно, фиксируя движения, писать флажным семафором. Бинокли на кораблях хорошие, должны разобрать. Опыта у него было маловато, и тот очень давний, несколько раз он наверняка ошибся, но основное на борту прочли.

Ратьер замигал пореже, применяясь к квалификации адресата.

«Вас понял, высылаем вертолет».

— Ну вот, попали куда надо, — с облегчением сказал *Вадим*, а Ляхов, наоборот, ощутил очередной приступ тревоги. Куда несет его судьба? Воронка затягивает все глубже и глубже, удастся ли вынырнуть?

— Ничего, брат, желающего судьба ведет, не желающего тащит. Или, как учил нас Карл Маркс, пролетарию нечего терять, кроме своих цепей, обретет же он весь мир, — понял *Вадим* его настроение и постарался утешить как мог. — Обрел?

— Это, так сказать, вопрос дискуссионный. В каком-то смысле и обрел. Теперь — краткий инструктаж. Для простоты, ты уж извини, я останусь Ляховым, а тебе придется...

— Половцев я, и в документе так значится, только, вот незадача, тоже Вадим Петрович.

— Это не беда, Половцев, и ладно. Как-нибудь не перепутают. В остальном ничего придумывать не нужно. Если тут окажется кто-то из лично мне знакомых людей, так они и насчет тебя в курсе. Если нет — в детали вдаваться просто незачем. Я нужные пароли знаю, ты со

мной. Полковник и полковник. Завербованный мною по договоренности с Шульгиным.

— «Завербованный» — не надо. Сотрудничающий. А Шульгин — это кто? Большой босс?

— Боссов у них нету. Здесь это называется — «координатор проекта». В котором задействованы я и ты. Другие проекты — другие координаторы.

— А водку они здесь пьют? — полушутя осведомился пока еще Ляхов. Фляжку они давно добились, а нервная система нуждалась в очередной дозе универсально *адаптогена*. Не валерьянкой же спастись.

— Спрашиваешь! Здесь это дело доведено до стадии высокого искусства и великолепно обеспечено материально.

— Подожди, — в очередной раз встревожился Ляхов, — а, собственно, где это — здесь? Мы, получается, что, в вашу реальность вышли? Тоннель не только пространственный, а и межмировой? Говоришь, они сами не знали, когда посылали тебя, что ты здесь можешь обнаружить, и вдруг с такой немислимой точностью мы вышли прямо к их секретной базе! Это ведь за пределами любой теории вероятности. Не бывает таких случайностей!

— Случайности как раз бывают всякие. Но знаю я действительно ничуть не больше твоего. Могу только догадываться на основании отрывочных сведений, которые я лично для себя собирал и систематизировал. Теория «кротовых нор» существует давным-давно. Еще папаном я в «Знание — сила» о них читал.

Ну вот, наверное, мои друзья уже добрались до их практического применения, имеют какие-то методики обнаружения, локаторы, скажем. Кто его знает, вдруг именно здесь узел этих проходов, перекресток. Почему и базу построили. Вот обнаружили они своими способами очередной выход из тоннеля, но сами по нему пройти не смогли. Зато выяснили, где другой конец, и послали нас...

— А знаешь, что я еще думаю, — внес свой вклад Ляхов, — может быть, вообще вся эта история, ну, прямо с момента нашего с тобой *раздвоения*, только для того и задумана — чтобы на тоннель выйти. Вполне ведь можно предположить, что альтернативная реальность возникла непосредственно в момент взрыва, сформировалась сразу со всей своей историей, преломленной сквозь призму чьих-то фантазий.

А ты или я принципиально — действительно копия с предыдущего оригинала, которой вложена в мозги новая биография и программа. Очень все хорошо в эту схему укладывается, и почти все странности получают непротиворечивое объяснение, хотя бы в рамках достаточно безумной гипотезы.

— Не слишком сложно?

— Да чего же здесь сложного? Тоннель между временами и мирами — это же такая штука! Почтище всякой атомной бомбы. Бесценная в буквальном смысле. А на нас с тобой какие затраты? Это как за рубль такой вот пароход купить, — он указал рукой на бухту. — И то не из своего кармана... Я бы, например, на месте твоего Шульгина секунды бы не колебался...

— Да уж! А мы с тобой в паре, кстати, тоже ценный инструмент. Тут не просто механическое удвоение мозгов, тут некое новое качество образуется. Им бы с нас пылинки сдувать...

— Точно! Мало, что мы с тобой вообще умные, так за счет полного внешнего и внутреннего сходства всякие интересные интрижки проворачивать можно...

— Ага. У Жюль Верна про такое есть. Трудятся во время войны Севера против Юга бандиты, братья близнецы. Один грабит, другой алиби обеспечивает...

— По фамилии, помнится, Тексары...

Пока они оживленно обменивались идеями, с площадки на корме парохода поднялся небольшой светлосиний вертолет незнакомой Ляхову конструкции и вскопоре уже ревел двигателем и рвал воздух винтами прямо

над их головами. Сделал круг, выбирая место для посадки, и аккуратно опустился на утес метрах в двадцати вверх по склону.

Взобраться туда было бы можно, цепляясь за камни, хотя и с определенным трудом. Но открылась боковая дверца, пилот в круглом бело-голубом шлеме взмахнул рукой, ткнул указательным пальцем вниз, всей ладонью сделал приглашающий жест (кричать из-за гула и свиста было бессмысленно), после чего сбросил свернутый в рулон штормтрап.

На шканцах парохода их встретил представительный мужчина лет сорока, в белом капитанском костюме, с широкими золотыми нашивками на рукавах, в шикарном замятой морской фуражке.

— Добро пожаловать на борт «Валгаллы», незнакомые господа. Александра Ивановича сейчас нет, но все, что нужно, можете сообщить мне. Воронцов Дмитрий Сергеевич, командир данного пакетбота. Из каких краев прибыли, если не секрет? Впрочем, я понимаю, откуда, раз с Шульгиным дело имеете, а чисто географически?

— Палестина. Граница Израиля с Ливаном. Еще точнее — горный массив Маалум.

— Прямо вот так? Из Палестины, без аппаратуры, без предварительного оповещения? Похоже, Александр Иванович в своем репертуаре. А если бы выскочили километров на сорок южнее или севернее? Там бы и померли, судя по вашему снаряжению. Ночью здесь до минусовых температур погода свободно опускается.

Да что же это я вас, друзья, баснями кормлю? Извольте за мной, каютки вам определим, посидим в удобном месте, потолкуем не спеша. Я, помнится, когда в похожую заморочку попал, долго пытался понять, что и как. Вам легче...

— Александр Иванович тут совершенно ни при

чем, — счел нужным отметить Вадим. — Это абсолютно наша личная инициатива. И пути отхода у нас железные. Если что — триста шагов, и мы снова дома.

— Ну, я бы так категорически не заявлял. Бывали за мужем, знаем. Я вот, если вам интересно, однажды принял предложение давнего знакомого прогуляться, не далеко и ненадолго, так до сих пор не могу домой возвратиться. Дорогу забыл...

Капитан показался Ляхову очень общительным человеком. Возможно, потому что долгое время не имел подходящих собеседников. А, может быть, это у него просто манера такая — заговорить людей до полной растерянности, а потом... Что именно *потом*, он придумать не успел.

— Один вопрос можно? — Капитан Воронцов перевел взгляд с Вадима на Ляхова, словно бы соображая, кто сможет ответить лучше.

А они оба, машинально, дуэтом ответили:

— Конечно!

— Молодцы!

Воронцов был лет на десять старше каждого из них, да и нашивки внушали уважение. Контр-адмирал как минимум. Поэтому покровительственно-ироническая оценка двойников не обидела. Кроме того, лицо у него было очень уж располагающее, дышащее, как любил выражаться тот же Жюль Верн, доброжелательностью и благородством.

— Вопрос такой — как вы считаете, где мы сейчас находимся? Можете не спешить, подумайте.

Пока шли по верхней палубе, потом поднимались в открытом лифте сквозь ярусы занимающей две трети корабля надстройки, Ляхов удивлялся.

Никогда ему не приходилось видеть воочию столь обширных и роскошных помещений. Листал, конечно, книжки с фотографиями интерьеров старинных лайнеров, чемпионов «Голубой ленты Атлантики», но наяву — это совсем другое.

Бесчисленные двери пустующих кают, выходящие в сквозные стометровые коридоры шести палуб, усталые ручной работы коврами. Широкие, как в Эрмитаже, лестницы, литые из бронзы фигуры античных богов и героев, держащие в руках электрические факелы. Открытые променады-деки, выстеленные драгоценным розовым деревом кебрахо.

И какая-то пугающая пустота этих коридоров и палуб. Здесь следовало бы шуметь, прогуливаться, веселиться сотням людей, заплативших бешеные деньги за скоростной трансатлантический переход. Греметь музыке оркестров, переключившись детям и стюардам. А тут — никого. И их строенные шаги звучат так безнадежно одиноко!

Не знали они, насколько одиноко было Воронцову в Замке!

Зато бар в кормовой части Солнечной палубы¹ был как раз таким, чтобы снять накопившееся напряжение. Всего четыре столика у панорамного окна, обращенного к выходу из фьорда. Мягкие кресла. Мгновенно появившийся стюард в кителе, немногим уступающем в представительности капитанскому. Шампанское, и сыр, и холодные морепродукты. Приглушенная музыка из скрытых драпировкой динамиков.

Хорошо.

И Ляхова совершенно не интересовала сейчас судьба ждущих его приказа бойцов поручика Колосова. Как-то ему думалось, что все обойдется наилучшим образом. Делай что-нибудь, не делай, все едино!

Пришла пора ответить на заданный как бы между прочим вопрос.

— Мне кажется, все-таки в Новой Зеландии. Судя по рельефу и склонению солнца над горизонтом, — при этом он глянул на часы. Если сделать поправку по отношению

¹ Наименование самой верхней палубы надстройки лайнера. Ниже нее шлюпочная, прогулочные 1, 2, 3 и т.д.

к средневропейскому времени, примерно так и выходит.

— Тут-то сомнений нет, почти любой знающий географию догадается. А насчет другого? Исторической эпохи, например?

Воронцов смотрел с располагающей улыбкой, будто ведущий игры-викторины, предлагающий делать ставки.

Вопрос поставил в тупик обоих Ляховых. Если не считать время тем самым, единственным, так ответ и не просматривается. С начала антропогенного периода кайнозойской эры климат на Земле существенно не менялся, а, получив кое-какое представление о фокусах хронофизики, они не исключали самых диких вариантов. Сам по себе подобный поселок и корабли на рейде могут дислоцироваться в любой точке ближайшего миллионолетия.

— Извините, Дмитрий Сергеевич, информации не хватает. «Валгалла» ваша — первая четверть прошлого века, архитектура поселка почти оттуда же, Александр Иванович обретается в нашем пятом году. Логично было бы так и ответить, но сам вопрос предполагает подвох. Поэтому, простите, пальцем в небо тыкать — настроения нет.

— Тоже здорово. Так вот, к вашему сведению, по правую сторону фьорда, и на пароходе, соответственно, у нас сейчас тысяча девятьсот двадцать пятый год. Но если через тот вон хребет перевалить — будет две тысячи пятьдесят шестой. У нас там тоже кое-какие плавсредства есть, при случае прогуляться можно. Интересно, правда?

Да уж, куда интереснее.

— Какой исторической реальности? — только и спросил *Vagum*.

— И об этом наслышаны? Двадцать пятый год — одной, а пятьдесят шестой — другой. Если вы скажете, из какой вы, сможем кое-что сопоставить. Потому как отслеживать перемещения Сашки с партнерами я давно отчаялся. Сiju здесь и каждый день думаю — сегодня

вся эта бредятина закончится окончательно, или еще проживем?

— Ну я, например, из советской, если угодно. Если вам этот термин что-то говорит. Октябрьская революция, коллективизация, Великая Отечественная, вождь и учитель товарищ Сталин, оттепель, двадцатый съезд, 12 апреля шестьдесят первого года, Брежнев, Горбачев...

— *Земеля!* — восхитился Воронцов. — Дай руку пожать! Мы ж как раз такие точно! *Оттегова!* Только до Горбачева не дожили. В восемьдесят четвертом начались наши скитания. А ты?

— Я из две тысячи четвертого...

— Понятно, понятно... Более-менее в курсе, что там у вас творится.

Затем он вопросительно взглянул на Ляхова. Тот ему земляком и современником отчего-то не показался. Выражением лица, что ли?

— Я — из две тысячи пятого. Но совсем другого. Ничего из того, что назвал Вадим, у нас не было. Разгром большевиков в девятнадцатом году, после чего все пошло по-другому. Демократическая Российская империя. Но вот, тем не менее, свела нас всех судьба, и теперь мне кажется, что разница между нами слишком мала, чтобы это было результатом естественного развития событий...

— Как говаривал царь Соломон: «И ты прав, сын мой», — меланхолически заметил Воронцов.

— Так вот не ответите ли вы мне, Дмитрий Сергеевич, человек куда более опытный и информированный, как такое может быть? Я не о нашей даже жизни. Но как на одной территории могут сосуществовать два разных века? Что, вроде линии перемены дат? Шаг вперед — там воскресенье, шаг назад — снова суббота?

— Очень образно сказано. Приблизительно так дела и обстоят. Вы ведь тоже пришли сюда пешком. Триста шагов и восемьдесят лет. Бред ведь с общепринятой точки зрения. И никто не знает, чем подобная ерунда мо-

жет закончиться. В один далеко не прекрасный момент. В просторечии это называется — доигрались. А начиналось все очень даже приятно. Солнечное лето последнего года позднего застоя, жизнь, скучная до того, что скулы сводило.

Один очень умный человек изобретает прибор, позволяющий свободно перемещаться в любую точку пространства, в том числе и на другом конце Галактики. Всеобщая радость и торжество. Живем, можно сказать! Нет нам преград на море и на суше, в то время как все остальные сограждане продолжают влачить нудное, скудное существование.

Колонизация далекой планеты, великолепные приключения, встречи с пришельцами, любовь прелестных Аэлит...

Воронцов говорил вроде как не всерьез, с улыбочкой, будто бы бегло пересказывая чей-то фантастический роман. Только глаза его, окруженные веером белеватых морщинок, оставались серьезными, даже печальными.

— Но за все, друзья мои, приходится платить. А уж за вмешательства в сокровенные тайны естества — по полной программе. Чем и как заплатили мы — не на один час разговора. Я б сейчас мог, как акын какой-нибудь, на пару суток растянуть повествование, аккомпанируя себе на бараньей кишке. Но незачем. У нас в компании есть любители дневники вести. Сами все прочтаете, если повезет.

Резюмируя, одно скажу. Что мы попали в тупик — это слишком слабо. Тупик — нечто определенное, конкретное, стабильное. А тут скорее верхушка потерявшей управление тридцатиметровой пожарной лестницы, за которую цепляется кучка людей. Был такой впечатляющий кадр в фильме «Безумный, безумный, безумный, безумный мир». Мотает ее из стороны в сторону, ополоумевший механик дергает бессмысленно рычаги, а персонажи срываются один за другим и летят куда

★
придется... Мы в совершенно аналогичном положении. И мир безумный, и амплитуда разнота потрясающая.

Химеры возникают одна за другой, реальности пересекаются, кому, когда и куда лететь — неведомо.

— А выглядит все совершенно мило, — сказал Вадим, обводя глазами грандиозный и в то же время букочический пейзаж. — Спокойно так, романтично и умиротворяюще...

— Здесь — да. Здесь такой удивительный островок стабильности, пусть и на стыке времен, что может уцелеть, даже когда все остальное пойдет прахом.

— А Химеры — это что? — задал Ляхов свой вопрос. Термин вроде бы из области мифологической зоологии.

— Химеры, в нашем истолковании, представляют собой псевдореальности, сконструированные на базе нескольких взаимоисключающих предпосылок их возникновения. Сколь-нибудь долго существовать они не могут по определению, но тем не менее существуют.

— Кем сконструированные? — Ляхов изо всех сил пытался пробиться к сути.

— Вопрос не ко мне. Одни говорят — Игроками, другие предполагают — Ловушками сознания. Вполне может, что и вообще никем. Кто руководит полетом костей или тайным ходом карты? Тасуешь, тасуешь, и вдруг выходит *полный преферанс*! В натуре его никто никогда не видел, но в теории ведь существует! Что особенного — туз, король, дама в четырех мастях приходят в одни руки. Но вот когда придет, да за один вечер дважды, да оба раза тебе — смело считай, что ты уже в химерической реальности...

— Или ловкий шулер на раздачу сел, — предложил свою версию Вадим.

— Ну да, ну да, — согласился Воронцов. — Хватай подсвечник — и по морде! Было и такое, хватали и били. Но это уже лирика. Ответствуйте теперь вы. Каким образом вы, ребята из параллельных миров, один из которых тоже наверняка является химерой, и я догадыва-

юсь, чей именно, сошлись вместе и добрались вот сюда? Установкой «СПВ» Сашка вас, безусловно, не побаловал, и с Антоном вы незнакомы. Так?

— Антон? Не приходилось видеть, — ответил Вадим, и Ляхов согласно кивнул.

— А проникли мы сюда таким способом...

Выслушав, Воронцов довольно долго сидел, постукивая пальцами по крышке стола. Молчал, что-то обдумывая или просчитывая.

— Возможно, возможно, что это вариант... — вымолвил он наконец. — Но — не в моей компетенции. Придется опять объявлять большой сбор. А с Шульгиным я вас сейчас свяжу. Радио у нас по внепространству пока что работает.

— Позволено ли мне будет спросить, — начал конструировать изысканную фразу Ляхов, — Дмитрий Сергеевич, что вы с этим своим роскошным пароходом делаете? Как я понимаю, двадцать пять тысяч тонн, угля ему сумасшедший расход требуется, сотня кочегаров, матросов почти столько же. Для чего держите его и куда ходите?

— Хожу куда захочется. Вокруг шарика можно, если других забот нет. В любую горячую точку, где мое вмешательство полезным будет. Заявки товарищей выполняю, глядя по обстоятельствам...

— Завидую вам. Единственная, пожалуй, бескорыстная детская мечта. Море под килем, небо над головой, штурвал в руках — и ни-че-го больше.

— А вы, я смотрю, разбираетесь? Из флотских будете или так, книжек начитались?

— Краешком, по-дилетантски. Однако пришлось, считайте, в одиночку большой торпедный катер из Триполи до Днепро-Бугского лимана довести... — Ляхов не смог не погордиться перед понимающим человеком.

— Так же наш, Вадим Петрович! Ежели не врете под настроение. Какого типа? Неужто типа наших «Оводов»? Не поверю! Чтобы в одиночку.

— Типа «Страшный». Девяносто тонн, движки восемь тысяч лошадей, скорость до сорока. В одиночку, это в смысле, что штурманил один. Так еще четверо за команду работали.

— «Страшный»? Не знаю. Но все равно здорово. Я в двадцать семь лет первый раз за капитана на тральщике-пятисоттоннике в море вышел. С полным кадровым экипажем пятьдесят человек.

Ляхов развел руками. Что тут скажешь? Служба — одно, форс-мажор — другое. Догребли, и ладно.

— Имейте в виду, Вадим Петрович, другой работы не найдете, я вас на «Валгаллу» третьим штурманом сразу возьму. А хотите — сразу старшим офицером на легкий крейсер...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Часом раньше, в десятке кварталов от Арбата, в почти такой же обширной, старомодной планировки квартире, только, в отличие от первой, обставленной подлинной мебелью начала прошлого века, трое мужчин заканчивали последние приготовления.

Подогнаны, чтобы нигде не тянуло и не болталось, застежки черных, блестящих, как дельфиньи шкуры, комбинезонов, зашнурованы высокие ботинки. Только автоматы, ремни с запасными магазинами, начиненные электроникой шлемы пока лежали на столе, под рукой, так что завершить экипировку — дело нескольких секунд.

Левее стола, перед развернутыми в сторону глухой стены креслами, прямо в воздухе висел очерченный яркой сиреневой рамкой экран. Диагональю примерно два с половиною метра.

Посередине восседал сорокалетний на вид, сильно загорелый джентльмен нездешнего, если так можно выразиться, облика. Он почти так же отличался от рядовых

жителей нынешней Москвы, как природный американец или англичанин от советских граждан начала тридцатых годов. При этом мало кто, кроме профессиональных психологов или контрразведчиков экстра-класса, смог бы внятно объяснить, в чем эта разница заключалась.

Прежде всего, пожалуй, в выражении глаз и лица. Какая-то иная степень внутренней свободы здесь чувствовалась, определенная отстраненность от повседневных забот окружающих его людей, уверенность в том, что абсолютно ничего ему не угрожает, в любом случае на его защиту встанет вся дипломатическая, а если нужно — и военная мощь государства, гражданином которого он является.

А в остальном, чертами лица, языком, манерами, он на улице, в окружении близких по социальному статусу людей из общей массы не выделялся.

Двое других были ребятами явно отечественного происхождения. Один — крупный светлый блондин поморского типа, второй — стройный шатен, с коротко подстриженными усами. Манера держаться, моторика движений, все вообще повадки выдавали их принадлежность не то к опытным каскадерам, не то к бывалым офицерам специальных подразделений.

И все они в данный момент с интересом наблюдали за раздором, назревающим в компании респектабельных преферансистов.

Картинка на экране выглядела гораздо более натуральной, чем на самом совершенном плазменном телевизоре. Словно бы это был вообще не экран, а самое обыкновенное окно между комнатами. Да так оно, собственно, и было.

Установка пространственно-временного совмещения позволяла не только наблюдать происходящее в любой точке планеты (а иногда и гораздо дальше), но и одним только шагом, сквозь рамку экрана, преодолевать любое количество километров или парсеков. Жаль толь-

ко, что использование аппарата могло вызвать, а иногда и вызывало совершенно непредсказуемые последствия.

Иногда столь незначительные, что и заметить их было почти невозможно, а иногда — глобальные, угрожающие самим основам мироздания. Так, по крайней мере, гласила теория, пусть и крайне несовершенная.

Но сейчас был тот самый случай, когда рискнуть стоило. Невзирая на последствия. Выбора особого не имелось. Штурмовать квартиру преферансистов обычным способом, пусть даже под маркой государственных служб — безнадежно. Ворваться, может, и ворвешься, но достанутся в качестве трофея скорее всего лишь трупы.

— Что, *сэр Ричард*, не пора нам? — спросил у старшего блондин, поигрывая гладким, кофейного цвета цилиндром, чуть длиннее ружейного патрона двенадцатого калибра.

— Да, пожалуй, что и пора, Володя. Упаси бог, до смертоубийства дело дойдет. Господин Лубенцов, сдается, почти созрел. Еще одно чье-нибудь неосторожное слово, и может произойти непоправимое...

В голосе рыцаря британской короны явно звучала ирония, хотя взгляд оставался цепким и жестким. Поняв его слова как команду, парни дружно опоясались ремнями, возложили на головы шлемы, оттянули затворы автоматов.

— Вот это — лишнее. Не стрелять ни в коем случае. Только — руками. Автоматы — для антуража. Ну, пошли.

Он тоже надвинул на лицо забрало, ремень автомата забросил на плечо.

— Дай-ка сюда...

Взял цилиндр и направил его на экран.

Изображение резко сместилось, теперь в фокусе оказалась прихожая и полуоткрытая дверь кухни с плитой, на которой можно было готовить обед сразу для стрелкового взвода, а то и роты. А примерно такое количество гостей и собиралось в квартире в былые времена.

Одновременно цвет рамки стал насыщеннее и ярче, и обозначилась ритмическая пульсация по ее кромке.

Один охранник сидел на диванчике, глядя на входную дверь, и время от времени зевал, положив свой короткий, предназначенный для скрытого ношения «МП» на колени. Явно было ему скучно, и ни в малейшей степени он не верил, что на его хозяина может быть совершено нападение. На улице, в темном переулке — еще бывает, да и то с исчезающе малой степенью вероятности, а уж в центре города, на седьмом этаже богатого дома, со швейцаром внизу и прикрытием из соседней квартиры?

Телохранителей местные богатеи и важные лица сомнительных профессий держали больше для престижа, чтобы подчеркнуть собственную значимость.

Второй *бодигард* задумчиво курил, наблюдая за вечерней жизнью внутреннего двора. Его автомат легкомысленно висел на ручке холодильника.

Перепрыгнув через порог превратившегося в *дверь «окна»*, Владимир и его напарник Анатолий бросились на сторожей. А сэр Ричард, считая, что его личное присутствие при вполне ординарном деле не требуется, бесшумно скользнул в глубину коридора.

Но что-то у специалистов не заладилось. Расслабились слишком, по незначительности задачи.

Владимир *своего* в прихожей вырубил сразу, стандартным тычком автоматного ствола в подклюичную ямку, а Анатолию не повезло. Похоже, второй охранник имел сравнимую с ним, а то и более высокую квалификацию. Обернувшись на шум быстрее, чем офицер успел преодолеть разделяющие их пять шагов, он не рванулся к оружию, сразу поняв, что не успеет.

Швырнул навстречу неизвестно откуда взявшемуся противнику стоявший на подоконнике терракотовый горшок с геранью и попал не в голову, надежно защищенную шлемом, а в грудь. Свернувшись наподобие ежа, прокатился по полу, на пороге прихожей распрямился и

одновременной подсечкой под колено и ударом в солнечное сплетение возникшему в дверном проеме Владимиру расчистил себе путь.

Действуя по-прежнему нестандартно, он не стал прорываться на лестничную площадку, где ждала его помощь и где можно было поднять тревогу, блокировать налетчиков в квартире.

Исполняя свой долг или отработывая зарплату, принял в принципе единственно правильное решение. Только не учитывавшее *фактор X*, которым оказался *англичанин*. Да он ведь его и не видел.

На бегу выхватив пристроенный не за ремнем и не под мышкой, а в голенище короткого сапога пистолет, телохранитель метнулся вдоль коридора к комнате, в которой помещалось *охраняемое лицо* вместе с друзьями. Он знал, что все они вооружены, что двери здесь прочные и есть телефон. Вариант беспроигрышный и сулящий, кроме личного спасения, солидную премию от шефа.

Пару раз он выстрелил из абсолютно неудобного положения, мчась почти на четвереньках, не надеясь попасть, просто слегка придержать налетчиков, сбить им прицел.

Но уж больно длинный был в этой квартире коридор. Особенно когда каждую миллисекунду ждешь, что автоматные очереди начнут крестить его в два ствола, и деваться — некуда. Кроме как в такую близкую и одновременно недостижимо далекую дверь.

Но смерть пришла не сзади. Охранник ничего не успел понять и даже увидеть.

Он уже тянулся пальцами к бронзовой дверной ручке, когда удар тяжелого ботинка снизу вверх, под подбородок, отбросил его к стене. Для того чтобы уйти в заднее сальто, просто не хватило пространства.

Смотреть на результат Ричард даже не стал. Чего тут смотреть? Позвонок под названием «атлант», на который опирается основание черепа, вылетел со штатного

места, разорвав проходящий сквозь него спинной мозг. Пациент и выдохнуть в последний раз не успел.

Тут и помощники его подскочили. Горящие боевым азартом, но старательно прячущие глаза. Ну что им скажешь?

— Успокоились? Тогда вперед, ур-роды! Скажите спасибо анклу Дику...

Возражений не последовало. А могли ведь и обидеться, все ж таки тоже дворяне. Но здесь была другая схема отношений.

Разумеется, тащить пленных по лестницам, предварительно нейтрализовав посты внешней охраны, грузить в машину, везти по городу никто не собирался.

В очередной раз рискуя сотрясением реальности, Ричард, который в других кругах отзывался на имя Александр Иванович, а кое для кого был просто Сашкой, снова включил межпространственный переход. Попутно посетовав о тех буколических временах, когда он с соратниками безмятежно скакал сквозь пространство-время в режиме нон-стоп, наподобие героев «Фантастической саги» Гаррисона.

Так ведь молодежь всегда безмятежно беспечна. Жареный петух представляется не более чем туманной абстракцией. И без страха пьется в неограниченных количествах портвейн номер тринадцать в студенческом общежитии, бывает и до утра громоздятся горы окурков дешевых сигарет в консервных банках. Но мало кто рискнет повторять подобные подвиги, выйдя из кардиологической клиники после второго инфаркта...

Перед тем как ввести пленников на свою базу, с ними проделали давно отработанные процедуры дезориентации, так что в результате должно было сложиться впечатление, что их просто перевели в другое помещение этого же дома, только несколькими этажами ниже.

А за собой оставили классическую ситуацию *запертой комнаты*.

Начинать сэр Ричард решил с Лубенцова, резидента *Интернационала* в Москве. Остальные в настоящее время для него практического интереса не представляли. Люди, конечно, солидные, с положением и связями, ведущие каждый свое направление, в зависимости от личных склонностей и возможностей, предоставляемых должностным положением. Но — что от них потребуется, скажут и Анатолию с Володей, ибо «уже сломались они в сердце своем»¹.

В знак уважения к рангу Семена Лукича велено было препроводить его в хозяйский кабинет и немедленно снять мешок с головы и наручники. Дать время осмотреться, прийти в себя. Подготовить линию поведения, исходя из его собственных представлений, в чьи руки он попал.

Судя по тому, что за игрой несколько раз поминалось имя Чекменева, именно его, или одного из ближайших соратников генерала господин Лубенцов и ожидает увидеть. Значит, надо его удивить.

А как раз это, наряду со многими другими вещами, Александр Иванович умел делать в совершенстве. Тут главное — не торопиться.

Переодевшись в неброский, но элегантный костюм, сшитый в одном из знаменитых лондонских ателье, никак не представившись, он со скупающим лицом выслушал набор стандартных протестов по поводу вторжения в частную квартиру, ссылки на собственное высокое положение и еще более высокопоставленных друзей и покровителей.

Покивал, сообщил, что и сам считает заключение людей под стражу величайшим злом, хотя, увы, до сих пор необходимым. Но ведь разве сейчас речь идет о заключении? Нет, нет и нет. Это просто такой, не совсем, мо-

¹ Что-то из Библии.

жет быть, джентльменский способ обеспечить условия для откровенного разговора. По душам. Не случайно ведь никто никого не бил, не швырял с размаху в тюремный фургон, не заточал в смрадное узилище. Окружающая нас обстановка вполне комильфо, вы не находите? Ну а наручники... А что наручники? Не более чем общепринятый способ избавить человека от неприятностей, которые он может на себя навлечь, проявляя неумеренную двигательную активность.

— Ведь согласитесь, при попытке пригласить вас приватно пообщаться каким-то иным способом, вы непременно бы насторожились, начали связываться со своими хозяевами, постарались обеспечить мощное силовое прикрытие...

При этом Александр Иванович ни за что не извинялся, не обещал немедленно устранить возникшее недоразумение. В обмен на откровенность, разумеется.

Просто задал несколько лобовых вопросов, свидетельствующих о глубоком знании предмета. В том числе каким именно способом осуществлялось внедрение в мозг террористов нужной программы и дальнейший контроль за их поведением. И предусмотрено ли, в случае необходимости, ее бесследное снятие?

Ожидаемые ответы отмел легким движением щеки и брови. Не изменяя тональности, попросил назвать место, куда планировалось отвезти захваченного князя и кто с ним должен был продолжить работу. Лубенцов вновь заявил, что не понимает, о чем идет речь.

— Вот ведь в чем подлость ситуации, Семен Лукич, весь ваш сегодняшний разговор записан, пленку я готов прокрутить и вам, и вашим сотрудникам, после чего начать спрашивать о смысле и содержании каждой произнесенной фразы отдельно, с применением всех используемых в таких случаях средств. В режиме очной ставки. Причем совершенно как в преферансе на распасах, сидящий на третьей руке будет иметь ощутимые пре-

имущества. Но вы-то все время будете на первой. Так как?

— Выпить чего-нибудь можно? И закурить?

— Это как водится. Не звери же мы какие, обеспечим. Чего желаете?

Верный слуга Джо Кеннеди, названный так в честь лакея доктора Фергюссона из романа «Пять недель на воздушном шаре», вкатил сервировочный столик.

Дав время собеседнику подкрепить слабеющие душевные силы, а заодно подумать о своем печальном положении, Александр Иванович, за компанию употребив рюмку коньяку и высосав дольку лимона, неожиданно широко и дружелюбно улыбнулся.

— Что вам сказать, милейший Семен Лукич, в определенном смысле вы испытание выдержали. Держались почти до упора. Говорить-то вы в любом бы случае начали, я лично не знаю людей, которые способны выдерживать допрос третьей, не говоря о четвертой степени. Но вы старались. Это — зачтется. Ваши соратники, ставлю вас в известность, уже поют на три голоса, выкладывая все, о чем спрашивают, и многое сверх того...

— Откуда вы знаете?

— А вот, прошу...

Он вытащил из левого уха телесного цвета капсулу, как раз по размеру слухового прохода. Протянул Лубенцову. Тот услышал слабый, как комариный писк, но отчетливый голос банкира Андрея Платоновича, признающегося, кающегося, обещающего всякое возможное содействие следствию.

— Но суть не в этом. Такая вот фраза вам о чем-либо говорит?

И произнес пароль, означающий, что владелец его принадлежит к персонам высшего круга посвящения, для которых региональный резидент ненамного значительней приказчика табачной лавки.

— Сидите, сидите, Семен Лукич, я этого не люблю. Подведем итоги. Основное задание вы провалили, со-

трудников подбирать не умеете, даже собственную безопасность обеспечить не в силах. В таком случае инспектирующий ставит на личном деле проверяемого пометку — «Списать» и, как любила говорить Шехерезада: «Вот все об этом человеке».

Выдержал паузу должной продолжительности, с удовольствием наблюдая, как лоб испытуемого покрывается бисерным потом. А что их жалеть, недоумков?

— Но у меня, на ваше счастье, иные принципы и иные, гораздо более широкие взгляды. Посему — давайте-ка все, что есть, по варианту *Югифь*. Может быть, это несколько поправит ваши шансы.

Да, кстати, я ведь до сих пор для вас инкогнито. Упустил. Наверное, от волнения. Меня зовут сэр Ричард. Ричард Мэллони. Если бывали у нас в Лондоне, наверное, слышали. Как вы поняли, я вправе решать судьбу любого человека, имевшего неосторожность (или счастье) вступить в ряды нашей организации. Как в ту, так и в другую сторону. Независимо от вашего формального статуса вы все для меня только солдаты. Пехота. *Расходной материал*...

— Ничего подобного никто мне не говорил. Напротив... — подал голос Лубенцов.

— Да кто ж вам скажет? Когда вербуют *столь значительную персону*, речь всегда идет только о грядущих благах, карьерном росте, деньгах, славе и прочих приятностях. Причем обычно все это оказывается правдой. Но не *всей правдой*. А вся становится известна в некий *момент истины*. Для вас он, кажется, наступил.

Вы понимаете, истина — это не совсем то же самое, что правда. Так даже в философском словаре написано...

Любил Александр Иванович, хоть в российском обличье, хоть в британском, в самый серьезный, казалось бы, момент, потешиться словесными кружевами. Поскольку давным-давно заметил, что собеседников такого, как Лубенцов, типа это всегда нервирует, даже пугает.

— Истина же заключается в том, что, продавая соб-

ственную душу, дьяволу, мафии, госбезопасности — неважно, человек мгновенно теряет преимущества обладания бессмертной душой. Он уже не может гордо стать в позу, послать кого-то к черту, с достоинством взойти на костер. Раз и навсегда превращается в шестерку, пешку в чужой игре...

— Я не продавался, я просто на работу нанялся, разделяя цели организации... — пытаюсь сохранить остатки гонора, вскинул подбородок Лубенцов.

— Человек, имеющий твердые нравственные устои, активную, как одно время говорили, жизненную позицию, никогда не станет совершать преступления и подлости за деньги. Фанатик идеи всегда начинает свой путь бескорыстно. Потом он, конечно, может добиться и богатства, и положения, но все-таки для него первичен риск и самоотверженность, чего в вашем конкретном случае не наблюдается...

— Вы что, решили напоследок озаботиться моим нравственным возрождением? — криво усмехнулся Лубенцов, решив, что терять ему, и так и так, больше нечего.

— Ни в коей мере. Я не Христос, не Достоевский и не Лев Толстой. Я вас, как это принято говорить в определенных кругах, *опускаю*, чтобы вы впредь не питали иллюзий о своем истинном положении в карточной колоде, на шахматной доске или в тюремной камере. А условленные деньги вы получать будете по-прежнему. Разумеется, при правильном поведении. Тут мы не мелочимся.

Итак. Вы, наверное, догадываетесь, что в силу своего положения я прежде не имел ни желания, ни возможности вникать в детали того, что здесь у вас происходит. Не мой уровень. Но вот вдруг пришлось озаботиться именно деталями.

Поэтому про вариант *Югифь* — подробно. Замысел, разработка, обеспечение, ближайшая и последующая задачи. Фигуранты, способы прикрытия, завершение.

Желаєте немного подумать — ради бога. Пятнадцать

минут. Могу музыку завести. Хоть Чайковского, хоть Шопена. По вашему вкусу.

Старинный, с малахитовой облицовкой корпуса и позолоченной трубкой, телефонный аппарат на дальнем краю стола вдруг мелодично зазвонил.

— Я сейчас, — сказал Шульгин, утягивая аппарат на длинном проводе к широкому подоконнику. — А вы все равно думайте.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Что же это за Александр Иванович, встречи с которым Ляхов и его двойник ждали столь нетерпеливо, будто он немедленно мог разрешить все недоумения и сомнения, принести уверенность и душевный покой?

Что за загадочная фигура, вершащая свои дела на перекрестках времен? Ворвавшаяся неожиданно в мирный приют тихих заговорщиков да и еще славная многими сомнительными делами?

К моменту появления на борту парохода «Валгалла» в ореоле славы этакого *Бога из машины* он действительно прожил несколько лет, по преимуществу в Англии, в качестве сэра Говарда Грина. Влиятельного члена «Хантер клуба», где регулярно собирались руководители организации, именующей себя *Система*.

Он же под именем сэра Ричарда Мэллони входил в кружок ближайших друзей Уинстона Черчилля, герцога Мальборо, мечтающего *Систему* сокрушить и занять пост премьер-министра королевства Великобритания и Ирландия.

В иных странах (как правило, не слишком цивилизованных, где сокровища европейской литературы не являются настольными книгами) он любил предъявлять паспорта, где значился лордом Джоном Рокстоном, Эдмоном Дантесом, Гаруном Аликовичем Рашидовым, Воль-

фом Ларсеном, Герхардом фон Цвишеном¹ и тому подобное.

Отчего бы человеку, располагающему соответствующими возможностями, не отдать безобидную дань юношеским увлечениям и пристрастиям? Тем более что псевдонимы эти использовались им не просто так, не *от фонаря*, а исключительно в случаях, когда очередная роль требовала психологического, а то и портретного сходства с названными персонажами. Нет нужды упоминать, что он в совершенстве владел родными языками персон, за которых себя выдавал.

Со дня, когда по совершенно неотложной необходимости организационно оформился «Чрезвычайный комитет Службы охраны реальности»², Шульгин, в качестве одного из триумвиров, обосновался в Лондоне 1924 года. Там, где ткань реальности по стечению ряда причин выглядела опасно *погнившей*. Расползалась, проще сказать, как старое рядно, и сквозь прорехи проглядывали иные, тоже не слишком прочные миры.

Работа, которую он сам себе определил, казалась не такой уж сложной. «Поддержание максимально возможной стабильности, недопущение парадоксов и артефактов в пределах реальностей, доступных наблюдению и воздействию. Пресечение противоречащей этим целям деятельности как остальных членов СОР, так и прочих, естественных и потусторонних субъектов и сил ныне протекающего исторического процесса». Так значилось в секретной «Декларации о намерениях», принятой узким кружком «посвященных», объявившим себя «Чрезвычайным комитетом» (далее — ЧК) в рамках гораздо более многочисленной Службы.

Сама эта Декларация отнюдь не была направлена

¹ Герхард фон Цвишен, капитан цур Зее, один из героев романа Платова «Секретный фарватер». Остальные приведенные имена в специальном комментарии не нуждаются?

² См. роман «Время игры».

против кого-либо из близких соратников и не предполагала умаления их законных прав и интересов. Просто исторический опыт свидетельствовал, что никакое серьезное, тем более смертельно опасное дело невозможно в условиях *непосредственной демократии*. Всегда должен быть некто, способный в критический момент незамедлительно принять решительные, не подлежащие обсуждению меры.

Ну а триумвират — тоже испытанная временем форма предотвращения единоличной диктатуры. Особенно в том случае, если никто из триумвиров не преследует личных, своекорыстных целей.

И работал сэр Говард (он же — Ричард), нужно сказать, успешно.

Как и предполагалось, он сравнительно легко (с точки зрения своих реальных возможностей) сумел внедриться в организацию, именовавшуюся *Системой*, которая даже не осознанно, а на уровне некоего *коллективного подсознательного* стремилась к строго противоположным целям.

Ее членам представлялось жизненно необходимым любыми способами сокрушить то мироустройство, что сформировалось на Земле после тысяча девятьсот двадцатого года. Ненормальное, неестественное с точки зрения предыдущей двухсотлетней истории, всей логики *исторического материализма*. И в качестве программы-максимум замкнуть на себя контуры управления тогдашним цивилизованным миром. Этакий прообраз гипотетической *Мировой закулисы*.

Работу сэра Говарда или Ричарда сильно облегчало то, что, являясь одновременно влиятельным членом клуба *Старых империалистов*, не желающих допустить, чтобы роль вершителя мировой политики перешла от Альбиона к выскочкам-*транснационалам*, он мог координировать действия обеих своих ипостасей таким образом, что усилия одной организации вполне успешно

нейтрализовались действиями другой. И, наоборот, естественно.

Все это делало *основную должность* Александра Ивановича едва ли не синекурой. Лично для него индивидуальный риск всегда оставался минимальным, хотя и достаточным, чтобы держать себя в тонусе.

Подумаешь, постоянная возможность получить пулю в затылок или мину в автомобиль! Не зевай, и все будет в порядке.

Хуже другое — из-за некорректных, а то и злокозненных поступков других участников *Большой игры* (в которой реальности создавались и списывались в утиль с той же непринужденной легкостью, как дети разрушают песочные замки, чтобы тут же строить на их месте другие) ее правила становились все более расплывчатыми, а цена проигрыша — несоразмерной с возможным выигрышем.

Но в целом обстановка во всех подконтрольных Шульгину и ЧК мирах постепенно нормализовалась, и хотелось верить, что заключенный с *Игроками* договор о невмешательстве свою стабилизирующую роль сыграл.

И вдруг, примерно год назад (независимого времени), Шульгин уловил не просто дрожание мировой ткани, а прямо-таки беспорядочные ее рывки и толчки. Будто кто-то взялся вытряхивать пыль из ветхого одеяла. Такие вещи он умел чувствовать, примерно как собаки и кошки приближающееся землетрясение. Отчего и был избран на должность *смотрящего*.

Вопреки всем предостережениям и урокам он отважился, никого не поставив в известность, вновь погрузиться в *Великую сеть*. Невзирая на двадцатипятипроцентную вероятность, никогда больше оттуда не вынырнуть. По крайней мере — здесь, в том пузырьке континума, который согласился считать окончательным местом своего обитания.

Увиденное его поразило.

Если в прошлый раз найденный Узел показал ему

сложную, но по-своему логичную схему соотношения подлинных и псевдореальностей, перемычек и средостений между ними, то сейчас проекция выглядела на порядок сложнее. Однако способность ориентироваться в символах, графических и цветовых условных знаках Шульгин не утратил. Может быть, она даже несколько обострилась.

Главным было вот что. Неизвестно откуда взявшаяся, жирно окрашенная в неприятно *инфразимовый* цвет веретенообразная туманность одним своим полюсом наложила на Главную последовательность в районе 2004 года, другим дотянулась до 2055-го, на параллельном Оптимуме, как раз туда, где обосновалось их убежище, Форт Росс-3. Расплывчатые псевдоподии расплзлись по всему объему *Гиперкуба*, которому принадлежал Узел. словно бы срез раковой опухоли под микроскопом на занятиях по патологической анатомии.

И, как и в прошлый раз, неким *сверхзнанием* Шульгин легко понимал суть происходящего.

Если теперь суметь выскочить из горизонтов *Гиперсети*, да еще и сохранить память, он будет знать, что делать. И может быть, проблему в этот раз удастся решить радикально.

...Выбрался, память сохранил и немедленно созвал экстренное совещание триумвирата. Всех четверых. Такая вот получилась незатейливая реплика к известному знатокам произведению. А что поделать, если двое из членов Комитета считались как бы за одного. И иначе не получалось. Новиков и Ирина по отдельности работать не умели. А главное — смысла не видели.

По тревожному сигналу прибыли все. Из тех мест, где чувствовали себя наиболее комфортно, и в меру сил пытались удерживать на волнах мирового эфира странную конструкцию, напоминающую плот, наскоро собранный потерпевшими кораблекрушение из пустых бо-

чек, досок корабельной обшивки, обломков мачт и обрывков снастей. Держался на воде, плыл в нужном направлении и, пока не начался шторм, казался вполне надежным.

Шульгин изложил результат своих наблюдений и выводы.

Получалось так, что или охваченная тотальным раком Гиперреальность превратится в нечто совершенно новое, непонятное, в котором условий для привычной именно им жизни не будет, или следует предпринять серию решительных действий, сравнимую с радикальной хирургической операцией по поводу того же рака.

— Пациент, возможно, и умрет, но если выживет, точно жить будет! — вспомнил Сашка поговорку своих студенческих лет.

— Странно все это, — сказал Новиков. — Никак не сходится со всем предыдущим. Совершенно же определенным образом было установлено, что, если мы выйдем из Игры, все постепенно успокоится. Реальности зафиксированы, химеры рассосутся. Мы свою часть условий выполнили. Никто больше в Сеть не лазил, на Таорэру не летал, с Антоном не связывался? — Он вопросительно посмотрел на Шульгина и Сильвию. Таким образом молчаливо утверждая, что сам он никаких запрещенных действий не совершал.

В свою очередь, Сашка перевел взгляд на партнершу. За себя он тоже ручался, значит, если какая-то самодеятельность и была проявлена, так только ей, бывшей агтрианкой, а ныне леди Спенсер, ближайшей подругой и наперсницей леди Астор¹. В Гиперсеть она проникать не умела, но если в свое время подыгрывала Черному игроку, так вдруг опять взялась за старое?

С собой из тридцать восьмого года встретилась, вместе с Дайяной решила на пепелище выгоревшей реальности поковыряться?

¹ Леди Астор — неформальный лидер британских ультраконсерваторов в 30-е годы XX века.

— Зря вы на меня так смотрите. Все время забываєте, для меня, в отличие от вас, обратной дороги нет. Это вы — кандидаты в *Держатели*, а я — списанный инструмент. Как ты, Андрей, однажды выразился — всего лишь понижающий трансформатор между *Игроком* и вами. Александр знает, последние два года я веду исключительно личную жизнь, не отягощенную никакими сверхзадачами... Не там ищите!

— Пойдите, — вдруг вмешалась Ирина. — А я ведь, кажется, догадалась...

В отличие от своей бывшей начальницы, она отказалась от всех своих сверхъестественных умений и способностей намного раньше и окончательно. Ее в нарушении конвенции не мог заподозрить никто, даже и никому до конца не верившая Сильвия. Но ума-то и умения мыслить в рамках хоть человеческой, хоть аггрианской логики у нее никто не отобрал.

— Мы, ребята, попали в свою собственную ловушку. Нет, не *Ловушку Сознания*, а самую примитивную, на уровне детского мата. Ну, кто первый сообразит? — Лицо ее лучилось незамутненной, бескорыстной радостью. Как у перворазрядника, в сеансе одновременной игры действительно поставившего мат гроссмейстеру.

Первым хлопнул себя по лбу ладонью Новиков. Сказались совместно прожитые с Ириной годы.

— Да ведь и в самом деле! Мы же с тобой когда, Саш, договор с *Игроками* подписали? В две тысячи пятьдесят шестом, правильно. А твои возмущения в *Сети* начались на рубеже четвертого и пятого...

— Точнее — на рубеже третьего и пятого. Четвертый, формально считая, просто выпал. Он теперь — дырка на гобелене. В ней — то все и происходит. Остальное — верно. Молодец, Ириша. Выходит, строго говоря, никто ничего не нарушал. Мы сами виноваты. Пробой из двадцать первого в пятьдесят шестой учинили. Вольно, невольно — никто не спрашивает. Начали там себя вести как в подлинной реальности, чем ее и зафиксировали. А я потом в двадцать четвертый вернулся, вместе с

Ростокиным. И еще тут покуролесили. Вот и образовался *снежный мост над пропастью* между равноправными, но и взаимоисключающими реальностями. Наша — на базе *революционной* победы над красными в двадцатом, та — *эволюционного* перетекания от гражданской войны к парламентской демократии. А на практике...

— На практике одна не имеет адекватного ей продолжения, другая — начала. Вот и болтаются торчащие концы, как закрепленные с одной стороны доски. Хотя и касаются моментами друг друга, но мостом это не назовешь, — уточнил образ Новиков.

— И если *Игроки* решили вмешаться по нашу сторону *моста*, они совершенно в своем праве. До заключения договора еще целых пятьдесят лет. Любой третейский суд будет на их стороне. Лучше скажи, пожалуйста, Александр, ты видел более-менее четко обозначенное продолжение этой вот *магистральной*? — черкнула пальцем Сильвия по нарисованной Шульгиным схеме.

— Вот в этом главная причина, ради чего я вас собрал. Не просто очередной раз напугать...

— Хотя и это тоже, — негромко заметила Ирина.

— ... А получить санкцию на опасное дело. Очень опасное, — предпочел Сашка не услышать реплики, — примерно, как операция на мозге с завязанными глазами. При том, что другого выхода все равно нет. Кроме того, что я здесь нарисовал, просматривалась в Узле одна интересная штучка... — он взял карандаш, изобразил три штрих-пунктира. — Это, как я понял, некие гипотетические, существующие в *свернутом* состоянии мировые линии. И вот здесь существует возможность как бы срастить две тысячи пятый-дубль год с твоим, Андрей, пятьдесят шестым.

— То есть как? — Новиков тоже умел читать схемы, предлагаемые Гиперсетью, но в этот раз он ее своими глазами не видел, а представить эту сверхсложную, многомерную конструкцию по карандашному наброску — почти то же самое, что попытаться собрать работающий

телевизор по рисунку школьника, пусть и очень понимающего в радиоделе.

— Так получается. Работа ювелирная, конечно, и шансов немного, однако попытаться можно. Там просматривается своеобразный обходной путь. В новом две тысячи пятом имеется огромный такой потенциал, ну, как в туго скрученной пружине. И если его деликатно, под контролем выпустить, подправить кое-что кое-где, приблизительно на рубеже сорокового года линии сойдутся практически без шва.

— Это как раз там, где мой Суздаlev проявился?

— Выходит, что так. И то, что он вас с Ириной в *той* Москве вычислил и отловил, не знак ли это свыше? Я, конечно, понимаю, без потерь не обойдется. Бог знает, у скольких людей деформируется память, сами собой перепишутся миллионы книг и документов, еще что-то произойдет за тридцать пять лет, принципиально отсюда невообразимое, но схема показывает, что реальность образуется абсолютно подлинная...

— Самому бы сходить, еще раз посмотреть, с учетом всего вышесказанного, — со странной интонацией, всегда так пугающей Ирину, произнес Новиков.

— И не думай даже! — Ирина нервно вскочила, подошла к окну, будто надеясь в затянутом туманом парке найди непререкаемый довод против новиковской идеи. Постояла несколько секунд, покусывая губы. — Не думай даже, — повторила она. — Скорее всего, это очередная Ловушка, чтобы заманить туда именно тебя. Помнишь, что тебе *Игрок* сказал?

— Да не пойду я, не пойду, успокойся. Это у меня просто... Фигура речи. Ничего мне, конечно, нового не покажут. Сашка видел, и ладно. А если конкретно — что ты предлагаешь? — обратился он к Шульгину.

— Особенного — ничего. Главное, можно обойтись совершенно обычными методиками. Самим даже и рук почти не прикладывать. Ни к Сети, ни к здешнему континuumу. Уж не знаю, каким образом, а вся подготовительная работа без нас сделана. Перемычка 2003—2005-дубль

существует. Тамошняя реальность просматривается в интервале минус восемьдесят — плюс пятнадцать лет вполне отчетливо. Дальше несколько плывет, но реперные точки видны вплоть до сорокового. Неопределенность полного слияния линий всего процентов тридцать. То есть нужно просто...

— Как ребенка за ручку по бревнышку провести. — Сильвия улыбнулась одной из самых ядовитых своих улыбок. — То же самое, чем мы с Ириной у вас занимались. За что и подверглись заслуженному наказанию...

— Отнюдь не за это. До тех пор, пока вы с Антоном не заигрались, не начали пространство-время гнуть и коверкать, реальность наша вполне пристойно развивалась. И сейчас, если не хотим, чтобы здесь, как у вас на Таорэре, с двух концов сразу загорелось, нужно абсолютно ничего не трогать. Не вводить новых сущностей. Но и не позволить силовым путем нарушить именно сейчас формирующиеся естественные тенденции. Только помогать им окрепнуть. Отсекать нежелательные поступки людей человеческими же средствами.

Никаких больше заходов в будущее через прошлое, Лент Мебиуса, Бутылок Клейна¹, писем самому себе. И в Сеть больше не соваться... Не ребенка по бревнышку, а полк без потерь через минное поле провести. Беремся? — Шульгин всем своим видом показал, что обсуждение закончено. Да и нечего было больше обсуждать.

— Что нам еще остается? Беремся, конечно, — кивнул Новиков. Но чтобы соблюсти ритуал, осведомился: — Другие мнения есть?

— А как же будем отсюда туда ходить? — спросила Сильвия, тем самым подтверждая, что тоже принципиально согласна. — Новые каналы ведь пробивать запрещено?

— По старой схеме. По работающим связям и через Столешников. — Шульгин, созывая совещание, черно-

¹ Бутылка Клейна — трехмерный аналог ленты Мебиуса.

вой план действий уже продумал. Готовый к тому, чтобы действовать самостоятельно, если друзья его вдруг не поддержат. Все же за последнее время слишком разошлись их пути. — Раз шлюз столько лет действует в любую сторону, особых возмущений не вызывая, считаю его использование безопасным. Другого все равно нет. Но используем его только в пределах две тысячи пятых. Там зона перекрытия реальностей наиболее плотная. Дальше — ни-ни! Но это уже технические тонкости. Рад, что сошлись в главном...

Шульгин поднялся и широким жестом указал на винтовую лестницу в углу кабинета.

— Традиционный обед ждет вас, друзья. За столом обсудим распределение ролей.

Новиков словно невзначай, пропуская дам вперед, придержал его за рукав.

— Еще одно мне поясни. Какое-такое *расширение времени* в зоне наложения ты обозначил? Не совсем понимаю.

— Я — не больше твоего. Однако кажется мне, что впервые я наблюдал пресловутую *Ловушку* в ее физическом воплощении. До сих пор о них только жутковатые сказочки ходили. А тут — на тебе! Воочию. Или прогрессирую нечувствительно, или мне ее показали специально. Конечно, то, что я видел, — это только *футляр*. Что там внутри — бог весть. Но надеюсь разобраться...

— Не советую, гражданин, — привычно ответил Новиков цитатой, — съедят!

Но все это было почти год назад.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

На этот раз заседанием ЧК обойтись не удалось. Не только потому, что Ляхов с *Vagimom* невольно расшифровали проводимую Шульгиным операцию перед Воронцовым, и теперь ему полагалось дать подробный от-

чет всем членам *Андреевского Братства*. Проблема вступила в фазу, требующую привлечения всех наличных сил и средств.

Прошлый раз *Братство* в полном составе собиралось полгода назад, по Уставу, для проведения совместного двухнедельного отпуска. Независимо от индивидуальных планов, занятости, просто дурного настроения явка была строго обязательной. Как на диспансеризацию в организации с военной дисциплиной.

Такие сборища оставались единственным, по сути, способом поддержания внутреннего единства, системы общих ценностей коллектива, разбросанного вдоль тридцатилетнего отрезка трех переплетенных реальностей. И — сохранения элементарного душевного здоровья людей, вынужденных жить в *нечеловеческих* (с точки зрения обыденного сознания) условиях. Азимов в «Конце вечности» ввел очень верный термин — «одержимость временем». Она наступает, когда сотрудник вдруг начинает испытывать патологическую привязанность к определенной эпохе, в которой прожил слишком долго, и одновременно — ненависть к организации, пытающейся или просто способной что-то в ставшей родной реальности изменить.

Кое-какие признаки этой болезни Новиков заметил у своих друзей еще в крымский период их эпопеи. Всем подробно объяснил и предложил тактику лечения.

Для этого, в частности, и был построен поселок на берегу новозеландского фьорда, названный в память приключений на Валгалле и в знак преемственности традиций, Форт Росс. Не просто опорная база и убежище, но и санаторий. С девизом: «Уж если отдыхать, так от всего».

И отдыхали. Бродили по горам, рыбачили в открытом море и быстрых прозрачных речках, гоняли на швертботах и виндсерферах, охотились. Кто хотел — бесцельно валялся на коралловом пляже, лениво переворачиваясь под лучами теплого, но нежаркого солнца. Оно, конеч-

но, широта средиземноморских курортов, но слишком близко ледяной щит Антарктиды.

Обедали и ужинали за хлебосольным общим столом когда в многочисленных ресторанах «Валгаллы», когда, по погоде, в каминном зале замка. И говорили, говорили, делясь впечатлениями от *другой жизни*, идеями, планами. Спорили о *политиках* (не о личностях во множественном числе, а именно о разных политических действиях) и о дальнейших перспективах подконтрольных миров, вспоминали былые приключения.

Две недели, иногда больше, безмятежной жизни, совсем такой, как в первый год на Валгалле настоящей, или в Замке Антона.

Полученного заряда бодрости, оптимизма, общей для всех ауры обычно хватало на следующее полугодие. А кому становилось неважно раньше, могли приезжать сюда в любое время. По индивидуальному туру.

Но сейчас они съехались на уикенд отнюдь не развлекательный.

Левашов с Ларисой из советской нэповской Москвы, Берестин из Парижа, Басманов из белого Харькова, Шульгин с Анной из Лондона (тех же лет), Сильвия тоже из Лондона, но 1938 года, полковник Кирсанов, кажется, из веймарского Берлина. Новиков с Ириной и Ростокин с Аллой из Москвы-2056, и только Воронцов с Натальей и капитан Белли ниоткуда не приезжали, они и так жили в форте постоянно, отлучаясь лишь ситуативно. Им здесь нравилось больше всего.

Вадим и Ляхов в своих армейских камуфляжах выглядели в этом блестящем окружении несколько чужеродно. Но переодеваться в предложенные Дмитрием Сергеевичем партикулярные одежды дружно отказались. Из суеверия, что ли?

Ляхов к исходу первого вечера забеспокоился. Поручик Колосов его ждет, Розенцвейг неизвестно чем занимается, а в случае длительной отлучки непременно

поднимет тревогу, до Чекменева с Тархановым дойдет. Давай потом объяснения...

— Как раз это пусть вас совершенно не беспокоит, — утешил его Воронцов, услышав о проблеме. — Уж чего-чего, а вернуть вас непосредственно в точку и момент отправления, не возмущая мировых линий, наши умельцы могут. Технология отработана. Можно — с использованием вашего же прохода, можно поверху. По крайней мере, я очень на это надеюсь, — допустил он в конце осторожную оговорку.

Приняли их очень хорошо. Особенно *Вагима*. Ведь для большинства он был как бы младшим братцем, внезапно нашедшимся. Родился и жил в тогда еще Ленинграде, помнил советские названия улиц, вполне мог восьмилетним пацаном попасться Берестину с Ириной на Невском проспекте. Свой, одним словом.

Представления, необязательные разговоры в огромном зале, с бесшумными официантами, разносящими на подносах бокалы с шампанским. Вопросы, которые могли бы напоминать допрос и зондирование психики, если бы не компенсировались непритворной доброжелательностью и искренним участием. Ляхов в таких вещах разбирался.

Самое же главное — ему самому эти люди нравились. Тот достаточно редкий случай, когда можно разговаривать, не подбирая слов и не задумываясь, правильно ли тебя поймут. При том, что жизненный опыт, культура, объем информации у них был поразительно, несопоставимо разный.

Особенно же были хороши женщины. Все, хотя и каждая по-своему. Ляхову остро захотелось, чтобы здесь сейчас оказалась и Майя. Ей бы наверняка понравилось. А на кого из присутствующих дам она похожа больше всего? С кем быстрее всех подружилась бы? Ему захотелось, чтобы с Ириной. Однако вряд ли. По типу ей бли-

же Лариса, но Майя, пожалуй, добрее, помягче. У супруги Левашова слишком острый, оценивающий взгляд. И резкие движения.

После фуршета, длившегося минут сорок и преследовавшего целью плавно ввести гостей в компанию без лишних церемоний, все перешли в угловой обеденный зал с окнами от пола до потолка, выходящими на поселок, фьорд и лесистые склоны гор.

Очевидно, здесь застолье было лишь формой проведения деловых заседаний, потому что ели и пили гораздо меньше, чем говорили.

Корабельные стюарды, исполнявшие в замке роль официантов, вежливо и очень ловко рассадили Ляхова и его двойника достаточно далеко друг от друга. Очевидно, с какой-то целью. Сам Ляхов оказался между Ларисой Левашовой и Игорем Ростокиным.

Председательствующим и одновременно главным докладчиком выступил тот самый пресловутый и загадочный Александр Иванович.

На Ляхова он произвел сильное впечатление. Чем-то напоминал Чекменева, но только умением говорить убедительно и четко, отстаивать свою позицию и в конце концов подводить недавних оппонентов к солидарной позиции.

В остальном же он выглядел человеком простым, отнюдь не начальником и не диктатором, пересыпал речь шутками, часто недоступными постороннему человеку. И постоянно было видно: то, чем он вынужден заниматься, для него всего лишь неприятная, обременительная обязанность. Никакого удовольствия он от принятой на себя роли не испытывал. Но уж раз больше некому, пусть буду я...

Очень все это прозрачно читалось в его манере говорить, жестах, якобы случайных оговорках.

Одновременно Ляхов с острым профессиональным интересом наблюдал за поведением и реакцией на слова Шульгина остальных членов Братства. Положение, по

своей земной должности, и глубокая личная заинтересованность обязывали.

Все они, безусловно, тоже были сильными личностями, каждая в своем роде. Но, как он заметил, поднятая Александром Ивановичем проблема по-настоящему задевала далеко не всех.

При том, что сам Ляхов пока еще не успел как следует понять, какие именно отношения связывают мужчин и женщин этой странной компании, каково внутри сообщества распределение ролей. На такое дело, по-хорошему, дня три нужно, а то и пять.

Несколько человек явно воспринимали слова о *реальностях, ловушках сознания, межвременных мостах и развилках альтернатив* просто как набор неких ритуальных образов, приблизительно, как рассуждения отцов церкви о постулатах вероучения воспринимают рядовые верующие.

Он догадался, что это как раз люди, для которых родными являются времена 1924 года и им предшествующие. К ним безусловно относились четверо — Кирсанов, Басманов, Белли и, что странно, спутница самого Шульгина Анна. Они не принимали участия в обсуждении, не бросали реплик и не задавала вопросов. Если только речь не шла о чисто практических делах.

Сам Ляхов тоже (в отличие от *Вагима*) до сих пор имел о рассматриваемых проблемах самое смутное представление, однако в целом они лежали в русле системы его мировоззрения. Потому и слушал он с интересом, и слова Александра Ивановича не вызывали внутреннего протеста. Впрочем, только в своей «научной» части. Этическая составляющая по-прежнему казалась ему сомнительной.

И еще ему казалась интересной реакция на происходящее господина Ростоккина с его женщиной Аллой.

Тут, пожалуй, ситуация была обратная. По их лицам было видно, что они знают и понимают как бы даже не больше, чем сам Шульгин и его ближайшие единомыш-

ленники (как Ляхов успел вычислить), Новиков, Берестин, Левашов, Ирина, Сильвия.

Лариса и Наталья занимали, похоже, промежуточное положение в иерархии.

Кроме того, в лице Ростоккина читалась гораздо большая личная заинтересованность в исходе совещания.

В чем причина этого, Ляхов пока не понимал. Но аналогия напрашивалась, исходя из его опыта практической медицины. Всегда он мог определить, разговаривая с родственниками больного, кто искренне и глубоко переживает за судьбу пациента, а кто изображает заинтересованность просто потому, что так принято.

А Шульгин при этом говорил очень интересные вещи. Хотя больше половины сказанного Ляхов не понимал просто от незнания предыстории.

Широкими мазками он изобразил общую картину *международного положения Братства* с момента выхода из *Большой Игры*, которое он обозначил как вполне благоприятное, позволившее каждому из уважаемых членов Собрания на максимально выгодных условиях осуществлять собственную творческую деятельность и личную жизнь. И таковым оно могло бы оставаться неограниченно долго, особенно в свете того, что, избавленные от утомительного и отнимавшего много сил и времени противостояния с Держателями и их приспешниками, Андрей, Ирина и примкнувшие к ним Игорь с Аллой...

В этом месте неизменно сдержанный Берестин хмыкнул, еще несколько человек поддержали его улыбками, и даже *Vagim*. Ляхов же комизма ситуации не понял.

— Не вижу ничего смешного. В свое время люди умели точно выражаться. Именно что *примкнувшие* на определенном этапе Игорь с Аллой добились впечатляющих успехов на пути к достижению едва ли не неограниченного продления нашего с вами физического существования...

— Это еще кто к кому примкнул, — прозвучал голос

с дальнего конца стола. Ляхов не успел заметить, кому он принадлежал.

— Данный выпад мы отмечаем, как неорганизованный, — слегка дрогнул губами Шульгин, сохраняя впрочем серьезность, — потому что первыми реальными плодами названного процесса мы с вами пользовались задолго до того, как Игорь к нам... ну, ладно, присоединился и вместе с Аллой указал еще одно направление. Все удовлетворены? Тогда продолжим.

Продолжая, Александр Иванович доходчиво изложил ход событий, последовавших после небывалого в новейшей истории *потрясения основ*. То есть необъяснимого и невозможного в рамках принятой нами парадигмы возникновения совершенно новой реальности, никак из уже известных не вытекающей...

— Или проявления... — вставил с места Левашов.

— Да, или проявления, потому что присутствующий здесь господин полковник Половцев существует гораздо дольше, чем родная ему реальность заявила о своем существовании...

Все, будто в первый раз видят, посмотрели на Ляхова, и ему пришлось, будто японцу, сидя поклониться.

Затем Шульгин рассказал, каким именно образом он наблюдал *новообразование*, какие экстренные меры принял без санкции сообщества и почему именно счел себя обязанным это сделать.

— Знаете, братцы, долго размышляя над итогами моего, может быть, и неразумного проникновения в астрал, совершенно в частном порядке связавшись с профессором Удолиным, а также проконсультировавшись с Андреем (потому что, кроме нас троих, туда никто больше не ходил), я пришел к выводу...

— А почему на прошлом собрании ты никому больше ничего не сказал? — первой нарушив негласную договоренность за столом не курить, подожгла сигарету и несколько раз подряд затянулась Лариса. — Опять сталинские методы, что ли?

— На прошлом собрании говорить было просто нечего, — с великолепным самообладанием отреагировал на очередной выпад Шульгин. — Кроме самого факта возмущения континуума, я сам ничего не знал. А если бы и даже... Мне что, в Москву бежать, именно у тебя совета спрашивать? Ну, вот сейчас если спрошу, на том же объеме информации ты что предлагаешь делать?

— Дело не в рекомендации, дело в узурпации...

Шульгин, ничего более не сказав, пересел на пустующий стул за правым от председательского углом стола, залпом выпил давно налитую официантом рюмку, подцепил вилкой приличный кусок осьминога под острым соусом.

Ляхов понял, что это опять проявление каких-то старых разногласий внутри ядра Братства, но смысл конфликта был ему непонятен. Как и термин *сталинские методы*.

Новиков постучал вилкой по краю тарелки.

— До завершения доклада регламент нарушать не следует. Независимо от вескости причин. А тебе, Лариса, никто не мешает хоть ежедневно бывать в Лондоне и лично контролировать Сашкину деятельность. Как и в любом другом месте по твоему выбору...

И неожиданным образом одернул свою подругу спокойный до меланхоличности Левашов:

— Помолчи, хорошо? Там, где ты ничего не можешь, ты ничего не должна хотеть.

— Кстати, а где сам Константин Васильевич, почему его не пригласили? — спросил Ростокин, чтобы разрядить напряжение.

— Запой, — коротко ответил Новиков.

— Трудно было вывести?

— Во время этого мероприятия он так умело прячется, что хрен найдешь...

Закусив, Александр Иванович как ни в чем не бывало вернулся на свое место и продолжил доклад с прерванного места:

— Я пришел к выводу, что мы впервые в жизни наблюдаем *Ловушку сознания* во всей ее грозной красе. Последний раз побывав в Замке с Удолиным, я едва-едва избежал ее благосклонного внимания. Равно как и наш друг и коллега Игорь, в полной мере насладившийся предоставленными *Ловушкой* вариантами собственной биографии, но тоже нашедший в себе силы вернуться...

Судя по выражению лица красавца Ростокина, ему этот намек удовольствия не доставил.

— А сейчас здесь присутствует еще один наш новый товарищ, которому судьба предоставила возможность внутри *Ловушки* родиться, вырасти, достичь значительных постов...

Он указал на Ляхова широким адвокатским жестом. Последовало всеобщее смятение.

Тот, само собой, не понял, о чем речь. Термин *Ловушка сознания* он слышал неоднократно, но представлял их себе чем-то вроде мин-ловушек, которые оставляет противник на поле боя, чтобы напоследок доставить победителю бессмысленные, но кому-то абстрактно греющие душу неприятности.

Здесь же речь шла о совершенно другом.

— Наш молодой коллега действительно уроженец псевдореальности, созданной, как мы сумели догадаться, с единственной целью. В корне отсечь возможность нормального существования нашей реальности 2056-го и тем самым полностью загнать в тупик и ныне существующие.

Он щелкнул пальцами, и на возникшем за его спиной экране появилась старательно исполненная с применением компьютерной графики пространственная геометрическая конструкция. С помощью небольшого пульта управления разворачивая ее вдоль осей симметрии, выделяя и укрупняя отдельные участки, Александр Иванович начал давать пояснения.

Вначале Ляхову подумалось, что делается это в основном для них, гостей, однако и все присутствующие

слушали и смотрели с живым интересом. Как собравшиеся в сельском клубе фермеры выступление заезжего столичного лектора.

Вскоре он понял почему.

— За последнее время в картине Узла произошли серьезные деформации. Представляющие не только академический интерес.

Вот ответвления тридцать восьмого и сорок первого года, мое и новиково-воронцовское. До сих пор мы представляли, что, поскольку мощность воздействия не превысила порогового значения, все вызванные вмешательством искривления и парадоксы постепенно рассосутся, и все вернется на круги своя. Как это произошло с развилкой шестьдесят шестого — восемьдесят четвертого. Однако так не случилось. Обе возникшие реальности продолжают существование, и, судя по интенсивности свечения, они вполне жизнеспособны...

— Как же это может быть, если, судя по схеме, они обрублены в точках прекращения вмешательства? — тоном недопонявшей объяснения учителя отличницы спросила самая здесь спокойная и неброская женщина, сидевшая напротив Ляхова.

— Знал бы, Наташа, обязательно бы сказал. Тут видишь какая хохмочка имеет место... Такое впечатление, что *внутреннее время* там остановилось.

Помнишь момент ухода Андрея с Алексеем из сорок первого? Вот так все и замерло, будто кинолентку остановили. Что-то похожее и в тридцать восьмом. Но с некоторыми отличиями, потому что какие-то следы моей матрицы продолжают работать... И время там движется, хотя и очень медленно. Ползет. Видимо, потому, что результаты моего вмешательства до сих пор не вышли за пределы Москвы и на остальной мир влияния практически не оказали. Впрочем, это тема отдельных исследований. Желающие могут заняться. Нас же сейчас должно волновать совсем не это.

Как видите, реальность двадцать один и тридцать во-

семь-дубль пока функционируют в стабильном режиме и могут считаться вполне жизнеспособными. Если не произойдет очередного катаклизма. Точно так же жива-здора наша родная *Главная последовательность*, но вход в нее раньше 1991 года по-прежнему *аусгешлессен*...

Но вот и все приятные новости. Дальше — хуже. Извольте полюбоваться, — он указал даже на вид неприятную, не геометрическую, а скорее биологическую структуру, перекрывающую зону 2003—2005 годов сразу на трех мировых линиях.

— Вот это она самая и есть, — с некоторым даже удовольствием в голосе сообщил Шульгин. — Впервые наблюдаемая извне. Точнее, не сама Ловушка, а как бы ее футляр, или, еще точнее, внешняя сторона пленки *поверхностного натяжения*.

— Натяжения — чего? — поинтересовался Ростокин.

— Как я понимаю, локального времени и всего пакета придуманных нам на погибель псевдореальностей. И внутри ее прячется, скорее всего, своеобразная спираль, вроде ДНК, на которой записана программа реформатирования всего Узла целиком. В крайнем пределе это может привести не только к отсечению нашего пятьдесят шестого, но и стиранию означенного веера, — Шульгин показал пучок освоенных Братством реальностей. — Целиком, — повторил он для большей убедительности. — С большой долей вероятности можно предположить, что обрежет вот так, ровненько по лето восемьдесят третьего, когда Ирина первый раз послала Алексея за развилку. Или даже так, — световой указкой он черкнул по выделенной, ярко мерцающей точке с обозначением «1976». — Это момент встречи Ирины с Андреем на мосту...

— Ну да, ну да, — со странным в данной ситуации энтузиазмом поддержал Шульгина Левашов. — Это очень даже вероятно и по-своему логично. Особенно в свете последнего разговора Андрея с *Игроком*. Тот ведь сказал, что мы им испортили великолепную партию. И они

больше играть не хотят. По крайней мере — здесь и с нами.

— И сказали они это с учетом событий пятьдесят шестого года, — подчеркнул Новиков. — Сказали, а потом передумали, зачем, мол, прерывать партию с таким великолепным дебютом? Отсчитали по своим записям нужное число ходов назад и решили, что вот с такого-то, если вместо защиты Филидора попробовать староиндийскую...

— А *гамбит бубновой дамы* считать не имевшим места, — кивнул Шульгин.

Ветераны *старой Гвардии* дружно взглянули на Ирину, а она опустила глаза.

Ляхов не понял, что здесь имелось в виду, но факт, очевидно, чрезвычайно существенный.

— И что это будет означать на наглядных примерах? — спросил бывший белый офицер Басманов. — Вы для нас, необразованных, на пальцах объясните.

— Да очень просто. Расставят нас всех в *исходную позицию*. Мы вернемся в спокойный и тихий семьдесят шестой год, вы — на скамейку в Стамбуле, Павел Васильевич — в деникинскую контрразведку, Аня — в мамин домик, Владимир — в свою гардемаринскую роту. И ни у кого не останется ни малейших *воспоминаний о будущем*. Грубо говоря, мы все, нынешние, просто умрем, да и все. А Игорь с Аллой даже и не родятся.

— Подожди, Саша, — как ни в чем не бывало, словно ее совершенно не взволновала предложенная перспектива и не было предыдущего резкого выпада, обратилась к Шульгину Лариса, — но ведь *Ловушка* — это как бы абсолютно самостоятельное явление, живущее по своей собственной программе, запущенное в *Сеть* еще при ее создании. Так, по крайней мере, объяснял нам Удолин... Она не подвластна никому, и заставить ее делать нечто *осмысленное*...

— Разве это факт? Всего лишь одна из гипотез. Кроме того, разве *Игроки* не могли просто использовать под-

ходящую *Ловушку* в собственных целях? Как, скажем, бросить щуку в садок с золотыми рыбками. Ей ведь ничего специально объяснять не придется...

Извинившись, он достал сигареты.

— Не могу терпеть, мозгам допинг требуется...

— Ради такого случая, пожалуй, можно отступить от правил, — поддержал его Берестин, и почти все дружно защелкали крышками удивительно похожих друг на друга золотых портсигаров. Ляхов обратил внимание, что отличаются они в основном размерами и цветом украшающих драгоценных камней.

— Я сейчас заканчиваю, немного уже осталось, — пообещал Александр Иванович. — Как известно, для любого из нас попытка проникнуть внутрь *Ловушки* смертельно опасна, грозит быстрым и полным развоплощением. Каким образом из нее ускользнул Игорь, до сих пор не вполне понятно. Скорее всего, кто-то из *Игроков* помог. Я на такую везуху рассчитывать не мог, потому и не полез. Но снаружи на *Ловушку* воздействовать тоже абсолютно невозможно. По крайней мере, мы еще не научились. То есть получается как бы тупик. Однако, — Шульгин значительно поднял палец, — вы все помните изящную шутку насчет хитрой жабы и маленького хруща с винтом. Попросту говоря, нечеловеческим усилием разума и воли я эту теорему Ферма вроде бы решил. Если нельзя войти внутрь ловушки и попортить ее извне тоже, остается третий путь.

Разыскать в ней самой этакое бактериофага и активизировать. Пусть выедает ее изнутри...

Ляхов понял, что речь идет о нем, и приведенное Шульгиным, коллегой доктором, сравнение ему активно не понравилось. Но он решил пока промолчать, еще послушать. Не на его уровне идет разговор.

— Как я уже имел удовольствие сообщить, господин Ляхов, он же иногда Половцев, является полноправным гражданином *внутриловушечной реальности 2005-2*, и жил он там вполне нормально, никаким образом не

считая свой мир *не таким*. Пока не нашелся там аналог *нашего* Удолина, технократической, впрочем, направленности. И сам, а может, с подачи наших или других самостоятельных *Игроков*, учинил деформацию, перемкнувшую ту реальность с нашей, представителем которой является другой господин, вернее, товарищ Ляхов, тоже Вадим, и тоже военный доктор...

— Подожди Саша, — вмешался Левашов, — но с чего ты взял, что этот господин Ляхов — непременно обитатель *Ловушки*? А не просто очередного симулякра¹, отслоившегося под воздействием *деформации* от ствола вполне нормальной реальности 2056-го? Я бы этого не исключал.

— Твоя гипотеза не объясняет статистически совершенно невозможного совпадения личностей и деталей биографий наших гостей.

— Свободно, — не сдавался Левашов. — Вполне корректно предположить, что только и именно это является признаком деятельности *Ловушки*. Другое дело, я сейчас не могу объяснить цель подобного дублирования. А смысл появления ее самой — создание альтернативы ростовкинскому, да теперь уже и нашему две тысячи пятьдесят шестому. Все приключения Игоря с Аллой и Андрея с Ириной, история с господином Суздалевым и его соратниками очень хорошо укладываются в схему. Кому-то очень не нравится существование *того* мира.

Не случайно Игроки предложили свернуть партию сразу после того, как Андрей начал работать на *криптократов*. Отчего не допустить, что для них предпочтительнее мир господина Ляхова-Половцева? Извини, что я тебя перебил. Резюмируй, какое решение принял ты!

— Да я уже почти все и сказал. Подумав, проанализировав, а точнее сказать, помедитировав в нижнем уровне *астрала*, я пришел к выводу — с *Ловушкой* нужно бороться ее же оружием. То есть подкинуть ей нерешае-

¹ С и м у л я к р — копия несуществующего оригинала.

мую в рамках заданной ей программы задачу. Замкнуть контуры накоротко. Конечно, придется рискнуть. Но если мы войдем в *Сеть* сразу втроем, я, Андрей и Удолин, должны справиться.

Черт возьми, если мы действительно *кандидаты в хранители*, что нам стоит заставить *Ловушку* работать на нас? Я даже знаю, кажется, какую феньку ей надо подбросить, чтобы она сама начала загибать линию вот сюда, — он указал точку на рубеже 2039 и 2040 годов. — И тогда пятьдесят шестой обретет окончательную стабильность. Наш же удвоенный Вадим Петрович постоянно будет отслеживать и корректировать процесс изнутри. Одновременно в роли Антона и Сильвии.

Все заулыбались, очевидно, план понравился всем. Сулящий не только спасение, но и много новой, интересной и увлекательной работы. А то ведь действительно, последнее время слишком многие члены Братства жили как бы по инерции.

— А тебя не тревожит, что наша с Антоном деятельность привела... не к самым утешительным результатам? — не в виде протеста, а скорее в шутку спросила Сильвия.

Шульгин тем не менее ответил серьезно:

— Абсолютно не тревожит. Прежде всего вы постоянно работали враздрай, не столько настоящее дело делали, как другому ходы забивали. Доминошники хреновы! Опять же, конкретной и конечной цели не было ни у тебя, ни у него. А здесь все наоборот. Вон Дмитрий скажет — есть карты, компас, известна точка randevu. Очень сложно дойти?

— Бывает, что и сложно. Однако я обычно доходил... Только хотелось бы знать, где гарантия, что миры как состыковались, так и расстыкуются, и что при этом будет со всеми нами?

— Гарантия есть, — выбросил Шульгин на стол последний козырь. — Наши новые друзья отыскиали стационарный переход из своего мира прямо вот сюда, —

он указал в окно, на тот отрог хребта, где между камнями скрывалось устье пещеры. Завтра пойдем его исследовать и снимать характеристики. А пока предлагаю обратить благосклонное внимание на обед, который для нас приготовлен. Боюсь, что он уже несколько перестоялся на плите.

— Только давайте решим еще один, организационный вопрос, — предложил Новиков. — Думаю, никто не будет возражать против предложения принять наших новых друзей кандидатами в члены Братства?

Ответом было всеобщее одобрение, частично словесное, частично выразившееся в обращенных к неофитам улыбках и дружелюбных кивках, а от рядом сидевшего Ростокина Ляхов получил даже крепкое рукопожатие.

И *Vagum второй*, не скрывая радости, сделал значительное лицо. Это ведь две большие разницы — агент на зарплате или полноправный член могущественной организации, повелевающей мирами.

Ляхов вспомнил про почти такое же дело с *Пересветами* и вдруг, сам от себя этого не ожидая, сказал:

— А если я не хочу? Вы можете делать все, что вам угодно, как угодно объяснять, но я в этом участвовать не хочу. Ни в каком качестве.

Увидел изумленные глаза *Vagума*.

Еще до того, как последовала реакция *старших* членов Братства, его нежно взяла под локоть рядом сидевшая дама, та самая Лариса.

— Юноша, кто же вас спрашивает? — спросила на вид двадцатипятилетняя девушка тридцатилетнего полковника.

На самом деле его спрашивали.

Вечер получился очень длинный, в течение которого хозяева, за исключением Ларисы, отнесшиеся к его заявлению с полным пониманием, пытались, каждый для

себя и в меру собственных представлений, выяснить причину столь категорического неприятия.

Само собой, первым, кто увлек его в уютное, подходящее для выяснения отношений помещение, был *Vadim*.

— Ты что, совсем идиот или как? — вопрошал он на правах близкого родственника. — Такие предложения делаются одному из ста миллионов, и далеко не каждый год. Что тебе еще надо? Повелевать царицею морскою?

— Да ничего мне не надо, — отбивался Ляхов. — Просто не желаю я, чтобы меня использовали. Кто угодно и в любых целях, пусть и самых благородных. Присягу я давал общеармейскую плюс согласился принять флигель-адъютантство. И для меня достаточно. Не могу же я теперь в свите князя состоять, а выполнять приказы совсем других людей!

Заявить, что эти слова — признак догматизма и интеллектуальной отсталости — *Vadim* не решился, если даже думал именно так. А что ему помешало? Наверное, уважение к самому себе, в своей, так сказать, *улучшенной реинкарнации*.

Были бы другие обстоятельства, и он, скорее всего, предпочел бы честь выгоде. Но у него таких возможностей в его реальности, увы, не имелось. Подлостей он тоже не совершал, служил как привык, и тем не менее...

— Ладно, поступай как знаешь. На меня в любом случае можешь рассчитывать...

Общей для них обоих манерой закинул руки за спину, твердой походкой отошел к окну, но уже там закурил излишне нервно.

Понятное дело, раздрай внутри собственной личности.

Ростокин, гораздо более близкий по менталитету и сроку службы член Братства, долго и убедительно разъяснял Ляхову, что личная текущая реальность мало имеет точек соприкосновения с Всеобщей. Рассказал о собственном опыте 2055—2056 годов, 1924-го и некоторых других.

— Понимаешь, главное ведь не те или иные частные *правды*, которые по ограниченности нашего опыта кажутся единственно возможными и ценными. Главное — *высшая истина* в ее самых разнообразных проявлениях. Я впервые попал в стихию той Гражданской войны, о которой в книжках не писалось. Очень многое понял. Милейшие люди, которым в других обстоятельствах цены бы не было, в борьбе за идею превращались в гнусных подонков. А те, кто вроде бы, по формальной оценке их поступков, вроде нашего Паши Кирсанова, считались кровавыми прислужниками исторически обреченного режима, оказались гуманистами высшей пробы.

Очень это, знаешь ли, трудно — взять грех на душу. Поставить к стенке сотню *возвышенных идеалистов* ради того, чтобы миллионы ничем не примечательных людей могли продолжить свое *никчемное* существование. Да вот давай, прямо завтра, — оживился Ростокин, — я тебя буквально на пару часов сопровожу в мой любимый год, просто по улицам прогуляемся, потом на столыко же — в двадцать четвертый, в ту же Москву, сам все сравнишь и подумаешь. Главное — не спешить с окончательными решениями.

После чего, усадив его за столик рядом со своей подругой Аллой, доверительно предложил:

— А ты меня к твоим покойникам проводишь. У нас собственный опыт общения с ними есть. Вот и сравним, какие — настоящие, что у них общего, а что — разное.

К величайшему удивлению Ляхова, именно те люди, которых (как он думал) его согласие или несогласие вступить в Братство должно было занимать больше всего, отнеслись к этому с полным, даже оскорбительным равнодушием.

Ни Шульгин, ни Новиков, ни Воронцов, к которому он испытывал наибольшую симпатию, к нему даже не подошли после окончания застолья.

С точки зрения психолога он мог бы подумать, что это просто такой рассчитанный ход, сначала легкая арт-подготовка, а уже потом вступят в действие главные силы.

Но нет. Прошли все разумные для эффектно выдержанной паузы сроки — и ничего.

Наконец в зале остались только он с *Вагимом*, Белли, Басманов, Кирсанов. Уроженцы XIX века, не забывая себе голову высокими материями, уселись за покер при свечах, более не ограничиваясь свыше навязанной сдержанностью в употреблении спиртных напитков и ненормативной лексики. Выложили перед собой столбики золотых червонцев в банковской упаковке. Сдали карты.

Двойник предложил переместиться подальше, за плотную бархатную портьеру, отделяющую лоджию от общего помещения. Еще о чем-то поговорить хотел или просто выпить на прощание, до упора, или как получится.

И вот тут к ним вошел Шульгин.

Сбросивший пиджак, расстегнувший две верхние пуговицы рубашки, с несколько растрепанной шевелюрой. Совсем свой, простецкий парень, на вид — весьма нетрезвый. И все равно выглядящий по сравнению с ними, вроде бы опытными тридцатилетними мужчинами, вдвое, а то и втрое старшим. Умудренным неведомыми им жизненными коллизиями.

— Обо всем поговорили? — спросил он с доброй улыбкой, наливая себе из первой попавшейся под руку бутылки. — Не договорились?

Вагим, как-то потерявшись под прозрачным взглядом куратора, сделал слабый отрицающий жест.

— Ну и правильно. Уважаю, полковник. Убеждения — это самое главное. За них и помереть не жалко. Но жить — все равно лучше. Хочешь — маленькая задачка?

Ляхов, чувствуя, что сейчас его *поймают*, промолчал и даже отвернулся к окну, за которым в полную силу сияли южные звезды.

— Проект *Югифь* — не слышал?

Ляхов мотнул головой.

— Ну, вы там, может, атеисты покруче нас, однако Библию иногда листать надо. Суть же вот в чем. Подругу твоего верного дружка Тарханова запрограммировали

так, что в любую минуту она или грохнет вашего Великого князя, из пистолета, или булавкой в основание черепа, или *совершит* его совершенно непредсказуемым образом. Главная беда — до сих пор не знаю, кто такую пакость придумал, каким способом девушку зомбировал и когда будет сделано дело.

Шульгин стал настолько серьезным, с такой нескрываемой нервностью замял мундштук папиросы, что Вадим, совершенно не собираясь *поггаваться*, мгновенно ему поверил. Бывает же так...

Главное, Александр Иванович психологически точно не стал напоминать о присяге и флигель-адъютантских аксельбантах. О другом сказал:

— Как же ты с Сергеем на эту тему будешь разбираться? Знал — и не помог...

— А вы меня не провоцируйте, — только и ответил Ляхов.

— Тебя? — искренне удивился Шульгин. — Знаешь, парень, если бы я с провокаций кормился, давно бы с годову сдох...

— Ну, черт с вами, господин Шульгин. Не думайте, что вы такой хитрый. И на вас найдется... А суть дела в чем?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Через Тель-Авив и Брест Ляхов возвратился в Москву. С Розенцвейгом они расстались во Внуковском аэропорту. Сначала собирались ехать вместе, но у самого выхода из терминала возник ниоткуда высокий лощеный поручик.

— Господин полковник, приказано встретить и проводить. В Кремль. К полковнику Неверову.

— Так вот и еще господин Розанов со мной. Подвезем?

— Приказано — только вас встретить...

Вадим очень удивился. Слишком уж категоричным был тон порученца. Однако — мало ли что.

— Простите, Львович, тут, наверное, дело неотложное. Рад бы был кофейком с вами побаловаться, но — сами видите.

Розенцвейг посмотрел на него со странным выражением лица. А Вадим и тогда ничего не понял.

Под мелким, нудным дождем прошел в сопровождении офицера к ожидавшей напротив скверика машине.

В кремлевском кабинете Тарханова ему сразу не понравилось. Сергей был мрачен и чем-то угнетен.

— Вернулся? Молодец. А мы тут без тебя Императора на Престол возвели...

— А и хрен бы с ним, — невежливо ответил Вадим. — Ты еще не генерал Свиты?

— Пока нет.

— Татьяна как?

— Спасибо, все в порядке. Твоя Майя — тоже.

Помолчали, в некоторой растерянности не зная, о чем еще говорить.

— Может, нальешь с дорожки? — спросил Ляхов.

— А, это — сейчас!

Достал из сейфа недопитую еще с того дня бутылку коньяка.

— Слушай, Серега, может, ты тещу похоронил, что за минор? — попытался неловко пошутить Вадим.

Тарханов как-то безнадежно махнул рукой. Нет, с ним правда было не то. Неужели Татьяна что-то все-таки выкинула?

— Ну, не хочешь говорить, и не надо. А уж у меня есть чего...

— Расскажешь...

До кабинета Чекушева ехать не пришлось. Он помещался здесь же, в Кремле, только в другом корпусе.

Длинными коридорами прошли до кабинета, кстати, гораздо более скромного, чем у Тарханова.

Без всяких задних мыслей Ляхов, по старой памяти,

широко улыбнулся генералу, шагнул навстречу, ожидая, что тот протянет ему руку. Приготовил слова, которыми начнет докладывать о результатах своей миссии.

Но и генерал выглядел так, будто последние сутки кормился только лимонами.

«Да неужели они совсем разучились владеть собой? — как-то отчужденно подумал Вадим. — Какие же они тогда, на хрен, профессионалы?»

— Извините, Вадим Петрович, — сказал Чекменев. — Это, может быть, даже и ошибка, но пока я должен вас арестовать. Пистолет сдайте.

Ляхов с удивительным даже для самого себя спокойствием обернулся на стоявшего за его спиной Тарханова.

Тот с непередаваемо мучительной гримасой на лице, которую он безуспешно пытался подавить, сделал едва заметный жест руками, который можно было истолковать примерно так: «Сейчас я совершенно ничего не могу сделать. А там посмотрим...»

Ляхов демонстративно, с этакой аристократической брезгливостью расстегнул ремень кителя. Кобура «Адлера» висела на нем тяжелая, внушающая уверенность. Секунда дела — сдернуть застежку, пистолет сам выпадет в руку. И что тогда?

— Подавись, подполковник, — в качестве высшего оскорбления бросил он в лицо Чекменеву его недавнее звание, а на стол — наградной израильский пистолет.

*Ставрополь.
2005 г.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	32
Глава третья	49
Глава четвертая	54
Глава пятая	78
Глава шестая	93
Глава седьмая	98
Глава восьмая	117
Глава девятая	138
Глава десятая	149
Глава одиннадцатая	171
Глава двенадцатая	185
Глава тринадцатая	194
Глава четырнадцатая	203
Глава пятнадцатая	220
Глава шестнадцатая	236
Глава семнадцатая	252
Глава восемнадцатая	270
Глава девятнадцатая	286
Глава двадцатая	295
Глава двадцать первая	320
Глава двадцать вторая	336
Глава двадцать третья	360
Глава двадцать четвертая	374
Глава двадцать пятая	386
Глава двадцать шестая	410
Глава двадцать седьмая	427
Глава двадцать восьмая	432
Глава двадцать девятая	443
Глава тридцатая	452
Глава тридцать первая	464
Глава тридцать вторая	475
Глава тридцать третья	485
Глава тридцать четвертая	505

Литературно-художественное издание

Звягинцев Василий Дмитриевич

ДАЛЬШЕ ФРОНТА

Ответственный редактор *В. Мельник*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Художник *С. Атрошенко*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *С. Кладов*

Корректор *Е. Самолетова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12

(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 18.08.2005.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 24,2.

Тираж 30 100 экз. Заказ № 727.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Издательство «Эксмо» представляет

**В
Ж**

Роджер

В СЕРИИ
«ОТЦЫ –
ОСНОВАТЕЛИ»

ЖЕЛЯЗНЫ

Роджер Желязны –
знаменитый американский писатель,
самый парадоксальный фантаст XX века,
мастер технифа, играющий людьми
и богами на шахматной доске
своего творчества.

www.eksmo.ru

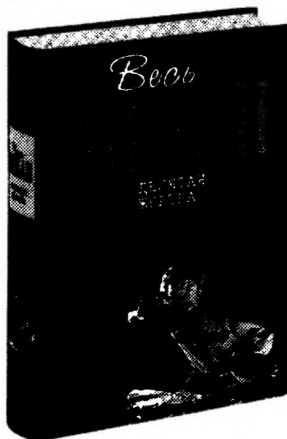
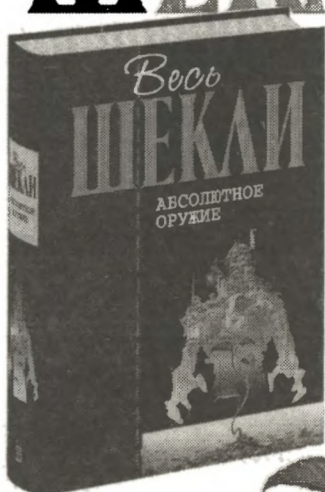
Также в серии: «Кладбище слонов», «Лорд Демон»,
«Маска Локи», «Остров мертвых»,
«Хроники Амбера» в 2-х томах, «Князь Света»,
«Дилвиш проклятый», «Двери в песке»

Р О Б Е Р Т

ШЕКЛИ

В СЕРИИ

«ОТЦЫ-
ОСНОВАТЕЛИ»

Все произведения
знаменитого
американского
писателя
Роберта Шекли
в 6 томах!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Цивилизация статуса»
«Лабиринт Минотавра»
«Обмен разумов»
«Белая смерть»

Издательство «Эксмо» представляет

Клиффорд

САЙМАК

ВС

В СЕРИИ

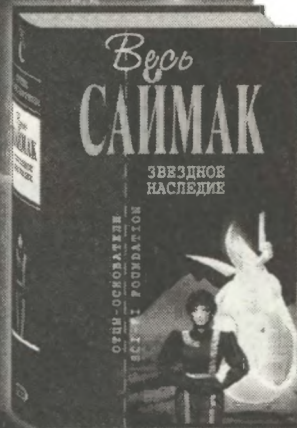
«ОТЦЫ –
ОСНОВАТЕЛИ»

Клиффорд Саймак –

патриарх научно-фантастического жанра,
один из крупнейших американских фантастов,
автор свыше тридцати романов,
лауреат многочисленных литературных премий,
в том числе и самой престижной
в американской фантастике
премии «Хьюго».

www.eksmo.ru

В серии «Отцы-основатели»
выйдет полное собрание сочинений К.Саймака!

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ДАЛЬШЕ ФРОНТА

Дороги товарищей по оружию Сергея Тарханова и Вадима Ляхова по возвращении с «того света» расходятся все больше и больше. Первый, как настоящий боевой офицер, остается убежденным сторонником монархии и служит не за страх, а за совесть. Второй, все больше чувствуя нереальность происходящего, волей-неволей оказывается в оппозиции к окружающему миру. Отыскать ответы на проклятые вопросы «что делать» и «кто виноват» Ляхову придется, такой уж он человек. Пока ясно одно: пешкой в чужой игре он не будет никогда, кто бы ни сидел за доской – Великий князь, Господь Бог или его загадочные порученцы, называющие себя «Андреевское братство».

ISBN 5-699-13057-8

9 785699 130573 >